

**Молодые востоковеды стран
Содружества Независимых Государств**

Молодые востоковеды стран Содружества Независимых Государств

Сборник статей

Учреждение Российской академии наук
Институт востоковедения
Совет молодых ученых ИВ РАН

Молодые востоковеды стран Содружества Независимых Государств

Сборник статей

Москва
2010

ББК
М 75

Редколлегия:
М.Х. Абусеитова, И.В. Зайцев,
В.В. Наумкин, К. Олимов, Р.А. Сафрастьян

Составители:
А.Д. Васильев, И.В. Зайцев, И.Х. Миняжетдинов

**М 75 Молодые востоковеды стран Содружества Независимых
Государств. Сборник статей. — М., ИВ РАН, 2010. — 280 с.**

ISBN

В августе 2010 г. в Душанбе (Таджикистан) при поддержке Межгосударственного Фонда гуманитарного сотрудничества стран-участников СНГ прошла Летняя Школа молодых востоковедов СНГ. На Школе был объявлен конкурс лучших статей молодых востоковедов стран Содружества. В сборник вошли лучшие работы по истории, политологии, экономике, филологии Востока, поступившие на конкурс статей молодых востоковедов стран СНГ.

ББК
ISBN

© МФГС, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Институт востоковедения РАН, 2010

Содержание

Актуальные проблемы экономики Китая

Анисько А.В. (Россия)

Китай: проблемы и перспективы развития топливно-энергетического комплекса7

Дудников Г.В. (Россия)

Способен ли Китай выстоять перед экономическим спадом?25

Манько А.А. (Россия)

Проблемы китайского экспорта в Россию. Транспорт и таможня33

Международные отношения в конце XX — XXI веке

Арутюнян Е.В. (Армения)

Сотрудничество Японии со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (1981–1991 гг.)44

Греков В.А. (Россия)

Зигзаги индийско-американских отношений46

Сиваков Е.А. (Россия)

Антитеррористический вектор японской дипломатии в XXI в.52

Старчак М. (Россия)

НАТО в обеспечении безопасности в Центральной Азии64

Цирулев Р.М. (Россия)

Япония и Центральная Америка: укрепление связей в начале XXI в.86

Экскурс в историю

Данилов А.В. (Россия)

Государственное устройство Китая в начале
правления династии Мин 96

Жукова Н.М. (Россия)

Кипр и политика сверхдержав во время
«холодной войны» 105

Мелконян К. (Армения)

Советско-турецкий территориальный конфликт
на заре холодной войны 117

Ностаева Е.В. (Россия)

История внешней политики Монголии. 1911–1915 гг.
(От провозглашения независимости до подписания
Кяхтинского договора)..... 119

Руденко Е.И. (Казахстан)

Проблемы взаимного восприятия в отношениях
Индии с государствами Центральной Азии 127

Рябинина И.А. (Россия)

Периодизация монголо-вьетнамского противостояния
во второй половине XIII вв. (1257–1294)..... 148

Шехов А. (Таджикистан)

Оценка восстания Хабибуллы Калакани в трудах
польских исследователей 186

Этносоциологические исследования: общины и диаспоры

Альпаутов Р.С. (Россия)

Формирование и современное состояние
турецкой общины в Германии 172

Гургулия Э.А. (Россия)

Диаспора: Толкование понятия на примере
становления черкесской диаспоры..... 179

Янова Д.Р. (Узбекистан)

История татарской диаспоры в Узбекистане
в XX веке 193

Слово о слове (филология и лингвистика)

Исмаилова З.И. (Россия)

Арабский язык и его влияние на развитие
аварского литературного языка.....207

Лейбович Б.Я. (Россия)

Несколько слов о творчестве израильского писателя
Меира Шалева227

Решетун-Беликова А.А. (Россия)

К вопросу о понятии «среднеарабского» языка.....240

Эмирова А. (Украина, Крым)

Песня о расстреле крымчаков.....250

Религия и общество

Азизов Р. (Таджикистан)

Генеалогия Абу Ханифы в «Та'рих Багдад»
Хатиба Багдади262

Скорик П.А. (Россия)

Религиозно-политические движения на ранней стадии
формирования исмаилизма в VIII–X вв.269

Актуальные проблемы экономики Китая

А.В. Анисько (Россия)

Китай: проблемы и перспективы развития топливно-энергетического комплекса

В течение последних 30 лет Китай демонстрирует весьма высокие темпы экономического развития, обусловившие быстрый рост потребления энергии, достигший (в пересчете на нефть) 2002,5 млн. т¹. По объему потребления первичных энергоресурсов Китай занимает 2-е место в мире², уступая лишь США. Потребление первичных энергоресурсов Китаем устойчиво растет и в 2008 г. составило 17,7% от мирового уровня. Этот показатель выше только у США — 20,4%³.

Доминирующую роль в структуре потребления энергоносителей в КНР играет уголь (70%)⁴, на котором работает большинство электростанций, что отрицательно сказывается на экологической обстановке в стране.

На долю нефти приходится около 21% в энергобалансе КНР⁵. Китай занимает 5-е место в мире по объему добычи нефти. Это говорит о большом значении нефти для развития национальной экономики, а также о том, что нефть является надежным средством включения Китая в мировое хозяйство. Однако при росте объемов добываемой нефти потребности в ней растут еще быстрее.

¹ Full report workbook 2008. British Petroleum statistical review. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview>

² Первичные энергетические ресурсы — ресурсы, имеющиеся в природе в исходной форме: нефть, газ, уголь, атомная и гидроэнергия, нетрадиционные источники энергии (энергия приливов и отливов, энергия ветра, солнечная энергия и др.).

³ Full report workbook 2008...

⁴ China's Energy Conditions and Policies 2007–12. China's National Development and Reform Commission report. P. 7. URL: <http://en.ndrc.gov.cn>

⁵ Ежегодный китайский статистический сборник. Пекин: Чайниз статистикс пресс, 2006. С. 261.

Природный газ занимает в энергобалансе Китая скромное место (2,9%)⁶, но ему отводится важная роль в решении энергетических проблем страны в обозримой перспективе. Китайская национальная нефтегазовая корпорация намерена активизировать поисково-разведочные работы с целью значительно увеличить показатели разведанных запасов газа. Но даже в этом случае собственной сырьевой базы Китая будет недостаточно для обеспечения быстрорастущих внутренних потребностей.

Таким образом, структура энергопотребления Китая отличается как от мировой, так и от азиатской тем, что в ней значительную долю составляет уголь. Второе место по энергопотреблению занимает нефть, 3-е место — гидроэнергия (5% в энергобалансе), 4-е место — природный газ⁷.

Национальная политика по самообеспечению энергией, проводимая китайскими властями в течение длительного времени, привела к тому, что количественные и структурные характеристики потребления энергоресурсов следовали сложившимся тенденциям производства энергоресурсов в стране.

Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что даже при прекращении импорта энергоносителей китайской экономике не грозит коллапс, как, например, экономике большинства европейских стран или Японии в сходной ситуации. Коэффициент самообеспечения Китая энергоносителями в 2007 г. достиг 90%⁸. Однако высокие темпы развития экономики, ускоряющийся процесс урбанизации, рост уровня жизни в обозримом будущем заставят КНР почувствовать острый недостаток в энергоресурсах. Уже сейчас из-за этого нарастает обеспокоенность китайских государственных энергетических компаний. Так, по прогнозам в 2020 г., КНР будет потреблять 4467 млн. т условного топлива (т у. т.), а в 2030 г. — 6260 млн. т у. т.⁹

Как Китай будет решать проблемы энергообеспечения? Каков потенциал его собственных ресурсов? С какими проблемами сталкивается страна в стремлении обеспечить себя энергоресурсами? Ответы на эти вопросы составляют предмет данной статьи.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Сообщения из торгпредств КНР за рубежом / Министерство торговли КНР. URL: <http://www.mofcom.gov.cn>

⁹ Акимов А.В. Глобальные продовольственная, энергетическая и демографическая проблемы и их влияние на долгосрочную стратегию России: Автореф. дис. д-ра эк. наук / Институт востоковедения РАН. М., 2005. С. 20.

Угольная промышленность

В течение 50 лет после образования КНР ее угольная промышленность развивалась высокими темпами. Особенно быстрое развитие она получила после реформ и начала политики «открытых дверей» в Китае. Добыча угля увеличилась с 616,5 млн. т в 1981 г. до 2536 млн. т в 2007 г., т.е. более чем в 4 раза¹⁰.

В структуре энергопотребления и добычи энергоресурсов уголь, как уже было сказано, доминирует на протяжении долгого времени. Энергетическое обеспечение народного хозяйства Китая и сегодня в высокой степени зависит от угля.

Китай обладает богатыми запасами угля. На конец 2007 г. доказанные запасы угля равнялись 114,5 млрд. т, что составило 13,5% от общего мирового значения (847,5 млрд. т). КНР занимает 3-е место в мире по запасам угля, уступая США (242,7 млрд. т) и России (157 млрд. т)¹¹. При ежегодной добыче в 1,9 млрд. т Китай может добывать уголь еще примерно 60 лет.

Запасы угля располагаются почти на всей территории Китая, но, главным образом, они концентрируются на севере и северо-западе страны. Доказанные разведанные запасы в провинциях Шаньси, Шэньси, во Внутренней Монголии составляют примерно 70% общих угольных запасов Китая, большие запасы имеются также в провинциях Аньхой, Гуйчжоу, в Нинся-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах.

Несмотря на то что Китай занимает 3-е место в мире по запасам угля, по добыче и потреблению он твердо стоит на 1-м месте, сильно опережая все остальные страны. Добыча угля в 2007 г. составила 2536,7 млн. т (41,1% мировой добычи угля), а потребление 2579,6 млн. т (41,3% мирового потребления угля)¹².

Таким образом, угольная промышленность является одной из ведущих в экономике КНР.

Опубликованные правительством КНР статистические данные показывают (табл. 1), что в текущем десятилетии основными тенденциями стали, с одной стороны, неуклонный рост добычи угля, а с другой — с 2004 г. отмечается снижение его экспорта.

¹⁰ Full report workbook 2008...

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

Таблица 1**Добыча и внешняя торговля каменным углем в КНР (млн. т)**

Показатель	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.
Добыча	998	1 455	1 992	2 382	2 536
Экспорт	55	84	87	63	53
Импорт	2	11	19	38	55*

* Оценка.

Источник: Салицкий А.И., Фисюков В.И. КНР-2007: цифры и сайты. Пособие для экономистов. М., 2008.

Китай отменил возврат налогов за экспорт угля и начал взимать экспортные пошлины в 5%. Все это отражает растущий внутренний спрос на уголь.

В Китае существует три типа шахт: 1) крупные государственные шахты, в своем большинстве считающиеся достаточно безопасными и обеспечивающие основную часть добычи угля в стране; 2) местные шахты, средние по размеру и принадлежащие местной власти; 3) частные шахты, наименее крупные по размеру, но со значительным объемом добычи (в 2006 г. малые шахты выдали на-гора немногим более 1 млрд. т угля).

Следует заметить, что множество частных шахт не имеют лицензии и часто пренебрегают правилами охраны труда. Так, например, 4,5 тыс. человек погибло в результате затоплений, пожаров, взрывов и других чрезвычайных происшествий на шахтах в 2005 г. Это принесло китайской угольной промышленности репутацию самой смертоносной. В целом на Китай ежегодно приходится более 70% жертв аварий на шахтах в мире. Основная причина большинства аварий — несоблюдение техники безопасности. Государству сложно следить за этим вследствие сильной раздробленности угольной промышленности. В 2006 г. насчитывались десятки тысяч мелких угледобывающих операторов. Для решения этих проблем правительство КНР осуществляет политику по модернизации и закрытию малых шахт. Национальная комиссия по развитию и реформам Китая предложила сократить к 2010 г. количество малых угольных шахт до 10 тыс. и снизить объем добычи угля на них до 700 млн. т в год. К концу 2007 г. все шахты, добывающие менее 30 тыс. т угля в год, были закрыты. Государственное управление безопасности работ прекратило давать разрешения на открытие новых угольных шахт с производительностью ниже 300 тыс. т в год¹³.

¹³ China Shenhua Energy Company Limited. Annual Report 2006. P. 62. URL: <http://www.csec.com/resources/upload/2009-08-28/20090828040030.29436.pdf>

Правительственным планом предусмотрено создание от 6 до 8 крупных угледобывающих объединений, способных выдавать на-гора более 100 млн. т в год. Этому критерию отвечает только одна компания — «Шэньхуа энерджи». Она является крупнейшим производителем угля в Китае с объемом добычи (на 2006 г.) 136,6 млн. т¹⁴. С повышением спроса на уголь растут и цены на него, и угольная промышленность стремительно развивается.

Представляется, что, несмотря на транспортные ограничения, снижение рентабельности производства угля, увеличение расходов на борьбу с загрязнением окружающей среды и необходимость выполнять обязательства по Киотскому протоколу, рост добычи и потребления угля будет наблюдаться и дальше, так как, по прогнозам, все развивающиеся страны, и особенно Китай, будут испытывать постоянный рост потребностей в энергетических ресурсах¹⁵. В силу доминирующего места угля в топливно-энергетическом комплексе, абсолютные показатели объемов его добычи и потребления будут увеличиваться, а поскольку потребление угля в Китае уже превышает его добычу, все больше и больше угля будет импортироваться. Однако доля угля в энергобалансе будет постепенно снижаться. Это станет результатом повышения эффективности использования топлива, оптимизации структуры энергопотребления, поощрения сокращения потребления угля, применения энергосберегающих технологий и закрытия значительного количества мелких шахт, а также замещения угля газом, развития в стране гидроэлектроэнергетики и атомной энергетики.

Наиболее вероятными тенденциями развития угольной промышленности Китая могут быть:

1. Улучшение инфраструктуры добычи и потребления угля, повышение степени безопасности добычи угля и эффективности его транспортировки. Разрабатываются проекты по сооружению вблизи крупных шахт электростанций, работающих на угле; проекты по газификации угля и выделению метана; проекты, облегчающие доставку угля (получение угольной пульпы для транспортировки по трубопроводам и др.).

2. Снижение доли угля во внутреннем потреблении, в особенности доли непосредственного сжигания угля, в связи с большими нагрузками на окружающую среду.

3. Более быстрое развитие технологии эффективного и экологического использования угля. С этой целью привлекаются иностранные инвесторы, например, компании «Бритиш петролеум», «Тексако»

¹⁴ Ibid. P. 2.

¹⁵ Акимов А.В. Указ. соч.

и «Верджин ойл». От иностранных фирм Китай заинтересован получать, главным образом, новые технологии, особенно с экологическим эффектом. Среди них — технологии по сжижению угля, его газификации, производству метана, получению угольной пульпы.

Нефтяная промышленность

В 2007 г. доказанные извлекаемые запасы нефти на территории Китая достигли 2,1 млрд. т, добыча нефти составила 186,7 млн. т, что больше на 1,6% по сравнению с 2006 г. Однако при росте добычи нефти в Китае ее потребление растет еще быстрее (табл. 2). В 2007 г. потребление нефти в КНР выросло на 4,1% по сравнению с 2006 г. и составило 368 млн. т.

Таблица 2

Добыча и потребление сырой нефти в КНР (млн. т)

Показатель	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Добыча	162,6	164,8	166,9	169,6	174,1	180,8	183,7	186,7
Потребление	223,6	227,9	247,4	271,7	318,9	327,8	353,3	368,0

Источник: Full report workbook 2008...

Данные табл. 2 говорят о том, что КНР испытывает сильную потребность в нефти, а собственной нефти стране явно не хватает. И, судя по тенденции роста потребления, в дальнейшем нехватка будет только увеличиваться. Динамика роста импорта нефти в КНР подтверждает эту тенденцию (табл. 3).

Таблица 3

Добыча и внешняя торговля сырой нефтью в КНР (млн. т)

Показатель	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.
Добыча	163	167	176	184	186
Экспорт	22	21	5	6	4
Импорт	97	103	123	145	163

Источник: Салицкий А.И., Фисюков В.И. Указ. соч.

Примечание. В табл. 2 и 3 используются данные из разных источников, поэтому возможны некоторые расхождения.

До середины 1990-х гг. Китай оставался нетто-экспортером нефти на мировой рынок. Однако, в связи с быстрым экономическим ростом в стране, внутренний спрос на нефть и нефтепродукты стремительно

увеличивался. Став в середине 1990-х гг. нетто-импортером, КНР постоянно увеличивала ввоз нефти и нефтепродуктов из-за рубежа. Рост импорта нефти и нефтепродуктов в страну в первую очередь связан с увеличением внутреннего спроса. Зависимость Китая от внешних поставок нефти достигла 46%¹⁶. Таким образом, наблюдается рост потребности в нефти, нехватка собственных ресурсов и увеличение импорта.

Собственные ресурсы нефти распределены по территории Китая крайне неравномерно. Нефть в основном добывается в северо-восточном, а также, пока в меньшей степени, в северо-западном регионах страны. В результате значительные объемы нефти и нефтепродуктов транспортируются в другие регионы. В экономически развитых районах восточного Китая, в центральной и южной прибрежной зоне спрос на нефтепродукты велик, а объемы добычи и переработки нефти недостаточны. Затруднена поставка нефти и нефтепродуктов в отдаленный юго-западный регион, где нет ни достаточных ресурсов нефти, ни удобной транспортной системы.

В последние годы обнадеживающие результаты по нефтяным месторождениям принесли геологоразведочные работы в Синьцзян-Уйгурском автономной районе (СУАР), который является главной нефтепроизводящей базой на северо-западе Китая — по итогам 2007 г., добыча нефти там составила 26,4 млн. т¹⁷. Параллельно с разработкой новых месторождений на западе Китай активизировал геологическую разведку на континентальном морском шельфе в южной части Бохайского залива, а также в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей.

Большее количество нефти в КНР добывается на суше. В то же время доля ее добычи на морских месторождениях быстро растет. 3 мая 2007 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация объявила об открытии месторождения нефти Наньпу в бассейне Бохайского залива с вероятными запасами категории РЗ 1,18 млрд. т¹⁸. К 2012 г.

¹⁶ Деловой мир, Russia–China. 2008. № 1. С. 4.

¹⁷ Синьцзян стал стратегическим нефтяным районом / Министерство коммерции КНР. 15.01.2008. URL: <http://www.mofcom.gov.cn>

¹⁸ Прогнозные ресурсы категории РЗ учитывают лишь потенциальную возможность открытия месторождений того или иного вида полезного ископаемого на основании благоприятных магматических, стратиграфических, литологических, тектонических и палеогеографических предпосылок, выявленных в оцениваемом районе при средне- и мелкомасштабном региональном геологическом изучении недр, дешифрировании космических снимков, а также при анализе результатов геофизических и геохимических исследований. Количественная оценка ресурсов этой категории производится без привязки к конкретным объектам по предположительным параметрам на основе аналогии с более изученными районами, площадями, бассейнами, где имеются разведанные месторождения того же генетического типа (Классификация запасов месторождений и прогнозных ресурсов твер-

там планируется добывать 10 млн. т нефти ежегодно. Это самое существенное открытие, которое Китай сделал почти за три десятилетия исследований¹⁹.

В Китае выделяют четыре нефтегазоносные зоны: восточную, западную, центральную и зону континентального шельфа. Восточная зона (площадью около 600 тыс. кв. км) продолжает оставаться главной базой добычи нефти. В настоящее время большое количество нефти добывается на пяти месторождениях северо-восточного побережья (Дацин, Шэнли, Ляохэ, Хуабэй и Даган), запасы которых значительно сократились. Большинство других месторождений на востоке страны находятся на стадии истощения извлекаемых запасов.

По данным Бюро статистики Синьцзян-Уйгурского автономного района, в 2008 г. добыча нефти и природного газа в СУАРе, который является крупнейшим в Китае регионом нефтегазового производства, продолжала расти. По сравнению с 2007 г. добыча нефти в 2008 г. возросла на 900 тыс. т — до 27,3 млн. т²⁰. В нефтеразведке большие успехи, помимо Таримского бассейна, были достигнуты в Джунгарской и Турфа-Хамийской впадинах, а также в других частях СУАРа. На территории Джунгарского бассейна (север СУАРа) осваивается одно из крупнейших китайских месторождений — Карамай, запасы которого оцениваются в 1,5 млрд. т нефти, а также месторождения Кайма и Шиси.

В результате западный Китай становится стратегически важной заменой истощающимся месторождениям углеводородного сырья востока страны. Также активно идут работы по освоению месторождений морского шельфа в Бохайском заливе в северо-западной части Желтого моря.

Поскольку нефтяные месторождения сильно рассредоточены по стране, проблема развития инфраструктуры остро стоит перед китайскими нефтяными корпорациями.

Показатель эффективности функционирования нефтяной промышленности — уровень издержек добычи барреля нефти. В Китае они выше, чем во всех основных нефтедобывающих странах. Необходимо отметить, что высокий уровень издержек — в значительной мере следствие тяжелых природно-географических условий на многих месторождениях КНР (прежде всего в труднодоступных районах на западе страны, а также на морском шельфе).

дых полезных ископаемых / Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых Министерства природных ресурсов РФ. М., 1997. URL: <http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow.asp?DocumID=119407&DocumType=4>

¹⁹ China National Petroleum Corporation Annual Report, 2007. P. 33. URL: <http://www.cnpc.com.cn/en/press/publications>

²⁰ Министерство коммерции КНР. URL: <http://www.mofcom.gov.cn>

Серьезной проблемой в Китае остается чрезмерно высокий уровень удельного потребления нефти и нефтепродуктов: потребление нефти на производство единицы ВВП в КНР сильно превышает показатели США и Японии. Это вызвано относительно низкой, по сравнению с лучшей мировой практикой, эффективностью использования углеводородного сырья и технической отсталостью оборудования. При этом в заблуждение не должны вводить низкие показатели энергоемкости ВВП Китая, полученные при расчете ВВП с использованием паритета покупательной способности валют и сравнимые в целом с показателями стран — членов ОЭСР. Дело в том, что в КНР такие показатели отражают все еще низкую энерговооруженность производства и домохозяйств, а в странах ОЭСР — высокую эффективность использования топлива и энергии. Этот факт подтверждается существенной разницей в показателях годового душевого потребления первичных энергоресурсов; в Китае потребление на душу населения в несколько раз меньше, чем в странах ОЭСР²¹. Таким образом, потенциал увеличения потребления энергоресурсов в Китае очень велик. Гипотетическое выравнивание энерговооруженности в Китае и странах ОЭСР вновь воспроизвело бы разрыв в энергоемкости национального производства, а также привело бы к резкому дефициту энергоносителей в стране.

Газовая промышленность

Наряду с нефтью другим видом углеводородного сырья, имеющим большое значение для развития народного хозяйства КНР, является природный газ. Потребление газа пока существенно ниже потребления угля или нефти, но его добыча быстро набирает обороты (табл. 4), и он считается очень перспективным видом топлива.

Таблица 4
Добыча газа в КНР (млрд. куб. м)

Показатель	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.
Добыча	27	33	41	59	68

Источник: Салицкий А.И., Фисюков В.И. Указ. соч.

Доказанные запасы газа в Китае в 2007 г. насчитывали 1,88 трлн. куб. м, что составило 1,1 % от мировых запасов²².

²¹ China's Energy Conditions and Policies 2007–12... P. 44.

²² Full report workbook 2008...

Наиболее крупные месторождения газа находятся в районе Таримского бассейна (СУАР), на Ордосском плато (провинция Шэньси, провинция Ганьсу, Нинся-Хуэйский автономный район и Внутренняя Монголия), в провинции Сычуань и в Цайдаме (провинция Цинхай).

В Китае ведутся активные геологоразведочные работы, благодаря чему сырьевая база газа растет. В настоящее время основными районами добычи газа в Китае являются западный и центральный районы (СУАР с Таримским, Джунгарским и Туханским бассейнами, Цайдамский и Ордосский бассейны), северо-восточный район (бассейн Сунляо и Бохайский залив), а также провинция Сычуань, шельф Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей.

В разработке находится более 80 газовых и нефтегазовых месторождений. Высокий коэффициент обеспеченности добычи природного газа его запасами свидетельствует о наличии явных резервов для наращивания производства данного вида углеводородного сырья.

Основными потребителями газа являются промышленность, локальное потребление на газовых месторождениях, электроэнергетический сектор. Самым большим потребителем является химическая промышленность, в которой около 90% газа идет на производство удобрений.

Потребление газа в стране в 2007 г. составило 67,3 млрд. куб. м. Это на 19,9% больше, чем в 2006 г. Суммарное потребление газа в Китае за 7 лет, с 2000 г. (24,5 млрд. куб. м) по 2007 г. выросло более чем в два с половиной раза²³.

Внутренний рынок природного газа имеет довольно высокий потенциал развития. Этому способствуют такие факторы, как низкая доля природного газа в структуре потребления энергоресурсов при больших его запасах, быстрый рост потребности в природном газе в промышленности и для бытовых нужд. При этом покупатель придает большое значение потребительским качествам газа, таким как мобильность и быстрота в использовании.

Максимальный рост потребления газа ожидается в основном в электроэнергетическом секторе, для которого газ за счет низкого выброса парниковых газов при его сжигании является очень привлекательным топливом.

Среди основных проблем, затрудняющих развитие газовой промышленности, китайские специалисты на первое место ставят географическую разбросанность сырьевых ресурсов и преобладание мелких по размеру месторождений. Большинство месторождений на-

²³ Ibid.

ходится на большом удалении от потенциальных рынков сбыта, имеет сложные условия добычи. До открытия газопровода Запад–Восток, из СУАРа в Шанхай, эксплуатация западных месторождений была невыгодна из-за высокой себестоимости продукции, большая часть которой приходилась на транспортировку. Но ситуация начала меняться после окончания строительства основного газопровода Запад–Восток (Тарим–Шанхай) и начала строительства второй линии газопровода Цзинбянь–Пекин от месторождения Чанцин в провинции Шэньси на границе с Внутренней Монголией. Сейчас основной проект вступил в эксплуатацию, и газ доходит до Шанхая, где находится основной рынок потребления газа в стране.

Китай стремится диверсифицировать свои закупки и зарубежные инвестиции в нефтегазовый сектор по региональному принципу путем уменьшения зависимости от нестабильного и контролируемого США Ближнего Востока и переориентации, в первую очередь, на такие страны-экспортеры углеводородного сырья, как Россия и Казахстан. Именно этим объясняется практически одновременное проявление интереса к проектам прокладки нефте- и газопроводов из России и Казахстана.

Обострение проблемы загрязнения окружающей среды и желание диверсифицировать импорт энергоисточников приводит к возрастанию в экономической политике, в том числе в энергетической сфере, роли газа, в рамках которой важное значение будет придаваться все более широкому использованию природного газа в балансе энергопотребления.

Прогнозируются значительные структурные изменения в потреблении природного газа в Китае. Если до сих пор основная доля потребления газа приходится на химическую промышленность, в частности на производство удобрений, то в будущем прогнозируется значительное увеличение доли электроэнергетического сектора в потреблении газа, а также сектора бытового использования газа. В то же время будет увеличиваться использование природного газа в таких областях, как производство цемента, стекла, керамики, текстиля и химических удобрений.

В соответствии с внутренними прогнозами Китай будет увеличивать добычу газа. Однако прогнозируемых объемов добычи газа будет недостаточно для удовлетворения ожидаемого спроса, что приведет к необходимости возрастающими темпами импортировать природный газ из внешних источников.

На сегодняшний день Китай рассматривает ряд потенциальных источников импорта трубопроводного природного газа, а также воз-

возможность импорта сжиженного природного газа (СПГ) для обеспечения береговых территорий юго-востока Китая. Был утвержден проект импорта СПГ, включающий строительство новой базы по приему СПГ, а также трубопровода в экономически благополучную юго-восточную провинцию Гуандун.

В то же время для расширения использования газа на остальной территории страны основное значение будет иметь сетевой газ. В этой связи российский трубопроводный газ Восточной Сибири и Сахалина имеет большие перспективы экспорта в Китай, вследствие потенциально крупной принимающей способности рынка, а также своей дешевизны по сравнению с импортом и транспортировкой СПГ от береговых районов вглубь Китая.

Таким образом, развитие энергетического сектора Китая тесно связано с перспективами экономического развития страны. Расширение использования природного газа в Китае позволит смягчить многие негативные тенденции, наметившиеся в последнее время в области энергопотребления и загрязнения окружающей среды, а также сможет сыграть позитивную роль в достижении социальной стабильности.

Атомная энергетика

Атомная энергетика в Китае пока занимает скромное место. Доля АЭС в балансе электроэнергии Китая составляет около 2%, что гораздо ниже среднего мирового показателя (17% от общего производства электроэнергии) и ниже доли АЭС в США²⁴. Выработка электроэнергии китайскими АЭС равнялась 68,4 млрд. кВт/ч (конец 2008 г.), что составило 2,5% от мировых показателей²⁵.

Энергетические ресурсы распределены по Китаю неравномерно. Уголь, нефть и газ добываются преимущественно в северной части КНР, гидроэнергетические ресурсы расположены главным образом на юге, а основной потребитель энергии — быстроразвивающиеся прибрежные районы — на востоке и юге страны. В связи с этим весьма перспективным источником электроэнергии, по мнению китайского правительства, становятся атомные электростанции, которые можно строить в непосредственной близости от центров потребления электроэнергии.

Первые шаги, предпринятые правительством КНР по развитию атомной энергетики, были сделаны еще в 1970 г. В декабре 1991 г.

²⁴ В США имеется 104 ядерных реактора, доля электроэнергии АЭС — 21% всего потребления электроэнергии.

²⁵ Full report workbook 2008...

в Китае впервые построили АЭС «Циньшань», используя национальную технику, и тем самым открыли эпоху атомной электроэнергетики. АЭС «Циньшань» была построена силами Китайской национальной ядерной корпорации. С начала 1990-х гг. Китай получает инвестиции и передовые технологии из России, Франции и США, которые построили 11 реакторов в провинциях Гуандун, Чжэцзян и Цзянсу, и соорудили 4 главные базы атомно-электрической энергии в Китае: Циньшань, Даявань, Тяньвань и Линьбао. Китай планирует построить новые ядерные блоки на быстро индустриализующемся участке побережья от северо-восточной провинции Ляонин до южной провинции Гуандун.

Правительство КНР планирует увеличить мощность АЭС до 40 ГВт к 2020 г. К этому времени атомные реакторы суммарной мощностью 18 ГВт должны находиться на стадии строительства, обеспечивая ежегодный средний прирост на 2 ГВт. В мае 2007 г. Национальная комиссия по развитию и реформам заявила, что ее цель — увеличить к 2020 г. мощность АЭС до 160 ГВт. В марте 2008 г. сформированное незадолго до этого Государственное бюро энергетике поставило цель увеличить долю АЭС в балансе электроэнергии Китая к 2020 г. до 5%, что потребует к этому времени роста мощностей, по крайней мере, до 50 ГВт. В июне 2008 г. Китайский совет по электроэнергетике запланировал увеличение суммарной мощности АЭС до 60 ГВт к 2020 г. В июле 2009 г. Государственный совет заявил о плане увеличить мощности атомных реакторов к 2020 г. до 86 ГВт и дополнительно иметь на стадии строительства ядерные блоки с суммарной мощностью 18 ГВт²⁶.

Национальная комиссия по развитию и реформам в 2007 г. заявила, что правительство заложило в бюджет 350 млрд. юаней (65 млрд. долл.) на строительство новых ядерных реакторов к 2020 г. Было выбрано 13 прибрежных районов для строительства новых мощностей величиной в 59,46 ГВт²⁷.

Подобные планы Китая вызывают интерес у мировых поставщиков оборудования для атомной энергетики, в том числе у таких гигантов, как французская группа «АРЕВА» (крупнейшая в мире атомная корпорация с товарооборотом около 13,5 млрд. долл.), «Вестингауз», «Митсубиси хэви индастрис» и российский «Атомстройэкспорт». Возможен также интерес со стороны атомного подразделения «Дженерал электрик». Французская «Алстом» и немецкая «Сименс» надеются получить контракты на производство турбин и поставку автоматизированных систем управления технологическим процессом.

²⁶ Nuclear Power in China / World Nuclear Association. P. 2. 05.10.2009. URL: <http://www.world-nuclear.org>

²⁷ Ibid. P. 12.

Уже сейчас в сотрудничестве с Россией строится Тяньваньская АЭС в Ляньюнгане (провинция Цзянсу). Это самый крупный российско-китайский проект в области атомной энергетики. В августе 2007 г. завершена первая очередь проекта, включавшая строительство двух атомных реакторов; они дали первый промышленный ток. Вторая очередь проекта включает строительство третьего и четвертого реакторов мощностью по 1000 МВт каждый²⁸.

Тем не менее потребности в энергии растут в КНР столь быстро, что даже в случае введения в эксплуатацию всех намеченных атомных энергоблоков, доля АЭС в общей энерговыработке достигнет всего лишь 5%. Это объясняется массивным строительством в КНР тепловых электростанций. Однако в Китае задумываются об ограничениях на использование на ТЭС высокосернистого угля, ответственного за появление смога и кислотных дождей, и видят в атомной энергии важную альтернативу. Поэтому правительство КНР настаивает на значительных уступках со стороны потенциальных продавцов, связанных с передачей ядерных «ноу-хау» китайским предприятиям. Китай планирует использовать опыт Японии, Южной Кореи, России, Франции для дальнейшего развития собственной атомной промышленности.

Гидроэнергетика

Китай располагает самым большим количеством гидроэнергетических ресурсов в мире. По некоторым оценкам, теоретические резервы этих ресурсов в КНР составляют 688 ГВт²⁹. В 2008 г. потребление гидроэнергии в Китае составило 585,2 ТВт/ч, или 18,5% мировой гидроэнергии³⁰.

В 2009 г. в Китае действовало 20 ГЭС мощностью более 1 ГВт. Самая крупная из действующих ГЭС — «Три ущелья» с мощностью 18,2 млн. кВт. Мощность второй по величине ГЭС — «Гэчжоуба» (провинция Хубей) — составляет 2,59 млн. кВт.

По запасам гидроэнергетических ресурсов, технически пригодных к освоению, первые три места в стране занимают провинция Сычуань, Тибетский автономный район и провинция Юньнань.

В 2008 г. общая мощность энергоблоков ГЭС в Китае достигла 172 ГВт. По этому показателю КНР сохраняет лидерство в мире.

²⁸ Важный шаг в развитии атомной промышленности Китая / Международное радио Китая. 26.01.2008. URL: <http://russian.cri.cn>

²⁹ Lu Youmei. Hydropower and Sustainable Development in China. URL: <http://www.chinawater.net.cn>

³⁰ Full report workbook 2008...

В настоящее время в Китае действуют 45 тыс. малых ГЭС, общая мощность энергоблоков которых достигла 51 ГВт. Выработка электричества на них превышает 160 млрд. кВт/ч в год. По этим показателям Китай вышел на 1-е место в мире³¹.

Масштабное строительство самой большой по установленной мощности плотины в мире началось в 1993 г. на р. Янцзы в провинции Хубэй. ГЭС «Три ущелья» имеет 26 отдельных генераторов мощностью 700 тыс. кВт каждый. Кроме того, строятся 6 гидроагрегатов дополнительной подземной ГЭС, вместе с которыми ГЭС «Три ущелья» сможет производить 22,4 ГВт электроэнергии. Она превзошла бразильскую ГЭС «Итайпу», считавшуюся самой мощной в мире (12,6 ГВт)³².

Для Китая этот проект имеет огромное значение. ГЭС «Три ущелья» является важным звеном в государственной программе объединения центральной энергосистемы с северной и восточной энергосистемами, и в дальнейшем эта ГЭС призвана стать центром единой энергетической системы Китая. Также работа ГЭС «Три ущелья» позволяет удовлетворять значительную часть годовых потребностей в электроэнергии.

На строительство ГЭС «Три ущелья» были направлены огромные финансовые средства, составившие 24 млрд. долл. Следует отметить, что в Китае тариф на электроэнергию включает строительную составляющую, которую оплачивают и обычные люди, и промышленность. Таким образом, все население Китая оплачивало этот масштабный проект. Кроме того, около 50% средств на строительство было выделено из госбюджета, а остальные расходы покрывались за счет кредитов. Управление проектом осуществлялось государственной компанией «Чайна Янцэ пауэр корпорэйшн», а строительством турбин занимались специалисты из Франции (компания «Алстом») и Германии (компания «Сименс»). Однако при возведении этой плотины имелись и свои «подводные камни». Во время осуществления проекта были вынуждены переселиться около 1,2 млн. человек, поскольку напорные сооружения ГЭС образовали крупное водохранилище, которое затопило 27,8 тыс. га обрабатываемых земель.

Китайское правительство в целом продолжает вести политику повсеместного развития гидроэнергетики. В 2010 г. общая установлен-

³¹ Китай лидирует в мире по общей мощности энергоблоков ГЭС. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6641870.html>

³² В 2009 г. установленная мощность всех гидроэлектростанций государственной компании «РусГидро», объединяющей большинство ГЭС России, составила 25,3 ГВт. URL: <http://www.rushydro.ru>

ная мощность гидроэлектростанций в Китае составила около 190 ГВт, а к 2020 г. этот показатель должен достичь 300 ГВт³³.

Тем не менее даже при масштабном сооружении больших и малых ГЭС Китай будет ощущать дефицит в электроэнергии. Электропотребление ежегодно растет на 7–9%³⁴. Поэтому КНР будет по-прежнему импортировать электроэнергию из-за рубежа, в том числе из России.

Перспективы развития топливно-энергетического комплекса Китая

В Китае имеются значительные возможности развития гидроэнергии и других возобновляемых источников энергии, использования ветровой, приливной и геотермальной энергии. Огромный потенциал имеет использование энергии океанских течений в прибрежных регионах и энергии ветра на севере и западе Китая.

В задачи 11-го пятилетнего плана КНР (2006–2010) входит реализация программы энергосбережения. Китайское правительство стремится максимально обеспечивать страну собственными энергоресурсами. Для этого предусмотрен целый ряд мер: повышение эффективности использования энергии, оптимизация структуры энергопотребления, усиление макроконтроля, регулирование рынка. При этом должен быть достигнут баланс между выработкой энергии, экономикой, обществом и окружающей средой³⁵.

В ближайшей перспективе производство и потребление угля в абсолютных цифрах будет увеличиваться, поскольку уголь является главным энергетическим ресурсом КНР, но его доля в энергобалансе страны будет сокращаться.

Нефть является одной из важнейших составляющих в преодолении нарастающей нехватки энергоносителей. Потребление нефти значительно превышает добычу, и ее импорт с каждым годом растет.

Газ будет играть все большую роль в энергообеспечении и в решении острых экологических проблем. Его доля в энергобалансе КНР будет неуклонно расти, поскольку потенциал увеличения его добычи и потребления очень велик, а отрицательное влияние на окружающую среду незначительно.

³³ Алексеева О. Китай заливает население электричеством. 27.11.2007. URL: <http://www.gazeta.ru>

³⁴ Там же.

³⁵ China's Energy Conditions and Policies 2007–12... P. 13.

Количество ГЭС и АЭС в Китае будет увеличиваться, но рост их доли в энергобалансе будет несущественным из-за быстрого увеличения доли ТЭС.

За последние годы КНР предприняла ряд важных шагов по решению энергетических проблем. Это строительство ГЭС «Санься» на реке Янцзы, строительство нефтепровода Атасу–Аланышоу из Казахстана в СУАР, строительство газопровода Запад–Восток из СУАРа в Шанхай. Китай проводит также диверсификацию поставок нефти. Так, помимо поставок с Ближнего Востока, наращиваются закупки нефти из стран Африки (Ангола, Нигерия, Судан), из Венесуэлы. Кроме того, усиливается сотрудничество в энергетической сфере с Казахстаном. Реализуется проект строительства ответвления российского нефтепровода Тайшет–Находка из Сковородина в Дацин. Пока российская нефть поставляется в Китай по железной дороге.

Частичным решением энергетических проблем КНР может стать разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений в СУАРе, в провинциях Ганьсу, Шэньси, Цинхай и Сычуань, в Нинся-Хуэйском автономном районе.

В целом Китай нацелен на укрепление энергетической безопасности и не допускает зависимости от одной страны-поставщика энергоресурсов, а также развивает производство и потребление всех видов энергоносителей.

КНР стремится уменьшить энергоемкость ВВП за счет развития сферы услуг³⁶, но рост потребления энергоресурсов остается очень высоким. В ближайшее время возникнет нехватка собственных энергоресурсов для обеспечения экономического роста. Это заставит Китай проводить более активную внешнеэкономическую политику в поисках новых поставщиков, что будет сопровождаться расширением сферы его влияния в Средней Азии, Тихоокеанском регионе, Африке и Южной Америке.

Библиография

1. Акимов А.В. Глобальные продовольственная, энергетическая и демографическая проблемы и их влияние на долгосрочную стратегию России: Автореф. дис. д-ра эк. наук / Институт востоковедения РАН. М., 2005.
2. Алексеева О. Китай заливают население электричеством. 27.11.2007. URL: <http://www.gazeta.ru>

³⁶ Ibid. P. 6.

3. Важный шаг в развитии атомной промышленности Китая / Международное радио Китая. 26.01.2008. URL: <http://russian.cri.cn>
4. Деловой мир, Russia–China. 2008. № 1.
5. Ежегодный китайский статистический сборник. Пекин: Чайниз статистикс пресс, 2006.
6. Китай лидирует в мире по общей мощности энергоблоков ГЭС. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6641870.html>
7. Классификация запасов месторождений и прогнозных ресурсов твердых полезных ископаемых / Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых Министерства природных ресурсов РФ. М., 1997. URL: <http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow.asp?DocumID=119407&DocumType=4>
8. Министерство коммерции КНР. URL: <http://www.mofcom.gov.cn>
9. Синьцзян стал стратегическим нефтяным районом / Министерство коммерции КНР. 15.01.2008. URL: <http://www.mofcom.gov.cn>
10. Сообщения из торгпредств КНР за рубежом / Министерство коммерции КНР. URL: <http://www.mofcom.gov.cn>
11. China National Petroleum Corporation Annual Report, 2007. URL: <http://www.cnpc.com.cn/en/press/publications>
12. China Shenhua Energy Company Limited. Annual Report 2006. URL: <http://www.csec.com//resources/upload/2009-08-28/20090828040030.29436.pdf>
13. China's Energy Conditions and Policies 2007–12. China's National Development and Reform Commission report. URL: <http://en.ndrc.gov.cn>
14. Full report workbook 2008. British Petroleum statistical review. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview>
15. Lu Youmei. Hydropower and Sustainable Development in China. URL: <http://www.chinawater.net.cn>
16. Nuclear Power in China / World Nuclear Association. 05.10.2009. URL: <http://www.world-nuclear.org>
17. URL: <http://www.rushydro.ru>

Способен ли Китай выстоять перед экономическим спадом?

Когда в 1978 г. Дэн Сяопин взял курс на проведение экономических реформ в Китае, западные экономисты утверждали, что «только капитализм способен спасти Китай». Ровно 30 лет спустя некоторые эксперты пришли к противоположному выводу: «только Китай способен спасти капитализм». Большинство богатейших стран мира столкнулись с рецессией, но Китай, третья экономика в мире, пытается устоять перед ней. Решение о вливании в экономику страны огромных средств — 4 трлн. юаней (чуть менее 600 млрд. долл.), озвученное 9 ноября 2008 г. правительством, было с одобрением принято в Китае и за рубежом. Куда пойдут средства, предоставляемые государством? Будет ли этого достаточно для поддержания устойчивого роста, который Китай показывал на протяжении трех десятилетий? Что еще Китай предпримет для обеспечения роста своей экономики? Вот те вопросы, на которые мы попытаемся ответить в этой статье.

С момента начала реформ доля ВВП Китая в общем объеме мировой экономики возросла с 1% в 1978 г. до 5% в 2007 г. В мировом внешнеторговом обороте доля Китая выросла с 1% до 8%. На сегодняшний день на Китай приходится 10% прироста мировой экономики и более 12% прироста мировой торговли¹. Таким образом, Китай стал одним из лидеров мировой экономики и торговли.

Однако достигнув среднего прироста в 10% в год за последние 5 лет, китайская экономика стала замедляться. ВВП упал до 9,9% в год к третьему кварталу 2008 г., тогда как в 2007 г. он был 11,9%. Конечно, эта цифра все равно выглядит впечатляюще, однако другие показатели говорят о том, что трудные времена для Китая только наступят. Строительство, спрос на сталь, потребление электричества, продажи автомобилей, воздушные перевозки — все эти показатели стремительно падают в последние месяцы. Промышленное производство выросло только на 8,2% за октябрь 2008 г. — в два раза меньше, нежели за тот же промежуток времени в 2007 г., и это худший показатель за последние семь лет. Рынок акций упал на 70% по сравнению с пиком в конце 2007 г.

¹ Все оценки — по официальным данным, которые, по мнению многих специалистов, ниже фактических.

Продажи недвижимости так же упали на 40–50% по сравнению с тем же показателем в прошлом году².

Но самый чувствительный удар был нанесен по экспорту Китая. Замедление темпов роста глобальной экономики, и, самое главное, темпов экономического развития основных торговых партнеров Китая негативно повлияли на экспорт КНР и на сегменты индустрии, зависящие от иностранных инвестиций. Согласно данным Главного таможенного управления КНР, объем экспорта Китая в январе–октябре текущего года составил 1 трлн. 202,33 млрд. долл. США, темпы роста оказались на 4,6% ниже показателя того же периода 2007 г. Прирост ВВП КНР с января по сентябрь 2008 г. составил 9,9%, что на 2,3% ниже аналогичного показателя 2007 г.

В ноябре 2009 г. эксперты Всемирного Банка прогнозировали, что темпы роста китайской экономики составят 7,5% в 2009 г. Китайские экономисты более оптимистичны: 2 декабря Академия Социальных Наук Китая опубликовала «Доклад о развитии энергетики Китая» (так называемую «Голубую книгу») на 2009 г., где отмечено, что прирост ВВП Китая в 2008 г. составит 9,8%, и 9,3% в следующем году.

Спад в китайской экономике только частично вызван общемировым спадом. Существует ряд причин местного характера — от монетарной политики, сдерживающей инфляцию, до перегретости рынка недвижимости. Не стоит забывать также и новый трудовой кодекс, заставивший многих предпринимателей пересмотреть свои планы найма, а также усложненный порядок въезда в страну, действовавший с апреля по октябрь 2008 г.

Больше всего пострадала провинция Гуандун, расположенная на юге Китая. Тысячи фирм, производивших обувь, игрушки и одежду, вынуждены были закрыться в конце 2008 г. частично из-за нового трудового кодекса, поднявшего издержки на зарплаты, частично из-за падения экспортных продаж. Китайские средства массовой информации отпортовали, что половина производителей игрушек и треть производителей обуви закрылись к концу 2008 г. Такие показатели выглядят пугающе, однако стоит упомянуть, что на эти две отрасли приходится только 5% всего китайского экспорта. Экспорт тяжелого и транспортного оборудования (более половины всего экспорта), напротив, продолжает расти — его рост составляет 20% в количественном отношении.

Кроме того, большинство малых предприятий в Гуандуне закрываются в первый же год своей жизни в результате либо банкротств, либо слияния с более крупными конкурентами. Часть предприятий

² Domino or dynamo? // The Economist. 2008. 9 Oct.

переходит в более дешевые для производства районы страны. В целом необходимо отметить, что проблемы, с которыми столкнулись предприятия в дешевых отраслях, таких, как производство игрушек и обуви, частично отражают успех Китая в переходе к более дорогим сферам производства, что, в свою очередь, подняло зарплаты.

Влияние ипотечного кризиса в Америке на частные фирмы и физических лиц в КНР незначительное. Тем не менее основной отток капитала приходится на правительство КНР, а также на связанные с ним институты, корпорации и банки. Основным источником капитала являются золотовалютные резервы КНР, которые на сентябрь 2008 г. достигли 1,9 трлн. долл. США. Львиная доля китайского капитала инвестирована в американские казначейские векселя и ценные бумаги таких агентств, как Fannie Mae, Freddie Mac. По некоторым оценкам, на июнь 2008 г. Китай держал приблизительно 448 млрд. долл. США в облигациях этих агентств, что составляет приблизительно 34% всех золотовалютных резервов страны. С началом краха двух компаний китайские банки начали продавать свои облигации. Банк Китая, четвертый по величине коммерческий банк КНР, сократил свой портфель ценных бумаг Fannie Mae и Freddie Mac на четверть начиная с конца июня. На конец июля Китайский Строительный Банк сократил свои вклады в ценные бумаги Fannie Mae и Freddie Mac на 2 млрд. долл. США. Банк Коммуникации Китая в начале июля продал все свои вложения в Fannie Mae и Freddie Mac³.

Одним из источников оптимизма в Китае сегодня является сектор розничных продаж, который вырос на 17% к октябрю 2009 г. по сравнению с прошлым годом. Некоторые секторы, такие как продажа мебели и бытовой техники, замедлили рост на фоне кризиса недвижимости, но общие затраты населения возросли благодаря росту доходов и малому числу долгов. За последний год доходы населения возросли на 10% в городе и на 14% в деревне. Падение стоимости недвижимости повлияет на китайских потребителей намного меньше, нежели на американских, так как китайцы не зажаты в тиски больших долгов: общие потребительские заимствования (включая ипотеку) равны только 13% ВВП страны, против 100% в Америке. Следует отметить также, что во время потребительского бума в США можно было взять ипотеку на 100% от стоимости дома или даже больше, в то время как китайцы должны были внести как минимум 30-процентный депозит⁴.

На сегодняшний день, по предварительным подсчетам специалистов, такие источники доходов, как экспорт товаров, бизнес инвести-

³ China central bank may need government bailout // MarketWatch. 2008. 5 Sep.

⁴ China's economy: Domino or dynamo? // The Economist. 2008. 12 Oct.

ции, строительство и потребление без учета поддержки государством вместе обеспечат прирост экономики на 6% в 2009 г. — это самый низкий показатель за последние два десятилетия (на 1,5% меньше предсказанного Всемирным Банком в ноябре прошлого года). Большинство стран мира были бы рады такому показателю, однако для Китая это может стать серьезной проблемой, ведь для одного только обеспечения занятостью миллионов сельских жителей, перебравшихся в город, экономике этой страны нужно расти на 8% в год, любой меньший уровень вызовет рост безработицы и социальное недовольство.

Именно поэтому государство должно вмешаться в экономическую жизнь страны. В ноябре правительство озвучило ряд мер, направленных на поддержание внутреннего спроса. Народный Банк Китая уменьшил процентную ставку в три раза и ослабил довольно строгие правила выдачи кредитов. Кроме того, были озвучены меры по поддержанию уровня покупок недвижимости: размер минимального депозита для ипотеки уменьшился с 30 до 20%, процентные ставки по ипотеке также уменьшились⁵. Однако, самая главная мера по повышению экономического роста — обильные инвестиции, в том числе вливания в строительство недвижимости и инфраструктуры.

Проект по спасению экономики стоимостью в 4 трлн. юаней, представленный Госсоветом КНР, будет реализован в течение ближайших двух лет. Он равен 14% ВВП страны за 2008 г. (по предварительным подсчетам) и в долларовом выражении в 4 раза больше, нежели план Полсона, принятый американским правительством. Основными сферами обильных вливаний средств станут: строительство дешевой недвижимости, инфраструктурные проекты (прокладка дорог, шоссе; строительство аэропортов; возведение энергетических систем); восстановление объектов, разрушенных землетрясением весной 2008 г., а также увеличение расходов на здравоохранение и обучение. Кроме того, будет проведена реформа НДС, теперь фирмам позволят уменьшать покупку основных активов, уменьшая налоговые пошлины приблизительно на 120 млрд. юаней (4% от доходов предприятий в 2007 г.). Ранее Правительство Китая уже приняло меры, направленные на стабилизацию фондового рынка. Так, для укрепления внутреннего рынка ценных бумаг Госсовет Китая, по согласованию с Минфином КНР и Госуправлением по налогам, постановил обнулить с 19 сентября 2008 г. госпошлину на покупку ценных бумаг (ранее, 24 апреля, правительство Китая уже снижало пошлину с 0,3% до 0,1%

⁵ China's flagging economy: Strong as an ox? // The Economist. 2009. 24 Jan.

от стоимости сделок)⁶. Все эти меры помогут компаниям увеличить свои основные активы. Кроме того, государство планирует стимулировать доходы крестьян, увеличив минимальную закупочную стоимость зерна и размеры субсидий фермерам.

Основная проблема, однако, заключается в том, что до сих пор непонятно, как именно будут потрачены эти деньги. Известны случаи, когда местные администрации тратили средства на строительство фешенебельных отелей и дорогих бизнес-центров, а также когда государственные заказы и контракты отдавались фирмам, возглавляемым родственниками крупных чиновников. Центральная комиссия КПК по дисциплинарному надзору уже заявила, что приложит все силы для предотвращения коррупционных и других преступлений. Однако, учитывая масштабы программы, можно предположить, что сделать это будет трудно.

Складывается впечатление, что государственные власти принимали эти меры под воздействием паники от происходящих событий, до конца не просчитав все возможные варианты развития ситуации; свойственная китайцам привычка тщательно взвешивать последствия от предпринимаемых шагов в этот раз проявилась не в полной мере. В действительности не все вливания пойдут из государственного бюджета. Большую часть расходов понесут местные правительства и государственные предприятия — финансирование будет осуществляться из местной казны, корпоративных фондов или же за счет банковских кредитов. Согласно информации, опубликованной Министерством финансов КНР, на финансирование программы из центрального бюджета будет выделено лишь 1,18 трлн. юаней, а остальные средства (2,82 трлн. юаней) предоставят локальные правительства и корпорации⁷.

Основной посыл данного пакета мер — государство пойдет на любой шаг для поддержания экономического прироста минимум на 8% в год. Чем дольше продлится спад, тем больше будет этот пакет. Сам этот факт намного важнее размера Ноябрьского пакета: он позволяет поддерживать уверенность бизнесменов и хозяйств, стимулирует приток инвестиций.

Некоторые специалисты критикуют этот пакет мер за слишком большой размер инвестиций, говоря, что было бы намного правильной стимулировать потребление снижением налогов на доход. Однако

⁶ Егикян Седа. Финансовый кризис в Китае отдает сталью // Коммерсантъ. 02.10.2008. № 178(3995).

⁷ Вэнь Цзябао: новые правительственные инвестиции в размере 1,18 трлн. юаней направлены на обеспечение народной жизни и техническое преобразование. Китайский информационный Интернет-центр // http://russian.china.org.cn/china/archive/lianghui-09/2009-03/13/content_17435626.htm

в странах вроде Китая, где традиционно велик процент накоплений и сбережений, очень сложно заставить население тратить свои доходы. Именно поэтому инвестиции в инфраструктуру будут намного более полезными, нежели сокращение налогов, доходы от которых, скорее всего, будут отложены в сбережения, а не возвращены обратно в экономику. Расходы на инфраструктуру в развивающихся экономиках являются намного менее растратными и способны принести большую отдачу, нежели в таких развитых странах, как, например, Япония, в которой инфраструктура отстраивалась на протяжении всех 1990-х гг. для поддержания экономики на плаву. Современному Китаю просто необходимы новые мосты, дороги и энергетические системы.

Как бы то ни было, по сравнению с мерами, предпринимаемыми Китаем до осени 2008 г., новый проект включает ряд действительно новых и актуальных шагов, например — увеличение доходов фермеров и малоимущих хозяйств. Увеличенные расходы на здравоохранение и обучение также должны уменьшить волнение населения по поводу того, как оплачивать эти услуги, и принуждать их сберегать меньше и тратить больше.

Одной из важнейших тем становится сегодня политика китайского правительства по отношению к национальной валюте. В предыдущие годы китайское правительство намеренно занижало обменный курс юаня для стимуляции своего экспорта и увеличения своих золотовалютных резервов. В результате в 2007 г. положительное сальдо торгового баланса КНР достигло 316 млрд. долл. США, а золотовалютные резервы, как уже было отмечено выше, достигли 1,9 трлн. долл. США. Однако дешевый юань привел не только к буму китайского экспорта, но и к повышению уровня инфляции в КНР.

В первые семь месяцев 2008 г. юань непрерывно укреплялся по отношению к доллару и к августу вырос на 7%. Но укрепление юаня по отношению к доллару ограничивает объемы китайского экспорта, делая его дороже, в трудное для китайской экономики время, а также приводит к увеличению притока в Китай так называемых горячих денег, которые вкладываются зарубежными инвесторами с надеждой на стабильный рост обменного курса юаня, что также подстегивает рост инфляции в стране⁸.

Сложность проблемы заключается еще и в том, что укрепление доллара по отношению к евро на 20% за последние два месяца 2008 г. автоматически привело к укреплению юаня. К тому же пространство для маневра руководства КНР значительно сужается с учетом традици-

⁸ Мадиев Ерлан. Третий кризис китайской экономики // Время Востока. Институт стратегического анализа и прогноза. 11.01.2009.

онного давления Вашингтона на Пекин с требованиями повысить обменный курс юаня по отношению к доллару.

Однако Китай по прежнему имеет перед другими странами очень серьезное преимущество. Если необходимо, управляемая государством банковская система может принудить банки увеличивать займы для предприятий. Это позволит поднять уровень долгосрочного доверия и уверенности относительно качества будущих активов банков, в краткосрочной перспективе это поможет предприятиям брать займы. Важность этого хода заключается в том, что таким образом может произойти скачок в развитии экономики, ведь банковские займы — локомотив развития экономики.

В долгосрочной перспективе главная задача китайского правительства — сделать все необходимое для роста внутреннего потребления и предотвратить дальнейшую рецессию. Ноябрьский пакет позволит справиться с первой задачей, что должно впоследствии помочь успешно завершить выполнение второй.

* * *

Главный урок сегодняшнего финансового кризиса, охватившего весь развитый мир, — чем более «капиталистической» является экономика, тем больше проблем она испытает во время неизбежного падения. Опыт Китая показывает, что чем лучше государство управляет экономикой, тем больше у него шансов восстановиться после подобных спадов. Государственным предприятиям, на которые приходится треть производства всех предприятий в Китае и более половины всех инвестиций, предписано сохранять рабочие места и не «резать» капитальные расходы. Все крупные банки принадлежат государству, и их главы назначаются также государством; достаточно одного сигнального звонка, и банки будут выдавать больше кредитов под меньшие проценты.

С момента принятия Ноябрьского пакета правительство Китая приняло также ряд новых мер, направленных на поддержку экономики. 21 января 2008 г. оно объявило о дополнительных расходах в 850 млрд. юаней на нужды здравоохранения, проект рассчитан на три года. С февраля сельским жителям будут дополнительно возвращать 13% от покупок таких товаров, как холодильники, телевизоры, стиральные машины. Процентные ставки банков будут также снижены.

Вполне возможно, что официальный рост ВВП является, прежде всего, призывом экономике продолжать развиваться. Именно поэтому власти страны пойдут на все, чтобы не допустить долгой рецессии, которая может привести к массовым социальным волнениям.

Библиография

1. Мадиев, Ерлан. Третий кризис китайской экономики // Время Востока. Институт стратегического анализа и прогноза. 11.01.2009.
2. Егикян, Седа. Финансовый кризис в Китае отдает сталью // Коммерсантъ. 02.10.2008. № 178 (3995).
3. Вэнь Цзябао: новые правительственные инвестиции в размере 1.18 трлн. юаней направлены на обеспечение народной жизни и техническое преобразование. Китайский информационный Интернет-центр // http://russian.china.org.cn/china/archive/lianghui-09/2009-03/13/content_17435626.htm.
4. China central bank may need government bailout // Market Watch. 2008. 5 Sept.
5. China's economy: Domino or dynamo? // The Economist. 2008. 12 Oct.
6. China's flagging economy: Strong as an ox? // The Economist. 2009. 24 Jan.

Проблемы китайского экспорта в Россию. Транспорт и таможня

В последние годы в двусторонних торгово-экономических связях России и КНР наблюдается беспрецедентный подъем, который выражается в высоких темпах роста товарооборота, расширении инвестиционного сотрудничества, дальнейшей активизации межрегиональных и приграничных связей, заметном усилении интереса российских и китайских деловых кругов к взаимному сотрудничеству. Китай играет важную роль во внешнеэкономических связях России — занимает четвертую строчку в списке крупнейших торговых партнеров России и первое место среди торговых партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹.

Торгово-экономические отношения между Россией и КНР многогранны и сложны. При проведении анализа развития отношений в сфере торговли и логистики необходимо затронуть ряд вопросов, касающихся законности торгово-экономических сделок, работы таможенных и транспортных компаний, что особенно важно в контексте выявления ряда проблем, связанных с импортом товаров из КНР, в том числе развития торгово-экономических отношений между двумя странами, оптимизации самого процесса импорта и работы таможенных органов, обеспечения правовой базы и законности проведения сделок.

К сожалению, на развитии двусторонних отношений негативно сказывается деятельность, направленная на нелегальный ввоз товаров — контрабанда, а также ввоз фальсификата² и контрафактной (нелегальной) продукции, т.е. произведенной с нарушением авторских и смежных прав интеллектуальной или иной собственности. С каждым годом объемы поставляемой Китаем в Россию продукции увеличиваются. В 2008 г. товарооборот России и КНР вырос на 38,7%

¹ Официальный сайт торгового представительства РФ в КНР. <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation>

² Поддельный продукт, например — поддельное виноградное вино, варенье с сахарином и патокой вместо чистого сахара, краска в конфетах вместо натурального цвета фруктового сока и т.д.

по сравнению с 2007 г. и превысил 55 млрд. долл.³. При этом в официальную статистику не входят денежные средства, полученные незаконным путем.

Летом 2008 г. Российская таможня проводила мероприятия по задержанию автотранспортных средств, перевозящих товары народного потребления из Китая в Россию. Эти задержания были связаны с проведением Российской таможней операций по выявлению недобросовестных импортеров, ввозивших товар контрабандно или путем недостоверного декларирования. При этом, во время проведения данных мероприятий и по их завершении, на территории КНР наблюдалась паника на рынке грузоперевозок. Многие фирмы прекратили свою деятельность. В то же время компании, которые законно возили грузы и не прибегали к недостоверному декларированию, ощутили сильный приток клиентов.

За 2008 г. Уссурийской таможней перечислено в федеральный бюджет 9 млрд. 530 млн. рублей⁴. Годовое контрольное задание по перечислению таможенных платежей в федеральный бюджет выполнено на 105,7%. Это результат целенаправленной работы таможни по обеспечению достоверного декларирования, осуществления контроля таможенной стоимости, применения системы управления рисками, использованию форм контроля после выпуска товара (постаудита⁵) в сочетании с правоохранительной деятельностью. Внешнеторговый оборот в 2008 г. увеличился по сравнению с 2007 г. Товарооборот по стоимости увеличился на 3%, по сумме начисленных таможенных платежей на 8%, по объему снизился на 1%. Экспорт составил 32% от общего объема товарооборота по стоимости, импорт — 68%. В 2007 г. 40% занимал экспорт и 60% импорт⁶. Основные товары, импортируемые из Китая: обувь, хозяйственные товары, овощи и фрукты, стройматериалы.

В течение 2008 г. Уссурийской таможней было оформлено 25 738 грузовых таможенных деклараций, в том числе 9 978 экспортных и 15 760 импортных. В сравнении с 2007 годом произошло увеличение общего количества грузовых таможенных деклараций на 11% (23208)⁷.

Через три автомобильных пункта пропуска, размещенных на российско-китайских участках государственной границы — Полтав-

³ Мировой кризис привел к резкому сокращению товарооборота РФ и КНР // РИА Новости. http://rian.ru/crisis_news/20090326/166060321.html

⁴ На 572 млн. рублей больше чем в 2007 г.

⁵ Оценка инвестиционного проекта после начала его осуществления.

⁶ Информация получена с таможенного портала: www.tks.ru

⁷ www.tks.ru/news/nearby/2009/01/19/0012

ка, Турий Рог и Марково, в обоих направлениях в 2008 г. перемещено грузов объемом более 341 тыс. т. Пассажиропоток составил более 978 тыс. человек. Сборы таможенных платежей за товары, перемещаемые через таможенную границу физическими лицами для личного пользования с применением таможенного приходного ордера⁸, в 2008 г. составили 34 млн. 738 тыс. рублей⁹.

Также на таможне расширялась сфера применения предварительного декларирования, электронного декларирования и совершенствовалась система управления рисками¹⁰, которые способствовали тому, что 99,9% ГТД оформлялись в предусмотренные таможенным кодексом три дня, в том числе 98,6% — в течение одного дня. В 2008 г. было оформлено 464 грузовых таможенных деклараций в электронном виде.

Применение системы управления рисками¹¹ позволило минимизировать общее количество таможенных досмотров и повысить эффективность их проведения. За 2008 г. из 15675 оформленных импортных таможенных партий товаров 2340 партий попали под действие профилей рисков, что составило 14,9%, в отношении которых проведено 966 досмотров, эффективность которых составила 19,8%¹².

Использование современных и высокотехнологичных средств может заметно улучшить качество работы. За период апрель–декабрь 2008 г. с использованием мобильного инспекционно-досмотрового комплекса¹³ было осмотрено 4030 транспортных средств, по результатам осмотра в 49 случаях было принято решение о проведении таможенного досмотра. Эффективность проведенных таможенных досмотров составила 93,9%¹⁴.

Анализ и контроль таможенной стоимости товаров, осуществляемые в течение 2008 г., позволили дополнительно доначислить и довы-

⁸ Документ, содержащий расчет размера обеспечения и подтверждающий внесение обеспечения уплаты таможенных платежей в виде банковской гарантии, договора залога или поручительства.

⁹ www.tks.ru/news/nearby/2009/01/19/0012

¹⁰ Согласно Таможенному законодательству РФ, риск — вероятность несоблюдения таможенного законодательства Российской Федерации.

¹¹ Концепция системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации // Приказ ГТК РФ № 1069 от 26.09.2003 — см. таможенный портал: <http://www.tks.ru/news/law/2003/10/06/0007>

¹² Статистические материалы Уссурийской таможни. См. таможенный портал: www.tks.ru

¹³ Предназначен для ускоренного досмотра контейнеров (находящихся на транспортном средстве) и большегрузных автомобилей с целью идентификации находящихся в них различных грузов на соответствие товаросопроводительным документам, обнаружения нелегальных мигрантов и контрабанды, наркотиков, оружия, других опасных и запрещенных для перевозки предметов.

¹⁴ Статистические материалы Уссурийской таможни. См. таможенный портал: www.tks.ru

скасть таможенных платежей на общую сумму в 158 млн. руб., произведе-
ды при этом 8 983 корректировки таможенной стоимости, что по сумме
и количеству корректировок больше, чем в 2007 г. (8 700 корректиро-
вок таможенной стоимости на сумму 134,5 млн. руб.)¹⁵.

Количество инспекционных проверок после выпуска товаров
в 2008 г. составило 93 проверочных мероприятия, по результатам ко-
торых было доначислено таможенных платежей и штрафных санкций
на сумму 8 млн. 846 тыс. рублей и взыскано в сумме 4 млн. 843 тыс. ру-
блей¹⁶.

В результате активизации борьбы с нарушениями законно-
сти в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности
в 2008 г. выявлено 52 случая незаконного перемещения через тамо-
женную границу товаров, обладающих признаками контрафакта. В ре-
зультате было задержано в общей сложности 392 тыс. 144 единицы
контрафактной продукции (в 2007 г. — 24 случая и 136 тыс. 256 еди-
ниц контрафактной продукции, рост составил 2,2 и 2,9 раза). Из числа
выявленных единиц контрафактной продукции судами признано кон-
трафактными 57416 единиц контрафактной продукции, что составляет
114,8% от контрольного значения¹⁷.

В 2008 г. таможей возбуждено 653 дела об административ-
ных правонарушениях (АП). Суммы наложенных штрафных санк-
ций и конфискации в этом году возросли более чем в 3 раза и соста-
вили 76 млн. 142 тыс. руб. и 116 млн. 542 тыс. руб. соответственно,
в 2007 г. — 23 млн. 721 тыс. руб. и 36 млн. 178 тыс. руб. соответствен-
но. Основными предметами административных правонарушений вы-
ступали: товары народного потребления, овощи и фрукты, лесомате-
риалы, спиртосодержащая жидкость (водка), продукты питания,
лекарственные препараты и сильнодействующие вещества¹⁸.

Количество возбужденных в 2008 г. уголовных дел возросло более
чем в 4 раза и составило 37 дел. Стоимость товаров, незаконно пере-
мещенных через таможенную границу Российской Федерации, возрос-
ла на 18% и составила 79 млн. 852 тыс. руб. Преступными объектами
были: товары народного потребления, лом драгоценных металлов (се-
ребро, платина, тантал), денежные средства, лесоматериалы, бумаж-
ные упаковочные мешки, лом металла (меди), корень дикорастущего
женьшеня¹⁹.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Итоги работы Уссурийской таможни за 2008 г. См. таможенный портал: www.tks.ru

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Каждый вложенный в развитие таможни рубль дал в 2008 г. отдачу в 34,8 рублей. В течение прошедшего года каждый уссурийский таможенник перечислил в казну государства 26,4 млн. рублей²⁰.

Данная статистика дает достаточно подробно представление об объемах ввозимых на территорию Российской Федерации товаров из Китая. Но необходимо учитывать, что китайская продукция ввозится не только по законным схемам, когда в полном объеме и добросовестно товары декларируются в государственных таможенных декларациях. Немало грузов ввозится по так называемым «серым» схемам. При использовании этих схем таможенные платежи путем различных ухищрений значительно занижаются. От «черных» схем «серые» отличаются тем, что товар декларируется, но с занижением его, товара, стоимости либо меняется наименование ввозимого груза, в то время как «черный» товар не декларируется вообще и считается контрабандой.

Отмечено множество проблем, возникающих по вине импортеров. И, несмотря на то, что участники внешнеэкономической деятельности в большинстве случаев пеняют на качество работы таможенных органов, но при этом достаточно неохотно описывают суть дела, нужно учитывать, что и сами импортеры не безгрешны. В соответствии с таможенным законодательством Российской Федерации компания обязана предоставить определенное количество документов, но это делается не всегда, и даже в таких случаях претензии о затягивании таможенного оформления предъявляются таможене. Встречаются и более серьезные нарушения. Например, когда при оформлении снижается стоимость ввозимого товара. Или предоставляется недостоверная информация о грузе. Например, при ввозе жидкокристаллических мониторов декларируют старые ЭЛТ-мониторы. Все это делается для того, что бы снизить стоимость товара и заплатить меньшую пошлину. Без объяснений понятно, что чем меньшую пошлину заплатит импортер, тем большую прибыль он получит. Из-за этого многие компании-импортеры умышленно идут на нарушения в таможенном оформлении. Задача таможни, со своей стороны, — оформить товар в соответствии с правилами. Ведь если выявляется, что вместо дешевых старых компьютеров, на которые и пошлина низкая, компания ввозит новое, мощное оборудование, таможенный платеж увеличивается соответственно с возрастанием цены оборудования. Целесообразность ввоза дорогостоящего оборудования для компании резко падает, так как прибыль значительно уменьшится.

Компьютерные товары являются одним из самых показательных примеров. Компьютерное оборудование достаточно дорогое, сложное,

²⁰ Там же.

и таможенные платежи по этому виду оборудования весьма высоки. Рынок компьютерных товаров обладает огромным спросом и довольно криминализован, поэтому таможня уделяет ему повышенное внимание. Конечно, не только компьютерные товары ввозятся в «серую», т.е. с занижением стоимости или предоставлением недостоверной информации о ввозимом грузе, и в «черную» — когда товар вообще не декларируется. (К примеру, в 1990-е гг. куриные окорочка ввозили на территорию России под видом зеленого горошка.) Нелегальный ввоз компьютерного оборудования является показательным и актуальным. Ведь Китай является основным производителем электронного оборудования. И ежедневно на территорию Российской Федерации ввозятся сотни тонн оборудования из Китая.

Объемы нелегально ввозимого оборудования оценить довольно сложно, но в настоящее время таможня приняла ряд мер по значительному снижению доли такого оборудования. К примеру, ст. 127 Таможенного кодекса дает право таможенным органам определять места таможенного оформления товаров и места ввоза этих товаров на территорию России. Это позволяет таможене концентрировать оформление интересующих их партий в определенных местах и с произвести осмотр. Учитывая, что 70% импорта оформляется в московском регионе, был определен ряд таможенных органов, которые занимаются непосредственно оформлением компьютерного оборудования. Добросовестным участникам внешнеэкономической деятельности бояться нечего — данная процедура упрощает таможенное оформление с точки зрения его скорости и простоты. Крупные же международные компании — транспортировщики, которым таможня может доверять, такие как FESCO, MAERSK, UCS и т.п., также проходят контроль, но не такой жесткий. Так же создаются «белые» и «черные» списки импортеров, а особенно там, где есть предварительное электронное декларирование. Более того, ведется сознательное уничтожение мелких фирм, большинство которых промышляют именно незаконным ввозом грузов, а другим — крупным компаниям, которые работают давно и хорошо себя зарекомендовали, — дают «зеленый свет».

Существуют импортеры, которые пытаются уйти от таможенных платежей путем создания фирм-однодневок, задача которых принять на себя таможенное оформление товара. После оформления груза фирму закрывают. Получается, что нет ни фирмы, ни людей, ни товара — деньги брать не с кого. Другое дело, когда речь идет о крупной компании, оформляющей товар на себя и давно работающей на рынке. Исчезать она не собирается. Такие фирмы не заинтересованы в нарушениях, они стараются, чтобы все было понятно и прозрачно, чтобы

к ним не было претензий. И главное, что им необходимо, — постоянные и четкие правила работы. Эти фирмы очень дорожат своей репутацией. А создание «белых списков» — эффективный шаг с точки зрения платежей и рационального использования кадрового потенциала таможни.

Может показаться, что если платить пошлины в полном объеме, то это может сказаться на конечной цене продукта, но это не так. Допустим, некий товар стоит 100 долларов, из которых 80 импортер должен отдать таможне. Соответственно 20 долл. — доход импортера. Но если импортер оформит этот товар за 50 долл., это не значит, что товар подешевеет. Увеличившуюся разницу импортер просто заберет себе. Таким образом, экономия на таможенных платежах практически не сказывается на цене товара, она сказывается на доходе импортера. На ценообразование больше всего влияет рынок.

То, что прохождение таможни может обернуться серьезной головной болью для импортера, понятно без объяснений, но все же без нее нельзя обойтись, так как именно работники таможни предотвращают ввоз запрещенных, нелегализованных, опасных и нежелательных для ввоза грузов. По большей части проблемы с таможней возникают при несоблюдении импортером тех или иных норм, связанных с ввозом, к каковым можно отнести неимение необходимых документов или неправильное декларирование. Хотя, с другой стороны, нередко проблемы транспортировки возникают именно из-за перегруженности таможенных постов и связаны с длительными задержками грузов на наземной границе Российской Федерации. Через границу ежедневно проходят тысячи машин, железнодорожных контейнеров и «челноков». Перегруженность таможенных постов настолько сильна, что груз может стоять на границе неделю и дожидаться очереди. Часть грузов подвергается таможенному досмотру, и это тоже является фактором задержки. И если выявляется факт неправильного декларирования, а у транспортной компании нет возможности срочно переделать и отправить на пост необходимые документы, это может вылиться в арест груза.

Летом 2008 г. были проведены массовые операции по выявлению «черных» грузов и привлечению к ответственности компаний-импортеров. Действительно, было заметно, как с рынка транспортных услуг исчезло множество мелких компаний. Были арестованы сотни контейнеров и тонны груза. Множество предпринимателей были привлечены к уголовной ответственности, причем не только граждане Российской Федерации были привлечены по 188 ст. УК РФ²¹, но и гражд-

²¹ Эта статья посвящена контрабанде. Прочитав ее здесь полностью: Контрабанда 1. Контрабанда, то есть перемещение в крупном размере через таможенную границу Россий-

дане КНР. В данный момент Следственным комитетом при МВД РФ ведется следствие по делу о ввозе товаров народного потребления из КНР в особо крупном размере. Путем недобросовестного декларирования за весь период работы, организованной группой было ввезено товаров народного потребления примерно на 1 млрд. рублей.

По итогам первого полугодия 2008 г., на таможенных постах между Китаем и Россией было зафиксировано 127 случаев изъятия товаров на сумму почти 60 млн. юаней (около 204 млн. рублей)²². Но подлинные цифры значительно выше, так как далеко не все контейнеры проходят тщательный досмотр, а следовательно, не всю контрабанду удается обнаружить. Как правило, запрещенную к провозу продукцию прячут в глубине контейнеров, чтобы при проверке на таможне ее было сложнее найти. Зачастую ее удается провезти незамеченной.

Основными перевалочными пунктами на границе Китая и России являются: Маньчжурия–Забайкальск, Суйфэнхэ–Пограничный/Гро-

ской Федерации товаров или иных предметов, за исключением указанных в части второй настоящей статьи, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием, — наказываются штрафом в размере от 100 000 до 300 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до пяти лет. 2. Перемещение через таможенную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Российской Федерации, стратегически важных сырьевых товаров или культурных ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Российской Федерации, если это деяние совершено помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряжено с недекларированием или недостоверным декларированием, — наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового. 3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные: а) утратил силу. б) должностным лицом с использованием своего служебного положения; в) с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль, — наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового. 4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой, — наказываются лишением свободы на срок от 7 до 12 лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового.

²² Информация по незаконному и контрабандному ввозу товаров народного потребления с таможенного портала www.tks.ru

деково, Дунин–Полтавка, Хэйхэ–Благовещенск, Хуньчунь–Краскино/Махалино, Хулинь–Марково. Пройдя через них, грузы следуют далее, по всем регионам России.

По данным Харбинского таможенного управления, которое курирует города пограничного перехода Суйфэньхэ, Хэйхэ, Дунин, Хулинь, в период с января по июнь 2008 г. было зафиксировано 27 случаев изъятия товаров на границе между Китаем и Россией. Из них 13 — по направлению из России в Китай, 14 — из Китая в Россию, причем в 21 случае товар был конфискован у граждан России, в четырех случаях — у граждан КНР, в двух случаях товар был конфискован у китайских компаний. Общая стоимость конфиската составила 396 400 юаней (более 1,3 млн. рублей).

Таможенное управление Внутренней Монголии, отвечающее за Маньчжурию — крупнейший сухопутный пункт перевозки грузов между Китаем и Россией — зафиксировало за первое полугодие 2008 г. 100 случаев изъятия товаров на сумму 58,85 млн. юаней (более 200 млн. руб.) включая 7,99 млн. юаней налоговых платежей²³.

Помимо контрабанды и случаев недобросовестного декларирования, есть еще проблема фальсификата. Большой объем товаров, в том числе часов, сумок, одежды, аксессуаров, техники, изначально являющихся фальсификатом, крупными партиями ввозится на территорию Российской Федерации. Естественно, подделываются те вещи, на которые имеется большой спрос. Зачем покупать оригинал Cartier за несколько тысяч долларов, если можно пойти на рынок и купить прекрасно сделанную подделку за 100 юаней. Причем некоторые подделки с первого взгляда невозможно отличить от оригинала.

Остается острой проблема контрабандного ввоза из КНР на территорию России наркотических веществ, психотропных сильнодействующих средств, содержащихся в медикаментах.

Помимо продукции топливной, химической, машиностроительной отраслей вывозимой из России легально, незаконными путями с территории Российской Федерации вывозятся такие богатства, как морепродукты и древесина. Плохо то, что закупается и вывозится из России первичный продукт, конечный же продукт из нашего сырья возвращается обратно в Россию, но уже по значительно возросшей цене. Между тем ведомства фиксируют спад лесозаготовок, производства пиломатериалов, а также весьма скромные объемы инвестиций. В связи с этим существует мнение, что инвестиционный кризис и обострение социальных проблем в лесных регионах заставят российское

²³ Там же.

правительство ослабить экспортные запреты на необработанную древесину.

Поставки в Китай, который является главным потребителем российский круглого леса, не падают, а, наоборот, увеличиваются. В результате того, что с 1 января 2008 г. экспортные пошлины на данный вид продукции были увеличены, бизнес по заготовке круглого леса не сократился, а только ушел «в тень», и в нем начала увеличиваться доля контрабанды.

Однако независимые экономисты указывают, что ожидаемых инвестиций лесной комплекс России в последние годы так и не получил, а запретительные пошлины на экспорт кругляка привели к спаду лесозаготовок и обострению ситуации в регионах, где они производятся. Законодательный запрет поможет ограничить вывоз круглого леса, но помимо запрета требуется корректировка таможенного законодательства, так как именно таможня фактически дает добро на контрабанду кругляка. Запрет на вывоз круглого леса может усугубить ситуацию, так как уже сейчас на лесозаготовительных предприятиях скопилось большое количество лесосырья, которое из-за избытка предложения продается по бросовым ценам.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что торгово-экономические отношения между Россией и Китаем с каждым годом становятся все более насыщенными, а параллельно с ними развивается система таможенного контроля ввозимых и вывозимых грузов. Скорее всего, совсем искоренить «черные» и «серые» схемы не удастся, но работа по снижению объема нелегально ввозимых грузов и снижению вреда для экономики нашей страны от подобного ввоза ведется активным образом. Хотя, конечно, поиск точки баланса, по достижении которой импортер не будет терять средства и время на поставку товара, экономика страны — страдать от контрабанды и фальсификата, а потребитель в лице рядовых граждан — от неоправданно высоких цен за импортную продукцию, будет идти еще не один год.

Несмотря на это, можно с уверенностью выявить положительную динамику развития торгово-экономических отношений между двумя великими державами. К основным тенденциям развития грузоперевозок между Россией и Китаем относятся: значительное увеличение объема грузоперевозок, усиление таможенного контроля на Российской границе, уменьшение объема незаконного импорта, развитие таможенной инфраструктуры, оптимизация процесса таможенного оформления и досмотра, усиление роли крупных транспортных компаний в увеличении объема грузоперевозок между странами.

Именно усиление роли крупных транспортных компаний, зарекомендовавших себя добросовестной работой и четким выполнением обязательств, связанных с таможенным оформлением, позволит сделать транспортные отношения между Россией и Китаем чище, насыщеннее и эффективнее.

Библиография

1. Концепция системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации // Приказ ГТК РФ № 1069 от 26.09.2003 (Таможенный портал: <http://www.tks.ru/news/law/2003/10/06/0007>).
2. Мировой кризис привел к резкому сокращению товарооборота РФ и КНР // РИА Новости. http://rian.ru/crisis_news/20090326/166060321.html
3. Официальный сайт торгового представительства РФ в КНР. <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation>
4. Таможенный портал: www.tks.ru
5. www.tks.ru/news/nearby/2009/01/19/0012
6. www.tks.ru/news/nearby/2009/01/19/0012

Международные отношения в конце XX — XXI веке

Е.В. Арутюнян (Армения)

Сотрудничество Японии со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (1981–1991 гг.)

Япония рассматривает Персидский залив (ПЗ) как жизненно важный регион для своих стратегических интересов. Отношение со странами региона ПЗ Страна Восходящего Солнца углубляет с помощью региональной организации Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

ССАГПЗ был создан 25 мая 1981 года во время саммита в Абу-Даби, где 6 арабских государств ПЗ — Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Бахрейн, Катар, Кувейт и Оман, подписали соглашение о создании региональной группировки¹.

Главной причиной создания ССАГПЗ является политическая ситуация, сложившаяся на Ближнем Востоке и те политические вызовы, которые напрямую угрожают безопасности стран ПЗ. В ряду этих вызовов — исламская революция в Иране², ирано-иракская война (1980–1988 гг.)³, на юго-западе — Эфиопия, на юге — марксистский Южный Йемен, на севере — Афганистан со своим новым левым правительством⁴.

¹ Решение о создании ССАГПЗ было принято еще 4 февраля в 1981 году в Эр-Рияде. Данное соглашение всего лишь официально закрепило это решение. Подробнее см.: Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC), http://www.fatfgafi.org/document/9/0,3343,en_32250379_32236869_34438857_1_1_1_1,00.html; <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1981/1981-1.htm>.

² После революции в Иране арабские страны Персидского залива были озабочены возможным распространением революции в их странах. Более всего этот вопрос беспокоил Саудовскую Аравию. Подробнее см.: Оганесян Н. О. История арабских стран. Т. 3, Ереван, 2006, с. 142–144 (на арм. яз.).

³ Джон Кристи. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, ТАСС, БПИ, 14.06.1988, с. 33.

⁴ Машин В. В., Яковлев А.И. Персидский залив в планах и политике запада. М., 1985, с. 112.

Создав региональную группировку, страны ПЗ с самого начала перед собой поставили экономические и социальные цели, предусматривающие развитие экономики и повышение жизненного уровня населения⁵.

Начало отношениям Японии с ССАГПЗ было положено в июне 1984 года, а начиная с марта 1986 года, в ходе Токийского саммита, была заложена основа экономического сотрудничества между Японией и ССАГПЗ.

Япония, не имеющая собственных природных ресурсов, заинтересована в развитии и укреплении отношений с нефтедобывающими странами ПЗ. Отметим, что 55% японского нефтяного спроса обеспечивается со стороны стран ССАГПЗ. В странах ССАГПЗ сосредоточено 45% мировых нефтяных запасов и 17% — запасов природного газа. Страны ССАГПЗ поставляют на мировой нефтяной рынок более чем 800 млрд. баррелей нефти в день, что составляет около 20% всей добываемой в мире нефти⁶.

Исходя из своих экономических интересов, Токио заинтересован в обеспечении безопасности и мира в регионе ПЗ, поощряя активную роль ССАГПЗ в процессе мирного урегулирования на Ближнем Востоке. В связи с этим Япония предоставляет огромную финансовую и техническую помощь арабским странам ПЗ в рамках организации Официальной помощи в целях развития (ОПР)⁷, являясь тем самым третьим большим донором в регионе после США и Франции⁸. Особенно ценно внедрение Японией высоких технологий (ноу-хау) в страны ССАГПЗ, которое способствует развитию промышленности⁹.

О заинтересованности Японии и ССАГПЗ в укреплении и углублении взаимоотношений свидетельствуют регулярные встречи высокопоставленных лиц обеих сторон, в рамках которых завязывается политический диалог и осуществляется культурный обмен.

⁵ Джон Кристи. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, ТАСС, БПИ, 14.06.1988, с. 34.

⁶ Батыршин И.М. Динамика и перспективы нефтяного фактора в экономике стран ССАГПЗ и развитие мирового рынка нефти. Сб. Ближний Восток и современность. Выпуск 21. М., 2004, с. 18.

⁷ The Middle East. Diplomatic Bluebook. Tokyo, 1996, pp. 130–131.

⁸ Call for Early Launch of Negotiations for Japan-GCC Economic Partnership Agreement, <http://www.keidanren.or.jp/english/policy/2005/060.html>.

⁹ Japan's Economic Cooperation in the Middle East, http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/relation/coop.html.

Зигзаги индийско-американских отношений

В 1998 году, президент США Билл Клинтон не на шутку обеспокоил Токио, проследовав в Китай без остановки в Японии, что заставило многих аналитиков в Стране Восходящего Солнца предположить, что Америка готова пренебречь своим историческим союзником в регионе в угоду набиравшему силу Китаю. Спустя двенадцать лет Индия опасается, что именно так, отказавшись от нее в угоду другому государству, Вашингтон может поступить и с ней, несмотря на динамичное развитие индийско-американских отношений, символом которого стало заключение в 2008 году знаменитой «ядерной сделки».

Десять лет назад, во время первого со времен Джимми Картера визита президента США в Дели, Атал Бихари Ваджпаи, занимавший тогда пост премьер-министра Индии, заявлял, что Индия и США являются «естественными союзниками». Аналогичных взглядов придерживался, казалось, и Джордж Буш-младший, видевший в Индии мировую державу, ключевого игрока в Азии и, что немаловажно, плюралистическую демократию, с которой Америка, естественно, должна была сотрудничать по самому широкому спектру вопросов международных отношений. Однако на пути амбициозных планов обоих лидеров стояло то особое положение Индии, которое она занимала в силу своего неопределенного статуса новой ядерной державы.

Для решения этой проблемы администрация Дж. Буша-младшего запустила в 2005 г. беспрецедентную внешнеполитическую программу с целью добиться признания Индии как официальной ядерной державы. Не менее значимые шаги предпринимало и правительство Манмохана Сингха, которое стало первым правительством в истории Индии, поставившим на карту собственное будущее для решения внешнеполитической проблемы.

Продавливая «ядерную сделку» через парламент, Сингх утверждал, что вот теперь-то, с американской помощью, Индия, наконец, сможет легализовать свой статус страны, обладающей атомным оружием, и займет место в ряду мировых держав. Соглашение между Индией и США по вопросу атомной программы Индии открывало двум странам перспективу сотрудничества по широкому кругу вопросов в области обороны и национальной безопасности, а также позволяло Индии

надеяться на возрождение сотрудничества с американцами в области высоких технологий. Именно такое наследие Дж. Буш-младший оставил президенту Б. Обаме осенью 2008 г.

Первые признаки осложнения индийско-американских отношений появились достаточно рано. Еще будучи сенатором Б. Обама предлагал ограничить поставки ядерного топлива в Индию. В ходе избирательной кампании Б. Обама высказывал идею о назначении бывшего президента Клинтона на пост специального посланника по вопросу Кашмира, заставив индийцев немало поволноваться по этому вопросу. Сразу после избрания Б. Обамы в Нью-Дели ожидалось усиление давления со стороны США с целью заставить Индию пойти на существенные уступки в отношении Исламабада, даже несмотря на то, что существовали серьезные подозрения в соучастии Пакистана (или некоторых сил, базирующихся на его территории) в террористическом нападении на Мумбаи.

В случае победы на выборах Б. Обама также намеревался добиваться ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и его повсеместном вступлении в силу. Этот вопрос стоял весьма остро в 1990-х годах, когда США и КНР совместно оказывали достаточно серьезное давление на Индию с целью принудить ее к отказу от ядерных испытаний и тем самым не дать ей приобрести ядерное оружие.

В 2008 г. Индия была озадачена исключением ее из списка основных партнеров США, хотя остальные шесть ведущих азиатских стран свое присутствие в нем сохранили. Не нашлось места Индии и в первом после выборов турне Б. Обамы, как, впрочем, ее проигнорировала и государственный секретарь США Хиллари Клинтон.

Если ранее, при администрации Дж. Буша-младшего, существовали все предпосылки для обозначения индийско-американских отношений как одних из приоритетных для США, то на сегодняшний день для этого нет никаких оснований. Даже пост главы южно-азиатского департамента в Госдепе занимает бывший посол США в Шри-Ланке. Все это заставляет индийскую элиту сожалеть о смене администрации в США и об упущенных во время президентства Буша-младшего возможностях.

Изменение приоритетов Вашингтона во внешней политике в пользу Китая может лишить американцев целого ряда приятных бонусов, которые они могли бы получить, продолжая поддерживать Индию. Во-первых, Индия опровергает миф о том, что авторитарно-рыночная экономика Китая — это модель гарантированного успеха. Экономика Индии, практически не пострадавшая от мирового финансового кризиса, как ожидается, и в этом году продемонстрирует устой-

чивый рост, не уступающий росту китайской экономики, и будет выше, чем у остальных азиатских стран. Внутреннее потребление в Индии, составляющее две трети от ВВП, делает ее экономику гораздо более устойчивой и менее зависимой от мировой конъюнктуры, чем китайскую. В ее же пользу говорит и демографические тенденции в обеих странах. В то время как китайское население стареет и в скором времени начнет сокращаться, население Индии (более 70% которого моложе 35 лет) в скором времени обгонит по численности население Китая. Сегодня средний класс в Индии составляет около 300 млн. чел., к 2020 году он должен удвоиться и составить около 60% общего населения страны. Хотя на сегодняшний день рабочая сила Индии составляет всего 400 млн. чел., что в два раза меньше трудовых резервов КНР, в силу естественных демографических причин к 2025 соотношение опять же изменится в пользу Индии. Наконец, подобно многим союзникам США, Индия испытывает благоговейный трепет перед американской мощью и рассматривает опыт Америки как руководство к действию.

Все это говорит о том, что Соединенные Штаты могли бы заработать немало вистов на индийских амбициях стать второй (после США) супердержавой мира. Богатая, процветающая, демократическая Индия, разделяющая к тому же американские ценности, могла бы успешно участвовать в решении самых разных проблем — от поддержания мира и безопасности в наиболее взрывоопасном сегодня регионе Ближнего Востока до участия в решении глобальных проблем постиндустриального характера. Удобное географическое положение Индии позволяет ей эффективно участвовать в решении многих актуальных проблем уже сегодня — будь то борьба с пиратством в водах Сомали или противодействие исламистской угрозе в Центральной Азии, охрана морских коммуникаций в Индийском океане (в том числе в стратегически важном Малаккском проливе) или сдерживание амбиций Китая. Объективно говоря, в силу самых разных причин, часть которых уже перечислена выше, Индия обладает не меньшим, а то и большим потенциалом, чем собственно Китай, и проявляет гораздо больше готовности к сотрудничеству, чем Пекин.

Однако, не смотря на все это, администрация Б. Обамы ведет себя так, словно бы ее целью является снова запретить Индию на Индостане и свести ее роль к региональной державе, позволяя ей оставаться всего лишь пугалом для Китая. В то же время Б. Обама не скрывал симпатии к Пекину, ведя себя таким образом, словно бы дуумвират Китай — США уже стал реальностью, сама мысль о появлении которого тревожит очень и очень многих. Нью-Дели был неприятно потрясен совместным коммюнике Обамы и Ху Цзинтао после ноябрьского сам-

мита в Пекине, в котором США призвали Пекин активно участвовать в разрешении конфликтов в Южной Азии. Надо ли уточнять, что, по мнению Индии, само по себе присутствие Китая (давнего партнера Пакистана, основного конкурента Индии в регионе) в непосредственной близости от зоны индийских национальных интересов уже является проблемой, но никак не решением?

Возможно, основной причиной ошибок администрации Б. Обамы в отношении Индии является отсутствие четкого стратегического представления ее роли в балансе сил в Азии. Индийские эксперты не раз утверждали, что Индия никогда не согласится играть роль второй скрипки при Пекине, и не устают утверждать, что с самого момента обретения независимости именно она уравновешивала китайскую мощь. Партнерство между Индией и США при администрации Буша положительно сказалось на региональном балансе сил, сыграв ту же роль в отношении Пекина, что и партнерство Китая и США в отношении СССР в 1970-х гг. Осознание этого факта присутствует в Токио. Японские лидеры достаточно давно определили необходимость стратегического партнерства с Индией для сохранения регионального равновесия в условиях набирающего силу Китая.

Со своей стороны, Китай воспринял такой поворот американской политики с явным облегчением. Из Пекина неоднократно раздавались упреки в адрес Индии в том, что она-де отказалась от партнерства с Россией и Китаем ради создания антикитайской коалиции с США.

Тесное индийско-американское партнерство имело особенно большое значение для администрации Буша-младшего, став одним из столпов «баланса сил в пользу свободы». Партнерство с Индией в их понимании означало не только сумму сил, действующих в регионе, но представлялось как важный элемент распространения демократии, плюрализма и рыночных свобод, словом, идеологических ценностей открытого общества. Представлялось, и такой взгляд разделяли в Индии, что именно в силу этих ценностей сильная, процветающая и демократичная Индия всегда будет более желанным партнером для США, чем Китай.

В отличие от администрации Буша-младшего, политика Б. Обамы в отношении Индии продиктована не геополитическими соображениями и не опирается на какие-либо ценности. Вместо этого, Государственный департамент США проводит в известной степени прокитайскую политику, практически полностью исключив Индию из своих планов, по всей видимости, из опасения, что активизация стратегических отношений между Вашингтоном и Нью-Дели подорвет попытку вовлечь Китай в решение глобальных проблем и навредит политике «Стратегического доверия» в отношении Китая.

Однако подход Б. Обамы не сработал. Китайско-американские отношения ухудшились в прошлом году, и сегодня Китай дает все больше причин для беспокойства по самым разным поводам — будь то ограничение прав человека и цензура в Интернете, курс юаня или его позиция по вопросу американских военных поставок на Тайвань. В связи с этим Обама предпринял попытку снова сблизиться с Нью-Дели и даже встретился с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом в Белом доме. Однако даже если допустить, что Вашингтон и Нью-Дели совпали в оценке рисков от усиления Китая для интересов своих стран, индийско-американские отношения все еще не имеют той твердой (стратегической) основы, что существовала при администрации Буша. Интересы, планы и намерения американской стороны будут диктоваться не только и не столько желанием развивать отношения с Индией, сколько позицией других стран, в частности, Пакистана, в поддержке которого США отчаянно нуждаются для завершения войны в Афганистане.

Администрация Обамы правильно представляет себе роль Пакистана в решении афганской проблемы, но ее оценка роли Индии далека от справедливой. Воспринимая индийско-пакистанские отношения зашорено, в узком контексте их исторического противостояния, Соединенные штаты не учитывают ту роль, которую Нью-Дели играет сегодня в Афганистане, являясь одним из крупнейших инвесторов в Кабул, активно участвуя в восстановлении инфраструктуры, подготовке квалифицированных кадров и восстановлении страны. Индия могла бы принять участие в подготовке сил безопасности Афганистана, что воспринимается крайне настороженно в Вашингтоне. То, что Индия может быть частью решения афганской проблемы, а не проблемой американо-пакистанских отношений, в Вашингтоне пока не воспринимают.

В свою очередь, индийская элита приходит в ужас при одной мысли, что Соединенные штаты могут перейти от стратегии уничтожения Талибана к примирению с исламистами, от, грубо говоря, «стратегии победы» к «стратегии ухода» из Афганистана, подобно тому, как это сделал Советский Союз, а именно так выглядит картина на настоящий момент. Афганистан находится в непосредственной близости от Индии, и победа Талибана (а именно это произойдет с Афганистаном, если американцы уйдут сейчас) может привести к самым неблагоприятным последствиям, к которым относится и сценарий «ливанизации» Пакистана. В результате таких действий администрации Б. Обамы Индия рискует погрязнуть в бесконечных конфликтах со слабым, крайне децентрализованным государством, обладающим, к тому же, ядерным оружием. Все это говорит только о том, что в следующий раз Нью-Дели

придется крепко задуматься о том, стоит ли доверять Вашингтону в вопросе обеспечения национальной безопасности.

Американское правительство, неоднократно оказывавшее помощь (в том числе и военную) Пакистану, ожидает от Исламабада активного участия в решении афганской проблемы. Это развязывает руки Пакистану и дает ему дополнительный козырь в отношениях с Вашингтоном. Однако, помимо вполне обоснованных сомнений в способности Пакистана повлиять на ситуацию в Афганистане, такое положение дел вполне может привести к тому, что индийско-американские отношения будут испорчены на долгие годы вперед.

Пакистан в течение десятилетий оставался верным сторонником Соединенных штатов в регионе, и бросать его было бы, конечно, неправильным. Однако Индия сама по себе достаточно ценный приз, чтобы заведомо отказываться от любого сотрудничества с Нью-Дели. Администрация Дж. Буша-младшего это понимала, и партнерство с Индией не перечеркнуло долгие партнерские отношения с Пакистаном, а наоборот, раскрыло перед Вашингтоном новые стратегические возможности. Расцвет индийско-американского сотрудничества в середине 2000-х гг. сопровождался наибольшим потеплением в пакистано-индийских отношениях, что позитивно сказалось на региональной безопасности даже в условиях продолжавшейся операции в Афганистане. Были заключены договоры о мерах доверия между Пакистаном и Индией, достигнут определенный прогресс по Кашмирской проблеме. Однако администрация Б. Обамы явно рассматривает те отношения с Индией, что сложились при предыдущем президенте, не как нечто самоценное, а через призму своих взаимоотношений с другими державами региона, возвращаясь в своей азиатской политике к классическому подходу середины прошлого века «игры с нулевой суммой».

Победа в Афганистане, как и укрепление гражданских институтов и безопасности Пакистана крайне важны не только для Соединенных Штатов, но и для всего мира, и в первую очередь для государств, непосредственно соседствующих с ними. Однако стратегическое партнерство Индии и США, двух крупнейших демократий мира, имеющих сходные геополитические интересы и подвергающихся сходным угрозам, могло бы иметь как для США, так и для Индии решающее значение. Несомненно, последствия первых двух лет президентства Б. Обамы нанесли серьезный удар по тем отношениям двух стран, которые оставил ему Дж. Буш-младший, и преодолеть пропасть недоверия будет непросто. Однако Нью-Дели призывает Белый дом именно к этому. Пока, однако, Вашингтон усиленно изображает тугоухость.

Антитеррористический вектор японской дипломатии в XXI в.

В качественно изменившейся международной обстановке на рубеже XX–XXI вв. на первый план вышли те проблемы, которые ранее имели второстепенный характер. Обострение территориальных споров, рост национализма и сепаратизма привели к эскалации вооруженных конфликтов, интенсификации торговли оружием, усилению опасности распространения оружия массового уничтожения.

На рубеже веков спектр угроз безопасности значительно расширился, они приобрели всеобъемлющий характер. Появились новые вызовы, главными из которых являются международный терроризм, транснациональная преступность и рост контрабанды наркотиков. Это обусловило повышение внимания к поискам новых путей обеспечения национальной и международной безопасности, повлияло на внешнеполитический и оборонный курс многих государств, в том числе и Японии.

Японии не раз приходилось сталкиваться с терроризмом «собственного происхождения» — например, с деятельностью террористической организации «Японская Красная Армия», тоталитарной секты «Аум Синрикё». На основе этого печального опыта была сформулирована принципиальная позиция правительства: бороться с терроризмом в любой форме, независимо от его причин, не делая никаких уступок террористам. Однако борьба с угрозой терроризма как международно-го явления до определенного времени не представлялась властям этой страны первостепенной.

Инициативы Японии на антитеррористическом направлении скорее можно было оценивать как реакцию на «внутрияпонские» террористические акции: в частности, после угона самолетов членами «Японской Красной Армии» в 1970-х гг. акцент был сделан, прежде всего, на мерах по борьбе с воздушным пиратством; после газовой атаки «Аум Синрикё» в Токийском метро в 1995 г. были приняты меры по борьбе с химическим и биологическим терроризмом. И хотя в «Голубых книгах по дипломатии» в конце 1980-х — начале 1990-х гг. содержались тезисы об угрозе международного терроризма, о деятельности мирового сообщества и Японии по борьбе с ним, очевидно, что страна еще не осознала глобальный характер этой угрозы.

Осознание Японией важности международного взаимодействия в борьбе с терроризмом произошло 11 сентября 2001 г., когда террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне напомнили об уязвимости мира в эпоху взаимозависимости, опасности радикализации противников глобализации и серьезности угрозы организованного террористического движения. Мир немедленно отреагировал на произошедшие события — принятием резолюций, заявлениями лидеров государств и декларациями, осуждающими терроризм и призывающими к борьбе с ним. Бывший в то время премьер-министром Коидзуми Дзюньитиро выразил свое негодование в отношении совершенных терактов, которые «бросали вызов всему свободному миру», и заявил, что его страна будет твердо придерживаться политики сотрудничества со всеми заинтересованными странами, чтобы предотвратить повторение подобных событий¹.

Очевидно, что в конце 2001 г. подход Японии к участию в международной коалиции уже значительно отличался от ее позиции десятилетней давности. Главный принцип антитеррористической деятельности японской дипломатии состоял в том, что терроризм не достоин ни оправдания, ни толерантности. Япония отныне воспринимала борьбу с терроризмом не просто как значимый аспект международных отношений, но и как неотъемлемый элемент своей национальной безопасности, а потому, чтобы искоренить терроризм, должна была действовать в сотрудничестве с другими государствами мира. При этом безусловным достоинством ее позиции являлось осознание бессмысленности и бесперспективности диалога только с позиции силы. Япония демонстрировала ясное понимание того, что мировым державам в диалоге со странами ислама следует выступать исключительно с позиций здравого смысла, а также широчайших гуманистических позиций.

С момента начала контртеррористической операции в Афганистане одним из важнейших направлений японской внешней политики стала активная деятельность по дипломатическому обеспечению военной акции США. Япония выступила с призывом к исламским странам и странам-соседям Афганистана, смысл которого заключался в том, что исламские страны также должны участвовать в борьбе с терроризмом, поскольку эта борьба ни в коем случае не имеет религиозной, антиисламской направленности².

В «Голубой книге по дипломатии» 2005 г. была впервые дана характеристика угрозы терроризма в настоящее время: «Хотя может

¹ Заявление премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро, 11 декабря 2001 г. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/koizumispeech/2001/1211tero.html>

² Подробнее — на официальном сайте МИД Японии. (URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/terrorism/cooperation.html>)

возникнуть ощущение ослабления потенциала таких международных организаций как “Аль-Кайда”, их силой по-прежнему не стоит пренебрегать. Новую угрозу стала представлять и широкомасштабная деятельность исламского экстремистского движения, состоящего из организаций, которые считают себя продолжателями дела “Аль-Кайды”»³.

В условиях небывалого увеличения международных потоков людей, финансов и информации, сопровождаемых новшествами технического прогресса, особое внимание обращалось на активное использование террористами Интернета и международных каналов транспортировки. В связи с этим, по мнению японской дипломатии, мировому сообществу необходимо помешать террористам заложить постоянную основу для своей деятельности, лишить их финансирования, вооружения, максимально преодолеть уязвимость тех объектов, которые могут стать мишенями террористов, а также обеспечить поддержку стран с недостаточным потенциалом противоборства террористической угрозе⁴.

Япония четко выразила понимание того, что масштаб и специфика явления международного терроризма обнаруживает недостаточность борьбы отдельно взятой страны для эффективного противодействия ему. Для достижения эффективных результатов необходимо консолидированное и согласованное выступление всего международного сообщества против терроризма по трем направлениям: глобальное международное сотрудничество, региональные организации, а также многосторонние и двусторонние отношения⁵.

Международная правовая деятельность, направленная на борьбу с терроризмом, осуществляется уже не одно десятилетие, и центральная роль в ней уделяется Организации Объединенных Наций. Первый антитеррористический документ, Конвенция о преступлениях, совершаемых на борту воздушных судов, был принят ООН еще в 1963 г., и с тех пор международная правовая база регулярно пополнялась новыми документами, последним из которых стала Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.б. Япония является участницей всех антитеррористических конвенций ООН и прилагает активные усилия для того, чтобы была принята Всеобъемлющая конвенция по борьбе с международным терроризмом.

³ Diplomatic Bluebook 2005. Ministry of Foreign Affairs, Japan. 2005. С. 135.

⁴ Ibid. P. 137.

⁵ Обзор контртеррористического сотрудничества Японии // Официальный сайт МИД Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/terrorism/cooperation.html>

⁶ Подробнее см. на официальном сайте ООН. URL: <http://www.un.org/russian/documen/convents/terrorism.htm>

Кроме принятия законодательных актов в области борьбы с терроризмом, ООН неоднократно в форме резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи осуждала терроризм и призывала государства бороться с ним. Так, 19 сентября 2006 г. состоялось принятие резолюции о Глобальной контртеррористической стратегии ООН, в которой выражалась общая позиция, основывающаяся на том, что с терроризмом будет вестись бескомпромиссная борьба, поскольку терроризм «в любых его формах и проявлениях, кем бы, где бы и с какой бы целью он ни осуществлялся, должен быть неприемлем и решительно осужден»⁷. Япония также является участницей этого основополагающего документа.

Данная проблематика уже более 20 лет находится в поле зрения руководителей стран «группы восьми». Впервые декларация, осуждающая терроризм, связанный с угоном самолетов, была принята в 1978 г. на саммите в Бонне. Антитеррористическая деятельность «группы восьми» в основном сосредоточена на транспортной безопасности и технической помощи развивающимся странам, а также на интенсификации усилий международного сообщества в противостоянии международному терроризму⁸.

Глобальная инициатива по борьбе с актами ядерного терроризма, которую Япония признала «в высшей степени значимой», была озвучена на саммите «восьмерки» в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге. По результатам работы этого саммита была принята Декларация о борьбе с терроризмом, в которой было подчеркнуто, что международное сотрудничество в деле борьбы с терроризмом должно вестись в соответствии с нормами международного гуманитарного права⁹.

Во многом именно по инициативе Японии антитеррористическая тематика присутствовала и на встречах лидеров регионального форума Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Летом 2002 г. АСЕАН обнародовала Декларацию по финансовым мерам противодействия терроризму, включающим замораживание счетов террористов и международное сотрудничество в области обмена информацией. В декабре 2003 г. Япония была страной-организатором проводимого саммита Япония–АСЕАН, а в ноябре 2004 г. на свет появилась Совместная декларация Японии–АСЕАН по сотрудничеству в борьбе против международного терроризма.

⁷ Подробнее см. на официальном сайте ООН. URL: <http://un.org/russian/terrorism/framework.shtml>

⁸ Подробнее см. на официальном сайте МИД Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/terrorism/cooperation.html>

⁹ Подробнее см. на официальном сайте саммита «Группы Восьми» в Санкт-Петербурге. URL: <http://www.g8russia.ru/docs/17.html>

Эту же линию Япония продолжает и в рамках Азиатско-Тихоокеанского форума экономического сотрудничества (АТЭС). В октябре 2002 г. лидеры стран-участниц приняли Заявление о борьбе с терроризмом, а внутри АТЭС в качестве специализированного учреждения была создана Оперативная антитеррористическая группа. В ноябре 2004 г. на форуме в Чили была принята Декларация Сантьяго, в которой по инициативе Японии было решено ввести автоматический контроль над пассажиропотоком посредством использования электронных проездных документов¹⁰.

В ходе разносторонней контртеррористической деятельности Япония осознала ликвидацию каналов финансирования международного терроризма одной из важнейших мер его подавления. 30 октября 2001 г. Япония поставила свою подпись под Международной Конвенцией о недопущении финансирования терроризма и активно подключилось к усилиям по перекрытию каналов финансирования террористических организаций¹¹.

К концу 2005 г., по решениям Комитета по санкциям ООН и Антитеррористического комитета ООН были арестованы активы в общей сложности 500 частных лиц и организаций, имеющих то или иное отношение к Усаме бин Ладену или к «Аль-Кайде». Помимо непосредственного замораживания средств террористов, приоритетное значение в этой области имеют такие меры, как внедрение международных стандартов в финансовой области и пресечение каналов коммуникаций террористов¹².

В связи с тем, что некоторые развивающиеся государства не имеют достаточных возможностей для принятия антитеррористических мер как на своей территории, так и на международной арене, Япония придает огромное значение помощи в наращивании усилий этих стран, особенно в Юго-Восточном регионе, активно проводя там подготовку местных специалистов. В 2005 г. было подготовлено 355 таких специалистов, получивших знания в таких областях, как иммиграционный контроль, авиационная и морская безопасность, таможенное сотрудничество и борьба с финансированием терроризма.

Япония уделяет столь серьезное внимание наращиванию усилий стран Юго-Восточной Азии по противодействию угрозе терроризма с тем, чтобы лишить террористов убежища где бы то ни было в ми-

¹⁰ Подробнее см. на официальном сайте МИД Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/terrorism/cooperation.html>

¹¹ Diplomatic Bluebook 2002. Ministry of Foreign Affairs, Japan. 2002. С. 127.

¹² Подробнее см. на официальном сайте МИД Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/terrorism/cooperation.html>

ре¹³. Очевидно, что помощь развивающимся странам подразумевает определенное проникновение во внутренние дела государств, над которыми Япония берет «шефство», и тем самым обеспечивает ей значительное политическое влияние во всем Юго-Восточном Тихоокеанском регионе.

Несмотря на то, что в 1992 г. уже был принят Закон о международном сотрудничестве в обеспечении мира, который давал возможность отправлять персонал сил самообороны для участия в операциях по поддержанию мира, но с большими ограничениями, подключение Японии к международной антитеррористической коалиции после 11 сентября 2001 г. поставило вопрос о расширении полномочий «сил самообороны», которое бы позволило Японии осуществлять более весомый вклад в международные усилия по обеспечению мира и безопасности. Несмотря на большой разброс мнений как среди правящей коалиции, так и в оппозиционном лагере, 29 октября 2001 г. был принят «антитеррористический пакет» документов, позволявший Японии принимать максимально допустимые конституцией меры содействия; а именно выполнение транспортных и снабженческих функций, поисково-спасательные операции, помощь пострадавшим от терактов.

Япония с осторожностью пошла на такой шаг, ограничив первоначальный срок действия закона двумя годами, однако страны Запада приветствовали ее позицию, выразив благодарность за поддержку акции возмездия. В итоге срок действия Закона о специальных антитеррористических мерах продлевался дважды и истек 1 ноября 2007 г.¹⁴. Критически настроенная оппозиция, пользуясь перевесом в верхней палате парламента, сорвала очередное его продление. Это вызвало недовольство США и других участников операции в Афганистане. Премьер-министр Абэ Синдзо, не сумев добиться продления действия закона, ушел в отставку, а японские танкеры вернулись в порты приписки. Это вызвало немедленную реакцию Вашингтона: посол США в Японии Томас Шиффер заявил, что Токио должен расширять свою военно-морскую деятельность в Индийском океане, помогая ВМФ и ВВС США продолжать операцию в Афганистане в рамках войны с терроризмом. «Если Япония решит не присоединиться к международной борьбе с терроризмом, это будет большая трагедия», — отметил Шиффер на пресс-конференции в Токио¹⁵.

¹³ Diplomatic Bluebook 2005. С. 137.

¹⁴ Подробнее см. на официальном сайте МИД Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/terrorism/measure0610.html>

¹⁵ URL: <http://www.rosbalt.ru/2008/1/29/441724.html>

Новый премьер-министр Ясуо Фукуда пообещал союзникам по антитеррористической коалиции приложить все усилия, чтобы вернуть танкеры в Индийский океан и возобновить снабжение сил антитеррористической коалиции топливом и водой. Правящая коалиция при бегле к оговорке в конституции, позволяющей принять закон, дважды отвергнутый верхней палатой, двумя третями голосов нижней — после чего 11 января 2008 г. правящая коалиция провела документ через нижнюю палату — легко, 340 голосами против 133. С одной стороны, такой шаг позволил Токио выполнить просьбу (фактически требование) Вашингтона о возобновлении снабжения топливом и водой сил антитеррористической коалиции в Афганистане, с другой — для правительства Японии это чревато обострением противостояния с оппозицией и падением поддержки избирателей.

В ноябре 2008 г. бывший премьер-министр Асо Таро решительно высказался за продление помощи, которую военно-морские силы страны оказывают международным войскам в Афганистане. Асо подчеркнул, что многие страны, несмотря на потери среди военнослужащих, собираются расширить присутствие в Афганистане, и Япония тоже не должна отказываться от своей миссии¹⁶.

Срок миссии сил самообороны в Индийском океане, в рамках которой японские военные моряки с 2001 г. проводят дозаправку топливом и пресной водой кораблей международной антитеррористической коалиции в Афганистане, истек 15 января 2010 г. В связи с этим новый премьер-министр Хатояма Юкио заявил, что правительство не собирается продлевать срок миссии, а намерено переориентировать свое участие в коалиции на развитие гуманитарных проектов, сельского хозяйства, организацию профессионального обучения для местного населения, считая эти формы деятельности наиболее действенными мерами для предупреждения терроризма¹⁷.

Антитеррористическая операция США дала Японии шанс проявить приверженность союзническим принципам и таким образом доказать, что она способна наравне со всеми странами обеспечивать участие своих граждан в поддержании мира и безопасности. Теракты также явились поводом для того, чтобы произвести определенное расширение деятельности «сил самообороны» и одновременно обеспечить по возможности спокойную реакцию стран АТР.

10 декабря 2004 г. правительство Японии одобрило новую редакцию «Основных положений оборонной политики Японии». Концепту-

¹⁶ Новости радио «Свобода» // <http://www.svobodanews.ru/content/News/469492.html>

¹⁷ Корабли ВМФ Японии в последний раз направились в Индийский океан // URL: http://www.rian.ru/defense_safety/20091109/192599363.html

альная нацеленность обновленной оборонной стратегии Японии — задать нужный вектор развитию Сил самообороны в условиях, когда на смену конфигурации внешних опасностей времен «холодной войны» (необходимость противостояния возможной агрессии со стороны СССР) пришли новые угрозы и вызовы, в первую очередь — международный терроризм, распространение ядерного оружия, пиратство и т.д. Наряду с глобальными вызовами, источником беспокойства японских военных продолжает оставаться наличие значительного военного, в том числе ядерного потенциала и активная модернизация вооружений в странах Азиатско-тихоокеанского региона.

Кардинальные изменения оборонной доктрины страны, а также выработка Японией «долговечного закона», согласно которому она в любой момент сможет направлять «силы самообороны» за границу, вызывает озабоченность и осуждение соседних стран — Республики Кореи и Китая, которые опасаются возрождения японского милитаризма. Представители МИД КНР также заявляют, что выбор Японией мирного пути развития отвечает не только интересам самой Японии, но и необходим для дела мира и стабильности в регионе и во всем мире 18. Таким образом, официальные протесты со стороны Китая и Северной Кореи способствуют дальнейшему усилению антагонизма между важнейшими региональными игроками.

Участие Японии в антитеррористической деятельности позитивно влияет на российско-японские отношения. Японская сторона считает сотрудничество с Россией в борьбе с международной террористической угрозой важной составляющей всего комплекса российско-японских отношений. Безусловно, что данному сотрудничеству еще предстоит пройти долгий путь от достижения договоренностей до их реального наполнения. В 2001 г. было подписано Совместное заявление о взаимодействии в международных делах, в 2002 г. — Совместное заявление по борьбе с международным терроризмом. В подписанном в 2003 г. «Российско-Японском плане действий» была поставлена задача «развивать взаимодействие по антитеррористической проблематике, сотрудничая при обсуждении тематики борьбы с терроризмом в рамках многосторонних структур»¹⁹.

Следующий важный этап российско-японского взаимодействия на антитеррористическом поприще был связан с официальным визи-

¹⁸ Китай надеется на проведение Японией политики «специальной обороны» и на ей выбор мирного пути развития // (URL: http://russian.people.com.cn/200307/28/rus20030728_78123.html)

¹⁹ Подробнее см. на сайте Посольства Японии в России. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/plan.html>

том в Японию президента России Владимира Путина в ноябре 2005 г., в ходе которого состоялось подписание основополагающего документа, касающегося укрепления российско-японского сотрудничества в борьбе с международным терроризмом — «Программы действий в области сотрудничества в борьбе с терроризмом». Предтечами этого документа стали Совместное заявление, подписанное на министерском уровне в феврале 2002 г., и соответствующие положения международного раздела «Российско-японского плана действий». Важным пунктом «Программы» является заявление о том, что стороны «отвергают все попытки ассоциировать терроризм с какой бы то ни было религией, национальностью, расой или культурой и подчеркивают необходимость укреплять взаимопонимание между культурами и цивилизациями»²⁰.

Также были представлены конкретные меры укрепления российско-японского сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, в числе которых была зафиксирована договоренность об обмене опытом, информацией и технологиями между правоохранительными и другими соответствующими органами двух стран. На сегодняшний день Программа действий Российской Федерации и Японии в области сотрудничества в борьбе с терроризмом является, безусловно, важнейшим документом, регулирующим взаимодействие двух стран в этой области.

С оформлением правовой основы для обмена информацией российско-японское антитеррористическое сотрудничество вышло на новый уровень, свидетельством чего стало проведение в январе 2007 г. первой встречи в рамках стратегического диалога между двумя странами на уровне первых заместителей министров иностранных дел, в ходе которой обсуждались проблемы стратегической стабильности, борьбы с терроризмом, нераспространения оружия массового уничтожения и северокорейская ядерная программа²¹.

Важно подчеркнуть, что единой системы антикризисного реагирования в Японии не существует по сей день. Диверсификация источников угроз с точки зрения национальной безопасности на рубеже тысячелетий заставила руководство Японии задуматься о выработке мер по реагированию на «новые вызовы». Так, был резко усилен контроль за въездом иностранцев на территорию Японии (в 2005 г. во въезде было отказано 8 тысячам иностранцев, что на 9% больше, чем в 2004 г.)²².

²⁰ Подробнее см. на официальном сайте Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2005/11/97754.shtml>

²¹ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова перед СМИ 18 ноября 2006 г. // URL:http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/beb4678ec4234a12c325722a004d8c90?OpenDocument

²² Подробнее см. на официальном сайте Министерства Юстиции Японии. URL: <http://www.moj.go.jp/ENGLISH/information/icrt-01.html>

Предполагается, что у всех прибывающих в страну иностранцев будут заранее сниматься отпечатки пальцев, а их фотографии — размещаться в особой общепонской компьютерной базе.

Всем авиакомпаниям, совершающим рейсы в Японию, будет вменено в обязанность представлять властям списки пассажиров. Кроме того, существенно расширен список товаров, ввоз которых на территорию Японии запрещен — за счет включения в него веществ, которые могут быть использованы в качестве компонентов для изготовления химического или бактериологического оружия.

Министерство государственной территории и транспорта приняло решение разработать и ввести в действие эффективную систему видеонаблюдения на всех железнодорожных станциях и объектах транспортной инфраструктуры²³. Предполагается, что министерство юстиции Японии сможет, заподозрив принадлежность того или иного иностранца к террористической организации, выносить решение о его экстрадиции. Полиция получит право проводить обыски на квартирах лиц, подозреваемых в причастности к терроризму, а также устанавливать в их жилищах прослушивающую аппаратуру.

Поиск путей противодействия мировому терроризму является актуальнейшей задачей современности, решение которой международному сообществу еще предстоит искать. В этом контексте инициативы и активность Японии в рамках международных и региональных организаций весьма заметны. Несомненно, опыт Японии в противодействии «внутреннему терроризму» окажется полезным и в борьбе с глобальным терроризмом, но следует иметь в виду, что в контексте взаимосвязанных международных отношений каждый сделанный Японией шаг может иметь далеко идущие последствия.

За последнее десятилетие борьба с международным терроризмом стала одной из приоритетных задач японской политики в области обеспечения национальной безопасности. От реактивного подхода, свойственного Японии до середины 1990-х гг., она перешла к инициативному. Однако даже если японское правительство, принимая решения об изменении «оборонной политики», пересмотре Конституции или ужесточении политики в отношении въезда в страну иностранцев, руководствуется принципами обеспечения национальной безопасности, подобные решения должны быть очень взвешены и тактичны, дабы не отразиться негативно на всем комплексе взаимоотношений Японии как со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, так и с США и Россией.

²³ Подробнее см. на официальном сайте Министерства государственной территории и транспорта Японии. URL: http://www.mlit.go.jp/sogoseisaku/kokusai_e/minister_e.html

Краеугольным камнем международной антитеррористической деятельности, в которой Япония принимает активное участие, является не столько создание механизма пресечения и реагирования на террористические акты, сколько усилия по сглаживанию негативных сторон глобализации, вовлечение в нее большего круга стран (особенно представителей исламского мира) и содействие социально-экономическому развитию стран, оказавшихся на периферии происходящих в мире процессов. Хочется надеяться, что Японии удастся использовать свой опыт противодействия «внутреннему» терроризму для эффективной борьбы с угрозой терроризма глобального.

Библиография

1. Заявление премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро, 11 декабря 2001 г. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/koizumispeech/2001/1211tero.html>
2. Китай надеется на проведении Японией политики «специальной обороны» и на ей выбор мирного пути развития // URL: http://russian.people.com.cn/200307/28/rus20030728_78123.html
3. Корабли ВМФ Японии в последний раз направились в Индийский океан // URL: http://www.rian.ru/defense_safety/20091109/192599363.html
4. Новости радио «Свобода» // <http://www.svobodanews.ru/content/News/469492.html>
5. Обзор контртеррористического сотрудничества Японии // Официальный сайт МИД Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/terrorism/cooperation.html>
6. Официальный сайт МИД Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/terrorism/cooperation.html>
7. Официальный сайт Министерства государственной территории и транспорта Японии. URL: http://www.mlit.go.jp/sogoseisaku/kokusai_e/minister_e.html
8. Официальный сайт Министерства Юстиции Японии. URL: <http://www.moj.go.jp/ENGLISH/information/icrr-01.html>
9. Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/russian/documen/convents/terrorism.htm>
10. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2005/11/97754.shtml>
11. Официальный сайт саммита «Группы Восьми» в Санкт-Петербурге. URL: <http://www.g8russia.ru/docs/17.html>

12. Сайте Посольства Японии в России. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/plan.html>
13. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова перед СМИ 18 ноября 2006 г. // URL:http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/beb4678ec4234a12c325722a004d8c90?OpenDocument
14. Diplomatic Bluebook 2002. Ministry of Foreign Affairs, Japan. 2002.
15. Diplomatic Bluebook 2005. Ministry of Foreign Affairs, Japan. 2005.
16. URL: <http://www.rosbalt.ru/2008/1/29/441724.html>

НАТО в обеспечении безопасности в Центральной Азии

Сотрудничество стран Центральной Азии и НАТО началось сразу после обретения данными государствами независимости. Все пять государств в декабре 1991 г. стали членами Совета Североатлантического Сотрудничества, в 1997 г. переименованным в Совет евроатлантического партнерства. Четыре страны кроме Таджикистана (вступил в 2002 г.) быстро присоединились к программе Партнерство ради мира (ПРМ)¹. Но, исходя из того, что ПРМ построено на потребностях самих стран участниц и отсутствия реальных озабоченностей стран Центральной Азии, сотрудничество развивалось медленно либо вообще оставалось на бумаге. Регион Центральной Азии не представлял особого интереса и в силу удаленности, и по причине нахождения региона на периферии политических амбиций. С началом антитеррористической операции в Афганистане Центральная Азия стала регионом интересов Североатлантического Альянса. Соответственно появились и новые цели, как в сфере безопасности, так и цели политического значения.

Формирование стратегического значения региона для НАТО

После начала антитеррористической кампании в Афганистане внимание к региону резко возросло. США и их союзники по НАТО обратились за поддержкой их операции в Афганистане и получили ее.

Киргизия передала в аренду аэропорт Манас, где расположились 1400 военнослужащих из США, Италии, Дании, Нидерландов и Южной Кореи. В узбекском Карши-Ханабад была развернута американская военная база, с 1,5 тыс. военных и 25-30 транспортных самолетов С-130Н и С-17, после 2003 г. ставшая базой Альянса. Относительно крупная немецкая группировка (200 чел.) располагалась в Термезе.

¹ Вступление четырех стран произошло в 1994 году. Программа может затрагивать различные области сотрудничества: гражданские-военные отношения, образование и обучение, военное сотрудничество и упражнения, гражданское чрезвычайное планирование, и сотрудничество в науке и экологических проблемах.

Узбекистан также предоставил право на пролет над своей территорией и транзит для перевозок личного состава и предметов снабжения членов НАТО. Французские военные расположились в аэропорту Душанбе.

Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан подписали соглашения о праве транзита через свою территорию невоенных грузов. Специалисты из Казахстана и Узбекистана начали помогать в восстановлении Афганистана. Некоторые страны Центральной Азии начали вносить свой вклад в борьбу против терроризма через участие в «Плане Действия Партнерства против Терроризма», который был создан после террористических атак сентября 2001 г. на Соединенные Штаты², в частности обмениваясь разведывательными данными, проводя подготовку и учения, направленные на совершенствование контртеррористических и пограничных сил и средств.

С 2003 г. командование коалиционными силами в Афганистане перешло к НАТО. Американские базы стали и базами Альянса, а Центрально-Азиатская тематика по словам тогдашнего генсека Альянса Дж. Робертсона, стала одним из приоритетных вопросов НАТО. Между государствами Центральной Азии и государствами НАТО стоят общие задачи, цели, у нас общий враг и мы должны бороться с ним вместе³, — заявлял Робертсон.

Формально стратегическое значение Центральной Азии оформилось в 2004 г. на саммите НАТО в Стамбуле. После этого саммита была создана отдельная должность специального представителя НАТО по странам Центральной Азии и Кавказа. Также Альянс ввел должность специалиста связи в региональном штабе в Алматы, Казахстане, который должен развивать сотрудничество со всеми странами Центральной Азии на местах. По словам бывшего генсека НАТО Я. де Хооп Схеффера, именно после этого, НАТО стал вести «активную работу по развитию сотрудничества со всеми пятью государствами Центральной Азии»⁴. Стремясь подчеркнуть значение Центральной Азии для Альянса и заручиться их поддержкой Я. де Хооп Схеффер осенью того же года посетил все пять стран Центральной Азии.

² Partners in Central Asia. BACKGROUNDER. NATO, November 2007. BGR5-ASI-ENG-11 07.

³ Официальный пресс-релиз МИД Казахстана (7–13 июля), 2003. <http://www.nomad.su/?a=3-200307160021>.

⁴ Интервью Яаапа де Хооп Схеффера журналу Индекс Безопасности // Индекс Безопасности, №2 (82), Том 13, 2007.

Практическое сотрудничество со странами Центральной Азии

Узбекистан

Перспективы сотрудничества с Узбекистаном были достаточно многообещающими — на определенном этапе. В 2002 г. Узбекистан вступил в Индивидуальную Программу действия партнерства (ИПДП), а узбекские вооруженные силы начали строиться по модели стран НАТО. Военные подразделения реформированы по натовскому образцу, основной самостоятельной единицей стала боевая группа. На базе танко- и авиаремонтных заводов, полигонов, складов развернуты пять военных округов, существует высшее военное училище и даже академия ВВС.

Действуют три оснащённые американцами сержантские школы. Офицеры нового поколения проходят обкатку в натовских учениях по программе «Партнерство ради мира» и свободно говорят по-английски. Только вооружение в Узбекистане по прежнему советского образца. По линии Госдепа США Узбекистан получал только технику на несколько миллионов в год. Кроме американцев, в перевооружении узбекистанской армии участвуют и другие страны НАТО. Во Франции проходили модернизацию боевые вертолеты МИ-24⁵.

Узбекистан, первоначально вовлеченный в ИПДП, после 2005 г. в связи с разногласиями на действия в Андижане, приостановил участие в заседаниях СЕАП и сократил свое сотрудничество до нескольких незначительных действий. Осуществлялось сотрудничество в таких областях, как обучение и подготовка кадров и гражданское чрезвычайное планирование. Каналы связи также оставались открытыми.

После визита в Ташкент спецпредставителя НАТО Р.Симмонса в конце 2007 г., НАТО и Узбекистан возобновили регулярный диалог через СЕАП и возобновили сотрудничество в ряде конкретных областей.

Узбекистан остается одним из основных транзитных маршрутов для перебросок гуманитарных грузов в Афганистан, большая часть которых доставляется по мосту Хайратон. Узбекские специалисты помогают в осуществлении важных инфраструктурных проектов в Афганистане, включая реконструкцию десяти мостов, связывающих север

⁵ НАТО — Центральная Азия: сотрудничество укрепляется, 20 августа 2003. http://www.dw-world.de/popups/popup_printcontent/0,,952435,00.html (последнее посещение 20 августа 2009).

страны с Кабулом. Узбекистан продолжает участвовать в семинарах и симпозиумах по оборонной политике и стратегии по линии Партнерства ради мира, а также в мероприятиях по обучению офицеров ВС Узбекистана с акцентом на изучении английского и французского языков⁶. Кроме того, по заверениям Р.Симмонса посетившего 5 марта 2008 г. Москву, — «Узбекистан демонстрирует готовность к сотрудничеству. В этом контексте мы удовлетворены тем, что власти данного государства готовы предоставить ... базу («К2» — М.С.) для использования другим странам помимо Германии». Насколько я понимаю, США начинают использовать этот объект, и мы, естественно, можем это только приветствовать, — заявил представитель Альянса⁷.

Позже источники в Штаб-квартире Североатлантического альянса частично опровергли эту информацию, заявив, что Симмонс имел в виду аэродром в Термезе. Именно из Термеза, который расположен на правом берегу Амударьи — по реке проходит граница с Афганистаном, — теперь можно будет американцам, правда, на самолетах бундесвера, переправляться в эту страну⁸. Пока прямого доступа на двусторонней основе ни к одному из военных объектов в Узбекистане США не имеют⁹.

Более того, стремясь вернуть Узбекистан в поле сотрудничества, Альянс пригласил лидера страны И.Каримова посетить Бухарестский саммит НАТО в апреле 2008 г. На саммите И.Каримов подтвердил готовность к восстановлению отношений, заявив, что Узбекистан поддержит НАТО в ее усилиях по стабилизации ситуации в Афганистане. На заседании Совета евроатлантического партнерства И.Каримов предложил Альянсу коридор для перевозки невоенных грузов в Афганистан через пограничный узел «Термез-Хайратон» — единственный путь железнодорожного сообщения с этой страной. Выступая на саммите, Каримов пообещал подписать соответствующее соглашение. «За основу будущего соглашения можно было бы взять подписанное Узбекистаном и Германией 4 марта текущего года соглашение по железнодорожному транзиту грузов бундесвера через территорию Узбекистана», — отметил президент Узбекистана¹⁰. Очевидно, что стремление Узбекистана вернуть отношения с НАТО на прежний уровень с радостью восприня-

⁶ Отношения между НАТО и Узбекистаном. Как осуществляется сотрудничество на практике? 19-Feb-2008 // Официальный сайт НАТО. <http://www.nato.int/issues/nato-uzbekistan/index-ru.html> (последнее посещение 20 августа 2009).

⁷ США вновь начинают использовать военную базу в Узбекистане // Оазис, 05 марта 2008.

⁸ См.: Мы НАТО Ханабад не отдадим // Независимая газета, 7 марта 2008.

⁹ См.: НАТО наступает на Узбекистан // Военно-промышленный курьер, № 10 (226), 12-18 марта 2008.

¹⁰ См.: Центральная Азия дрейфует на Запад // Независимая газета, 7 апреля 2008.

ли в Альянсе, а значит, в самом ближайшем будущем России придется искать механизмы сдерживания натовской активности в Республике.

Казахстан

В 2002 г. Казахстан вступил в программу НАТО «Процесс планирования и анализа ПРМ», которая усилила поддержку НАТО в проведении оборонной реформы в Казахстане. Позже министерство обороны Казахстана инициировало и подписало «Меморандум о взаимопонимании между Республикой Казахстан и Организацией НАТО по техническому обеспечению и обслуживанию и сотрудничестве в области материально-технического обеспечения»¹¹. Процедура Программы рассчитана на 6 лет. Она связана с тактической и языковой подготовкой, технической и оперативной совместимостью оперативно-тактических средств связи, защитой в случае применения оружия массового уничтожения (ОМУ), медицинским и тыловым обеспечением действий батальона, выделенного для целей ПИМ, а также его авиатранспортным обеспечением¹².

С присоединения к Программе Казахстан выделили из своих ВС батальон (Казбат) для сотрудничества с ВС стран НАТО. В ее состав вошли инженерно-саперный отряд, медицинский отряд, ряд других подразделений. Для повышения взаимодействия между казахстанскими и натовскими военными в Казахстане был открыт класс по обучению казахстанских военных английскому языку.

Таким образом, Казахстан получил возможность проводить совместные учения со странами Альянса, участвовать в миротворческих миссиях и мероприятиях по поддержанию мира в зонах вооруженных конфликтов с их участием.

Ежегодно с 2003 г. в Казахстане проводятся большие контртеррористические учения «Степной орел». Эти учения способствовали повышению оперативной совместимости подразделения ВС Казахстана и сил Североатлантического альянса. В учениях принимают участие

¹¹ В рамках программы приоритет был поставлен на разработке новой военной доктрины, организации службы береговой охраны, функционировании Вооруженных Сил в условиях демократии, приведение выделенного в интересах ПИМ «Казбата» в соответствие со стандартами НАТО и их подготовку для возможного будущего участия в международных операциях по поддержанию мира, особенно в обучении и подготовке военных кадров в военно-учебных заведениях НАТО. Процедура Программы рассчитана на 6 лет.

¹² В рамках программы приоритет был поставлен на разработке новой военной доктрины, организации службы береговой охраны, функционировании Вооруженных Сил в условиях демократии, приведение выделенного в интересах ПИМ «Казбата» в соответствие со стандартами НАТО и их подготовку для возможного будущего участия в международных операциях по поддержанию мира, особенно в обучении и подготовке военных кадров в военно-учебных заведениях НАТО.

представители вооруженных сил США и Великобритании. Планируется увеличение состава участников.

Кроме этого, отдельный инженерно-сапёрный отряд специального назначения аэромобильных сил с 2003 по 2008 гг. выполнял миротворческую миссию в составе Многонациональных сил в Ираке, а именно выполнял поиск и уничтожение неразорвавшихся боеприпасов, оборудовал пункты полевого водоснабжения, выполнял очистку воды и оказывал медицинскую помощь местному населению.

За пять лет миротворческой миссии бойцы Казбата обезвредили 4 миллиона единиц взрывчатых веществ, военные хирурги сделали 500 операций. Наши саперы осуществляли в Ираке обучение не только иракцев, но и военнослужащих стран коалиции. Офицеры-саперы Казбата подготовили более 200 специалистов. Всего в Ираке несли службу 290, а на таджикско-афганской границе пять тысяч казахстанских военнослужащих¹³.

С 2008 г. начался процесс формирования миротворческой бригады на основе существующего Казбата. Оснащением Казбата — от формы до автомобилей «Хаммер» — занимаются США и другие зарубежные государства. Для остальных частей бригады закупки производит сам Казахстан. Оружие в остальных подразделениях миротворческой бригады (Казбриг) и во ВС советское или российское.

Предложения НАТО о перестройке ПВО под натовские стандарты одобрения не получили. Это не только крайне затратно с финансовой точки зрения¹⁴, но и поставило бы вопрос о внешнеполитической позиции Казахстана.

Сейчас военная доктрина Казахстана ставит на первое место в сотрудничестве ОДКБ и Россию. Во взаимоотношениях с Казахстаном Россия имеет карт-бланш, и если Казахстан захочет что-то предложить, первой об этом узнает Россия. И только Россия сама может где-то проиграть. Президент Н. Назарбаев сказал в интервью ИА Рейтерс 28 марта 2008 г., — «если у нас... (появится) необходимость покупать оружие, естественно, мы будем тратить деньги на современное оборудование... будем смотреть, чтобы тратить деньги на самое лучшее. Если встанет вопрос, что лучшее это в странах НАТО, конечно, будем (там) закупать», — сказал Назарбаев. Экономические интересы являются приоритетом для Казахстана и в области внешней политики и в военном сотрудничестве. Именно поэтому так важно для Казахстана взаимодействие и развитие сотрудничества и с НАТО. Однако в данном конкретном случае встает вопрос денег. Если Россия сможет без

¹³ Деловой Казахстан № 48 (145), 12 декабря 2008.

¹⁴ Предполагает инвестиций более 1 млрд. долларов.

ущерба для себя предложить столь же качественные вооружения за менее низкую цену, Казахстан потерять будет сложно. Как считают казахстанские эксперты, опасения связаны с тем, что в будущем лавировать между Россией и НАТО, возможно, будет все сложнее, в особенности в условиях использования США политики НАТО в исключительно своих целях. Казахстан ждет миллионные счета, полагая, что в будущем подарков типа машин «Хаммеров» больше не будет¹⁵.

В структуре Казбрига в 2010 г. начался процесс создания Казбат-2, который будет являться мотострелковым подразделением идентичным Казбат-1. Вооружение батальона будет штатным для вооруженных сил РК. Основные проблемы в оснащении подразделения пока вызывает нехватка броневедомостей «Хаммер», которые поставляют США. Оснащение батальона бронетранспортерами БТР-70 и грузовыми автомобилями трудностей не вызывает¹⁶.

Также в апреле 2010 года в Алматы был открыт реконструированный Центр подготовки казахстанской миротворческой бригады «Казбриг». Ремонт стоимостью 780 тыс. долл. был завершен 28 февраля 2010 года местной строительной компанией под контролем и при финансовой поддержке США. По словам посла США в Казахстане Р.Хоугланд, «реконструкция данного объекта позволит Казбригу улучшить знания английского языка, оперативную готовность и планирование боевых возможностей для проведения миротворческих операций, являющихся частью международных операций, санкционированных ООН»¹⁷.

Таким образом миротворческие силы Казахстана стали полностью интегрированными с ВС стран НАТО. Учитывая то, что миротворческие силы могут состоять из нескольких бригад, дальнейший перевод ВС Казахстана на НАТОвский образец вполне реален. Этот чисто политический шаг не имеющий ничего общего с обеспечением национальной безопасности Казахстана никакого отношения, при его дальнейшем расширении может иметь негативный отзыв со стороны России, спровоцировать на опасное соперничество.

После вступления в программу ППА, сотрудничество с НАТО пошло по нарастающей. «Так, по его данным, если в 2001 г. Казахстаном

¹⁵ См.: Шаймергенов Т. Центральная Азия в военно-политической стратегии НАТО на современном этапе: позиция России // Казахстан-Спектр, №3, 2005; Лаумулин М. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том II: Внешняя политика и стратегия США на современном этапе и Центральная Азия. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2006. с. 149.

¹⁶ Минбороны РК создает Казбат-2, 28 апреля 2010. <http://www.zonakz.net/articles/4print.php?artid=29207>(последнее посещение 28 апреля 2010).

¹⁷ Вступительное слово посла Ричарда Ю. Хоугланда на Церемонии открытия Центра подготовки КАЗБРИГа 27 апреля 2010. <http://russian.kazakhstan.usembassy.gov/tr-04-27-10.html>(последнее посещение 28 апреля 2010).

и НАТО были проведены 5 совместных мероприятий, то в 2004 г. — уже свыше 60, в 2005 г. — более 100. На 2006 г. запланировано около 160 совместных мероприятий», — заявил зам. министра обороны РК Б. Сембинов¹⁸.

31 января 2006 г. между Казахстаном и Североатлантическим альянсом был подписан «Индивидуальный план действий партнерства» (ИПДП), который на сегодняшний день стал определяющим документом в развитии отношений Казахстана с НАТО. Главной функцией ИПДП является создание правовой основы для осуществления взаимодействия, получения консультаций, обмена опытом по улучшению бюджетного планирования на оборонные расходы. Данный план, разрабатываемый на двухлетний срок, призван свести различные механизмы сотрудничества, на основе которых Казахстан осуществляет взаимодействие с Альянсом, в единый план действий, в котором основное внимание уделяется содействию в достижении целей реформ в стране. В рамках данной структуры правительство Казахстана создает собственные планы реформ, определяет приоритеты и устанавливает соответствующие сроки.

В рамках ИПДП с 2006 г. проводятся Недели партнерства НАТО-Казахстан, с мероприятиями в сфере общественной дипломатии, информируя и рассказывая студентам о деятельности Альянса¹⁹, открыта депозитарная библиотека при Национальной академической библиотеке в Астане. Также важным событием в процессе укрепления диалога с Альянсом является получение Парламентом Республики Казахстан статуса наблюдателя в Парламентской Ассамблее НАТО в ноябре 2004 г.

Осуществляется сотрудничество в реформе сектора безопасности основной на реформе в Министерстве обороны, строительства оборонных институтов, консультаций высших военных лиц, осуществляются проекты по развитию ВМС Казахстана в Каспийском море²⁰.

Так между Казахстаном и США в феврале 2008 г. подписан второй пятилетний План сотрудничества РК и США до 2012 г. Проводится реформа в оборонной сфере. По НАТОвскому образцу созданы Комитет начальников штабов, виды ВС РК и региональные командования «За-

¹⁸ Красная звезда, 27.04.2006, с. 3.

¹⁹ Первая неделя прошла в июне 2006 года, вторая в апреле 2008 года. На ней состоялось открытие компьютерного центра в Военном институте иностранных языков, а также открытие депозитарной библиотеки НАТО при Национальной академической библиотеке в Астане.

²⁰ См. Отношения между НАТО и Казахстаном. 05-Feb-2008//Официальный сайт НАТО. <http://www.nato.int/issues/nato-kazakhstan/index-ru.html> (последнее посещение 28 апреля 2010).

пад», «Восток», «Юг», «Астана», а также Аэромобильные войска, которые являются резервом Верховного главнокомандующего.

Создание и развитие военно-морских сил на Каспии является одной из важнейших целей оборонного развития Казахстана. В этой связи к 2007 г. была разработана новая Концепция развития Военно-морских сил ВС РК, которая охватывает период до 2025 г.²¹, ставящая целью создание крупного (второго после России) флота на Каспии. Подобные военно-политические задачи не могли остаться без внимания Североатлантическим руководством.

В ответ представитель НАТО Р.Симмонс заявил, что НАТО рассматривает возможности, для оказания помощи для наращивания военно-морских сил на море. Я сам уже посетил базы, которые там есть. И мы изучаем возможности относительно того, как внести вклад в этот процесс, — заявил г-н Симмонс²².

Страны НАТО могут помочь решить проблему строительства кораблей, водоизмещением более 500 тонн, которые сам Казахстан построить не может. Свои услуги уже предлагают Франция, Турция, Украина и Россия²³. Также, согласно некоторым сообщениям прессы, США высказывали намерение передать Казахстану патрульный корабль, водоизмещением порядка 1000 тонн²⁴.

В 2008 г. Казахстан подписал меморандум о предоставлении аэропорта Алма-Аты в качестве запасного аэродрома для экстренных посадок самолётов ВВС США. Предоставление воздушных коридоров и использование аэродрома Алма-Аты американскими военновоздушными силами будет действовать только в течение проведения операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане. США «оплатит все услуги аэропорта, запрошенные и полученные, а также посадку и парковку по приемлемым ставкам»²⁵.

Возможно, взамен Казахстан, находящийся в экономическом кризисе получил некоторые финансовые уступки. На это указывает то, что в это же время появилась информация о начале улучшения инфраструктуры в военных городках, которая не менялась с 60-ых годов про-

²¹ Подняты вопросы развития ВМС, 19 сентябрь 2007 // Официальный сайт Министерства обороны РК.

²² НАТО и Казахстан — совместный бросок вперед?, 25 мая 2007. <http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=91616>(последнее посещение 28 апреля 2010).

²³ Имеется в виду «Рособоронэкспорт», «Укроборонэкспорт», а также французские предприятия морского строительства CMN и Armaris DCNS.

²⁴ К. Чуприн. Еще один флот на Каспии // Независимое военное обозрение, 14 марта 2008.

²⁵ Казахстан создает условия для военной базы НАТО на своей территории, 02 декабря 2008. http://www.dw-world.de/popups/popup_printcontent/0,,3843898,00.html (последнее посещение 28 апреля 2010).

шлого столетия, и принята министерством обороны Казахстана специальная программа по строительству и капитальному ремонту жилья для военнослужащих, которую военное ведомство страны намерено завершить до 2011 г.²⁶

Таким образом, расширение конструктивного взаимодействия с НАТО по словам М.Тажина министра иностранных дел, является важным направлением внешнеполитического курса Казахстана в рамках стратегии по укреплению безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Казахстан поддерживает высокий уровень и интенсивность политического диалога, нацелен на дальнейшее развитие Евroatлантического партнерства и программы «Партнерство во имя мира» как основы политического диалога и практического сотрудничества.

После 2005 г. именно Казахстан принимает участие в полном спектре мероприятий ПРМ, и стал примером в развитии сотрудничества с НАТО для других стран Центральной Азии, развивая на примере Республики демократические процессы. По словам заместителя генерального секретаря НАТО Клаудио Бисоньеро, Казахстан является ключевым партнером НАТО в регионе Центральной Азии. Альянс хотел бы укрепить и развить отношения с Казахстаном в ближайшем будущем²⁷.

Развитие отношений произошло в марте 2009 г., когда представители Казахстана заявили, что намерены продолжить оказание помощи по восстановлению Афганистана. В 2007-2008 г. объем помощи, по данным агентства «Kazinform», составил около 2,5 миллионов долларов США. Казахстан также выразил готовность принять участие в подготовке афганских специалистов, а также офицеров афганской армии.

Заявление было услышано в НАТО, и в мае 2009 г. Альянс официально пригласил Казахстан принять участие в миротворческой операции в Афганистане. Представитель альянса Р.Симмонс подчеркнул, что казахстанская армия уже достигла уровня оперативной совместности с войсками НАТО и сумеет успешно проявить себя в афганской миссии.

Казахстан с первых дней оказывает содействие международной антитеррористической коалиции и силам МССБ. Начиная с 2003 г., воздушное пространство Казахстана пересекли более шести тысяч са-

²⁶ В Казахстане проходят совместные учения миротворцев «Казбат» и подразделений НАТО, 15 сентября 2008. http://www.dw-world.de/popups/popup_printcontent/0,,3647348,00.html (последнее посещение 28 апреля 2010).

²⁷ Сотрудничество НАТО и Казахстана, 11 сентября 2008. http://www.dw-world.de/popups/popup_printcontent/0,,3637724,00.html (последнее посещение 28 апреля 2010).

молетов государств — членов НАТО, более 80 была разрешена экстренная посадка на казахстанских аэродромах²⁸.

В июне 2009 г. подчеркивая значение Казахстана, НАТО впервые провело Форум по безопасности с участием высокопоставленных представителей государств-членов НАТО в Центральной Азии, а именно в Астане. Однако Казахстан не направил Казбриг в Афганистан, также как и отказался от участия в учениях НАТО в Грузии в апреле 2009 г. Вряд ли это было связано с позицией России в отношении НАТО, скорее Астана, также как Москва, подвержена комплексам советского присутствия в данной стране.

В то же время другие страны Центральной Азии не стремятся к вхождению в Индивидуальный план. Несмотря на присоединение Туркменистана ко многим программам его активность в них практически не была заметна. Узбекистан, первоначально вовлеченный в ИПДП, после 2005 г. в связи с разногласиями из-за событий в Андижане, сократил свое сотрудничество до нескольких незначительных действий. По-прежнему осуществляется сотрудничество в таких областях, как обучение и подготовка кадров и гражданское чрезвычайное планирование. Каналы связи также оставались открытыми.

Киргизия

После «революции тюльпанов» в 2005 г. и прихода нового правительства НАТО выразило готовность помочь республике в таких областях, как оборонная реформа и обучение чиновников, гражданское планирование на случай чрезвычайных ситуаций. В ответ Киргизия позволила США и странам коалиции сохранить авиабазу, и 2007 г. официально вступила в программу «Процесс планирования и анализа». Целью программы является модернизация вооруженных сил и ее совместимость с силами Альянса, для того чтобы бороться с общими вызовами и принимать участие в учениях ПРМ.

Для этого Правительством Киргизии из состава Национальной гвардии выделен миротворческий батальон «Скорпион», ставший аналогом казахского Казбата по постановке отдельного подразделения под стандарты НАТО²⁹. Киргизия стала участвовать в многочисленных учениях ПРМ.

²⁸ Евроатлантический, расширенный Совет // Казахстанская правда, 25 июня 2009. <http://www.nomad.su/?a=3-200906260234> (последнее посещение 28 апреля 2010).

²⁹ В число частей и подразделений участвующих в учениях вошли: пехотная рота, взвод специального назначения из состава Национальной гвардии, предназначенный для подготовки к контртеррористической деятельности и миротворчеству, а также рота пограничных войск.

По словам ведущего киргизского эксперта Нура Омарова, — «наблюдается тревожная тенденция перевода вооруженных сил Киргизии на стандарты НАТО». Упомянув также об американских советниках и проектах ОБСЕ по линии МВД, Н.Омаров считает, что «целый ряд силовых ведомств Киргизии находятся под полным контролем Соединенных Штатов»³⁰. Однако слабая экономическая заинтересованность стран НАТО в Республике мешает развиваться данной тенденции также успешно и теми же темпами, что в Казахстане. Отсутствие экономических интересов (подобных интересам Казахстана на Каспии) не провоцирует НАТО и США на развитие обороноспособности Киргизии. Что говорит о том, что перспективы развития киргизско-натовского сотрудничества хоть и имеет тенденцию к расширению, ограничено объективными экономическими и политическими проблемами Республики.

Основная заинтересованность стран НАТО Киргизией связана с размещенной в 2001 г. американской, а после 2003 г. базой альянса в Манасе.

Не описывая всех перипетий связанных с работой базы и попытками ее закрытия, остановимся на последней. Перед президентскими выборами 2009 г. К.Бакиев должен был сыграть на общественных настроениях по вопросу авиабазы «Манас». Общественности напомнили, что на базе и вокруг ее территории было зафиксировано нескольких автомобильных аварий, драк в ночных клубах виновниками которых были американские солдаты, аварии американского военного грузовика и топливозаправщика, которые врезались в киргизские самолеты Ту-154, склады оружия, контролируемые сотрудниками посольства США, убийство американским солдатом киргизского гражданина. Большинство населения страны не хотели видеть американцев в «Манасе».

В январе 2009 г. слухи о закрытии базы стали еще громче, «Время Новостей» написало, что Бакиев везет в Москву дорогой подарок. Президент Киргизии попросит США вывести военную базу из Бишкека». В Центральную Азию направили Командующего вооруженными силами США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии Дэвида Петреуса, который должен был объяснить важность базы, рассказав о предстоящем наращивании регионального сотрудничества для обеспечения безопасности в Центральной Азии и попробовать предотвратить закрытие авиабазы. По приезду генерал заявил, что США не собираются сворачивать военную базу в Киргизии. Напротив, из-за ухудшения ситуации в Афганистане ее контингент будет увеличен с одной тысячи

³⁰ Интервью 02/04-2008 14:44 , Бишкек, ИА «24.kg» // Нур Омаров: Надо ли Кыргызстану в НАТО <http://www.24.kg/politic/2008/04/02/80841.html> (последнее посещение 28 апреля 2010).

человек до тридцати тысяч. «Сегодня общая финансовая помощь Киргизии со стороны США составляет 150 млн. долл. ежегодно, из которых 63 млн. долл. выделяется непосредственно за авиабазу «Манас». Кроме того, бюджет нашего военного сотрудничества по другим направлениям (на программы борьбы с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком) составит еще 25 млн. долл., — рассказал генерал³¹. Генерал пообещал увеличить вклад США в развитие Киргизии через авиабазу «Манас».

Благодаря американской помощи силовые структуры Киргизии в 2008 г. получили на 450 млн. сомов больше предусмотренного бюджетом. Об этом заявил лидер парламентской фракции СДПК Б.Бешимов³².

Однако, несмотря на это во время визита в начале февраля 2009 г. в Москву президент Киргизии К.Бакиев заявил что «буквально на днях Правительство Киргизии приняло решение о том, чтобы заканчивать срок нахождения военной базы на территории Киргизии»³³.

Объяснив это следующим, — на протяжении последних трех лет Бишкек неоднократно предлагал США обсудить экономическую компенсацию за пребывание на территории республики авиабазы, но понимания не нашел. Кроме этого, более двух лет Бишкек ставил перед американской стороной вопрос о завершении уголовного дела по убийству военным США нашего гражданина Александра Иванова, которой так и не был решен.

Несмотря на очевидное недовольство позицией США, в условиях экономического кризиса любая помощь могла исправить ситуацию. В начале марта 2009 г. К.Бакиев предложил США доплатить за дальнейшую аренду базы «Манас» (Бишкек запрашивал 350 млн. долларов за ежегодную аренду³⁴), заявив США что «двери не закрыты, и (Киргизия — МС) готов рассмотреть все варианты, которые готовы предложить руководство США. Мы готовы вести разговор», — заявил Бакиев³⁵. Тем самым подтвердив, что Москва дала согласие на переговоры.

³¹ Американские военные не собираются уходить из Киргизии, 20 января 2009 // Информационный портал Россия <http://russianews.ru/news/20976> (последнее посещение 20 августа 2009).

³² Силовые структуры Кыргызстана в 2008 году получили на 450 миллионов сомов больше предусмотренного бюджетом // ИА «24.kg», 19 февраля 2009, 15:36.

³³ Пресс-конференция по итогам российско-киргизских переговоров, 3 февраля 2009 года, Москва, Кремль // Официальный портал Президента РФ http://www.kremlin.ru/appears/2009/02/03/2318_type63377type63380_212443.shtml (последнее посещение 20 августа 2009).

³⁴ Судьбу авиабазы «Манас» решит Барак Обама // Независимая газета, 15 июня 2009.

³⁵ Бакиев предложил США доплатить за дальнейшую аренду базы Манас // Известия, 05 марта 2009.

Однако Парламент Киргизии денонсировал соглашения по использованию авиабазы «Манас» с 11 странами антитеррористической коалиции.

В конце апреля стало известно, что США не ищут больше мест в Центральной Азии для образования военной базы вместо «Манаса»³⁶. А чуть позже Пресс-секретарь Пентагона Дж. Моррел заявил, что США смогли достичь прогресса в переговорах по поводу дальнейшего использования авиабазы «Манас»³⁷.

В мае 2009 г. Сенат США одобрил предоставление 30 млн. долл. Киргизии. Хотя ранее представители демократической фракции Сената сообщали, что обязательным условием выделения 30 млн. долл. станет договор, который гарантирует США доступ к аэродромам Киргизии.

Соглашение между правительствами Киргизии и США по созданию в аэропорту «Манас» Центра транзитных перевозок (ЦТП) сроком на один год было заключено 22 июня 2009 г. Однако сменив название, правила использования базы практически не изменились. К центру перешло все имущество, оборудование и функции авиабазы. Изменение ее статуса не коснулось персонала, прежним осталось командование. Изменился лишь размер арендной платы. Пользование инфраструктурой аэропорта теперь обойдется Пентагону в 60 млн. долл. ежегодно вместо прежних 17 млн. долларов. Также Киргизия получила от США еще 110 млн. на обновление инфраструктуры аэропорта, программы двустороннего сотрудничества в сфере безопасности и создания фонда экономического развития.

Также в начале 2010 г. Посольство Соединенных Штатов в Киргизии приняло решение о размещении антитеррористического тренировочного центра в Баткенской области, стоимостью около 5,5 млн. долл. для обучения служащих киргизских вооруженных сил и сил безопасности. Центр будет оснащен американским оборудованием, американскими инструкторами.

Тренировочный центр будет принадлежать правительству Киргизской Республики, также как и еще один учебный комплекс подготовки сил специального назначения «Скорпион» в городе Токмок.

Кроме этого в конце 2009 г. в аэропорт Манас вернулись испанские и французские военные. Теперь Франция и Испания будут платить аэропорту за взлет и посадку самолетов, а также за услуги аэронавигации.

³⁶ По словам помощника госсекретаря США Ричард Баучер на пресс-конференции в Душанбе по итогам визита в Таджикистан. США не будут создавать новую базу в Центральной Азии. См.: США не будут создавать базу вместо «Манаса», 21.04.2009 15:12. http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2009/04/21/n_1354296.shtml (последнее посещение 20 августа 2009).

³⁷ США и Киргизия ведут переговоры по «Манасу» // Независимая газета, 30 апреля 2009.

На этом фоне Россия отказалась от развертывания дополнительного воинского контингента и военной базы на территории Киргизии, несмотря на договоренность об этом в августе 2009 г. между президентами России и Киргизии. Кроме того, уже существующая российская военная база в киргизском Канте сокращается численно и переходит на новый режим службы. База свертывает всю социальную инфраструктуру, отсылая жен и детей военнослужащих в Россию.

После очередной насильственной смены власти в Киргизии, существовала вероятность закрытия ЦТП, но временное правительство заявило, что соглашение о Центре будет продлено на год.

Таджикистан

В рамках афганской компании для помощи авиабазам в Узбекистане и Киргизии в Таджикистане была размещена военно-воздушная база НАТО. В столице Республики разместился французский воинский контингент, включающий: два военных транспортных самолета, 6 боевых самолетов и приблизительно 150 техников и солдат. В 2006 г. Франция объявила планы временно развернуть дополнительный самолет и удвоить число военного персонала в Таджикистане до 400 человек. В середине 2006 г., во время посещения Министра обороны США Д. Рамсфелда Душанбе, возможность увеличения военнослужащих США в Таджикистане были, по сообщениям СМИ, обсуждены в свете сомнительной надежности Киргизии³⁸.

Но этим сотрудничество стран НАТО с Таджикистаном не ограничивается. В 2002 г. на фоне изменения геополитической ситуации в регионе и усиления США, Таджикистан последним из пяти стран Центральной Азии присоединился к Программе НАТО Партнерство ради мира, рассчитывая на финансовую поддержку оборонной сферы.

Великобритания финансирует программу по изучению английского языка в военном лицее и военном институте республики, а в специализированных учебных заведениях британских вооруженных сил ежегодно стажироваются группы таджикских офицеров. Американские специалисты проводят различные тренинги и семинары по улучшению боевых действий и разминированию территорий для таджикских военнослужащих. Также посольство США оказывает техническую поддержку пограничных служб.

³⁸ Roberts, K., Rumsfeld in Tajikistan to review military cooperation//Defense News, 10 July 2006, <http://www.defensenews.com/story.php?F=1940456&C=asiapac> (последнее посещение 9 октября 2007)

Кроме сотрудничества в сфере поддержки операции НАТО в Афганистане НАТО оказывает содействие Таджикистану в создании в Военном институте при Министерстве обороны учебных курсов по противодействию терроризму. Между Таджикистаном и странами НАТО также налажен обмен специальной информацией. Офицеры ВС Таджикистана также принимают участие в курсах НАТО в школе Обераммгенау.

Таджикистан составил список частей и подразделений, готовых к участию в операциях и учениях НАТО/ПРМ. В число частей и подразделений вошли: пехотный взвод для обеспечения мероприятий ПРМ на территории Таджикистана, группа офицеров штаба и группа военных врачей. Вместе с государствами-членами НАТО и другими странами-партнерами Таджикистан принимал участие в ряде учений ПРМ³⁹.

Активизация сотрудничества Таджикистана и НАТО началась с середины 2007 г. Душанбе посетил представитель НАТО Р.Симмонс обсудив с таджикской стороной вопросы более активного участия в программе «Партнерство ради мира», реформирования Министерства обороны Республики и сотрудничества сторон в области чрезвычайного гражданского планирования. Представляется, что это был лишь повод, главной целью Р.Симмонса и приехавшего за ним главы Центрального командования США адмирала У.Феллона была необходимость заручиться поддержкой Таджикистана в связи с планами НАТО и США увеличить транзит грузов в Афганистан. Этот вопрос обсудил посетивший Таджикистан глава Центрального командования США адмирал У. Феллон, с целью провести переговоры с Президентом страны Э. Рахмоном и другими ответственными лицами за вопросы национальной безопасности. И если речь и не шла об открытии еще одной американской базы, о чем твердят уже несколько лет после ухода из Узбекистана, то весьма вероятно, говорилось о расширении сотрудничества в плане использования аэропортов. Стало известно, что к 2010–2011 гг. Пентагон надеется закрепиться на аэродроме в Хорге на границе с КНР. Повод — ремонт взлетно-посадочной полосы на случай ЧП в воздухе с самолетами международной коалиции в Афганистане⁴⁰. В ответ в сентябре 2007 г. с целью изучения возможности углубления сотрудничества с НАТО штаб-квартиру и Командование ОВС НАТО по операциям посетила группа правительственных чиновников Таджикистана.

В феврале 2009 г. президент Э.Рахмон в рамках своего европейского турне провел встречу с Генеральным секретарем Североатланти-

³⁹ Отношения НАТО и Таджикистана, 30-Jul-2008.

⁴⁰ Источник Redstar.Ru по О. Горупай В перекрестке «Большой игры» // <http://www.analitika.org/> 14 ноября 2007 (последнее посещение 15 декабря 2007).

ческого альянса. На встрече обсуждались вопросы открытия специального центра НАТО и создание спасательного центра в Таджикистане. На встрече президент РТ Э. Рахмон заявил, что «НАТО, как одна из важных составляющих в обеспечении безопасности в Афганистане, должна наладить активное сотрудничество, прежде всего, со странами-соседями ИРА, в особенности с Таджикистаном, который имеет большую границу с Афганистаном»⁴¹.

В январе 2009 г. в Душанбе с официальным визитом посетил командующий Центральным командованием США генерал Д. Петреус, который не исключил возможности финансирования строительства нового моста через реку Пяндж, соединяющего Таджикистан с Афганистаном. В феврале в страну прибыл контр-адмирал Транспортного командования США М. Харничек, который обсуждал открытие коридора через Таджикистан для переброски невоенных грузов НАТО в Афганистан.

Возможно, используя финансовые сложности, Душанбе пытался предложить Вашингтону развитие военного сотрудничества. В интервью «EurasiaNet» сотрудник государственного научно-исследовательского центра, пожелавший остаться неизвестным, сказал, что таджикские власти готовы разместить в стране иностранные базы. «Таджикистан может предоставить не только технические возможности, но и свою территорию для размещения баз. В настоящее время страна крайне заинтересована в мирном соседстве, а сейчас это может гарантировать лишь американское присутствие на границе [с Афганистаном]. Если встанет вопрос об открытии американской авиабазы в стране, решение, без сомнения, будет положительным»⁴², — считает специалист. Важна база и для выживания республики в условиях нестабильной экономической ситуации. Американская база стала бы дополнительным источником денег для местной экономики, говорит старший экономист Министерства экономики и развития торговли Таджикистана Х. Умаров. Сегодняшняя ситуация «не является жизнеспособной экономической моделью, поскольку она делает Таджикистан зависимым от российской экономики. Сотрудничество с США в дополнение к образованию новых рабочих мест поможет усовершенствовать базу знаний таджикских предпринимателей», — считает Умаров⁴³.

⁴¹ Поездка президента Таджикистана в Бельгию (репортаж), 16 февраля 2009. http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=6913&Itemid= (последнее посещение 28 апреля 2010).

⁴² См.: Махбатшо С. Таджикистан: возможность расширения связей с Вашингтоном в сфере безопасности вызывает в Душанбе энтузиазм // Eurasianet, 29 января 2009 <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav012909aru.shtml> (последнее посещение 25 апреля 2009).

⁴³ См. там же.

Однако вряд ли США готовы к дополнительным тратам, которые может принести открытие новой военной базы. По словам посла США в Таджикистане Т. Джейкобсон, — «у США нет намерений открывать новую базу в Центральной Азии, включая здесь — в Таджикистане». Тем более это невозможно в условиях финансового кризиса. Несмотря на то, что, по мнению посла, мировой финансовый кризис не повлияет «серьезно» на уровень американской помощи Таджикистану. Более того, по ее же словам идет небольшое снижение бюджета — от 31 миллиона долларов в 2008 г. до 29 миллионов долларов США в 2009 г. Подчеркнув, что средства на нашу международную помощь в госбюджете не очень огромны⁴⁴.

Несмотря на помощь республики в проведении операций НАТО в Афганистане, сотрудничество в сфере безопасности ограничено организацией курсов по борьбе с терроризмом, сотрудничеством в деле обнаружения складов оружия (времен гражданской войны) и уничтожения мин, и образовательными программами по английскому языку. Несмотря на то, что Таджикистан составил список частей и подразделений, готовых к участию в операциях и учениях ПРМ, практически они задействованы слабо. Возможно, сотрудничество активизируется и расширится. Этому будет способствовать то, что в 2009 г. Таджикистан принял решение о присоединении к Процессу планирования и анализа ПРМ, а также то, что отношения с Россией, в силу разных причин, находятся на низком уровне. Однако ни сейчас, ни в ближайшие несколько лет сотрудничество с НАТО не будет иметь первостепенного значения для Таджикистана, так как республика по-прежнему страдает от экономического застоя, ставшего ее главной проблемой.

Туркменистан

Статус постоянного нейтралитета ограничивает сотрудничество Туркменистана с НАТО участием представителей ВС Туркменистана в курсах по безопасности. Новый этап сотрудничества произошел в 2007 г., когда республика активно подключилась к участию в экспериментальном проекте Совета Россия-НАТО по обучению кадров Афганистана и Центральной Азии методам антинаркотической борьбы, а новый президент К. Бердымухамедов впервые посетил Штаб-квартиру Альянса.

После этого в немецком «Шпигеле» появилась информация о подготовке к передаче в пользование НАТО военно-воздушной базы

⁴⁴ США не намерены открывать новую военную базу в Центральной Азии — посол США // Исследовательский центр «Южный Кавказ», 03-05 11:21 http://www.analitika.az/articles.php?item_id=20090304111437201&sec_id=8 (последнее посещение 25 апреля 2009).

в Мары. По словам эксперта по странам Центральной Азии М. Лаубша, еще в феврале-марте мы получили информацию о том, что команда Бердымухаммедова, помимо газа и нефти, сделала акцент на развитии другого аспекта отношений с Западом — использования выгодного геополитического положения Туркмении⁴⁵.

Этому способствовало то, что Альянс, пригласив президента Бердымухаммедова на саммит в Бухарест в апреле 2008 г., заручился поддержкой того, что аэродром в Мары может быть использован НАТО в случае непредвиденных обстоятельств.

В итоге в 2008 г. НАТО добилась от Туркменистана согласия на использование своей территории для тылового обеспечения Международных сил содействия безопасности. Самолеты Альянса получили возможность приземляться на военных аэродромах Туркменистана. Это привело к тому, что транспортные полеты из Европы в Афганистан через Туркменистан увеличились на 20 %.

Возможно, президент Бердымухамедов в своих действиях руководствуется соображениями получения финансовых дивидендов от Запада. Стремясь получить которые, как считает немецкий эксперт М. Лаубш, новый президент Туркменистана, возможно, отойдет от нейтрального статуса Туркменистана, и подаст сигнал о желании партнерства с Западом и возможном военном присутствии в Туркменистане ЕС, США и НАТО⁴⁶.

Также в рамках Индивидуальной программы партнерства проходит ознакомление туркменских кадров с вопросами НАТО и Партнерства ради мира, а также углубление взаимодействия по таким направлениям, как пограничный контроль и безопасность на границах, гражданское чрезвычайное планирование, формирование оборонного бюджета и управление оборонным сектором. Также представители ВС Туркменистана участвуют в ряде курсов, организуемых Североатлантическим союзом в Школе НАТО в Обераммергау (Германия) и других учреждениях.

* * *

Как видно, НАТО наращивает сферы сотрудничества в регионе, а страны Центральной Азии все охотнее включаются в проекты Альянса. Что

⁴⁵ «Тайный союз» Туркмении с США, 19 мая 2008. http://www.dw-world.de/popups/popup_printcontent/0,,3347227,00.html (последнее посещение 28 апреля 2010).

⁴⁶ Pannier B. Turkmenistan: NATO Finds New Partner In Central Asia <http://www.globalsecurity.org/military/library/news/2008/05/mil-080530-rferl01.htm> (последнее посещение 28 апреля 2010).

в будущем может стать серьезной проблемой для России. Уже сейчас Узбекистан возвращается к активному сотрудничеству с США и НАТО, и даже Туркменистан ранее отсутствующий начал понимать выгоды от Альянса. Однако ни в одной стране Центральной Азии вне зависимости от степени сотрудничества с НАТО не готовы допустить разрыва отношений с Россией из-за натовской активности, всячески стараются сгладить углы и, проводя многостороннюю политику, приоритет в ней во многом отдают России. Сотрудничество с НАТО и США происходит активно только в заранее обговоренных сферах и областях, ограниченных определенными рамками.

В ходе саммита НАТО в Стамбуле в 2004 г. была создана отдельная должность специального представителя альянса по странам Центральной Азии и Кавказа. По словам генсека НАТО Яаапа де Хооп Схефера, именно после этого НАТО стал вести «активную работу по развитию сотрудничества между альянсом и всеми пятью государствами Центральной Азии. НАТО установила рабочие контакты на высоком уровне с политическими лидерами в регионе, и в результате большинство этих стран заметно интенсифицировало сотрудничество с альянсом. Есть даже положительные сдвиги в диалоге НАТО с Узбекистаном»⁴⁷. Также Альянс ввел должность специалиста связи в региональном штабе в Алматы, Казахстане, который должен развивать сотрудничество со всеми странами Центральной Азии на местах. Развитию такого стратегического понимания Центральной Азии сложилось для НАТО потому, что в августе 2003 г. альянс принял от США управление Международными коалиционными силами в Афганистане.

В этом же интервью генеральный секретарь упомянул особую озабоченность как союзников по альянсу, так и партнеров НАТО в защите энергетической инфраструктуры. Это стало еще одной стратегической целью НАТО⁴⁸. Возможна, она возникла в ответ на действия России в рамках ОДКБ и АТЦ СНГ. Так в августе 2005 г. на Каспийском побережье вооруженные силы ОДКБ, проводя учения Рубеж-2005, боролись с условными террористами, захватившими танкер. Антитеррористический центр СНГ провел учение на атомной электростанции в Армении в сентябре 2006 г., и в нем также приняли участие подразделения ОДКБ. Все это говорит о нарастании сфер конкуренции.

Центрально-азиатский регион стал регионом стратегических интересов многих игроков и останется таким еще на несколько лет.

⁴⁷ Интервью Яаапа де Хооп Схефера журналу Индекс Безопасности // Индекс Безопасности, № 2 (82), Том 13, 2007.

⁴⁸ Об этом же говорит и А. Устименко в статье Центральная Азия и НАТО: стратегические тенденции развития отношений // Analitic, № 5, 2004.

Присутствие НАТО в регионе будет иметь долговременный характер. А значит, кроме конкуренции есть возможность и для сотрудничества. Общие угрозы безопасности исходящие из Афганистана сделали возможным, несмотря на общий контекст российско-натовских отношений подписание в начале апреля 2008 г. соглашения о транзите невоенных гуманитарных грузов через территорию России железнодорожным транспортом. Тем самым Россия дала понять, что готова к сотрудничеству с НАТО и то, что решение проблемы Афганистана является для нее важной целью мировой политики. Далее через Россию грузы пройдут по территории Казахстана и Узбекистана. По словам Симмонса, транзит грузов «будет осуществляться на коммерческой основе». «У нас уже имеется договоренность с Россией. Нам необходимо обсудить данный вопрос с правительствами Казахстана и Узбекистана»⁴⁹. Для России НАТО в Центральной Азии это еще и возможность развития и совершенствования своей политики в регионе. Решая вопросы конкуренции, Россия вынуждена делом подтверждать свои стратегические интересы и свою главенствующую роль в Центральной Азии.

Однако перспективы расширения сотрудничества центрально-азиатских стран и Североатлантического Альянса будут ослаблять позиции ОДКБ и ШОС в регионе, в том числе и за счет активного сотрудничества с силовыми структурами. «США и НАТО в целом рассматривают и ШОС, и ОДКБ как организации, противодействующие своим устремлениям в Центральной Евразии», — считает Л. Бондарец. «Многие примеры доказывают, что Запад преследует именно эти цели, а не разрекламированное желание помочь создать дееспособные организации, которые могут эффективно противостоять существующим угрозам. Поэтому от руководства силовых структур зависит, насколько эффективно будет использована помощь Запада в интересах как национальной, так и региональной безопасности, насколько она будет отвечать целям и задачам ОДКБ и ШОС», продолжает кыргызский аналитик⁵⁰. Но как долго региональные организации смогут использовать НАТО в своих целях и где красная черта, которая вызовет ответную реакцию ОДКБ и ШОС? Способны ли столицы Центральной Азии определить этот вопрос самостоятельно? Политика Москвы, Вашингтона и Брюсселя остается определяющей.

Операция США и союзников по НАТО в Афганистане открыла Западу дверь в Центральную Азию, причем с согласия России. Это породило конкуренцию. Стороны начали соперничать друг с другом, пред-

⁴⁹ Источник Интерфакс. Цит по Казахстан: НАТО обсудит с Астаной транзит невоенных грузов через казахстанскую территорию // Фергана.ру, 10 апреля 2008.

⁵⁰ Ответ Л. Бондарца на личное обращение автора.

лагать свои услуги в обеспечении безопасности в Центральной Азии. Даже в бизнесе конкуренция — это развитие, прогресс. В итоге можно сделать вывод о том, что конкуренция между Россией и США или ОДКБ и НАТО в Центральной Азии стала для стран региона возможностью стимулировать развитие своих вооруженных сил, модернизацию армии, формирование системы безопасности, основанной на современных технологиях, ранее им не доступных. В целом это принесло странам региона определенное развитие и усиление безопасности.

Япония и Центральная Америка: укрепление связей в начале XXI в.

В начале XXI в. отношения Японии со странами Центральной Америки¹ выходят на небывалый ранее уровень. Десятилетиями после установления дипломатических отношений и окончания Второй мировой войны главным для обеих сторон оставалось развитие взаимоотношений с США, а также стабильность в своих собственных регионах — Северо-Восточной Азии и Центральной Америке соответственно. Разница экономических и геополитических интересов в условиях «холодной войны» привела к тому, что отношения складывались, прежде всего, вокруг японской помощи развитию, и центральноамериканские страны играли достаточно пассивную роль реципиента этой помощи.

Тем не менее в новых условиях 1990-х гг., после окончания «холодной войны» и процесса демократизации стран Южной и Центральной Америки, отношения стали выходить на новый уровень. Этому не помешали даже многочисленные сдерживающие факторы, такие как огромный разрыв в уровне экономического развития, географическая удаленность и культурное своеобразие, недостаточное единение между самим странами Центральной Америки, мешающее им выступать единым фронтом на мировой арене, — а также все еще высокий уровень зависимости обеих сторон от Вашингтона, что, несомненно, ограничивало свободу маневра в двусторонних отношениях. Вопреки всем этим факторам, с 1995 г. взаимоотношения Японии и стран Центральной Америки вышли на новый институциональный уровень: стали проводиться регулярные министерские встречи (на конец 2009 г. состоялось уже 12 подобных встреч) и год десятилетия этой практики, 2005, был объявлен в Японии годом Центральной Америки и ознаменован обширной программой совместных мероприятий включая саммит глав государств и правительств и подписанием ряда важных документов.

В начале XXI в. группа центральноамериканских дипломатов разработала стратегию укрепления связей между Японией и странами SICA². Эта стратегия основывается на том, что Центральноамерикан-

¹ Страны группировки SICA (Sistema de la Integración Centroamericana, Система Центральноамериканской Интеграции) — Гватемала, Белиз, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рика и Панама. С 02.12.2003 Доминиканская Республика ассоциированный член.

² www.sica.int/busqueda/busqueda_archivo.aspx?Archivo=acue_416_1_05052005.pdf

ские страны будут оказывать Японии политическую поддержку, в частности в рамках ООН и других международных организаций, в которых Япония претендует на расширение своего влияния. Взамен эти страны будут вправе рассчитывать на расширения туристических виз с Японией, а также на помощь Японии в сферах экономики и образования.

Р. Армандо Эскаланте Хасбун в работе «Усиление стратегических взаимоотношений в сфере политики между Японией и странами Системы Центральноамериканской Интеграции»³ строит свой анализ, исходя из того, что масштаб отношений между страной и регионом все еще далек от потенциально возможного, а поэтому уместным представляется говорить о стратегии их взаимоотношений преимущественно в будущем времени, как о состоянии желаемом, но еще не достигнутом обеими сторонами.

Отношения Японии и Центральной Америки по схеме «донор-реципент помощи развитию» существуют уже более 10 лет, однако их потенциал, очевидно, не ограничивается этой формой. Для лучшего понимания возможных путей развития отношений необходимо рассмотреть геополитическое положение обеих сторон и их текущие цели в мировой политике.

Значение крупных стран Латинской Америки (таких как Бразилия, Мексика, Перу, в меньшей степени Аргентина) для Японии заключалось прежде всего в том, что они активно принимали японских иммигрантов, что помогло несколько погасить возможную напряженность от резкого послевоенного демографического бума (главным образом, в таком качестве выступали Бразилия и Перу), а также являлись источником натуральных ресурсов и рынком сбыта японских товаров, а в более поздний период — и местом переноса японских производств, хотя во всех этих качествах их роль была скромнее, чем у азиатских стран. В качестве политической цели Японии в 1990-е гг. западные исследователи (Б. Сталлингс, Р. Опп) отмечали также ее стремление к пропаганде и поддержке демократии и прав человека в регионе, что должно положительно сказываться на международном образе страны как одного из мировых лидеров не только в экономической, но и в политической сферах. Японский МИД, действительно, продолжает в официальных заявлениях подчеркивать в качестве своей цели поддержку развития демократии в странах региона⁴, причем даже в тех, легитим-

³ Hasbun R.A.E. The Strengthening of the Strategic Political Relationship Between The Central American Integration System and Japan. Aoyama Gakuin University, Ministry of Foreign Affairs of El Salvador, Japanese Institute of Global Communications, 2008.

⁴ «Japan identifies the Latin American and Caribbean countries as partners that “share common benefits”, as they are consolidating their democracy and market economies» («Япония воспринимает страны Латинской Америки и Карибского бассейна как партнеров, которые разделяют

ность правительств которых ставится под сомнение США, например Венесуэлы. В Центральной Америке, которая не принимает какое-либо значительное количество японских иммигрантов и не является важным источником ресурсов, эта политическая цель для Японии выходит на первый план. Активизацию межправительственных связей с середины 1990-х гг. можно рассматривать как попытку поддержать стремление правительств этих стран к внутренней стабильности и внутренней интеграции, что, в свою очередь, должно привести к повышению удельного веса региона в мировой политике, так как по отдельности страны Центральной Америки, в силу, прежде всего, своих небольших размеров, не могут играть серьезной роли в решении международных проблем. Япония заинтересована в поддержке центральноамериканскими странами своей позиции в ООН, FEALAC (Форум сотрудничества стран Восточной Азии и Латинской Америки) и других международных организациях. Кроме того, Япония выполняет свои союзнические обязательства перед США, которым важно поддержание демократии западного образца в регионе для сохранения своего влияния, не говоря уже об идеологической составляющей. Подобные политические мотивы присутствуют и в целях японской политики в отношении Мексики и стран Южной Америки, однако в отношении Центральной Америки, в отсутствие столь явных экономических интересов, они еще более очевидны. Более того, существуют уникальные факторы, которые отличают Центральную Америку от всех остальных стран Западного полушария, такие как Тайваньский вопрос, о котором будет сказано ниже.

Такие явления, как изменение ранее негативного отношения Японии к Свободным экономическим зонам, и начало переговоров об их заключении не только со странами Восточной Азии, но и обеих Америк, участие и активная роль Японии в организации FEALAC (Форум по кооперации между странами Восточной Азии и Латинской Америки, *исп.* FOCALAE) говорят о повышающемся интересе Японии к региону, особенно в условиях растущей конкуренции со стороны Китая. Никогда не воевавшие с Японией страны к югу от США не имеют «исторического» груза и нерешенных территориальных проблем, как азиатские соседи Японии, к тому же в ряде стран есть солидные японские диаспоры. При этом «фактор Вашингтона» для Центральноамериканских стран, еще более тесно связанных с США, чем несколько более самостоятельные крупные страны региона, чрезвычайно важен, и, как сейчас, так и в перспективе, развитие отношений возможно только в рамках, не нарушающих существенно интересов США. Более того,

общие цели и достижения, так как они занимаются укреплением демократии и рыночной экономики») — Diplomatic Bluebook 2008 Summary. Japan Ministry of Foreign Affairs, 2008.

деятельность Японии в регионе также косвенно санкционирована этими интересами — вышеупомянутый Р. Армандо Эскаланте Хасбун цитирует в своей работе японского исследователя Цунэкаву Кэйити: «В середине 1970-х гг. США начали обращаться к Японии и странам Западной Европы с просьбой принять на себя большую ответственность в деле поддержания мирового либерального порядка... поначалу Япония ответила на эту просьбу экономически — либерализацией своего внутреннего рынка и увеличением Официальной Помощи Развитию... тем не менее в Азии Япония столкнулась с рядом трудностей, потому что там продолжал существовать ряд авторитарных режимов. По сравнению с этим, в Латинской Америке, благодаря волне демократизации конца 1980-х гг., проблем было меньше. Таким образом, Япония смогла внести свой вклад в установление демократии в Центральной Америке... Латинская Америка стала своеобразным “учебным лагерем”, на котором Япония отработывала свою политику пропаганды демократии»⁵.

Для самих центральноамериканских стран препятствием в развитии их отношений с Японией является недостаточность их внутренней интеграции и взаимопонимания, потому что, как уже было сказано, только в виде достаточно крепкого интеграционного объединения регион может рассчитывать на повышение своей роли в мировой политике. Для этого в 1991 г. путем подписания «Протокола Тегусигальпа»⁶ в столице Гондураса было создано объединение SICA, в рамках которой существует региональный парламент, а также проводятся регулярные саммиты. За эти годы регион смог добиться существенного повышения взаимопонимания и выработки общей стратегии развития, хотя некоторые разногласия по политическим вопросам остаются достаточно серьезными, особенно это касается социалистического правительства Даниэля Ортеги в Никарагуа и нестабильной политической обстановки в Гондурасе. Кроме того, успешное и эффективное заключение Соглашений о свободной торговле с Мексикой, Чили и Доминиканской Республикой доказало рациональность этого пути и способствует дальнейшим переговорам о подобных соглашениях с другими странами.

В 1995 г. на встрече между министрами иностранных дел Японии и стран SICA в штаб-квартире ООН была заключена совместная декларация, в которой был установлен механизм дальнейших встреч между представителями правительств обеих сторон. В 2005 г., к 10-летию этого

⁵ Tsunekawa K. Japan's role in Latin America-Asian Interactions / JCAS Symposium Series 23. International Area Studies Conference X. 2005 (цит. по: Hasbun R.A.E. Op. cit.).

⁶ http://www.sica.int/busqueda/busqueda_archivo.aspx?Archivo=prot_372_10_26092005.htm

события и 70-летию установления дипломатических отношений между Японией и странами региона, был проведен крупный саммит глав правительств в Токио, по результатам которого были подписаны документы, известные как «Токийская декларация» и «План действий»⁷, подробнее о содержании которых будет сказано ниже. Премьер-министр Японии Дз. Коидзуми на совместной пресс-конференции по итогам саммита подтвердил намерения Японии помогать развитию региона, особенно указав на помощь в образовании и развитии человеческих ресурсов. Япония с 2005 по 2010 г. приняла около 1000 студентов из стран Центральной Америки для обучения в японских университетах. Кроме того, в 2005 г. в рамках «Года Центральной Америки в Японии» был проведен ряд других мероприятий. Большое внимание японской общественности привлекла центральноамериканская секция на выставке «Экспо-05» в японской префектуре Айти.

За время существования механизма взаимодействия выделились следующие его характерные черты:

1) существование группы «политических вопросов», вокруг которых преимущественно сосредоточены интересы Японии, и «корпоративных вопросов», на которые обращено более пристальное внимание стран SICA;

2) постепенное наращивание механизма взаимодействия, возникновение новых его сфер и организация новых совместных мероприятий;

3) несмотря на некоторые успехи, в целом по наиболее существенным политическим вопросам (проблема КНДР, членство в Совете Безопасности ООН) взаимопонимание достигается не столь быстро, как зачастую заявлено на бумаге;

4) из-за не слишком высокого уровня унификации внешней политики центральноамериканских стран на встречах зачастую обсуждаются слишком конкретные вопросы, касающиеся двусторонних отношений отдельных стран с Японией, а не общая позиция SICA как единой структуры.

Объективно существующая разница в интересах Японии и центральноамериканских стран не мешает, а, наоборот, помогает их отношениям по принципу взаимодополняемости. Япония, прежде всего, заинтересована в поддержке своей политической позиции по ряду вопросов; заручиться же этой поддержкой она в состоянии в обмен на помощь развитию в сферах финансов, технологий и образования, т.е. именно в том, в чем особенно заинтересованы страны Централь-

⁷ http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/latinamerica/j_latin05/t_sengen.html; http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/latinamerica/j_latin05/k_point.html

ной Америки. Отличие от более ранней практики состоит в том, что японская помощь теперь является не просто формой традиционной поддержки развитой страны молодым демократиям, а своего рода платой за конкретные политические шаги, принимаемые ими в рамках молодого, но набирающего силу регионального объединения. При этом инициатива подобной формы сотрудничества исходила отнюдь не только от самой Японии — центральноамериканские дипломаты рационально оценили свои позиции и возможности и сыграли не меньшую роль, чем их японские коллеги, в установлении подобного механизма. При этом не исключена возможность его дальнейшей трансформации и подключения вопросов политического характера, важных и для Центральной Америки.

Однако на данный момент не стоит преувеличивать эффективность механизма взаимодействия. К примеру, дипломатические отношения с КНДР во всей Центральной Америке имеет только Никарагуа, и северокорейская проблема в официальных коммюнике поднималась всего дважды и в очень общих выражениях. Впрочем, в определенной степени это объясняется уже упомянутым недостаточным уровнем интеграции внутри самой SICA, странам которой непросто договориться между собой, из-за чего их совместные внешнеполитические заявления выглядят очень осторожными и недостаточно конкретными.

В марте 2002 г. в Межамериканском банке развития был принят рабочий документ, получивший известность как Японо-Центральноамериканская инициатива (испанское сокращение — ICAJAP), который был разработан центральноамериканскими дипломатами и представлен на рассмотрение МИД Японии. Этот документ базируется на утверждении того, что Центральная Америка как регион (в случае успеха в создании единого рынка и достижения единства внешнеполитических устремлений) способна помочь Японии в достижении ее целей на международной арене. По словам посла Сальвадора в Японии Рикардо Паредеса, центральноамериканским странам после долгого периода внутренней нестабильности пришло время заключить стратегические союзы со странами, готовыми инвестировать в регион в обмен на стратегическое сотрудничество, и Япония является одним из главных потенциальных партнеров в этой концепции. Формулировка «стратегический союз» (strategic alliance) была впервые включена в итоговое коммюнике по итогам 4-й японо-центральноамериканской встречи в 1999 г.; заключение ICAJAP стало свидетельством того, что это словосочетание стало претворяться в жизнь.

В обмен на последовательную поддержку японских интересов в международных организациях страны SICA ожидают ответных мер со стороны Японии по пяти основным направлениям:

- 1) увеличение потока прямых инвестиций в регион;
- 2) увеличение потока японских туристов;
- 3) увеличение японского импорта из Центральной Америки;
- 4) расширение технологического сотрудничества;
- 5) расширение культурного обмена и помощь в сфере образования.

Таким образом, политические решения дипломатии стран Центральной Америки должны повлечь за собой, прежде всего, сугубо экономические последствия для этих стран. Существовавшая прежде парадигма отношений по схеме «донор–реципиент» преодолевается и уступает новой усложненной схеме. Для Центральной Америки это тем более важно, так как становится по сути первым в истории опытом отношений с внешним партнером в качестве единого регионального блока и может стать образцом для построения подобных отношений с США, Мексикой, Евросоюзом и другими партнерами.

После заключения ICAJAP в том же году в Токио была проведена «информационная встреча» сторон, посвященная увеличению количества и качества контактов между японцами и представителями Центральной Америки не только на государственном, но и на деловом и частном уровнях.

Следующим важным документом стала вышеупомянутая «Токийская декларация» и последовавший за ней «План действий» 2005 г. Этот саммит стал первой встречей глав государств и правительств этих стран с 1996 г. На нем фундаментальная идея сотрудничества и вышеупомянутые 5 направлений были подтверждены участвующими сторонами и закреплены в тексте принятой декларации, что означает их переход из рабочих материалов на более высокий политический уровень.

Принятый вместе с декларацией План действий делится на пять частей по следующим сферам сотрудничества:

1) «Диалог и кооперация» — прежде всего, речь здесь идет о расширении политических контактов между сторонами в целях усовершенствования механизма принятия совместных решений, в том числе в рамках FEALAC;

2) «Укрепление мира и демократия» — необходимость повышения внутренней безопасности в странах Центральной Америки, укоренения в них демократических ценностей и повышения уровня интеграции между собой, что является необходимым условием для наращивания японских инвестиций и потока туристов. Япония намерена

оказать поддержку Центральноамериканскому институту повышения квалификации работников полиции (ICESPO), а также оказать помощь в нейтрализации остающихся на территории региона противопехотных мин;

3) Сотрудничество в сфере экономики, туризма и борьбы с природными катаклизмами — этот пункт является прямым следствием предыдущего. По каждому важному направлению будет выбрана «пробная» страна, в которой будет отрабатываться японская помощь, в дальнейшем соседи будут перенимать опыт этой страны. Япония также выказывает свою поддержку интеграционному Плану Пуэбла–Панама (PPP, интеграционное объединение, в которое помимо стран Центральной Америки входят Колумбия и 9 южных штатов Мексики). Особое внимание уделяется развитию туризма и борьбе с последствиями природных катастроф;

4) Образование, культурный обмен, спорт и молодежь — эта секция связана с пятым пунктом программы ICAJAP. Япония оказывала помощь в строительстве школ, приняла 1000 студентов в свои университеты в течение 5 лет, а также приступила к проведению мероприятий, связанных с пропагандой японской культуры;

5) Укрепление сотрудничества на международном уровне — финальная секция посвящена в большей степени отражению японских интересов. В ней закреплена готовность стран Центральной Америки поддержать японскую заявку на постоянное членство в Совете Безопасности ООН, а также по важным для Японии вопросам природных ресурсов, защиты окружающей среды, функционирования Всемирной торговой организации и Международной китобойной комиссии. Таким образом, пятая часть «Плана действий» вносит политический аспект в программу сотрудничества.

Эффективное перенесение всех основных тезисов рабочего документа ICAJAP в официальный План действий за достаточно короткий срок (с 2002 по 2005 г.) говорит о реальной заинтересованности дипломатов обеих сторон в этом направлении внешней политики своих стран и их активной работе в нем. Однако необходимо понимать, что, если страны SICA уже начали ощущать преимущества от воплощения документа в жизнь, то долгосрочные политические цели Японии все еще не достигнуты, и последовательное принятие документов, хотя и свидетельствует о движении к их выполнению, все же не является в этом определяющим моментом. Ожидаемый Японией эффект от отношений с регионом еще не достигнут.

В июне 2006 г. состоялся 10-й японо-центральноамериканский форум по диалогу и сотрудничеству в Токио, а в апреле 2008 г. в Сан-

Сальвадоре был проведен 11-й. Кроме того, в мае 2008 г. Япония приняла участие в состоявшемся в городе Сан-Педро-Сула (Гондурас) саммите стран Центральной Америки и Карибского бассейна, посвященном проблеме глобального потепления. Япония выступила с инициативой «Cool Earth 50», в результате чего страны — участницы саммита заявили о своей поддержке намерения Японии привлечь к программе по борьбе с глобальным потеплением в рамках ООН к 2012 г. все основные страны, являющиеся источниками загрязнения.

Р. Армандо Эскаланте Хасбун в своем исследовании отмечает также ряд «неофициальных» факторов, которые по разным причинам не могут найти отражения в документах, но также влияют на развитие отношений между сторонами. В очередной раз подчеркивая необходимость укрепления внутреннего взаимопонимания между странами Центральной Америки и избавления от риска пересмотра всей системы отношений в случае прихода к власти в каких-либо странах — членах SICA партий иной политической ориентации, он упоминает три общерегиональных органа, влияние которых должно быть укреплено в интересах самих центральноамериканских стран. Это Секретариат SICA, Центральноамериканский Парламент (PARLACEN) и Центральноамериканский Суд (CCJ). После достижения в 2004 г. договоренности о реформировании двух последних органов и придания им больших полномочий зарубежные страны включая Японию могут с большими основаниями ждать от стран SICA единых решений, не боясь, что какая-то из стран внутри системы внезапно пойдет на попятную.

Кроме того, уникальность внешнеполитической позиции стран Центральной Америки заключается в том, что это единственный регион мира (за исключением Коста-Рики с 2007 г.), который по проблемам КНР и Тайваня последовательно принимает сторону Тайбэя. Всего в мире 22 развивающиеся страны, не перешедшие к признанию КНР в противовес Тайваню, и 7 стран SICA представляют собой единственный цельный региональный блок в этом ряду. Тайвань, наряду с Мексикой, Венесуэлой и Пуэрто-Рико, является одной из четырех стран-наблюдателей в работе Центральноамериканского Парламента. Для Японии очень важен тот факт, что поддержка Центральной Америкой Тайваня в противовес КНР помогает сохранять статус-кво в китайской проблеме и несколько уравнивает амбиции Китая. Кроме того, такая позиция центральноамериканских стран, разумеется, затрудняет их отношения с КНР, что для Японии означает избавление от главного азиатского конкурента за влияние в этой части мира. И хотя, в силу объективных дипломатических причин, треугольник Япония–Тайвань–Центральная Америка не может обрести какой-либо

официальный статус, на практике его существование очень важно для Японии в стратегическом смысле. Общеизвестно, что тайваньская проблема является одним из главных потенциальных источников нестабильности в Восточной Азии, причем даже мирное ее решение путем полноценного включения Тайваня в состав КНР не устраивает Японию и США, так как в этом случае значительные финансовые ресурсы Тайваня еще более усилят КНР. Центральная Америка становится для Японии (как и для США) скрытым каналом поддержки Тайваня, нахождение которого под юрисдикцией КНР де-юре они вынуждены признавать. Это тем более важно ввиду того, что в 2007 г. Коста-Рика отказалась от поддержки Тайбэя и перешла на сторону Пекина. Этот красноречивый факт лишний раз подтверждает недостаточность уровня внутреннего взаимопонимания в Центральной Америке, тогда как его существование необходимо не только самим странам региона, но и чрезвычайно важно для таких ведущих игроков мировой политики, как Япония и США.

Библиография

1. Diplomatic Bluebook 2008 Summary. Japan Ministry of Foreign Affairs, 2008.
2. Hasbun R.A.E. The Strengthening of the Strategic Political Relationship Between The Central American Integration System and Japan. Aoyama Gakuin University, Ministry of Foreign Affairs of El Salvador, Japanese Institute of Global Communications, 2008.
3. http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/latinamerica/j_latin05/k_point.html
4. http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/latinamerica/j_latin05/t_sengen.html
5. http://www.sica.int/busqueda/busqueda_archivo.aspx?Archivo=prot_372_10_26092005.htm
6. Tsunekawa K. Japan's role in Latin America-Asian Interactions / JCAS Symposium Series 23. International Area Studies Conference X. 2005.
7. www.sica.int/busqueda/busqueda_archivo.aspx?Archivo=acue_416_1_05052005.pdf

Государственное устройство Китая в начале правления династии Мин

Государственное устройство в императорском Китае при различных династиях было схожим. Во главе государства стоял император, а все учреждения и органы власти должны были оказывать ему помощь в управлении страной.

В период ранних династий объединенного Китая — Цинь (221–206 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. — 220 н.э.), — уже существовал развитый государственный аппарат, при создании которого использовался опыт более ранних династий Шан (XVI–XI вв. до н.э.) и Чжоу (XI–III вв. до н.э.). При династии Тан (618–907) его структура приобретает в целом завершённый вид и остается практический неизменной вплоть до XX вв.

Что касается государственного строя, то, пользуясь европейской терминологией, Китай вплоть до Синьхайской революции (1911–1913) представлял собой «абсолютную монархию». Император концентрировал в своих руках практически неограниченную власть в стране. Относительно права императора управлять страной существовала специальная теория «Мандата Неба». Она сформировалась в XI–X вв. до н.э., в начале правления династии Чжоу. Суть ее состояла в том, что право (мандат) на власть Небо дает «не тому, кто силен и удачлив ..., а тому, кто мудр, справедлив и добродетелен». Основой же получения «Мандата Неба» считалось наличие у потенциального правителя *дэ* (этот китайский термин переводят как «добродетель»¹). У древних китайцев считалось, что Небо выступает в качестве верховного судьи, наделяя властью (т. е. давая «Мандат» на управление) того, кто накопил наибольшее количество *дэ*, и отбирая власть у того, кто *дэ* утратил.

Несколько позже, в VI–V вв. до н.э. Конфуций² создал теорию, по которой правитель, концентрировавший в своих руках власть, должен заботиться о своих подданных, как правитель о сыновьях. Эта теория становится государственной идеологией в эпоху Хань, и остается таковой вплоть до смены государственного строя в 1912 г. В рамках этой теории существовала аналогия с семьей: император — отец, чи-

¹ История Китая: Учебник / под ред. Мелексетова. — 4-е изд. — М. Изд-во МГУ, 2007, с. 29

² Выдающийся китайский мыслитель, основоположник конфуцианства.

новники — старшие любимые сыновья, народ — неразумные, но также любимые дети, о которых надо заботиться.

Что касается «старших сыновей», т.е. чиновничьего аппарата, то его устройство проходило долгую эволюцию, принимая при династии Тан достаточно завершённый вид. Управление страной осуществлялось через 3 палаты: Кабинет министров (который включал в себя 6 традиционных ведомств, их деятельность будет подробно рассмотрена ниже), Совет двора, Государственную канцелярию. Считалось, что эти государственные органы лишь «инструменты», при помощи которых монарх управляет страной: «согласно традиции государственный аппарат как средство управления по своей структуре рассматривался как продолжение личности монарха. Тем самым личностные функции сына Неба — его телесная зримость (внешний облик), речь, слух, зрение и мышление — посредством государственного аппарата рассредоточивались в социальном пространстве, воплощая коммуникативную способность правителя налаживать гармоничное общение с Небом и подданными»³.

Система управления страной, которая существовала при династии Мин (1368–1644), была создана ее основателем Чжу Юаньчжаном (1368–1398), опиравшегося на богатейший опыт предшественников. Создавалась она постепенно, в процессе концентрации власти в руках Чжу Юаньчжана. Будучи одним из предводителей восстания «красных повязок» (1351–1368), он, в ходе боевых действий против войск монгольской династии Юань (1271–1368), стремился занять населенные пункты и укрепиться в них, создав, таким образом, базу для захвата близлежащих провинций. На территории, которая становилась подвластной мятежникам, необходимо было обеспечить порядок и налаживать хозяйственную жизнь. С этой целью Чжу Юаньчжан после завоевания города Цзицин (сейчас Нанкин) в 1356 году учредил Управление полями (Интяньсы), которое занималось регулированием земледелия и налогов⁴. Позже этот личный опыт был также применен при управлении вновь созданным государством.

Когда Чжу Юаньчжан стал императором, в стране существовало государственное устройство, восходящее к ранним китайским династиям Суй (581–618) и Тан, и заимствованное династией Юань. Однако он не был согласен с некоторыми формами государственного устройства, и спустя несколько лет после воцарения приступил к реформам.

³ История Китая: Учебник / под ред. Мелексетова. — 4-е изд. — М. Изд-во МГУ, 2007, с. 174

⁴ А. А. Бокщанин, О. Е. Непомнин. Лики Среднего царства : Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. Ин-т востоковедения. — М.: Вост. лит., 2002, с. 29

С 1376 года началось преобразование административной системы страны. В этом же году реорганизации подверглась местная власть, а затем, в 1380 году, и центральное управление. Причиной, по которой реорганизовывались органы местной власти, являлось недоверие императора к прежней форме их устройства.

При предшествующей династии в провинциях, на которые делилась страна, провинциальное правительство было подобно центральному. «В нем (т. е. в провинциальном правительстве. — А. Д.) учреждались такие же должности, какие были в центральном правительстве. Оно ведало военными делами, гражданской администрацией и финансами точно так же, как и центральное правительство, и обладало очень большими полномочиями»⁵. Но эта система управления не способствовала централизации власти в руках императора, поскольку располагала к самостоятельной жизни провинций (что и происходило в конце правления династии Юань).

Чжу Юаньчжан начал с преобразования провинциальных правительств в наместничество (*бу чжэн шисы*), во главе каждого из которых находилось по 2 наместника (левый и правый). Здесь надо добавить, что нахождение двух чиновников в главе какого-либо учреждения (или даже на одной должности), по-видимому, сделано в целях недопущения концентрации слишком большой власти в одних руках. Наместники ведали финансами и гражданской администрацией, также выступая своего рода посредниками между императорским двором и местными чиновниками: «Императорский двор выпускал законы и распоряжения, определял политику, порядок работы, срок проверки и задачи и доводил все это через наместников до сведения местных чиновников областей, округов и уездов для исполнения»⁶.

В каждом наместничестве в качестве судебной власти создавалось *Управление судебного уполномоченного*. Оно осуществляло контроль над наказаниями, ведало судами и тюрьмами, а также распоряжалось делами, связанными со следствием по уголовным делам в наместничестве. Военным делом в пределах провинции ведало *Управление главного военного уполномоченного*.

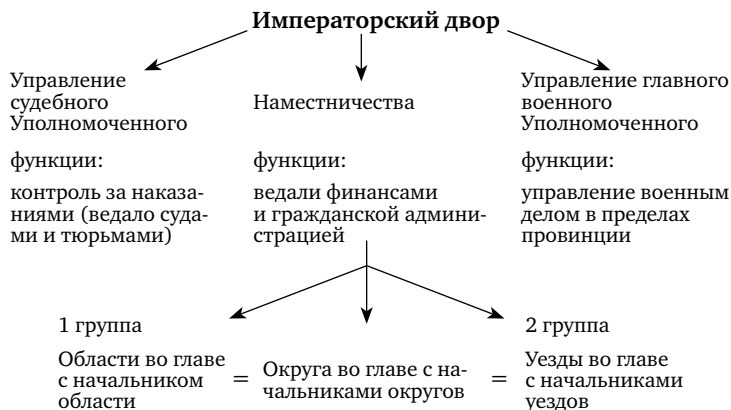
Таким образом, в каждом наместничестве существовало четкое разделение управленцев на гражданскую (наместники), судебную (*Управление судебного уполномоченного*) и военную (*Управление главного военного уполномоченного*) власть. Причем наместники и главы

⁵ У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. (Пер. с кит. Желоховцева А. И., Боровковой Л. А., Мункуева Н. Ц.) / Под ред. доктора исторических наук Илюшечкина В. П. — М.: Прогресс, 1980, с. 135

⁶ Там же, с. 136

управлений подчинялись непосредственно императорскому двору и императору лично. Безусловно, такая реформа местной власти существенно ограничила самостоятельность провинций и способствовала централизации власти в стране.

Местная власть при династии Мин (схема)

При этом существовал еще один источник власти на местах. Помимо деления на провинциальные правительства (наместничества) существовало еще разделение страны на уделы, границы которых носили размытый характер и часто не совпадали с границами провинций. Некоторые историки отмечают, что разделение страны на уделы не совпадало с общей идеей централизации власти, и являлось «регрессивным» мероприятием⁷. Здесь сыграла свою роль опора на традицию, т.е. то, «что было принято у предков». Удельная система в Китае существовала задолго до объединения Китая под власть Циньской династии. Есть упоминания о том, что удельная система была унаследована правителями династии Чжоу от шанцев⁸, а впоследствии не раз применялась при следующих династиях. Одной из важнейших причин существования этой системы являлось принятое в китайском обществе уважение к прошлому, несмотря на то, что на протяжении всей китайской истории разделение страны на уделы не раз выступало причиной ослабления и упадка династий. Деление страны на уделы было принято

⁷ Очерки истории Китая. С древности до «Опиумных войн». / под ред. Шан Юэ, пер. с кит. — М. Изд. Вост. лит., 1959, с. 411

⁸ История Китая: Учебник / под ред. Мелексетова. — 4-е изд. — М. Изд-во МГУ, 2007, с. 34

основателем династии Мин, который сделал *ванами* (князьями, главами уделов) своих сыновей, надеясь, что родственные связи помешают междоусобицам. Как выяснилось после его смерти, он ошибся (сразу же после его смерти *ван Янь* поднял мятеж, и началась война).

Во главе каждого удела находился *ван*, имевший собственный штат придворных. «Первоначально система учреждений и должностных постов в уделах была установлена 1 февраля 1370 г. Она предполагала наличие при дворе каждого вана двух сянов — левого (старшего) и правого (младшего). Сяны должны были возглавить администрацию удела»⁹. В подчинении *сянов* находились помощники, *цаньцзюнь* (военный чин), *луши* (делопроизводители), *цзишань* (летописец добрых деяний). В подчинении у чиновников находился многочисленный штат подчиновников: у *сянов* и их помощников — распорядители, у *цаньцзюней* — офицеры, у *цзишаня* — архивариусы. Подчиновники исполняли распоряжения своих непосредственных руководителей, и образовывали собой многочисленный штат служащих в составе администрации удела.

Позже эта система неоднократно менялась. Так, например, уже в мае 1370 года произошло разделение *сянов* на «гражданского» и «военного». Через год, 22 мая 1371 года *сянам* были возвращены посты левого и правого, а разделение по военным и гражданским делам коснулось их помощников.

Особо следует отметить властные полномочия *ванов*. Они были весьма ограничены. Главы уделов располагали лишь некоторыми военными правами, но не могли вмешиваться в дела гражданской администрации. На практике случалось так, что удельные князья неоднократно выступали в роли военачальников и выступали в походы за пределы Китая. Несмотря на то, что текущие дела в войске князя решали самостоятельно, по серьезным вопросам они должны были запрашивать указаний императора.

Реформа центральных органов власти произошла вследствие утраты доверия Чжу Юаньчжана к своему ближайшему окружению. До 1380 года большими властными полномочиями обладала Правительственная палата, которую возглавляли два канцлера. Ей подчинялись шесть Ведомств: чинов, финансов, обрядов, военное, юстиции и общественных работ. После ликвидации Правительственной палаты (1380) ведомства стали высшими центральными органами, подчиняющимися непосредственно императору. Это решение Чжу Юаньчжана сопровождалось трагическими событиями, связанные с раскрытием заговора

⁹ Бокщанин А.А. Эволюция удельной системы в Китае в конце XIV — начале XV веков. Диссертация доктора исторических наук. — М. 1985, с. 81

канцлера Ху Вэйюна и его казнь. После этого заговора Чжу Юаньчжан решил, что пост канцлера сосредотачивает слишком большую власть, и решил упразднить его.

Центральная власть после 1380 (схема)

Каждое ведомство¹⁰ возглавлял «министр» с двумя секретарями (левым и правым). «Министерство чинов ведало назначением, проверкой деятельности, повышением и понижением в должности и наказанием чиновников всей империи; министерство финансов — сельскохозяйственными, торговым и соляным налогами и трудовыми повинностями; министерство обрядов — церемониями, религиями, жертвоприношениями, просвещением, экзаменами на занятие государственных должностей и внешними сношениями; военное министерство — назначением и смещением офицеров регулярной армии и изданием приказов по армии; министерство юстиции — вопросами законодательства, судами и тюрьмами; министерство общественных работ — производством оружия, чеканкой монеты, возведением деревянных сооружений, ирригационными сооружениями, путями сообщений и т. п.»¹¹

Главным среди ведомств считалось Ведомство обрядов. Как упоминалось выше, кроме собственно обрядов и церемоний, оно также ведало религиозными организациями и жертвоприношениями, образованием и нравственностью китайских подданных. Под «внешними сношениями», которые также находились в компетенции Ведомства обрядов, имеется ввиду организация приема иностранных послов и отправки посольств. Также в функции этого ведомства традиционно входил надзор за остальными пятью ведомствами.

¹⁰ В русскоязычной литературе название этого органа власти переводят иногда как «министерство».

¹¹ У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. (Пер. с кит. Желуховцева А. И., Боровковой Л. А., Мункуева Н. Ц.) / Под ред. доктора исторических наук Илющечкина В. П. — М.: Прогресс, 1980, с. 138

Для управления военными делами страны император вместо Военного совета, бывшего при династии Юань, создал *Канцелярию великого инспектора*, а в 1380 году разделил ее на пять канцелярий (пять военных округов). Каждый инспектор руководил подчиненным ему управлением военного командующего, т.е. местный орган власти был у него в подчинении. Инспектора также согласовывали свою деятельность с военным министерством. В случае войны император назначал главнокомандующего, который после окончания боевых действий был обязан сдать свои полномочия.

Для осуществления ревизии и контроля Чжу Юаньчжан создал Палату главного цензора. Во главе стояли два главных цензора (левый и правый), при которых находились их помощники. Им подчинялось большое количество цензоров-ревизоров. «Они должны были разоблачать злоупотребления во всех учреждениях, выявлять несправедливые обвинения и могли немедленно обвинить в служебных преступлениях тех крупных сановников, которые оказывались бесчестными, чинили самоуправство и вносили беспорядок в управление, или если чиновники оказывались непочтительными к старшим, проявляли алчность, совершали злоупотребления и подрывали систему, установленную предками»¹². По сути, это были «глаза» и «уши» императора, доносившие ему обо всем, что происходило в империи. При дворе цензоры-ревизоры периодически проверяли весь бюрократический аппарат, выезжали на места с этой же целью, производили смотр войскам и чистку в армии, инспектировали школы. Цензоры, выезжавшие с ревизией на места, считались едущими с целью инспекторского смотра вместо самого императора. Таким образом, цензоры обладали очень большими полномочиями и были практически всемогущими.

Большое значение для качественного функционирования государственного аппарата имел грамотный подбор чиновников. В Китае традиционно эта задача решалась достаточно просто: утверждением экзаменов на ученые степени, которые давали право на получение должности чиновника. Всего существовало 3 степени: низшая — *сюцай*, средняя — *цзюйжэнь*, высшая — *цзиньши*. Соответственно сданным экзаменам занимали должности. Так, высшая ученая степень давала право на замещение ключевых административных постов. Обладатели степени *сюцай* являлись кандидатами на второстепенные должности и оказывали немалое политическое влияние в пределах своего уезда.

¹² У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. (Пер. с кит. Желуховцева А. И., Боровковой Л. А., Мункуева Н. Ц.) / Под ред. доктора исторических наук Илющечкина В. П. — М.: Прогресс, 1980, с. 140

Только с одной низшей степенью занять значимый чиновничий пост было нелегко, но такие люди пользовались уважением, к их советам и помощи прибегали местные власти.

Те, кто претендовал на высшую ученую степень, сначала должны были удостоиться степени *сюця* и *цзюйжэня*, тогда как для сдачи экзамена на степень *цзюйжэнь* требовалось обладание только низшей ученой степенью. Экзамен на степень *цзиньши* проводился в столице раз в два-три года. За проведением его следили высшие сановники и сам император.

При рассмотрении государственного устройства и политической жизни императорского Китая нельзя не упомянуть также и о евнухах, которые зачастую играли весьма важную политическую роль в государстве (как правило, отрицательную). Этому способствовало нахождение в непосредственной близости к монарху (евнухи обслуживали императорский дворец), и, вследствие этого, их способность иногда оказывать влияние на решение государственных проблем, в угоду себе, своим близким или за определенную мзду. Усиление их политического влияния характерно для времен, когда в Китае правили слабовольные императоры. С усилением влияния евнухов связывают падение династий Хань и Тан.

Однако в начале правления династии Мин картина была несколько иная. Евнухов было мало и политического веса они не имели. Причиной этого было неприязненное отношение к ним первого императора династии Мин Чжу Юаньчжана: «первый минский император, стремившийся «держатъ евнухов в узде», распорядился на воротах дворца укрепить медную доску с надписью: «Евнухам запрещается участвовать в государственных делах. Нарушивший это правило будет обезглавлен». Стоило скопцу заговорить о делах правления, как его выгоняли со службы при дворе. Евнухам запрещалось изучать конфуцианские каноны. Они должны были постоянно жить в Запретном городе. Для выхода из него требовалось специальное письменное разрешение. Чжу Юаньчжан советовал будущим правителям и провинциальным чиновникам не слишком доверять евнухам, ибо среди них преобладают порочные люди»¹³.

К середине XV вв. число евнухов резко увеличивается, и роль их в политической жизни Китая возрастает. Опору в них видел третий минский император Чжу Ди (1402–1425). Он выдвигал евнухов в противовес штатской бюрократии и военным, рассчитывая обрести в них опору своей власти. Евнухов стали назначать специальными уполномо-

¹³ А. А. Бокщанин, О. Е. Непомнин. Лики Среднего царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. Ин-т востоковедения. — М.: Вост. лит., 2002, с. 74

моченными на местах, дипломатическими представителями и инспекторами войск. Скопцы стали контролировать столичную гвардию, внешнюю морскую торговлю, заниматься политическим сыском и выполнять функции цензоров-контролеров. С этого времени евнухи начали весьма активно участвовать в политической жизни Китая.

На протяжении правления династии Мин внешние формы государственного устройства, заложенные Чжу Юаньчжаном, оставались практически неизменными, однако менялся характер их функционирования: увеличение коррупции, вмешательство евнухов и т. д. делало государственный аппарат все менее эффективным. Это обстоятельство являлось одной из причин падения династии Мин.

Библиография

1. История Китая: Учебник / под ред. Мелексетова. — 4-е изд. — М. Изд-во МГУ, 2007
2. Бокщанин А.А., Непомнин О.Е. Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. Ин-т востоковедения. — М.: Вост. лит., 2002
3. Бокщанин А.А. Императорский Китай (внутренняя политика). М., «Наука», 1976
4. Очерки истории Китая. С древности до «Опиумных войн». / Под ред. Шан Юэ, пер. с кит. — М. Изд. Вост. лит., 1959
5. У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. (Пер. с кит. Желоховцева А.И., Боровковой Л.А., Мункуева Н.Ц.) / Под ред. доктора исторических наук Илюшечкина В. П. — М.: Прогресс, 1980
6. Cambridge history of China, Volume 7, The Ming Dynasty, 1368–1644, Part I, edited by FREDERICK W. MOTE and DENIS TWITCHETT. — Cambridge Histories Online, Cambridge University Press, 2008

Кипр и политика сверхдержав во время «холодной войны»

Рассматривая взаимодействие Кипра с другими субъектами международных отношений во второй половине XX в., прежде всего, хотелось бы сосредоточить внимание на треугольнике США–Кипр–СССР. США и СССР проявляли интерес к Кипру в связи со своим статусом сверхдержав, определявшим стремление обоих гигантов к влиянию и контролю на глобальном уровне и столкновение их интересов в данном регионе. Необходимо исследовать причины, характерные черты самого процесса, а также последствия вмешательства сверхдержав в Кипрский конфликт, особенно в 1960-е и 1970-е гг. В этот период международная система определялась политикой конфронтации «холодной войны». Подходя к рассмотрению заявленной темы, целесообразно, в первую очередь, ответить на вопрос, каковы причины столь пристального внимания со стороны сверхдержав к кипрской проблеме?

Необходимо с самого начала отметить, что ни США, ни СССР не имели никаких этнических связей с Кипром. Остров также не имел никакого потенциального экономического значения для обеих сверхдержав. Скорее, корни заинтересованности США и СССР следует искать в важности стратегического положения острова. Во время «холодной войны», впрочем, как и на протяжении всей своей истории, Кипр являлся стратегически важным плацдармом, поскольку располагался в точке, связывающей три континента, на перекрестке основных путей, связывающих Запад с Востоком и Европу с Африкой. Он расположен в 70 км к югу от Турции, 103 км к западу от Сирии, 209 км к северо-западу от Израиля и 386 км к северу от Египта и Суэцкого канала¹. Важно также, что остров является крайней восточной точкой Средиземноморского бассейна.

Из-за своей близости к ближневосточному региону Кипр может служить в качестве базы для проведения крупномасштабных наземных, морских и воздушных операций на Ближнем Востоке. Совместное британско-французское вторжение в зону Суэцкого канала в 1956 г. до-

¹ Hill G. A history of Cyprus, Vol. 4. Chapter 26. "Strategic Considerations". Cambridge: Cambridge University Press, 1940–1952.

казало пригодность острова в качестве опорной точки для операций в регионе².

Начиная с 1950-х гг. остров был ареной конфликтов и насилия, вызванных столкновением интересов двух местных общин и трех членов НАТО — Великобритании, Греции и Турции. Повторяющиеся кризисы и угрозы эскалации конфликта, который мог перерасти в войну между Турцией и Грецией, сделали остров скорее символом западной разобщенности, нежели цитаделью западной обороны. В то время, как США пытались сдержать конфликт и сохранить Кипр под контролем Запада, Советский Союз стремился влиять на политику Кипра для предотвращения включения острова в сферу интересов НАТО³.

Для Советского Союза, как и для США, вовлеченность в дела Кипра была связана с широкими региональными интересами. Цель получения доступа к теплым средиземноморским водам всегда являлось движущей силой советской внешней политики. Значимость ближневосточной нефти для экономики и военной организации стран Запада являлась еще одной причиной для активности СССР в регионе⁴. Распространение советского влияния могло серьезно нарушить мировой баланс сил. Кроме того, этот стратегически важный и нестабильный регион был расположен недалеко от советских границ, и этот факт увеличивал обеспокоенность Москвы развитием событий в странах Ближнего Востока.

Во-первых, Кипр был страной, способной осуществить поворот в сторону коммунизма посредством демократических процессов. Местная коммунистическая партия АКЭЛ (Партия трудового народа Кипра) была, безусловно, самой сильной политической организацией на острове. Она была лояльна в отношении Москвы и в кипрском конфликте занимала антизападную позицию и отстаивала идею независимости. Она также выступала за демилитаризацию острова и настаивала на демонтаже британских военных баз.

Во-вторых, с момента получения независимости правительство Кипра проводило политику неприсоединения и развивало дружественные отношения с Москвой. Президент Макариос несколько раз обращался к Москве за военной и дипломатической помощью для противодействия западному давлению и влиянию США, планировавших разрешение конфликта по своему сценарию.

² Joseph S. Joseph Cyprus: Ethnic Conflict and International politics. London, 1997. P. 58.

³ Ibid.

⁴ Soviet Objectives in the Middle East, Report of a Study Group of the Institute for the Study of Conflict. London: ISC, 1974.

И, в-третьих, СССР рассматривал кипрский конфликт в качестве источника раздора и нестабильности внутри НАТО. В этих условиях вовлеченность Советского Союза в критский конфликт способствовала подрыву единства западного военного блока.

Таким образом, интересы супердержав — США и СССР, — стимулировавшие их вовлеченность в кипрский конфликт, в свою очередь, служили причиной интернационализации этого конфликта.

Вспышка насилия между общинами в декабре 1963 г. ознаменовала начало курса интернационализации этнического конфликта на Кипре. Греция, Турция и Великобритания были первыми внешними силами, вмешавшимися в него. Первые две — для поддержки этнических групп соответственно, последняя — для восстановления мира и защиты своих стратегических интересов на острове. Эскалация военных действий совпала с неспособностью Британии восстановить мир и примирить противоборствующие этнические стороны, что привело к вовлечению сверхдержав.

США вмешались, чтобы занять место Великобритании, а Советский Союз предпринял шаги по противодействию западному вмешательству. Таким образом, этнический конфликт стал частью противостояния эпохи «холодной войны».

Необходимо также отметить, что подобный сценарий уже разворачивался в этом регионе семнадцатью годами ранее, когда Лондон больше не мог нести экономическое и военное бремя, защищая западные интересы в Греции и Турции. В конце 1940-х гг. эти две, противостоящие друг другу в Эгейском море, страны были охвачены гражданской войной, и каждая из них столкнулась с возможностью коммунистического переворота. Американская интервенция в рамках доктрины Трумэна сопровождала начало «холодной войны» и ознаменовала переход западного лидерства от Великобритании к США⁵. Статус великой державы, определяемый целым рядом объективных и субъективных факторов, не является постоянной величиной, его государства могут приобретать или утрачивать. То, что США стали играть на Кипре роль, которую ранее выполняла Великобритания, явилось результатом послевоенного угасания влияния Великобритании и утраты ею колониального могущества и быстрым возвышением Соединенных Штатов и превращением их в мирового лидера.

В периоды кризисов 1964, 1967 и 1974 гг. вмешательство США в кипрский конфликт в основном принимало форму дипломатического

⁵ Худис S. Greece and the Great Powers, 1944–47: Prelude to the Truman Doctrine. Thessaloniki, 1963.

участия. Дипломатия США в качестве основных целей добивалась: восстановления мира, сдерживания конфликта, предотвращения войны между Грецией и Турцией, а все это в формате, гарантировавшем западные интересы на острове и в регионе. Подобное решение устранило бы причины конфликта и установило бы твердый контроль Запада над Кипром⁶.

Советское участие в разрешении кипрского конфликта достигло апогея в те же решающие годы и приняло форму дипломатической поддержки правительства Кипра и идеи национальной независимости, территориальной целостности и неприсоединения островного государства. Москва предлагала значительную военную помощь Кипру, а в 1964 г. угрожала применением силы против Турции в случае вторжения на остров⁷.

Главными целями американского вмешательства в 1964 г. были, во-первых, прекращение огня и предотвращение военного столкновения между Грецией и Турцией; во-вторых, США хотели предотвратить вмешательство ООН и Советского Союза в проблему: Вашингтон полагал, что интернационализация конфликта через ООН предоставит «коммунистическим странам рычаги на этом стратегически расположенном острове»⁸.

Продвижение вышеуказанных целей было поручено двум выдающимся американским дипломатам — заместителю госсекретаря по политическим вопросам Джорджу Боллу и бывшему госсекретарю при администрации Трумэна Дину Ачесону. Привлечение Ачесона, который к тому времени уже вышел на пенсию, являлось хорошо просчитанным шагом. Старый дипломат являлся сильной и влиятельной личностью и даже легендарной фигурой в Греции и Турции, так как именно он стоял за доктриной Трумэна, в рамках которой две страны получали щедрую американскую помощь для борьбы с коммунизмом в 1940-е гг⁹.

В январе 1964 г. Болл предложил разместить 10-тысячный миротворческий контингент НАТО на Кипре и назначить западного посредника. Макариос категорически отверг это предложение и настоял на том, что правительство Кипра примет только международные миротворческие силы, санкционированные Советом Безопасности. В качестве последней попытки изменить мнение архиепископа Болл пригрозил ему тем, что, если турки прибегнут к своему одностороннему праву

⁶ Joseph S. Op. cit. P. 61.

⁷ Joseph S. Op. cit. P. 62.

⁸ Ball G. The Past has another pattern: Memoirs. N.Y., 1982. P. 340.

⁹ Joseph S. Op. cit. P. 62.

вторжения на Кипр, то «ни США, ни любая другая западная держава не пошевелит пальцем, чтобы остановить их»¹⁰.

Однако, несмотря на совместное давление США и Великобритании и постоянную угрозу турецкого вторжения, Макариос оставался непреклонным. Он игнорировал предложения американского посредничества и угрозы, обращался к Совету Безопасности за помощью против агрессии и вмешательства во внутренние дела Кипра. Его твердое противостояние США стало возможным благодаря стабильной поддержке СССР. Президент Кипра уже получил заверения Москвы, что Советский Союз поддержит его в случае конфронтации с Западом. Эти заверения были переданы через советского посла Павла Ермошина в Никосии и обнародованы ТАСС и центральными советскими газетами — «Правда», «Известия»¹¹. В Вашингтоне Макариоса прозвали «Кастро Средиземноморья»¹² и считали, что общаться с ним можно исключительно при посредстве давления, угроз и применения силы.

Первое советское оружие начало прибывать на остров в начале 1964 г.¹³. Кульминацией в процессе оказания СССР поддержки Кипру стало суровое длинное письмо Хрущева президенту Джонсону, осуждающее американскую инициативу, «направленную на фактическую оккупацию войсками НАТО Республики Кипр, которая придерживается политики неприсоединения к военным блокам»¹⁴. Советский лидер обвинил США и другие страны Запада в попытке навязать Кипру решение, невзирая на высказанное желание правительства Кипра достичь решения через ООН. Хрущев объяснял в своей прямой ноте, что «СССР, хотя и не граничит напрямую с Республикой Кипр, не может оставаться безразличным к ситуации, которая развивается в зоне восточного Средиземноморья — территории, не столь отдаленной от южных границ СССР, особенно, если принимать во внимание как понятие расстояния изменилось в наше время»¹⁵.

Другим открытым форумом полемики США и СССР по проблеме Кипра стал Совет Безопасности ООН, где представитель Советского Союза Николай Федоренко заявил, что причины разногласий между общинами кроются в Цюрихско-лондонских соглашениях, навязанных Кипру западными державами. В свою очередь, представитель США Ад-

¹⁰ Ball G. Op. cit. P. 345.

¹¹ Правда. 1964. 1 февр.; 1964. 8 февр.

¹² Joseph S. Op. cit. P. 66.

¹³ Adams T.W. and Cottrell Alvin J. Cyprus between East and West. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1968. P. 35.

¹⁴ Letter from Chairman Khrushchev to President Johnson (1964) // Joseph S. Joseph. Cyprus Ethnic Conflict and international politics. London: Palgrave Macmillan 1997. Appendixes. P. 155.

¹⁵ Ibid.

лай Стивенсон защищал эти соглашения, заявляя, что три западных гаранта имели законное право вторгаться на Кипр, совместно или отдельно, по Договору о гарантиях. Однако в данной полемике правота была на стороне Федоренко: как государство можно реально считать независимым, если третьи страны имеют право вторгаться в его внутренние дела? В данном случае Договор о гарантиях вступал в противоречие с основными принципами ООН.

Президент Кипра при поддержке СССР выиграл первую битву в своей конфронтации с США. Совет Безопасности принял резолюцию № 186 от 4 марта 1964 г., призывающую все государства воздержаться от любого вторжения на Кипр. Он также рекомендовал создать Вооруженные силы Организации Объединенных Наций по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК), которым было поручено предотвращать возобновление вооруженных столкновений, содействовать поддержанию законности и порядка и возвращению к нормальным условиям жизни. Также был назначен посредник ООН на Кипре¹⁶.

США пытались посадить Грецию и Турцию за стол переговоров. Когда греческий и турецкий премьер-министры, Папандреу и Иненю, были приглашены в Вашингтон на переговоры с президентом Джонсоном, последний напомнил им о «советской угрозе» и необходимости сплоченности НАТО. Американский президент призвал их «переступить через этнические противоречия и твердо противостоять коммунистической агрессии». Он попросил их подходить к проблеме Кипра в более широком контексте конфронтации Восток–Запад. Джонсон попытался заставить греческое правительство, используя свое влияние на Кипр, убедить Макариоса «перестать флиртовать с Москвой и Хрущевым»¹⁷. Но, по мнению Болла, два старца были не способны заниматься более широкими вопросами мирового идеологического противостояния, они придерживались этнического аспекта кризиса и даже отказывались вести переговоры¹⁸.

В августе 1964 г. во время Женевской конференции Ачесон предложил план «двойного эносиса». План предполагал распад Республики Кипр и распределение территории острова между Грецией и Турцией. Основными пунктами этого плана являлись следующие: 1) Кипр объединяется с Грецией; 2) Турции будет предоставлена крупная военная база на острове, территория которой будет являться неотъемлемой частью Турции; 3) Кипр будет разделен на восемь округов, два из кото-

¹⁶ Резолюция Совета Безопасности № 186 от 4 марта 1964 г. // <http://www.un.org/russian/documen/sresol/1964/res186.pdf>.

¹⁷ Papandreu A. Democracy at Gunpoint: The Greek front. N.Y.: Deutsch, 1971. P. 133.

¹⁸ Ball G. Op. cit. P. 355.

рых будут контролироваться турками-киприотами; и наконец, Греция уступит крошечный остров Кастелоризо (Мегиста), лежащий у берегов Турции¹⁹.

Турция приняла этот план в качестве основы для переговоров. Греция же по инициативе Макариоса настояла на том, что окончательное решение проблемы нужно искать в рамках Устава ООН, гарантирующего полную независимость, которая позволит народу Кипра свободно решать вопросы собственного будущего²⁰. Правительство Кипра даже отказалось принять участие в Женевской конференции. Макариос, комментируя роль Ачесона, высказался в том смысле, что, хотя он глубоко уважает посредника ООН Сахари Туомиойя, на конференции «присутствовали некоторые другие самоприглашенные посредники, разработавшие неприемлемый план решения кипрской проблемы»²¹.

Макариос не был настроен вести переговоры о независимости, территориальной целостности и неприсоединении Кипра. И тем более он не позволил бы другим вести переговоры и решать будущее острова. Ачесон, не скрывая своей враждебности в отношении Макариоса, назвал его «политическим священником с впечатляющими способностями к демагогии и жестокосердию»²².

«План Ачесона» был направлен на удовлетворение конфликтных национальных целей *эносиса* и *таксима* и тем самым — на уничтожение источника противоречий между Грецией и Турцией. С распадом кипрского государства Макариос и АКЭЛ с их просоветской политикой были бы отодвинуты с политической сцены. Необходимо помнить, что как в Греции, так и в Турции в то время коммунистические партии были объявлены вне закона. Кроме того, главная цель США — установить над Кипром контроль НАТО — была бы с принятием этого плана достигнута.

Относительно взаимодействия Макариоса с АКЭЛ можно с уверенностью утверждать, что президент Кипра едва ли мог находиться у власти без твердой поддержки влиятельной коммунистической партии. Архиепископ, который формально не принадлежал ни к одной партии, был способен оставаться у власти как «неполитический национальный лидер», лишь сохраняя баланс между интересами конфликтующих сторон и используя исключительную власть, которую давал ему духовный

¹⁹ The Acheson Plan // Joseph S. Joseph. Cyprus Ethnic Conflict and international politics. London: Palgrave Macmillan, 1997. Appendixes. P. 64.

²⁰ Из совместного коммюнике, выпущенного после переговоров Папандреу–Макариос в Афинах 30 июля 1964 г. // <http://www.keesings.com>.

²¹ Из заявления Макариоса (1964) // <http://www.keesings.com>

²² Из речи Д. Ачесона «Кипр: анатомия проблемы» — см.: Acheson D. Cyprus: The anatomy of the Problem // Chicago Bar Record. Vol. XLVI. № 8. 1965 May. P. 349–356.

сан. За 17 лет его президентства ему удалось заручиться поддержкой всех основных политических партий. Однако АКЭЛ обеспечила ему наиболее солидную поддержку. В частности, союз между православным прелатом и коммунистической партией, которая поддерживала тесные отношения с Москвой, был плодом совместного политического курса за независимость, единство и неприсоединение Кипра.

Интересно отметить, что в то время как Ачесон отстаивал свой план (август 1964 г.), турецкие ВВС (при американском попустительстве) впервые осуществили бомбардировки Кипра²³. Действия Турции гармонировали с целью США поставить Макариоса на колени и сделать его более сговорчивым в отношении западных предложений. Госдепартамент не скрывал своей неприязни к Макариосу. Болл однажды заявил, что «для того, чтобы что-то произошло на Кипре, сначала Макариос должен быть убит»²⁴.

Однако чиновники госдепартамента опять просчитались. В то время как американские напалмовые бомбы падали на Кипр, православный священник нашел выход. Он официально обратился к Кремлю за военной помощью с целью защиты независимости своей страны. Москва быстро дала положительный ответ. Советский флот, который появился в Средиземном море несколькими месяцами ранее, демонстративно направился к Кипру. В это же время большое количество советского оружия включая тяжелую артиллерию, танки, торпедные катера и зенитную артиллерию начало поступать на остров. Хрущев предупредил Турцию, что ей не удастся безнаказанно сбрасывать бомбы на Кипр, так как это может иметь «эффект бумеранга»²⁵. Союз СССР и Кипра оказался действенным инструментом по нейтрализации американского вмешательства и целей.

Эффект противовеса конфронтации сверхдержав стал основным фактором в кипрском конфликте, этнический аспект которого отошел на второй план из-за политико-стратегической и идеологической конфронтации между Москвой и Вашингтоном. Вовлеченность сверхдержав и трансформация конфликта в одну из арен «холодной войны» перевели проблему в другое измерение и только усложнили местные и региональные этнические противоречия. Результатом стало усложнение самого конфликта за счет усилившегося смешения этнического и идеологического антагонизмов, затруднившее и без того непростое решение проблемы.

²³ Joseph S. Op. cit. P. 66.

²⁴ Stern L. The wrong Horse: The politics of intervention and the failure of American diplomacy. N.Y., 1977. P. 84.

²⁵ Joseph S. Op. cit. P. 67.

Кризис 1967 г. имел свои особенности. В Греции к власти пришла антикоммунистическая военная хунта, поддерживаемая США, которая начала беспощадную травлю коммунистов в Греции и Макариоса, а также его политики независимости и неприсоединения. В Афинах президента Кипра воспринимали как «предателя эносиса, «красного священника», который заигрывал с местной коммунистической партией и общался с такими сомнительными фигурами, как Тито и Насер, не говоря уже о его дружбе с Москвой²⁶». В отношении Кипра «черные полковники», ориентировавшиеся на НАТО, активно преследовали политику включения острова в сферу интересов альянса через двойной эносис²⁷. Здесь стоит вспомнить, что план двойного эносиса был уже ранее предложен Ачесоном, и Турция была готова рассмотреть его в качестве варианта. Таким образом, можно сделать вывод, что намерения «черных полковников», США и Турции в отношении судьбы Кипра совпадали.

Приход к власти в Греции военной хунты способствовал тому, что она (в большей степени, нежели Турция), наряду с США и НАТО, стала мишенью Кремля. Такому положению также способствовало возобновление дружественных отношений между СССР и Турцией, которое началось в 1965 г.²⁸. Здесь необходимо сделать отступление и пояснить, с чем это связано. Летом 1964 г. Турция уже была готова осуществить интервенцию на Кипр, однако это не отвечало интересам ни НАТО в целом, ни США в частности, поскольку угрожало масштабной войной между Грецией и Турцией, что могло лишь подорвать юго-восточный фланг альянса. Поэтому президент США Джонсон направил письмо турецкому премьер-министру Иненю, которое Болл охарактеризовал как «самую жесткую дипломатическую ноту, которую он когда-либо видел»²⁹. Основная идея письма заключалась в том, что «если турецкая интервенция на Кипр повлечет за собой прямое вмешательство Советского Союза, то союзники по НАТО не окажут Турции помощи»³⁰. Турция в результате отказалась от интервенции. Однако письмо Джонсона заставило Анкару пересмотреть приоритеты во внешней политике, что в конце концов привело к сближению Турции и СССР.

Советский Союз заявлял о своей твердой поддержке Макариоса в Совете безопасности, где обмен обвинениями между СССР и США осуществлялся в рамках риторики «холодной войны», в атмосфере, на-

²⁶ Stern L. Op. cit. P. 86.

²⁷ Joseph S. Op. cit. P. 70.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ball G. Op. cit. P. 353.

³⁰ Letter from President Johnson to Premier Inonu (1964) // Joseph S. Joseph. Cyprus Ethnic Conflict and international politics. London: Palgrave Macmillan, 1997. Appendixes. P. 158.

поминающей «Карибский кризис» 1962 г. Кризис 1967 г. был разрешен дипломатическим путем. Однако проблема урегулирования более широкого этнополитического конфликта оставалась, что, в свою очередь, создавало перспективы еще одной вспышки насилия и кровопролития.

Стратегические доктрины «холодной войны», которыми руководствовались США и СССР в отношении Кипра в 1960-е гг., снова определяли ход событий во время кризиса 1974 г. Цель США — включение Кипра в сферу влияния НАТО, как предусматривал план Ачесона, цель СССР — поддержка неприсоединения Кипра с просоветским правительством. Кипр и его глава архиепископ Макариос оказались в центре сталкивающихся интересов Греции и Турции, противостояния Востока и Запада. Политической целью Макариоса являлся независимый объединенный Кипр, где приоритетными были бы интересы этнического большинства. Резкое улучшение советско-турецких отношений и установление дружественных отношений между США и греческой военной хунтой стали важными элементами конкурирующих этнических и стратегических интересов вокруг Кипра.

Сильная неприязнь к Макариосу, разделяемая Афинами и Вашингтоном, послужила толчком к новому этапу насилия и кровопролития. 15 июля 1974 г. греческая хунта осуществила кровопролитный государственный переворот по смещению кипрского президента, что нарушило хрупкий баланс сил на острове. Интересным, хотя и неудивительным является тот факт, что США не осудили переворот, а наоборот стали единственной страной, кроме Греции, склонявшейся к признанию марионеточного диктаторского режима Никосии³¹. В результате Макариос покинул страну, а Советский Союз потерял рычаг влияния на острове. Далее события развивались стремительно и «логично». Турция вторглась на Кипр под предлогом защиты турок-киприотов. СССР осудил греческий государственный переворот, назвав его американским заговором против Кипра и потребовал возвращения Макариоса.

Летом 1974 г. во время заседаний Совета Безопасности советская делегация обвиняла греческую хунту, США и НАТО в попытках ликвидировать кипрское государство, но ни разу не упомянула Турцию. Это объяснялось улучшением советско-турецких отношений. К 1974 г. были установлены тесные политические и экономические связи между Москвой и Анкарой на фоне напряженных американо-турецких отношений. Установление этих отношений отвечало стратегическим интересам Советского Союза, целью которых являлось усиление раскола в НАТО.

³¹ Joseph S. Op. cit. P. 72.

Почему США не остановили турецкую интервенцию, несмотря на то, что они имели определенные рычаги влияния на Турцию? Тому можно назвать ряд причин: во-первых, свержение Макариоса в результате государственного переворота, осуществленного греческими полковниками, который стал причиной турецкой оккупации, являлось целью США; во-вторых, любое силовое воздействие на Турцию со стороны США могло лишь способствовать дальнейшему сближению ее с СССР; в-третьих, последствия турецкой интервенции оказались схожи с пунктами плана Ачесона, предложенного США в 1964 г.

Как США, так и СССР не предпринимали никаких попыток, чтобы остановить продвижение турецкой армии вглубь острова. Обе державы пытались переманить Турцию на свою сторону из-за стратегического значения страны, что, в свою очередь, создало условия для оккупации Турцией Кипра.

После начала второй массивной атаки со стороны Турции на Кипр Греция официально обратилась к генеральному секретарю НАТО Джозефу Лансу с просьбой созвать встречу Совета Министров НАТО для оказания давления на Турцию. Ланс отказался созывать встречу или как-либо активно вмешиваться в конфликт. Ответом на это стал выход Греции из военной организации НАТО. Это стало ударом для юго-восточного фланга альянса.

В 1975 г. влиятельному греческому лобби в США удалось повлиять на американскую внешнюю политику, результатом чего стало введение эмбарго на поставку в Турцию американского оружия. Однако ответом Турции на эмбарго стало закрытие американских военных баз на ее территории. Это крайне обеспокоило Вашингтон и еще больше раскололо западную систему обороны, однако одновременно вызвало удовлетворение в Москве. В результате к концу 1978 г. эмбарго полностью было отменено, а военные базы возобновили свою работу.

Таким образом, сверхдержавы, преследуя собственные стратегические интересы на острове Кипр и в регионе в целом, вывели кипрский конфликт с этнического уровня на международный, что, в свою очередь, только усложнило его ход и последующее разрешение.

Библиография

1. Заявление Макариоса (1964) // <http://www.keesings.com>
2. Правда. 1964. 1 февр.; 1964. 8 февр.
3. Резолюция Совета Безопасности № 186 от 4 марта 1964 г. // <http://www.un.org/russian/document/scresol/1964/res186.pdf>

4. Совместное коммюнике, выпущенное после переговоров Папандреу–Макариос в Афинах 30 июля 1964 г. // <http://www.keesings.com>
5. Acheson D. Cyprus: The anatomy of the Problem // *Chicago Bar Record*. Vol. XLVI. № 8. 1965 May. P. 349–356.
6. Adams T.W. and Cottrell Alvin J. *Cyprus between East and West*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1968.
7. Ball G. *The Past has another pattern: Memoirs*. N.Y., 1982.
8. Hill G. *A history of Cyprus*. Vol. 4. Chapter 26. “Strategic Considerations”. Cambridge: Cambridge University Press, 1940–1952.
9. Joseph S. *Joseph Cyprus: Ethnic Conflict and International politics*. London, 1997.
10. Letter from Chairman Khrushchev to President Johnson (1964) // Joseph S. Joseph. *Cyprus Ethnic Conflict and international politics*. London: Palgrave Macmillan, 1997. Appendixes. P. 155.
11. Letter from President Johnson to Premier Inonu (1964) // Joseph S. Joseph. *Cyprus Ethnic Conflict and international politics*. London: Palgrave Macmillan, 1997. Appendixes. P. 158.
12. Papandreu A. *Democracy at Gunpoint: The Greek front*. N.Y.: Deutsch, 1971.
13. *Soviet Objectives in the Middle East, Report of a Study Group of the Institute for the Study of Conflict*. London: ISC, 1974.
14. Stern L. *The wrong Horse: The politics of intervention and the failure of American diplomacy*. N.Y., 1977.
15. *The Acheson Plan* // Joseph S. Joseph. *Cyprus Ethnic Conflict and international politics*. London: Palgrave Macmillan, 1997. Appendixes. P. 64.
16. Xydis S. *Greece and the Great Powers, 1944–47: Prelude to the Truman Doctrine*. Thessaloniki, 1963.

Кристина Мелконян (Армения)

Советско-турецкий территориальный конфликт на заре холодной войны

В феврале 1945 г. Турция формально объявила войну Германии, но боевых действий против нее не вела. С 1941 г. турецкая внешняя политика была явно прогерманской. Весь период Великой Отечественной войны Турция рассматривалась Москвой как потенциальный союзник рейха. За четыре дня до нападения Германии на СССР был подписан германо-турецкий договор о дружбе. Угроза со стороны Турции стала еще более реальной летом 1942 г., когда германская армия стремительно приближалась к Сталинграду, угрожая отрезать Кавказ и Закавказье от остальной части СССР. Взаимоотношения СССР и Турции до предела обострил также пропуск Турцией через черноморские проливы германских и итальянских военно-морских сил в июне 1941 г. в Черное море, а в 1944 г., когда исход войны был уже более или менее ясен, — в обратном направлении.

В конце Второй мировой войны правительство СССР было полно решимости наказать южного соседа — Турцию. 19 марта 1945 г. Советский Союз денонсировал советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 г., а следом выдвинул на повестку дня проблему контроля над черноморскими проливами и вопрос о возврате Советской Армении Карса и Ардагана в послевоенный период, мотивировав этот шаг изменениями, произошедшими в ходе Второй мировой войны. В Анкаре это было расценено как предупреждение об ужесточении политики СССР по отношению к Турции. Самым страшным для турок стали территориальные претензии, касавшиеся Карса и Ардагана. Сталин официально заявил на Потсдамской конференции, что Турция должна вернуть Армении и Грузии их территории, захваченные в период военно-политической слабости Советской России. Речь шла, как минимум, о восстановлении российско-турецкой границы 1914 г.

Москва, действуя осторожно, использовала тот факт, что после победы СССР над фашистской Германией среди армян, проживающих в Америке, Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, возросла вера к разрешению Армянского вопроса и репатриацию их в Советскую Армению. В связи с этим в ноябре 1945 г. Политбюро ЦК ВКП(б) раз-

решило репатриацию зарубежных армян в Армению. Принятием этого решения СССР хотел продемонстрировать западным союзникам и всему миру твердость своей позиции в вопросе территориальных требований к Турции, утвердить в общественном сознании тезис, что эти территории необходимы для расселения репатриированных армян, поскольку территория Армянской ССР недостаточна, чтобы вместить всех желающих приехать. Иными словами, под видом восстановления исторической справедливости Сталин избрал для Турции наилучший способ наказания, в результате Советский Союз мог расширить свою территорию.

Правительство Турции со своей стороны отвергла все советские предложения и приступила к планомерной работе по защите своих позиций, сперва с помощью Великобритании, затем — США. Американская дипломатия уже тогда определила свои внешнеполитические приоритеты и с готовностью пошла на помощь Турции. Принятие доктрины Трумэна об оказании серьезной финансовой помощи Турции было только первым шагом американской администрации по установлению контроля над этой страной. США разместила на турецкой территории свои военные и разведывательные базы, которые находились в непосредственной близости от советской границы. Иными словами, США использовал страх Турции в своих интересах. А в 1952 г. Турция вступила в НАТО, замкнув круг враждебных Советскому Союзу стран с Юга и став одной из опорных точек западной системы безопасности в холодной войне с СССР.

Таким образом, обсуждение Армянского вопроса на международной арене в послевоенные годы не дало положительных результатов. В условиях «холодной войны» весной 1946 г. и претворения в жизнь «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла» в 1947 г. Советский Союз вынужден был временно отложить вопрос черноморских проливов и пересмотра границ. Позднее, после смерти Сталина в 1953 г. Москва официально отказалась от территориальных требований в отношении Турции.

Е.В. Ностаева (Россия)

История внешней политики Монголии. 1911–1915 гг. (от провозглашения независимости до подписания кяхтинского договора)

В начале 90-х гг. XX в. Монголия вышла из системы приоритетов внешней политики РФ, что привело к утрате прежних позиций нашей страны и проявлению инициативы государствами Западной Европы, Японией, США и другими. Тем не менее в последнее десятилетие, особенно после визита В.В. Путина в 2000 г. в г. Улан-Батор, существует тенденция к восстановлению прежних российско-монгольских отношений. Ввиду того, что в настоящее время сотрудничество двух стран находится на этапе возрождения, вопрос об активизации внешнеполитической, экономической и культурной деятельности России в Монголии остается открытым. В этом контексте необходимость в изучении истории не только культурно-цивилизационных, но и государственно-политических особенностей Монголии не вызывает сомнений. Кроме того, знание подлинной истории внешней политики Монголии на начальном этапе ее становления (начало XX в.) также имеет большое значение для формирования новой модели взаимоотношений с Монголией. Данная статья посвящена истории внешней политики Монголии 1911–1915 гг. — теме, которая, как и многие проблемы монгольской истории того времени, требует пересмотра и более объективного изучения, нежели это делалось ранее советскими исследователями, рассматривавшими ее с позиций марксистско-ленинской идеологии.

В начале XX в. Монголия оставалась северной окраиной, вассальной частью Цинской империи. В целях установления полного сюзеренитета над Монголией китайское правительство в тот период проводило так называемую «политику новой власти». Действия маньчжурских правителей, предпринимавшиеся строго в рамках данной политики и колонизация монгольских земель пробуждали недовольство со стороны всех социальных слоев населения Монголии. Националистические настроения в самом китайском обществе также катализировали недовольство монголов. Синьхайская революция 1911–1913 гг. воодушевила монгольский народ на решительные действия. Так, в Халхе — Северной Монголии — летом 1911 г. вспыхнуло национально-освободительное

движение, которое привело в декабре 1911 г. к провозглашению независимости Монголии. Стоит выделить несколько важных факторов, повлиявших на национально-освободительное движение Монголии:

1) В ходе Синьхайской революции власть династии Цин в Монголии ослабла, что повлияло на развитие национально-освободительного движения Монголии;

2) Для борьбы за независимость и защиты от агрессивных нападков Китая Монголия пыталась найти политическую, финансовую, военную поддержку извне, и это ей в определённой степени удалось.

Царское правительство стремилось расширить и укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, опираясь не только на свой экономический и военный потенциал, но и на сильную дипломатию. Следует сказать, что в 1910–1915 гг. внешнеполитическое ведомство России возглавлял известный дипломат С.Д. Сазонов, который в своей политике успешно добивался поставленных целей¹. Ярким тому подтверждением явилось подписание в июле 1907 г. тайного русско-японского соглашения, по которому Япония признавала «специальные интересы» России в Северной и Западной Монголии². В результате этой договоренности монголы могли рассчитывать на помощь России, ставшей непосредственной участницей их освободительной борьбы.

Свержение маньчжурской власти в Халхе прошло довольно быстро. В середине декабря 1911 г. Маймачэн (Монгольскую Кяхту) занял монгольский цзаргучей (пограничный комиссар). 29 декабря город и крепость Улясутай, где находился небольшой китайский гарнизон, освободились от маньчжуро-китайской власти. Цзянцзюнь (маньчжурский военный губернатор) Куй Фан, ставка которого находилась в крепости Улясутай, поспешно уехал в Пекин. Отсюда следует, что власть монголов утверждалась бескровно.

29 декабря 1911 г. в Урге была провозглашена независимость Монголии, состоялась торжественная церемония восшествия Богдо-гегена Джебцун-Дамба-хутухту на трон Великого хана. Халхаская феодальная верхушка оставила архаичные общественно-экономические отношения и ввела теократическую форму правления. Богдо-геген сформировал правительство из пяти министерств, среди которых было министерство иностранных дел. Главой внешнеполитического ведомства был назначен Ханда-Доржи — авторитетный политический

¹ Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. С. 257.

² Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919). М.: Институт востоковедения РАН, 1999. С. 28.

деятель, участник национально-освободительного движения. В руководящий состав данного министерства вошли баргинский дзанги (управитель сомона) Манлай-Батор Дамдин-Сурун, дзайсанг (управитель отока) Церен-Доржи и ряд других лиц, выдвинувшихся в ходе борьбы за независимость³.

Министерство иностранных дел (далее — МИД) состояло из трех отделов: Южного, Северного и Центрального. Южный отдел отвечал за вопросы, касающиеся отношений с Китаем. Северный отдел занимался делами российского направления. Центральный отдел, помимо хранения важных документов, поддерживал связи с другими ведомствами и установил штат кадров МИД в количестве 42 человек.

Глава государства сам решал основные вопросы внешней политики. Министр иностранных дел назначался Богдо-ханом, кандидатуры на остальные должности выдвигал министр и затем их утверждал Великий хан. На работу в МИД брали людей высокообразованных и преданных своему народу, владеющих китайским и маньчжурским языками. Поскольку в тот период ощущалась острая нехватка кадров, владеющих русским языком, при МИД была создана русская школа. Некоторые учащиеся этой школы впоследствии стали партийными, государственными деятелями. Среди них наиболее известны Дамбадоржи, Жадамбу, Чойбалсан и др.⁴

Основным направлением внешней политики ургинского правительства являлся вопрос об объединении прежних территорий Монголии в единое государство, а также сохранение и укрепление ее независимости. Следует сказать, что для утверждения Монголии как полноправного субъекта международных отношений необходимо было добиться признания иностранными державами ее суверенитета. Для достижения вышеуказанных задач МИД Монголии активно работал в этом направлении, и хочется подчеркнуть, несмотря на противодействие со стороны царской дипломатии, которая стремилась не допустить внешних контактов монголов с другими государствами, в частности с Китаем, без участия России. Осознав односторонность своей внешней политики, монгольское правительство обратилось к правительствам Англии, Франции, США, Китая с предложением установить дипломатические отношения. Однако ни одна страна не откликнулась на эту инициативу⁵.

³ Дүгэрсүрэн М., Хосбаяр О. Дипломат ажиллагаа, дипломат албаны ундэс. Улаанбаатар: МУИС — Олон улсын харилцааны дээд сургууль (Дипломатическая деятельность, основы дипломатической службы. Улан-Батор: Монгольский Государственный Университет — Институт международных отношений), 1998. С. 18.

⁴ Там же. С. 18–19.

⁵ Монгольская Народная Республика. М.: Наука, 1971. С. 79.

Царская Россия в отношении Северной Монголии придерживалась четкой политики. Она защищала не независимость Монголии, а ее автономию с большими правами в границах Китая. Пекин выступал не только против независимости Северной Монголии, но и против ее автономии. При таких обстоятельствах монгольскому правительству пришлось принять сторону царской дипломатии. В сентябре 1912 г. по предложению России в Урге состоялись переговоры между монгольскими министрами во главе с Сайн-Ноин-ханом Намнан-Суруном и полномочным послом России И.Я. Коростовцем. 3 ноября 1912 г. были приняты русско-монгольское соглашение и протокол к нему. По первому пункту Россия брала на себя обязательство не допускать на территорию Халхи китайские войска и препятствовать колонизации земель китайцами. Тем не менее монгольские феодалы не смогли добиться от России ни признания независимости Монголии, ни права определять границы, а лишь признания широкой автономии в составе Китая. Несмотря на это, Урга не согласилась принять власть китайского правительства, и Монголия вплоть до подписания Кяхтинского соглашения 1915 г. оставалась фактически независимым государством.

В конце декабря 1912 г. монгольская делегация во главе с Ханда-Доржи прибыла в Петербург. Целью этого визита было решение ряда важных вопросов, а именно: получение военной и денежной помощи от России на освобождение Внутренней (Южной) Монголии и образование объединенного монгольского государства, а также налаживание взаимообмена послами. Монгольская делегация была принята Николаем II и председателем Совета министров В.Н. Коковцовым. Двусторонние переговоры проходили в Петербурге в МИДе России, в их ходе стало известно, что монгольское правительство было недовольно русско-монгольским соглашением 1912 г. Для смягчения напряженных отношений с монгольской правящей верхушкой Россия предоставила Урге на устройство армии и администрации беспроцентный заем в размере 2 млн. руб. В то же время царское правительство обещало «принять на себя заботы об устройстве монгольской армии»⁶. Таким образом, Россия решила оказать помощь монголам, но отклонила предложение монгольской делегации об обмене послами и содействии в окончательном отторжении Монголии от Китая.

Китай не признал русско-монгольское соглашение 1912 г., но этот документ заставил Пекин считаться с позициями России и пойти с ней на серьезные переговоры относительно Монголии. В 1913 г. когда стало известно, что Россия и Китай пытаются договориться по монгольскому

⁶ Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919). С. 90.

вопросу, монгольский МИД направил ноты протеста со сходным содержанием правительствам этих стран. Не обратив особого внимания на бурное недовольство Урги, 23 октября 1913 г. стороны подписали в Пекине русско-китайскую декларацию. По этому документу Россия признавала суверенитет Китая над Внешней (Северной) Монголией, а Китай, в свою очередь, согласился признать автономию Внешней Монголии и не вмешиваться во внутреннее управление и торгово-промышленную деятельность автономной Монголии, не посылать туда войска, не содержать там никаких гражданских или военных властей и воздержаться от колонизации ее земель. Китаю разрешалось иметь в Урге амбана (сановника) с «необходимым подчиненным штатом и конвоем»⁷. Китай признавал русско-монгольский протокол 1912 г. Хотя в декларации не упоминалось русско-монгольское соглашение, но его содержание полностью вошло в текст этого документа.

Монголия отнеслась резко отрицательно к русско-китайской декларации. 4 ноября 1913 г. ургинское правительство повторно направило в российское консульство ноты протеста, в которых говорилось о жестоких репрессиях, ожидающих монгольский народ при переходе его в одну из провинций Китая.

В конце 1913 г. монгольская делегация во главе с премьер-министром Намнан-Суруном приехала в Петербург, где провела переговоры с С.Д. Сазоновым по широкому кругу политических, экономических и военных вопросов. Большой внимание в них было уделено проблеме, связанной с русско-китайской декларацией. Во время своего пребывания в Петербурге монгольская делегация передала ноты всем иностранным дипломатическим представительствам, аккредитованным в столице Российской Империи. Богдо-геген попытался встретиться лично с дипломатами зарубежных государств, но натолкнулся на противодействие со стороны России⁸. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов официально заявил, что Монголия «не подготовлена историей к самостоятельному бытию»⁹. Вскоре начался процесс, заставивший Монголию принять российско-китайскую декларацию 1913 г.

В мае 1913 г. два монгольских лидера сайн-ноин хан Намнан-Сурун и Ханддорж обратились к И.Я. Коростовцу с предложением допустить Ургу к предстоящим переговорам. И.Я. Коростовец дал отрицательный ответ, объясняя это тем, что «в настоящей стадии переговоров вступление Монголии может скомпрометировать уже до-

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Дүгэрсүрэн М., Хосбаяр О. Указ. соч. С. 21–22.

⁹ Монгольская Народная Республика. С. 79.

стигнутые результаты»¹⁰. Естественно, такой ответ не удовлетворил монгольских представителей. В июле того же года они вновь попытались поднять этот вопрос. Ханддорж направил новому генеральному консулу России в Урге А.Я. Миллеру письменное уведомление о том, что ургинское правительство направило китайскому правительству письмо о непризнании Монголией русско-китайской декларации. Ханддорж повторно просил А.Я. Миллера разрешить Монголии участвовать в русско-китайских переговорах. Таким образом, упорное стремление монголов не дать двум державам решить ее дальнейшую судьбу без ее участия заставило царское правительство пойти на компромисс и заявить, что «их желание участвовать на равных правах» в тройственных переговорах будет удовлетворено¹¹. И уже с 26 сентября 1914 г. в Кяхте состоялись трехсторонние переговоры между Россией, Китаем и Монголией. Монгольскую делегацию в начале возглавил министр внутренних дел Дашжав, но под давлением двух держав он был отозван обратно, а вместо него главой делегации назначили одного из приближенных к хутухте князей Ширнин-Дамдина. В состав делегации вошли министр финансов Чагдаржав, заместители министра иностранных дел Цэрэн-Доржи, Джигжитав, заместитель министра юстиции князь Удай, Манлай-Батор Дамдин-Сурун, также позже отозванный в ходе переговоров¹². Китайское правительство назначило для ведения переговоров в Кяхте генерала Би Гуйфана и чрезвычайного посланника и полномочного министра в Мексике Чэнь Лу. Царское правительство поручило вести переговоры дипломатическому агенту и генеральному консулу в Монголии А.Я. Миллеру.

Каждая из сторон преследовала свои цели. Китайская делегация добивалась вхождения Халхи в состав Китая в качестве провинции с местным самоуправлением. Монгольская сторона стремилась добиться ее полной независимости. Царское правительство было намерено поставить Внешнюю Монголию под свой политический контроль, притом что она останется в составе Китая.

В силу этих причин переговоры шли медленно и с перерывами. Однако под напором царской дипломатии 7 июня 1915 г. трехстороннее соглашение было подписано.

По Кяхтинскому соглашению Северная Монголия признавала русско-китайскую декларацию от 5 ноября 1913 г. (ст. 1), признавала свой статус как автономной части китайской территории (ст. 2).

¹⁰ Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века... С. 154.

¹¹ Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919). С. 155.

¹² Дүгэрсүрэн М., Хосбаяр О. Указ. соч. С. 22.

Автономная Монголия не имела право «заключать с иностранными державами договоры, касающиеся политических и территориальных вопросов» (ст. 3), но могла заключать «с иностранными державами международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности» (ст. 5). Россия и Китай признавали за Автономным Правительством Внешней Монголии «исключительное право ведать всеми делами своего внутреннего управления» (ст. 5)¹³. Отсюда следует, что Урга получила достаточно широкую автономию и право заключать экономические соглашения с иностранными государствами. Однако, оказавшись под фактическим протекторатом Царской России, Внешняя Монголия лишилась возможности самостоятельно вести внешнюю торговлю. Таким образом, Кяхтинское соглашение стало огромным достижением царской дипломатии, поражением китайской, а для монгольской — горьким разочарованием.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что Монголия, провозгласившая в 1911 г. свою независимость, вплоть до Кяхтинского договора оставалась фактически независимым государством и пыталась вести собственную внешнеполитическую деятельность. Тем не менее, в силу экономической и политической слабости, она так и не сумела сохранить свой шаткий суверенитет и восстановить прежние территории. Исследование внешней политики Внешней (Северной) Монголии в 1911–1915 гг. позволяет в качестве основной ее особенности назвать упорную и последовательную борьбу ее дипломатов за признание независимости своей страны в составе исконных территорий расселения монгольских народов. Несмотря на ограниченный потенциал Монголии и давление со стороны двух держав — России и Китая, ургинское правительство, опиравшееся лишь на национально-освободительное движение, предпринимало активные дипломатические действия для усиления своих позиций в Северной Маньчжурии (Барга), Западной Монголии (Кобдоский и Алтайский округа) и Синьцзяне с целью присоединения их впоследствии в обновленное монгольское государство. В связи с этим стоит оценить активную работу и твердую веру монгольских дипломатов в положительный исход их борьбы за свободу и независимость. В дальнейшем, как показала история, упорство и огромное желание свободы монгольских лидеров привело их к исполнению долгожданной мечты.

¹³ Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) (Монгольская независимость и Кяхтинское русско-китайско-монгольское соглашение 1915 года (1911–1916). Улаанбаатар, 2002. С. 231.

Библиография

1. Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
2. Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919.). М.: Институт востоковедения РАН, 1999.
3. Дүгэрсүрэн. М., Хосбаяр О. Дипломат ажиллагаа, дипломат албаны ундэс. Улаанбаатар: МУИС — Олон улсын харилцааны дээд сургууль (Дипломатическая деятельность, основы дипломатической службы. Улан-Батор: Монгольский Государственный Университет — Институт международных отношений), 1998.
4. Монгольская Народная Республика. М.: Наука, 1971.
5. Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) (Монгольская независимость и Кяхтинское русско-китайско-монгольское соглашение 1915 года (1911–1916)). Улаанбаатар, 2002.

Проблемы взаимного восприятия в отношениях Индии с государствами Центральной Азии

Как в обыденном, так и в научном сознании под теорией и практикой международных отношений зачастую понимаются и, следовательно, получают внимание только их политическая и экономическая составляющие. На основе этого успехи или неудачи того или иного государства на международной арене рассматриваются, анализируются и прогнозируются именно с точки зрения развития его политических и экономических взаимоотношений с другими государствами и внешнегосударственными субъектами. Под политикой в данном случае понимается общая — спокойная или напряженная — обстановка в межгосударственных отношениях, количество визитов на высших уровнях, число подписанных «стратегических» документов и т.п. Экономика же подразумевает величину товарооборота, взаимную включенность экономических субъектов одного государства в хозяйственную структуру другого и т.п.

Между тем, как теоретические концепции эпохи постмодерна, так и реальная практика показывают, что весьма важной составляющей международных отношений является идеология, или, о чем будет идти речь в данной статье — взаимное восприятие одного государства (или целого региона) другим государством (или регионом). Подобный фактор взаимного восприятия — на уровне общества и на уровне государства — нередко является решающим и в значительной степени предопределяет успех или неудачу в развитии двусторонних политических и экономических отношений. От того, каким одно государство или регион видятся другому государству или региону, зависит заинтересованность в установлении и продвижении конструктивных отношений между ними в самых различных сферах. При этом основная проблема состоит в том, что подобное восприятие не всегда отражает фактическую ситуацию. Нередко оно может основываться на информации верной, но неправильно истолкованной, на информации изначально неверной (например, полученной в искаженном виде от третьих субъектов), и даже на домысливании в условиях элементарной нехватки объективных знаний друг о друге.

Данная проблема все еще существует и между такими важными и признанными на международной арене государствами, как Казахстан и Индия, которые позиционируют себя в качестве активных игроков в мировой политической и экономической жизни. При этом в статье будут рассматриваться именно проблемы восприятия индийцами Центральной Азии и в частности, — Республики Казахстан, пока еще практически неотделимой от этого региона.

Вкратце можно отметить, что Казахстан располагает в достаточной степени лишь информацией, касающейся в основном периода индийской истории до момента начала в Индии экономических реформ в 1990-х годах. Это связано с распадом СССР, сворачиванием советско-индийских связей и временным выпадением Индии из сферы «ближайших приоритетов» казахстанской внешней политики. Индия же, как показывает анализ общественного мнения и работ индийских ученых, вообще никогда не располагала достаточной информацией о нашем государстве и лишь в последние годы накапливает ее в более или менее адекватном объеме. Причем данную информацию она получала и по-прежнему продолжает получать «из третьих рук», и, зачастую, полагается на устаревшие данные, воспринимая их как характеризующие современную ситуацию.

Конечно, в последние годы наблюдается повышенный всесторонний интерес Индии к Казахстану и, как следствие, стремление к получению и накоплению более обширной и достоверной информации о нашей стране. Так, по наблюдениям автора, за последние девять лет (с 2001 по 2010 гг.) выросли и расширились более или менее объективные знания индийцев о Казахстане. Большую роль в этом сыграло, в частности, проведение в Алматы в июне 2002 г. встречи государственных Сопредседателей по Взаимодействию и Мерам Доверия в Азии (СВМДА), получившей широкое освещение в индийских средствах массовой информации, а также визит в Индию Президента Казахстана Н.А. Назарбаева в 2009 г. Наблюдается также рост числа индийских специалистов, занимающихся не «Россией и сопредельными странами» вообще, и даже не только Центральной Азией как во всех отношениях «единым» регионом, что имело место раньше, а отдельными государствами этого региона, в том числе и непосредственно Казахстаном. Следует также отметить, что такая стратегически важная для Индии проблема, как обеспечение энергетической безопасности страны, обусловливает наличие у индийцев вполне достоверной (хотя, опять таки, нередко устаревшей) информации о запасах углеводородов в Казахстане и об инфраструктурных проектах в казахстанском энергетическом секторе, в реализации которых индийские компании стремятся при-

нять участие. И, тем не менее, восприятие нашего государства и даже центральноазиатского региона в целом ни широкой общественностью, ни учеными и политиками Индии все еще нельзя назвать адекватным.

Вышесказанное подтверждается рядом следующих фактов.

Прежде всего, следует отметить, что Индия, как, впрочем, и многие другие государства Запада и Востока, все еще воспринимает Казахстан как составную часть всесторонне единого региона Центральной Азии, имеющую лишь незначительные особенности, которые отличают ее от других частей «центральноазиатского целого». При этом в случае с Индией и другими государствами Азиатского континента, подобное восприятие связано с характеристикой, некогда данной региону западными специалистами. Вообще, как показывает анализ ссылок в работах индийских (а также пакистанских) ученых, труды европейских и американских исследователей привлекаются весьма активно, и подход к содержащимся в них сведениям является в целом некритичным. Как следствие, в большинстве самых различных зарубежных исследований ясно прослеживается одинаковая тенденция «невычленения» отдельных государств из региона Центральной Азии по основным политическим и экономическим показателям, что, соответственно, и определяет специфику отношения зарубежных ученых к современному состоянию взаимоотношений центральноазиатских государств. При этом подобное невычленение отдельных государств в рамках региона связано с этнико-лингвистическим, конфессиональным, культурно-цивилизационным и собственно историческим аспектами. Последний подразумевает существование единой Центральной Азии в период функционирования Великого Шелкового пути, в рамках Российской империи и затем СССР. Учитывая же тот факт, что государства Южной Азии являлись активными субъектами торговых и культурных контактов на Великом Шелковом пути и участниками борьбы Российской и Британской империй (пусть и пассивными) за господство в Центральной Азии, а также принимая во внимание тесные советско-индийские связи (причем на протяжении всех этих периодов Центральная Азия взаимодействовала с Индией как единое пространство), данное обстоятельство может считаться в некоторой степени объяснимым. Так, по словам С.Н. Бала, «в советский период весь центральноазиатский регион рассматривался как большое, неизменное и однородное пространство. Только после распада СССР стало возможным увидеть какие-то различия между пятью республиками» [1, с. 357]. Иногда же, наоборот, считается, что Центральная Азия, всегда неизменно единая, была разделена на отдельные государственные образования лишь в советский период: «Советские власти провели

те самые линии, которые разделили племена и союзы на пять отдельных единиц» [2, с. 7]. Свою роль играет и ресурсно-географический фактор: «Очевидно, что распределение ресурсов, прежде всего, водных и углеводородных, в центральноазиатских государствах так переплетено и обуславливает такую взаимозависимость, что весь регион предстает единой зоной» [3, с. 247]. (Здесь важно сразу оговориться, что индийцы воспринимают Центральную Азию как единый регион в силу сформировавшегося на протяжении веков стереотипа, а не потому, что они заинтересованы в том, чтобы Центральная Азия действительно была едина и неразделима. В частности, подобное восприятие региона индийцами не имеет ничего общего с американской концепцией «Большой Центральной Азии», провозглашенной Фредериком Старром, на основе которой унификация этого региона с политическим включением в него Синьцзяна, Монголии и Афганистана действительно представляется желательной).

Вот яркий пример еще недавно бытовавшего в индийских официальных кругах восприятия нашего региона. «...Центральная Азия вышла на мировую арену в качестве отчетливо обозначившейся геополитической единицы (*distinct geo-political entity*), вызывающей интерес всего мирового сообщества. Регион располагает обширными нетронутыми ресурсами нефти, газа и стратегических минералов. Привлечение к себе республик Центральной Азии является, таким образом, значимым фактором в обеспечении нашей [т.е. Индии — *E.P.*] безопасности» [4, с. 7]. Ссылку на это утверждение можно найти и в более поздних работах индийских исследователей, дающих характеристику более позднему положению дел в Центральной Азии [см., напр.: 5, с. 8–9; 6, с. 4; 7, с. 23–24 и др.].

Здесь следует подчеркнуть, что в целом эти три аспекта — единство региона, его значимость, прежде всего, с точки зрения наличия природных ресурсов и заинтересованность того или иного внешнего субъекта в регионе именно на основе этого обстоятельства являются характерными, естественно, не только для Индии. Поэтому приведенное положение вовсе не означает, что Индия (или что только Индия) смотрит на регион в целом и на Казахстан в частности свысока, лишь как на объект, пригодный для решения своих собственных экономических проблем. Заинтересованность Индии в регионе, по признанию самих индийцев, всегда была связана в первую очередь с политическим партнерством и уже во вторую — с экономическим сотрудничеством. И все же учет данного обстоятельства должен стать существенным элементом внешней политики нашей страны. В связи с этим, необходимо выработать и реализовывать стратегию соответствующего позициони-

рования Казахстана в мире как, в первую очередь, самостоятельно развивающегося государства, только географически расположенного в регионе Центральной Азии, активно стремящегося отойти от сырьевой направленности своей экономики и взвешенно подходящего к выбору партнеров для сотрудничества.

Суждения о Центральной Азии как о едином регионе касаются также общей внутривосточной ситуации в отдельных государствах, вопросов религии, социального развития, правовых и институциональных моментов [см., напр.: 8, с. 123–141] и прочих аспектов. Пожалуй, исключением является лишь отмечаемая индийскими авторами разница в экономическом развитии и внешнеполитической ориентации того или иного государства региона. При этом центральноазиатским республикам в целом дается характеристика как государствам с преимущественно мусульманским населением, этнически разнородным, политически нестабильным, зависящим в своем экономическом развитии преимущественно от обладания природными ресурсами и пр. Если говорить об указанных положениях более подробно, то такой взгляд индийской общественности и ученых на ситуацию в государствах Центральной Азии предопределяет ряд сложившихся о них мнений.

Так, индийцы сильно преувеличивают роль ислама в социальной и политической жизни этих государств. «Признание ислама как фактора, с которым придется считаться в отношениях с новыми независимыми государствами Центральной Азии,...дало толчок к возрождению ислама во всем мире» [9, с. 175]; «господство фундаментализма в Центральной Азии не является чем-то нереальным» [1, с. 332] и пр. Объяснение такого мнения индийцев можно увидеть в ситуации, возникшей после распада СССР и, как следствие, прекращения советско-индийских отношений. Окруженная практически со всех сторон мусульманскими государствами, или регионами с преимущественно мусульманским населением (Синьцзян-Уйгурский Автономный Район Китая), и потеряв былую поддержку «религиозно нейтрального» СССР, Индия всерьез испугалась роста роли исламского фактора в своем «продленном соседстве» («extended neighborhood», куда она включает республики Центральной Азии¹). Такой обеспокоенности способствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, резкая активизация усилий Пакистана, Ирана и Турции по включению в орбиту своего идеологического влияния новых

¹ Возможно, в основе этого, ныне очень популярного в индийских научных и политических кругах, обозначения центральноазиатского региона лежит высказывание бывшего премьер-министра Индии А.Б. Ваджпай на конференции СВМДА в Алматы в 2002 г. о том, что «наше продленное соседство...очень близко нашим сердцам» [цит. по: 10, с. 30–31].

независимых государств Центральной Азии на основе религиозного фактора, вступление этих государств в «Мусульманскую Организацию Экономического Сотрудничества» [11, с. 150]. Так, индийцы были уверены, что «с появлением в 1991 году пяти номинально мусульманских соседей пакистанские политики сразу нарисовали в своем воображении “ось безопасности”, тянущуюся от Пакистана до Турции» [11, с. 152].

Во-вторых, экономический кризис в центральноазиатских республиках, последовавший за распадом СССР. Так, популярность организации Хизб ут-Тахрир в Центральной Азии виделась индийцам в том, что «около 60% населения здесь моложе 25 лет — безработные, необразованные (!) и голодные; они надеются, что установление “халифата” станет чудесным решением всех их проблем» [1, с. 359].

В-третьих, не слишком обоснованное мнение западных специалистов и общественности о том, что республики Центральной Азии просто «обречены» на превращение в радикальные исламские государства.

Повышенное внимание уделяется также и вопросу о степени исламской угрозы самим центральноазиатским государствам, которую индийцы склонны сильно преувеличивать. «Финансовые ресурсы, генерируемые за счет торговли наркотиками в регионе, предоставили значительную степень автономии террористам и фундаменталистам» [12, с. 98]. «Идеологическая борьба между светскими и экстремистскими силами, беспрестанный поток иностранной поддержки последним, а также неразрешенный конфликт в Афганистане являются основными факторами религиозного экстремизма в Центральной Азии... Религиозный экстремизм и международный терроризм будут представлять проблему для безопасности и стабильности центральноазиатских государств... Местное население...не сможет противостоять исламским нормам и запретам, если последние будут введены» [13, с. 147, 157–158]. В какой-то степени данные утверждения могут считаться верными. Однако в данном случае в рамках понятия Центральная Азия на одну доску ставятся граничащий с Афганистаном Таджикистан, регионы Узбекистана и Киргизстана, прилегающие к Ферганской долине, и Казахстан, где ситуация не может быть охарактеризована столь драматично. Вообще, что касается мнения о распространении исламской угрозы конкретно в Казахстане, то здесь можно сделать два предположения. Либо в подобных исследованиях Казахстан не входит в обычную трактовку «Центральной Азии», либо декларативные заявления казахстанских официальных лиц о «всеобъемлющей угрозе исламского экстремизма» воспринимаются в Индии слишком буквально. Но как бы то ни было, вряд ли для Казахстана может быть выгодным взгляд на

него как на государство, реально подверженное угрозе распространения радикального ислама.

Правда, впоследствии в Индии несколько смягчили категоричность подобных высказываний, увидев, что опасения относительно радикальной исламизации пяти республик Центральной Азии оказались, по сути, напрасными.

Далее, индийцев с момента обретения центральноазиатскими государствами независимости беспокоит вопрос об их внутренней социальной и политической стабильности. Это касалось и касается, в частности, положения оппозиционных кругов. «Без свободы для оппозиции нельзя, иначе нестабильность придет не извне, а изнутри страны, ибо “зажатые” оппозиционеры создают больше проблем для стабильности в стране, чем открыто действующие. А Индия не заинтересована иметь дело с государством, где нестабильность может быть вызвана “зажатой” оппозицией» [из беседы с М. Кумаром, секретарем Министерства иностранных дел Республики Индия 19 октября 2006 г.]. Между тем, индийцы полагают, что лишь в Таджикистане положение оппозиции приближено к желательному — остальные же четыре республики еще не достигли в этом должных успехов [14, с. 143–153] (здесь опять значительную роль играет мнение западных политологов о ситуации в центральноазиатских государствах). Вместе с тем, если в более ранних работах индийских авторов выражалась реальная обеспокоенность политическими режимами в Центральной Азии и говорилось о возможности передачи Индией своего опыта в построении демократических государств, то впоследствии ситуация несколько изменилась. Индийские исследователи и политики стали полагать, что в этом нет особой необходимости, что центральноазиатские государства должны сами решать, какая степень демократии им необходима [см., напр.: 15]². В настоящее же время для Индии главное — чтобы любые режимы в Центральной Азии могли обеспечить стабильность в своих государствах и своем регионе для более гладкого и активного сотрудничества между ними и Индией. «Высокопоставленные индийские политики более или менее успешно ладят с центральноазиатскими авторитарными руководителями. Последние являются частью той бывшей советской элиты, с которой Индия десятилетиями имела дело. Они обеспечивают стабильность и активно участвуют в борьбе с религиозным терроризмом... Индия склонна сотрудничать с авторитарными режимами

² Автор, в частности, отмечает, что «центральноазиатские государства...должны защищать себя от демократии, которая используется в качестве инструмента геополитики, и рассматривать ее [демократию] как ту желанную цель, к которой каждое общество должно прийти своим собственным путем» [15, с. 121].

в регионе, если они способны оказать ей содействие в развитии энергетического сектора» [7, с. 24, 31]. Однако следует все же иметь в виду, что мнение о не вполне демократичном характере государственных режимов в Центральной Азии у индийцев осталось неизменным, изменилось лишь отношение к этому факту.

В связи с данным обстоятельством, Индию не слишком сильно удивили так называемые «цветные революции» на постсоветском пространстве, в частности, смена власти и недавние беспорядки в Кыргызстане, а также Андижанские события в Узбекистане. Наоборот, учитывая взгляд индийских ученых и политиков на Центральную Азию как на «политически нестабильный регион», эти события можно было считать для них предсказуемыми и даже ожидаемыми [см. анализ данного мнения в научных и политических кругах Индии в: 7, с. 30–31]. «Слабые в политическом, экономическом и военном отношении режимы в Центральной Азии подвержены угрозе дальнейшей дестабилизации, особенно в том, что касается смены руководства» [16, с. 17]. «Регион..., обремененный различными стратегиями самоидентификации и этнического национализма, и возглавляемый авторитарными режимами, имеет потенциал стать зоной конфликтов» [17, с. 169]. (Вместе с тем следует отметить, что развитие событий по такому сценарию всегда было для Индии более чем нежелательным, ибо явилось бы осуществлением наихудшего прогноза относительно возможного развития политической ситуации в центральноазиатских республиках: «Нестабильность в Центральной Азии никогда не приведет к комфортной для Индии ситуации» [18, с. 324]. Поэтому упоминание этой проблемы в трудах индийских ученых всегда носило характер не констатации, а опаски и предостережения). Основываясь на примере гражданской войны в Таджикистане, индийцы считают, что стабильность и внутренняя безопасность *всех* центральноазиатских государств во многом зависят от внешних факторов: от «большой игры» мировых держав, от транснациональных явлений — терроризма, экстремизма, исламского фундаментализма и пр. До сих пор многие в Индии склонны полагать, что республики Центральной Азии настолько слабы, что самостоятельно не смогут противостоять таким угрозам и либо будут нуждаться в постоянной политической поддержке извне, либо, при ее отсутствии, их объективно ожидают внутренняя нестабильность и хаос. «Роль внешних игроков в поддержании порядка, особенно в стратегически обусловленной обстановке в регионе, всегда будет значительной» [19, с. 208].

Здесь также важно отметить тот факт, что, хотя индийцы осознают и неизменно отмечают в своих работах, что под Центральной Азией

они понимают, прежде всего, пять республик региона, ранее входивших в состав СССР, однако в реальности они нередко включают сюда также Китайский Восточный Туркестан и, что еще проблематичнее, Афганистан. При этом все, что оканчивается на «-стан» (за исключением «Хиндустана» и наименований ряда индийских штатов), в индийском общественном мнении носит устойчиво негативную, устрашающую окраску и ассоциируется с исламом, фундаментализмом, экстремизмом, терроризмом и прочими угрозами мирному развитию человечества. Казахстан также автоматически включается в эту категорию.

Еще один важный момент в этой связи — уверенность многих индийских исследователей и официальных лиц в том, что между республиками Центральной Азии имеются серьезные противоречия, вплоть до конфликтных, также отрицательно влияющие на стабильность в регионе. «Так как границы центральноазиатских республик не совпадают с точки зрения лингвистического и культурного родства различных групп, проживающих в этих государствах, то здесь всегда имели место затяжные межгосударственные диспуты относительно принадлежности территорий» [6, с. 7]. «Неразрешенные конфликты между центральноазиатскими государствами усиливают чувство незащищенности. Из-за различий территориального, идеологического и этнического характера, возможность столкновения продолжает подталкивать государства Центральной Азии к постоянной самообороне» [9, с. 177]. «Центральноазиатские республики...охвачены этническими и религиозными конфликтами по причине своего неустойчивого состава» [17, с. 185]. «Региональная и клановая вражда стала неизменным атрибутом центральноазиатской политики» [11, с. 110]. «Среди проблем, стоящих перед Центральной Азией — хрупкая государственность и политическая нестабильность...; чрезвычайно сложная этническая и религиозная мозаика с потенциалом к трениям и конфликтам» [21, с. 199]. «Экономисты полагают, что непрекращающиеся социальные конфликты и угрозы политической стабильности в Центральной Азии создают основное препятствие для развития экономического сотрудничества» [12, с. 112]. «Ни у одного из центральноазиатских государств нет каких-либо ярко выраженных внешнеполитических целей... По сути, государства Центральной Азии в основном занимаются игрой на противоречиях во взаимоотношениях друг с другом» [22, с. 70–71]. Таким образом, индийцы долгое время не видели и не знали в Центральной Азии того, чем, в частности, Казахстан так гордится — социальной толерантности и преобладающей внутрирегиональной (не путать с внутригосударственной) стабильности.

Кстати, во всем вышесказанном можно увидеть, в числе прочего, доверие к часто (и весьма некритично) используемому в работах индийских авторов высказыванию З. Бжезинского о Центральной Азии как о «глобальной зоне распространяющегося и всепроникающего насилия (percolating violence)» [цит. по: 14, с. 147]. Поэтому опять-таки не следует в подобных неточных или ошибочных взглядах винить только представителей индийской стороны.

Что касается вопроса о сырьевой направленности экономик центральноазиатских государств, то и здесь можно встретить достаточно категоричные суждения. «Несмотря на огромные запасы нефти и газа, неограниченные минеральные ресурсы, в том числе золото, Центральная Азия все еще остается экономически слабой и отсталой в технологическом отношении... Будучи придатком к российской экономике, этот регион использовался в качестве источника сырья и, следовательно, здесь отсутствуют предпосылки для независимого экономического роста и взаимодействия с внешним миром» [9, с. 177]. Однако в данном случае мнение индийцев опирается не только и даже не столько на суждения зарубежных исследователей, сколько на общеизвестные статистические данные о предметах торговли между Индией и республиками Центральной Азии. Действительно, мы в основном поставляем в Индию сырье в обмен на готовые товары. Вместе с тем, если в более ранних исследованиях индийских авторов часто говорилось о том, что в Центральной Азии для Индии существуют почти неограниченные возможности в плане разносторонней подготовки местных кадров, то в более поздних работах можно увидеть более взвешенный взгляд на истинное положение вещей. Индийцы стали выделять лишь несколько сфер, в которых их опыт является, несомненно, более значительным, чем наш (высокие и информационные технологии, менеджмент на глобальных рынках и пр.). В остальном же ими признается высокий уровень подготовки местных специалистов в ряде областей, и факт практически стопроцентной грамотности населения центральноазиатских республик [см., напр.: 20, с. 284–287].

Если же рассматривать вопрос об отношении Индии к отдельным государствам центральноазиатского региона и ее приоритетах здесь, то можно заметить, что на протяжении 1990-х годов и даже в самом начале XXI века Индия ассоциировала (а в некоторых случаях — например, в сфере культурно-исторического взаимодействия — продолжает ассоциировать) всю Центральную Азию исключительно с Узбекистаном. Это связано с рядом причин.

Во-первых, индийцы привыкли к тому, что отношения их страны с Центральной Азией в советский период в основном сводились

к индийско-узбекским контактам, когда именно Узбекистан был представлен в качестве во всех отношениях передовой среднеазиатской республики, куда приглашались иностранные делегации.

Во-вторых, большинство индийцев некритически относятся к положению о том, что Великие Моголы, пришедшие в Индию с территории современного Узбекистана, в какой-то степени сами являлись «узбеками». Кроме того, в период «большой игры» XIX века и постепенного вхождения центральноазиатских государств в орбиту влияния Российской империи, контакты индийских купцов именно с Бухарой и Хорезмом были наиболее долгими и наиболее активными [см., напр.: 23; 24; 25 и др.].

В-третьих, сразу после распада СССР контакты Индии с независимым Узбекистаном были куда более оживленными и разносторонними в сравнении, например, с Казахстаном и Кыргызстаном [см., напр.: 26]. Узбекистан, по сути, был первым государством, установившим официальные контакты с Индией еще до распада СССР. «Процесс завязывания отношений Индии с центральноазиатскими государствами... начался с официального визита в нашу страну президента Республики Узбекистан Каримова 17–19 августа 1991 года» [27, с. 42]. На территории республик Центральной Азии именно Генеральное Консульство Индии в Ташкенте первым обрело статус Посольства [27, с. 43].

В-четвертых, свою роль играет факт центрального географического положения Узбекистана. «Узбекистан имеет общие границы с четырьмя другими центральноазиатскими республиками...и является тем центром, вокруг которого разворачиваются все события в Центральной Азии» [11, с. 180].

В-пятых, оценивая современную ситуацию на центральноазиатском пространстве, индийцы, за неимением свежей информации, с легкостью опираются на данные многолетней давности. Так, представленное в 2005 году положение о том, что «Узбекистан является локальной великой державой, обладающей самой значительной военной мощью» основано на сделанных британскими исследователями оценках военного потенциала центральноазиатских государств за 1996 год [11, с. 155, 159]. Кроме того, нельзя не отметить, что военный авторитет Казахстана пострадал в глазах Индии после того, как эта республика стала безъядерным государством. Индийцы долго размышляли о том, что же Казахстан выиграл от этого [см., напр.: 1, с. 54–55].

Поэтому Индия очень постепенно привыкала к нынешнему положению вещей в Центральной Азии, где Казахстан выходил на лидирующие позиции и стал «соперником Узбекистана в борьбе за влияние в регионе» [1, с. 362]. Лишь в последнее время индийцы на-

чинают понимать и говорить о том, что «главный торговый партнер Индии в Центральной Азии — это Казахстан — хотя бы потому, что на него приходится половина всего нашего товарооборота с центральноазиатскими республиками. Без Казахстана регион не представлял бы для нас большого интереса» [из беседы с д-ром Гульшаном Сачдевой 20 октября 2006 г.]. Вместе с тем, важно отметить, что в Индии были уверены в факте серьезного противостояния Казахстана и Узбекистана. «Среди центральноазиатских государств Узбекистан и Казахстан являются вечными соперниками (perennial rivals) в борьбе за господство в регионе» [2, с. 13]. Индийцы опасались этого противостояния и даже говорили о необходимости своего вмешательства в дела региона в случае угрозы возникновения там конфликта [см., напр.: 12, с. 127; 1, с. 356–357].

Таковы основные (однако, далеко не исчерпывающие) «характеристики», даваемые индийцами государствам Центральной Азии, в том числе и Казахстану. Причем некоторые из этих «характеристик» не просто неверно или утрированно отражают реальную ситуацию в регионе и его отдельных государствах, но в отдельных случаях даже полностью противоречат ей. Этот факт заслуживает нашего пристального внимания.

Как можно заметить, настоящая статья основывается в основном на литературе середины 2000-х годов, отражающей текущее восприятие индийцами Центральной Азии. Однако отличие новейших работ от тех, что были написаны в 1990-х — середине 2000-х годов, заключается лишь в большем объеме информации о нашем регионе, доступной ныне индийцам и используемой ими в своих трудах. Что же касается собственно взглядов на Центральную Азию, излагаемых в прежних и нынешних работах, то в целом большой разницы между ними нет. Разве что ранее эти взгляды выражались в более категоричной форме и, будучи основанными на меньшем количестве доступной информации, имели еще большую долю ошибок и нелепых заключений. Ныне же в работах присутствует более взвешенный подход и встречается больше оговорок в отношении высказываемых положений. Тем не менее, получаемых индийцами знаний о Центральной Азии еще явно недостаточно для того, чтобы сформировать у себя более корректный взгляд на регион. Кроме того, даже в самых последних работах можно найти обширные положительные ссылки на неверные положения, высказывавшиеся в начале 1990-х годов.

Конечно, целый ряд индийских ученых довольно рано стали создавать работы, в которых анализ событий в Центральной Азии и будущих перспектив их сотрудничества с Индией делался на осно-

ве взвешенного подхода, критического использования источников и, соответственно, выглядел не так странно и курьезно. Индийцы подчеркивали ошибки и неточности, подобные перечисленным в статье, в работах как отечественных³, так и зарубежных коллег [см., напр.: 29, с. 403-404; 22, с. 71–73]. Индийские ученые все лучше осознавали, что из западных источников, которыми они вынуждены пользоваться за неимением иных, они получают не самую достоверную информацию о центральноазиатском регионе. «В качестве одной из необходимых мер нам следует препятствовать слишком фривольному толкованию событий (game-like mindset) в центральноазиатских республиках, столь предпочитаемому западными интеллектуалами и средствами массовой информации» [11, с. 185].

Кроме того, автор настоящей статьи также не исключает вероятности того, что под «ошибками» во взглядах Индии на государства Центральной Азии могла скрываться некая политическая игра. Так, например, говоря о весьма значительном влиянии исламского фактора на стабильность в Центральной Азии, Индия могла и может ставить перед собой цели: а) привлечь центральноазиатские республики к более активному сотрудничеству с ней в борьбе с реальной угрозой со стороны исламских радикалов; б) подстраховаться от роста исламского экстремизма в республиках Центральной Азии путем превентивного напоминания об этом государствам с преимущественно мусульманским населением; в) получить возможность более активного участия в политических делах центральноазиатских государств на основе необходимости защиты своих «секулярных ценностей». В этом случае «исправление» подобных «ошибок», разумеется, требует несколько иного подхода.

³ См., например, статью Бхупиндера Брама. Это прекрасная, остроумно написанная статья, в которой с точки зрения индийца весьма критично проанализированы многие популярные, но неверные подходы индийских ученых и политиков к оценке ситуации в Центральной Азии. В частности, автор отмечает следующее: «В этой стране [Индии — Е.Р.] наблюдается серьезный дефицит настоящих специалистов по Центральной Азии... Огромное число людей претендуют на то, чтобы именоваться экспертами в данной области. В реальности же многие из них... сконцентрированы на политике Москвы, и рассматривают республику Центральной Азии не более и не менее как незначительную периферию бывшего СССР» [10, с. 24]. «Это смешно, но мы нередко проецируем восприятие нами центральноазиатского региона в период нашей национально-освободительной борьбы на сегодняшнее значение Центральной Азии для Индии» [10, с. 35]. Индийский исследователь центральноазиатского региона Мина Сингх Рой также говорит, в частности, о том, что «хотя все республики региона объединяются под общим наименованием “Центральной Азии”, все они сильно отличаются друг от друга и должны изучаться по-отдельности» [28, с. 65]. Дипанкар Сенгупта в своей статье также отмечает: «От чего мы [индийцы] должны отказаться — так это от упорного взгляда на Центральную Азию исключительно как на источник энергетического сырья или рынок для индийских товаров» [20, с. 294].

И, тем не менее, при любых допущениях нельзя отрицать тот факт, что в Индии в целом все еще слабо осведомлены о нашем регионе и нашем государстве.

Разумеется, сами индийцы, знакомясь с так или иначе посвященными их стране и региону работами центральноазиатских исследователей, также могут обнаружить в них ряд неточных или даже неверных моментов. Это и некоторая надменность в отношении опыта и последних достижений Индии, связанная с незнанием нами многих из этих замечательных достижений; и преувеличение остроты кашмирской проблемы, вплоть до уверенности во влиянии конфликта на повседневную жизнь индийцев; и некоторые другие аспекты. Тем не менее, мы все-таки знаем об Индии больше, чем она о нас, и имеем об этой стране более верное представление, чем имеют о нас индийцы. Так, даже те казахстанцы, которые никогда не интересовались Индией, не станут высказывать о ней столь нелепых положений, которые можно услышать и прочитать в работах индийских специалистов, посвященных нашему региону. Почему же мы знаем об Индии больше, чем она о нас? Во-первых, благодаря нашему более разностороннему образованию, которое, например, позволяет нам более или менее четко отличать Индию от Бутана или Шри-Ланки. А во-вторых, из-за того, что Индия сама очень много делает для распространения знаний о себе во всем мире. В связи с этим, мы можем изучать и использовать ее положительный опыт в данной сфере.

Так, большую популярность имеют индийские культурные центры по всему миру. «Индийские Культурные Центры в Ташкенте и Алматы играют важную роль не только в организации каких-либо представлений, но также проводят лекции и семинары на соответствующие темы, давая жителям центральноазиатских республик возможность больше узнать об Индии. Это, в свою очередь, способствует большему сближению людей наших государств на бытовом уровне (people to people level)» [27, с. 48–49]. Хотя данное мнение и высказано индийцем, с ним трудно не согласиться.

Большой популярностью во всем мире пользуются также индийская программа ИТЕС (International Technical and Economic Cooperation — Международное сотрудничество в технической и экономической сферах) и деятельность ICCR (Indian Council for Cultural Relations — Индийский совет по культурным связям). Ежегодно обе организации предоставляют места и стипендии гражданам центральноазиатских государств. Программа ИТЕС предусматривает краткосрочные интенсивные обучающие курсы. ICCR же предоставляет иностранным студентам все условия для получения образования в самых различных

учебных заведениях Индии на срок от нескольких месяцев до 8–10 лет. Кроме того, для этих студентов два раза в год организуются бесплатные поездки в разные уголки Индии для более близкого знакомства со страной. В Индии действуют также другие центры (например, Hindu Heritage Pratishtan — Институт наследия индуизма), занимающиеся пропагандой «всего индийского» среди иностранцев⁴.

Кроме того, казахстанцам не мешает изучить и применять положительный опыт Узбекистана в пропаганде достижений своей страны среди индийцев. Несмотря на то, что, как уже отмечалось, казахстанская инициатива по созданию СВМДА значительно увеличила популярность нашей страны в глазах всех индийцев, политические и экономические достижения Казахстана все же известны в основном лишь индийским политикам и ученым. Для среднего же индийца Узбекистан по-прежнему остается наиболее «классическим», важным и интересным государством центральноазиатского региона, что связано не только с исторической близостью, но и с современной пропагандистской деятельностью этой страны. Так, например, Узбекистан распространяет в Индии литературу о себе как на английском языке, так и на языке хинди (в последние годы Казахстан также стал делать это, хотя и не в столь большом объеме). Подобное активное использование государственного языка Индии с одной стороны является демонстрацией уважения к этой стране, а с другой — делает распространяемую об Узбекистане литературу доступной более широкому кругу индийцев.

Дать индийцам возможность больше и лучше узнать о нас важно также потому, что Индия, в отличие от ряда других государств, интересуется нашим регионом и его отдельными республиками не только с точки зрения месторождений углеводородного сырья и создания транспортных коридоров. «По многим параметрам Южная Азия является для них [центральноазиатских республик — Е.Р.] одним из самых своеобразных и в то же время самых близкородственных соседей, с которым они могут взаимодействовать на равных. Больше никакое другое сообщество наций не желает так искренне проявить к ним свое уважение и братские чувства, а также с такой готовностью признать и изучать их историю, культуру и цивилизацию» [11, с. 96]. (Здесь стоит отдать должное индийским специалистам по Центральной Азии — историю нашего региона они знают не намного хуже отечественных специалистов — в отличие от знания современной ситуации).

Необходимо отметить, что индийская сторона также стала понимать, что для более успешного взаимодействия с центральноазиатски-

⁴ Подробно история и методы индийской «культурной дипломатии», сложившейся несколько десятилетий назад, изложены, например, в: 30, с. 397-417; 31, с. 418-428.

ми государствами она должна стараться получить как можно больше достоверной информации о них. «Несмотря на интерес, который Индия проявляет к Центральной Азии, и на определенное внимание к ней со стороны индийских исследователей и политиков — это все еще тот регион, о котором у Индии слишком мало сведений» [32, с. 335]. «Экономические связи между Индией и [центральноазиатским — Е.Р.] регионом куда слабее, чем могли бы быть. Главная причина — недостаток информации... Эффективная система информационного обеспечения относительно состояния экономик Центральной Азии является для нас абсолютной необходимостью» [33, с. 279–280]. «Знания о Центральной Азии, которыми располагают в Индии, все еще не соответствуют ее стратегическому значению для нас; в этой связи должны быть приняты срочные шаги, включая распространение сведений о регионе средствами массовой информации» [27, с. 51; см. также: 28, с. 89]. Кроме того, индийские ученые признают, что и их стране необходимо более активно заявлять о себе в нашем регионе. «Хотя народы Центральной Азии очень положительно и дружелюбно относятся к Индии, ясно, что последняя не смогла должным образом воспользоваться этим отношением и усилить его... Официальные лица в центральноазиатских республиках склонны полагать, что Индия в действительности не сильно заинтересована в регионе; они вежливо, но четко реагируют на это» [1, с. 370]. «Индия должна извлечь максимальную пользу из своего культурного сходства (причем не только в том, что касается фильмов или музыки) и исторических связей с регионом. Перед нами все еще стоит необходимость подключения достаточных экономических ресурсов к своей дипломатии. Все то, что пока было сделано [для центральноазиатских республик — Е.Р.] в смысле оказания помощи, торговли и инвестиций, не сильно впечатляет. Да, перед Индией действительно стоят проблемы, касающиеся трудностей прямого [географического — Е.Р.] взаимодействия с государствами Центральной Азии, что не позволяет использовать весь потенциал нашего сотрудничества. Однако Индии можно и нужно еще многое сделать для повышения экономической эффективности своей дипломатии. А эта дипломатия, в свою очередь, обязана продумать все возможные варианты преодоления экономических и коммуникационных трудностей» [12, с. 127–128]. Зашла речь и о необходимости выработки собственного подхода к изучению ситуации в Центральной Азии так, как это нужно для Индии, а не так, как ей это преподносится, например, Западом. «Не остается сомнений в том, что стратегия «Взгляда на Север» (“Look-North”) будет наилучшим образом отвечать интересам Индии. Нам крайне необходим отход от исключительно «западно-восточной» ориентации. Важно также

концептуально продумать модель «окна», «лупы» или «системы координат», через которые мы будем смотреть на Центральную Азию... При изменении же там ситуации и появлении каких-то новых элементов, эта модель также может быть успешно модифицирована с тем, чтобы соответствовать новой реальности... Вместе с тем, необходимо определить ряд постоянных элементов или факторов, которые лягут в основу этой модели» [1, с. 354–355].

Отмечая важность таких высказываний, необходимо отметить, что последнее положение требует от центральноазиатских государств, в частности, от Казахстана, представлять упомянутые элементы и факторы относительно себя таким образом, чтобы эта модель отвечала и нашим собственным интересам.

Выше уже говорилось о том, что наши знания об Индии более обширны и достоверны в сравнении со знаниями индийцев о нас. И, тем не менее, есть ряд очень важных моментов в современной жизни Индии, о которых в Казахстане следовало бы знать больше. Подробный анализ этих моментов не входит в рамки данной статьи, однако они все же заслуживают внимания. Хорошо охарактеризовать данную ситуацию помогут слова российского ученого В.А. Красильщикова, так говорившего о современном состоянии российско-индийских отношений: «...Положение осложняется тем, что наша политическая верхушка, не говоря уже о бизнесменах всех калибров, по-прежнему смотрит на Индию, как смотрела на нее во время показа у нас индийских кинофильмов с участием легендарного Раджа Капура... Никакого адекватного представления о реальных достижениях и проблемах этой страны в наших политических кругах нет... Между тем сегодня просматриваются тревожные тенденции, свидетельствующие о том, что мы теряем Индию как партнера... С точки зрения индийской стороны, все политические декларации о стратегическом партнерстве ничего не стоят, если не подкрепляются развитием сотрудничества снизу» [34, с. 56–57].

Подобное положение имеет еще большее отношение к Казахстану и его отношениям с Индией. Все чаще в качестве «аргумента» о необходимости развивать всестороннее казахстанско-индийское сотрудничество звучат не факты, отражающие *текущую* заинтересованность государств друг в друге на основе *текущей* же ситуации, а положения об «исторически обусловленном взаимодействии» и призывы к «восстановлению забытых традиций» Великого Шелкового пути. Историческая подоплека нашего активного сотрудничества, конечно же, является весомым добавлением к развитию этого сотрудничества на нынешнем этапе, однако она может так и остаться положительным элементом исторической памяти без отсутствия инициатив, связанных

с современными перспективами. Как верно отмечал в этой связи один из представителей Министерства иностранных дел Индии, «несмотря на прекрасные предпосылки наших взаимоотношений, основанных на историко-культурном родстве..., я не уверен в том, что мы смогли достичь какого-либо прогресса в принятии совместных решений относительно подхода к общим проблемам, а также относительно экономического и торгового взаимодействия» [цит. по: 12, с. 112]. (В какой-то степени подоплека исторического сотрудничества может сыграть и негативную роль, если воспринимать ее слишком буквально и стараться возродить лишь такой традиционный вид сотрудничества, как торговый обмен товарами, в то время как обмен знаниями и технологиями в настоящее время является куда более насущным, особенно если речь идет о сотрудничестве с Индией. Не следует также забывать и о том, что в прошлом взаимодействие имело место в основном между Индийским субконтинентом и более южными частями Центральной Азии — Узбекистаном, Туркменистаном, Таджикистаном, а также Синьцзяном. Казахстан же, по большому счету, должен будет в настоящее время только закладывать основы непосредственного активного и плодотворного сотрудничества с Индией, которые впоследствии сформируют историю казахстанско-индийских связей). Между тем, говорить о перспективности такого сотрудничества представляется излишним — эта перспективность с каждым годом становится все очевиднее, причем для обеих сторон. Таким образом, пора от взаимных рекомендаций и призывов ученых одного государства к ученым и общественности другого о «саморекламе» (в частности, отечественные ученые при встрече со своими индийскими коллегами предлагают последним «сказать своему государству» о том, чтобы оно активизировало продвижение индийских интересов в Казахстане и в целом в Центральной Азии, а то видите, «Китай у нас близко») переходить к реальным действиям в данном направлении.

В заключение хочется отметить, что целью данной статьи являлась не только и не столько демонстрация большей или меньшей ошибочности и искаженности в недавних представлениях индийцев о центральноазиатском регионе вообще и о Казахстане в частности, но и указать на стереотипы относительно Казахстана, имеющиеся не только у Индии, но и многих других государств, которые нужно активно преодолевать на внешнеполитической арене.

Библиография

1. Bal S.N. Central Asia: A Strategy for India's Look-North Policy. — New Delhi: Lancer Publishers and Distributors, 2004.
2. Dietl G. SCO: A Checkmate in the Great Game on a Grand Chessboard? // Thesis of the International Conference on "Central Asia in Retrospect and Prospect". — Srinagar: Centre of Central Asian Studies, 2006.
3. Mir G.M. Regional Interdependence and Viable Resource Sharing Mechanism in CAS // Central Asia: Introspection / Ed. by M.A. Kaw, A.A. Bandy. — Srinagar: University of Kashmir, 2006.
4. Annual Report of the Ministry of Defence, 2000–2001. Government of India.
5. Preface // Central Asia Since Independence / Ed. by K. Warikoo, M. Singh. — Kolkata: Shipra, 2004.
6. Warikoo K. Security Challenges in South and Central Asia // Himalayan and Central Asian Studies. — 2006. — Vol. 10, №1.
7. Sachdeva G. India's Attitude towards China's Growing Influence in Central Asia // China and Eurasia Forum Quarterly. — 2006 — Vol. 4, №3.
8. Dash P.L. Central Asia: Echo of the Tulips // Central Asia: Introspection / Ed. by M.A. Kaw, A.A. Bandy. — Srinagar: University of Kashmir, 2006.
9. Sidhu K.S. Islamic World and Central Asia: Turkey, Afghanistan and Pakistan // Central Asia: Present Challenges and Future Prospects / Ed. by V. Nagendra Rao, M.M. Alam. — New Delhi: Knowledge World, 2005.
10. Bhupinder Brar. Images in the Mirror: India and "Central Asia in Transition" // South-Central Asia: Emerging Issues / Ed. by K. Singh. — Amritsar: Guru Nanak Dev University, 2005.
11. Dhaka A. South Asia and Central Asia: Geopolitical Dynamics. — Jaipur: Mangal Deep Publications, 2005.
12. Muni S.D. India and Central Asia: Towards a Co-operative Future // Central Asia: The Great Game Replayed / Ed. by N. Joshi. — New Delhi: New Century Publications, 2003.
13. Dwivedi R. Security Scenario in Central Asia: an Indian Perspective // Концепции и подходы к региональной безопасности: опыт, проблемы и перспективы взаимодействия в Центральной Азии. Материалы IV Ежегодной Алматинской конференции, 7 июня 2006 г. — Алматы: КИСИ, 2006.
14. Ahmad Sh. Geo-Politics, Violence and Regime Change in Central Asia // Central Asia: Introspection / Ed. by M.A. Kaw, A.A. Bandy. — Srinagar: University of Kashmir, 2006.

15. Patnaik A. Export of Democracy. The “New Great Game” in Eurasian Geopolitics // Central Asia: Introspection / Ed. by M.A. Kaw, A.A. Bandy. — Srinagar: University of Kashmir, 2006.
16. Nagendra Rao V. Introduction // Central Asia: Present Challenges and Future Prospects / Ed. by V. Nagendra Rao, M.M. Alam. — New Delhi: Knowledge World, 2005.
17. Chenoy A.M. Central Asian Republics: Geo-Strategy and Human Security // Central Asia: Introspection / Ed. by M.A. Kaw, A.A. Bandy. — Srinagar: University of Kashmir, 2006.
18. Tabassum F. India and Central Asia: A Case Study of Indo-Tajik Relations // Central Asia: Introspection / Ed. by M.A. Kaw, A.A. Bandy. — Srinagar: University of Kashmir, 2006.
19. Kapil Kak. India’s Strategic and Security Interests in Central Asia // Central Asia: Present Challenges and Future Prospects / Ed. by V. Nagendra Rao, M.M. Alam. — New Delhi: Knowledge World, 2005.
20. Dipankar Sengupta. India’s Economic Presence in Central Asia: Prospects and Constraints // Central Asia: Present Challenges and Future Prospects / Ed. by V. Nagendra Rao, M.M. Alam. — New Delhi: Knowledge World, 2005.
21. Jha S. Russia’s Policy Towards Central Asia After Soviet Desintegration // Central Asia: Introspection / Ed. by M.A. Kaw, A.A. Bandy. — Srinagar: University of Kashmir, 2006.
22. Stobdan P. Central Asia and India’s Security // Strategic Analysis. — 2004. — Vol. 28, № 1.
23. Haidar M. Indo-Central Asian Relations. From Early Times to Medieval Period. — New Delhi: Manohar Publishers & Distributors, 2004.
24. Kaushik D. India and Central Asia in Modern Times. A Study in Historical-Cultural Contacts from the Early Nineteenth Century. — New Delhi: Satvahan Publications, 1985.
25. Culture, Society and Politics in Central Asia and India / Ed. by N.N. Vohra. — New Delhi: Shipra Publications, 1999.
26. Hussain S.N. Geo-Political Importance of Central Asian republics: an Indian Perspective: Thesis submitted to the Jawaharlal Nehru University in fulfillment of the requirements for the award of PhD degree. — New Delhi, 2003.
27. Sahai P.S. India and Central Asia: Establishment of Diplomatic Relations and Beyond // South-Central Asia: Emerging Issues / Ed. by K. Singh. — Amritsar: Guru Nanak Dev University, 2005.
28. Singh Roy M. India-Central Asia Relations: Changing Dynamics and Future Prospects // South-Central Asia: Emerging Issues / Ed. by K. Singh. — Amritsar: Guru Nanak Dev University, 2005.

29. Dwivedi R. Religious Extremism in Ferghana Valley // Strategic Analysis. — 2006. — Vol. 30, №2.
30. Banerjee U.K. Role of Cultural Diplomacy // Indian Foreign Policy: Agenda for the 21st Century / Ed. by L. Mansingh et al. — New Delhi: Konark Publishers Pvt Ltd, 1997. — Vol. 1. — С. 397–417.
31. Dixit J.N. Culture as an Instrument of Diplomacy // Indian Foreign Policy: Agenda for the 21st Century / Ed. by L. Mansingh et al. — New Delhi: Konark Publishers Pvt Ltd, 1997. — Vol. 1. — С. 418-428.
32. Nagendra Rao V. Conclusion // Central Asia: Present Challenges and Future Prospects / Ed. by V. Nagendra Rao, M.M. Alam. — New Delhi: Knowledge World, 2005.
33. Sachdeva G. Central Asian Economic Transformation and Indian Response // Central Asia: Present Challenges and Future Prospects / Ed. by V. Nagendra Rao, M.M. Alam. — New Delhi: Knowledge World, 2005.
34. Красильщиков В.А. Из выступления на Круглом столе «Россия-Индия: состояние и перспективы сотрудничества на современном этапе» // Мировая экономика и международные отношения — 2004. — № 10.

Периодизация монголо-вьетнамского противостояния во второй половине XIII в. (1257–1294)

Монголо-вьетнамское противостояние в XIII в. можно подразделить на семь периодов.

Первый (257–1258) ограничивается военной кампанией монголов во Вьетнаме.

Второй — наиболее продолжительный (1258–1267), начинается с окончания первой монголо-вьетнамской войны и тянется вплоть до начала Хубилаем военных действий против династии Южная Сун.

Третий период, маркируемый возобновлением монголами военных действий против династии Южная Сун в 1267 г. и провозглашением империи Юань в 1271 г.

Четвертый период — от провозглашения династии Юань в 1271 г. до падения династии Южная Сун в 1279 г.

Пятый период — от падения династии Южная Сун в 1279 г. до начала большой войны 1285 г.

Шестой период ограничивается войной 1285–1288 гг.

Седьмой период (1289–1294), в течение которого монгольское правительство вплоть до смерти Хубилая продолжало держать войска на границе Дайвьета.

В рамках данной статьи воспользуюсь возможностью дать характеристику первым четырем этапам монголо-вьетнамского противостояния.

Первое нападение монгольских войск на Вьетнам (Дайвьет) (1257) имело целью не подчинение Вьетнама (это входило лишь в долгосрочные планы завоевателей), а создание на территории Северного Дайвьета надежного и мощного плацдарма для нападения с тыла на продолжавшее удерживать Центральный и Южный Китай южносунское государство. Выполняя этот стратегический план, армия назначенного Мункэ-ханом управляющего завоеванными областями Северного Китая Хубилая уничтожила в 1252–1254 гг. государство Наньчао (Дали) в Юньнани, покорила живущие по соседству народности, а в 1257 г. войска известного полководца Урянхата подошли к вьетнамской границе¹.

¹ Свистунова Н.П. Гибель южносунского государства // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 286.

Формальным предлогом для перехода вьетнамской границы и начала военных действий явился арест в Тханглаунге, столице Дайвьета, монгольских послов, направленных из Юньнани ко двору вьетнамского правителя из династии Чанов. Вьетнамское руководство оправдывало арест послов тем, что они передали вьетнамскому «Сыну Неба» не только неприемлемые, но и оскорбительные требования монгольского руководства². Понимая возможные последствия своего поступка, вьетнамские власти начали готовиться к обороне: Чан Куок Туану (будущему герою антимонгольской войны 1285–1288 гг. Чан Хынг Дао) был отдан приказ принять командование над морскими и сухопутными силами, расположенными на вьетнамско-китайской границе³.

В конце 1257 г. монгольская армия из Юньнани перешла китайско-вьетнамскую границу и 17 января 1258 г. подошла к северному берегу р. Батьхак в Киньбаке (Вьетчи). Здесь, на равнине Бинлье, прилегающей к южному берегу этой реки, в боевом порядке расположились вьетнамская кавалерия, элфантерия (слоновая кавалерия) и пехота. Командовал всем этим войском сам вьетнамский правитель Чан Тхай Тонг⁴. Когда Урянхатай тремя колоннами переправил свою армию через р. Батьхак⁵, Чан Тхай Тонг бросил против нее элфантерию. Но под обстрелом монголов слоны повернули назад и, приводя в расстройство и беспорядок свои боевые построения, стали давить собственную пехоту⁶.

Поражение вьетнамской армии было тяжелым, однако полностью сокрушить ее монголам не удалось. Уцелевшие вьетнамские солдаты отступили в Фуло, где образовали линию обороны на южном берегу р. Кало. Затем они разрушили мосты, не давая монголам возможности переправиться через эту реку⁷.

Урянхатай направил к вьетнамцам своих представителей, предложивших покориться монгольскому владыке, но получил твердый от-

² Бокщанин А.А. Попытки татаро-монгольской агрессии в странах Юго-Восточной Азии // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 307; История Вьетнама. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. С. 131; Dai Viet su ky toan thu. Т. II. Ha noi, 1973. С. 27, 259, прим. 47.

³ Dai Viet su ky toan thu. С. 27.

⁴ Ibid. С. 27, 259, прим. 48.

⁵ Ibid. С. 259, прим. 48.

⁶ Ibid. С. 260, прим. 49. Возможно, здесь мы сталкиваемся с одним из первых упоминаний применения монголами огнестрельного оружия. По мнению американского писателя, историка и журналиста Джека Келли, «первые пушки появились в Китае в конце XIII столетия: самое древнее сохранившееся орудие неуверенно датируется 1288 годом» (см.: Келли Дж. Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир. М.: Ко-Либри, 2005. С. 34. Правда, на с. 29 той же книги автор пишет: «В 1257 г. некий правительственный чиновник (династии Южная Сунн. — авт.) сетовал на то, что в сунских арсеналах отчаянно не хватает современного оружия, особенно железных бомб и огненных стрел».

⁷ Dai Viet su ky toan thu. С. 260, прим. 49; История Вьетнама. С. 131.

каз⁸. Впрочем, визит монголов в ставку вьетнамского командования не был для них бесполезным. «Парламентеры» собрали сведения о боевом расположении вьетнамских войск и передали их Урянхатаю, который на солидной основе разработал план окружения и разгрома противника. Определив стрелами речные броды⁹, часть монголов должна была переправиться на другую сторону реки ниже по течению, построиться там в боевые порядки и имитировать подготовку к конной атаке. По предположениям Урянхатая, командование противника было бы вынуждено срочно оставить укрепленные позиции на берегу р. Кало, бросив без сухопутной поддержки находящийся там флот, и спешно выступить против готовящейся обойти вьетнамский фланг монгольской конницы. В случае успеха оставшиеся на другом берегу монголы форсировали бы реку, захватили беззащитный вьетнамский флот и нанесли удар в тыл перегруппировавшимся для отражения атаки с фланга вьетнамским войскам. В результате разгромленные вьетнамцы не имели бы надежды на спасение речным путем, так как их флот был бы уже захвачен монголами.

Этот план был сорван из-за поспешных действий самих монголов. Переправившаяся через реку конница не стала ждать нападения и перегруппировки вьетнамских войск. Она первая атаковала противника во фланг и нанесла вьетнамцам большой ущерб. Понеся огромные потери от численно превосходящих их монголов, вьетнамцы все-таки сумели сохранить флот¹⁰. За срыв боевой операции начальник монгольского конного отряда поплатился головой¹¹.

Вскоре войска Урянхатая начали наступление на столицу Тханглаунг (Ханой). Делая все возможное для того, чтобы сохранить армию, Чан Тхай Тонг оставил столицу и отвел войска в округ Хоайтяу (Хайхынг), к р. Хиенмак¹². Следует отметить, что решение оставить столицу далось вьетнамскому командованию труднее, чем фельдмаршалу Кутузову мысль об уходе из Москвы. Для вьетнамцев Тханглаунг был сакральным центром. Оставить столицу означало бросить на произвол судьбы духов императорских предков, «привязанных» к могилам древних родов вьетнамских правителей. Тем самым терялась часть силы вьетнамского государства. Поэтому решение об оставлении столицы противнику свидетельствовало о непоколебимой решимости вьетнам-

⁸ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 307.

⁹ Монголы пускали из луков стрелы в реку, и в тех местах, где эти стрелы не «тонули» и не уплывали вниз по течению, а вонзались в дно реки, намечался брод.

¹⁰ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 307; История Вьетнама. С. 132; Dai Viet su ky toan thu. С. 260, прим. 49.

¹¹ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 308.

¹² История Вьетнама. С. 132; Dai Viet su ky toan thu. С. 27, с. 260, прим. 49.

ской элиты бороться с монголами до победного конца, даже будучи ослабленными потерей части своей сакральной силы.

В этой ситуации вьетнамские власти собрали военный совет, на котором обсуждались судьбы страны, государства и династии. Один из принцев крови, потерявший свое войско в битве у р. Кало, высказался за бегство в Китай под защиту династии Южной Сун. Но ему был дан решительный отпор. Настроение подавляющей части вьетнамского общества выразил один из высших сановников, Чан Тху До, заверивший своего государя в решительной поддержке: «Пока моя голова не упала на землю, Вашему Величеству ничего не угрожает»¹³. Преодолев панические настроения части родовой знати, вьетнамские власти приняли решение организовать всенародное сопротивление завоевателям. Страх перед чужеземными захватчиками заставил крестьян и население городов поддержать решительные настроения вьетнамской элиты.

В результате монголы вошли в пустую столицу. Население оставило Тханглаунг (Ханой) и ушло на юг. Войдя во вьетнамскую столицу, монголы обнаружили в тюрьме опустевшего города своих послов. Урянхатай намеревался надолго укрепиться в Тханглаунге. В полном противоречии с традиционной монгольской практикой, заключающейся в применении жестких репрессий по отношению к населению захваченных городов, он хотел привлечь в опустевший Тханглаунг разбежавшихся вьетнамцев. Поэтому Урянхатай отдал приказ, запрещающий монгольским войскам грабежи мирных жителей, однако монгольские солдаты не смогли удержаться, и вьетнамская столица была сожжена и разрушена¹⁴.

Впрочем, монголы недолго чувствовали себя победителями в захваченном Тханглаунге. Очень быстро интервенты стали испытывать в покинутой горожанами вьетнамской столице продовольственные трудности. Муки голода усугублялись непривычным для них сырым и жарким климатом: на десятый день своего пребывания в Тханглаунге монголы вынуждены были покинуть город и начать отступление по направлению к китайской границе¹⁵.

Уже покинув вьетнамскую столицу, Урянхатай из своей походной ставки направил к Чан Тхай Тонгу послов с тем же предложением — добровольно изъявить покорность. В ответ на это правитель Дайвьета приказал связать монгольским посланцам руки и с позором отослать их к их командующему¹⁶. После этого любые мирные переговоры стали невозможны.

¹³ История Вьетнама. С. 132; Dai Viet su ky toan thu. С. 27.

¹⁴ История Вьетнама. С. 132; Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 308.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Отрезав себе все пути к отступлению, вьетнамское командование приняло решение не давать монгольскому войску возможности спокойно покинуть пределы Дайвьета. Сильная сторона традиционного вьетнамского военного искусства состояла в преследовании и полном разгроме отступающего противника. Поэтому спешащих к границе монголов во главе шести вьетнамских армий преследовал сам дайвьетский правитель Чан Тхай Тонг¹⁷.

29 января 1258 г. вьетнамские корабли вышли из Тхиенмака, поднялись вверх по Красной реке и атаковали монголов у Донгбодау (у моста Лонгбиен около Ханоя). Нападение вьетнамцев заставило монголов ускорить отступление.

Труден был обратный путь интервентов к границе. Часть монгольской армии подверглась в Кюихоа нападению отрядов горского князя Ха Бонга и понесла большие потери. Не имея возможности грабить и терроризировать местное население, как они делали это во время похода на Тханглаунг, монгольские войска спешно устремились к границе. Отступающие монголы даже получили прозвище «буддистов» за столь не свойственное им смирение и почтительное отношение к мирным жителям¹⁸. Другая часть монгольских войск во главе с Урянхатом двигалась в Гуанси и в начале 1259 г. соединилась с Хубилаем под стенами Чанша в Хунани¹⁹.

Так закончился первый период монголо-вьетнамского противостояния.

Во второй период (1258–1267), во время войны между Хубилаем и Ариг-бугой (1260–1264) и до начала войны Хубилая с династией Южная Сун, отношения монголов с Дайвьетом были относительно мирными.

В начале 1258 г. население Вьетнама торжествовало победу. В честь праздника император Чан Тхай Тонг простил некоторых чиновников, бежавших во время наступления монголов, хотя наследный принц требовал применения по отношению к ним самых страшных видов казни²⁰, однако большая часть предателей и изменников была посажена в тюрьмы и впоследствии составила единственную категорию заключенных, не подлежащих амнистии²¹.

5 февраля 1258 г. по случаю празднования Нового года на торжественной церемонии в главном императорском дворце Ле Фу Чан, бравший на себя ответственность в самых тяжелых военных ситуа-

¹⁷ Dai Viet su ky toan thu. С. 28.

¹⁸ Dai Viet su ky toan thu. С. 28; Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 308; Dai Viet su ky toan thu. С. 260, прим. 51.

¹⁹ Свистунова Н.П. Указ. соч. С. 286.

²⁰ Dai Viet su ky toan thu. С. 28.

²¹ Ibid. С. 32.

циях, был повышен в должности и получил в жены принцессу крови, а горский князь Ха Банг удостоился титула хау²².

С монголами как правителями Китая следовало налаживать традиционные «добрососедские» отношения, вьетнамские власти готовы были идти лишь на минимальные уступки. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что во главе направленного к монголам посольства был поставлен все тот же сторонник активного противодействия захватчикам Ле Фу Чан. В отличие от прежних правителей Китая, монгольские власти требовали регулярной ежегодной присылки дани, а также увеличения ее объема и расширения ассортимента. Вопрос о «дани» был предметом длительной дискуссии при вьетнамском дворе. Хотя монголы требовали ежегодной присылки посольств, вьетнамское правительство ограничилось традиционным трехгодичным интервалом²³.

Весной 1258 г. (24 числа 2-го месяца по лунному календарю) во Вьетнаме произошла смена правителей. Престарелый отец Чан Тхай Тонг по традиции уступил трон наследному принцу Чан Тхань Тонгу и удалился «на отдых» во дворец Тхай ты²⁴. Политика нового правителя по отношению к монголам не изменилась. Вьетнамские власти продолжали формально признавать номинальную власть правителей Китая, но не желали усиливать свою зависимость от новых «созеренов». Активные деятели антимонольского сопротивления сохранили при новом правителе Дайвьета свои посты²⁵.

Монгольские власти были этим явно недовольны. Через своего посланца Насреддина они передали требование Чан Тхань Тонгу лично явиться в ставку Хубилая, а также прислать заложников из числа его ближайших родственников. Ответ из Тханглаунга был дипломатичен, но тверд. Чан Тхань Тонг в самых общих словах уклонился от личного появления и отказался предоставить заложников. Более того, Чан Тхань Тонг недвусмысленно упрекнул Хубилая: «Разве прекрасные слова о подчинении могут сочетаться с присылкой в заложники сыновей и младших братьев?»²⁶. Монголы стерпели полученный отказ и не предприняли никаких репрессивных акций против Чанов. Возможно, это было связано с тем, что после смерти хана Мункэ в августе 1259 г. между его братьями началась жестокая борьба за власть. Состоялись два Великих курултая. На одном из них, созванном в Каракоруме стар-

²² Ibid. С. 28.

²³ История Вьетнама. С. 138; Мурашева Н.Ф. Вьетнамо-китайские отношения в XVII–XVIII вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. С. 26; Dai Viet su ky toan thu. С. 29.

²⁴ Dai Viet su ky toan thu. С. 29.

²⁵ Ibid. С. 31.

²⁶ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 308–309.

шей женой умершего правителя, в присутствии царевичей, нойонов ханского рода, влиятельных сановников и послов новым ханом был провозглашен сын Толуя и брат Мункэ — Ариг-Буга. На другом курултае, созванном в Кайпине, старший брат Ариг-Буги — Хубилай — сам провозгласил себя ханом²⁷.

После этого началась четырехлетняя война между двумя соперниками, закончившаяся лишь пленением Ариг-буги в 1264 г. Во время этой войны единая империя Чингизидов распалась, и западные улусы превратились в самостоятельные государства. Под властью Хубилая остались лишь Северный Китай и Монголия²⁸.

В этот период Хубилай прекратил наступление на южные районы Китая и Вьетнама. Государства Южная Сун и Дайвьет на некоторое время воспользовались мирной передышкой.

Со времени провозглашения ханов монголы не предпринимали попыток вооруженного вторжения во Вьетнам. Более того, вплоть до 1267 г. даже их дипломатические притязания были очень умеренными. После провозглашения 5 мая 1260 г. Хубилая великим ханом²⁹ монгольские власти прислали посольство, которое гарантировало мир на условиях поддержания прежних традиционных отношений между Вьетнамом и Китаем. Единственным условием Хубилая было прибытие в качестве первых послов близких родственников правителя, которые должны были привезти традиционную дань. Вьетнамцы приняли это требование, и в ставку великого хана во главе посольства отправился представитель рода Чан, после чего Хубилай признал за Чан Тхань Тонгом титул Аннам куок выонга (Аннань го вана)³⁰.

Однако вьетнамские власти не обольщались «добрыми» отношениями с монголами и в 1262 г. проводили тренировки войск на р. Батьхак, где в январе 1257 г. дайвьетская армия проиграла битву и понесла большие потери³¹.

В дипломатии продолжалась прежняя игра: монголы требовали ежегодных посольств с изъявлениями «покорности», а вьетнамцы были готовы только на традиционный трехгодичный интервал. Наконец, в 11-м месяце 1262 г. (по лунному календарю) от Хубилая прибыло представительное посольство в составе 10 человек, которое в ультимативной форме потребовало немедленной отправки дипломатической миссии к монгольскому правителю. Чан Тхань Тонг вынужден был со-

²⁷ Далай, Чуулуну. Монголия в XIII–XIV вв М. 1983. С. 34–36.

²⁸ Там же. С. 36–37; Свистунова Н.П. Указ. соч. С. 293.

²⁹ Там же. С. 293.

³⁰ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 309; Dai Viet su ky toan thu. С. 31–32.

³¹ Ibid. С. 32; 27, 260, прим. 49.

гласиться, и к монголам отправилась «ответная» миссия с тремя «поздравительными» посланиями³².

Но все-таки вьетнамские власти настояли на своем главном требовании: одним из результатов этого посольства стал отказ монголов от их требования ежегодных дипломатических миссий и возобновление того порядка, к которому были привычны власти Дайвьета: трехгодовые интервалы в присылке дани монгольскому «сюзерену»³³.

Смирившись с трехгодовыми интервалами посольств, монголы не оставляли попыток время от времени «обременить» дипломатические визиты дополнительными условиями. В начале 1266 г. приехавший в Дайвет монгольский посол потребовал личного визита в ставку монгольского хана (очевидно, теперь уже в Пекин, где с 1264 г. находилась великоханская ставка)³⁴ самого правителя Дайвьета Чан Тхань Тонга³⁵. Однако вьетнамский правитель оставил это настоятельное требование без всякого удовлетворения и направил в Китай обычное посольство «с данью»³⁶. Следует отметить, что хотя с 1262 г. уже давно истек «трехгодовой срок» отправки дайветского посольства в ставку хана, до тех пор, пока монголы не прислали специальную миссию с «напоминанием», Чан Тхань Тонг и не думал подтверждать свой «вассальный» долг³⁷.

Третий этап монголо-вьетнамского противостояния, связанный с возобновлением военных действий против Южной Сунн Хубилаем, характеризуется резким ужесточением монгольских требований, предъявляемых по отношению к Дайвьету³⁸.

В 1267 г. монгольские войска начали новую войну с государством Южная Сун³⁹. За год до этого, в 1266 г., моряки вьетнамского морского флота, патрулировавшего северо-восточное побережье Дайвьета, залив Бакбо и южное побережье Китая, получили у местных жителей на границе с Гуанси информацию о том, что монгольская армия готовится напасть на южносунское государство⁴⁰.

В 1267 г. взаимоотношения монгольского и вьетнамского правительств вновь обострились. В начале года уполномоченный монгольско-

³² Ibid. С. 33; 261, прим. 61.

³³ Ibid. С. 29, 33; 261, прим. 61–62; Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 309; История Вьетнама. С. 133.

³⁴ История Востока. В 6-и томах. Т. II. Восток в средние века. М.: Восточная литература; РАН, 1995. С. 388.

³⁵ Dai Viet su ky toan thu. С. 261, прим. 69.

³⁶ Ibid. С. 35.

³⁷ Ibid. С. 35.

³⁸ Свистунова Н.П. Указ. соч. С. 293–297.

³⁹ История Востока. С. 386.

⁴⁰ Dai Viet su ky toan thu. С. 35.

го хана Насреддин был направлен в Дайвьет с неопределенными функциями «управляющего»⁴¹. Через несколько месяцев монгольские власти предъявили правителю Дайвьета несколько требований: 1) породниться с пекинским двором; 2) прислать в столицу сыновей и младших братьев вьетнамского монарха в качестве заложников (следует напомнить, что такое настоятельное пожелание уже было изъявлено монголами в 1258 г.); 3) составить списки податного населения и отправить их в Пекин; 4) прислать войска для участия в монгольских завоевательных походах; 5) посылать налоги в китайскую казну; 6) установить в Тханглаунге (Ханое) пост монгольского «управляющего». (По-видимому, эти требования монголов были переданы вьетнамским властям вернувшись из Пекина в Тханглаунг вьетнамскими послами⁴².)

По-существу, притязания монгольских властей, особенно в той части, которая относилась к составлению списков податного вьетнамского населения и отправке их в Пекин, посылке вьетнамского войска для участия в монгольских завоевательных походах и установлению в Тханглаунге (Ханое) поста монгольского «управляющего», затрагивали вьетнамский государственный суверенитет. Это было совершенно неприемлемо для Дайвьета.

Не делая официальных заявлений по поводу отказа от монгольских притязаний, вьетнамские власти начали готовиться к войне. Прежде всего правитель попытался заручиться поддержкой родовой знати. Поэтому в 1-м месяце 1268 г. правитель Чан Тхань Тонг обратился с речью к ближайшим родственникам, называя государство Дайвьет общим достоянием живых и умерших представителей рода Чан⁴³.

По-видимому, решительные высказывания Чан Тхань Тонга были стимулированы, во-первых, наделением в это время ханом Хубилаем своего родного сына титулом «вана Юньнани», во-вторых, поручением новому «вану Юньнани» контроля юго-западных районов Китая, сопредельных с территорией Дайвьета⁴⁴. Но до военных столкновений в это время дело не дошло. Вьетнамские власти побоялись инициировать военные действия и приняли решение максимально оттягивать столкновение с монголами. Поэтому, когда в конце 1269 г. в Дайвьет приехал новый китайский «наместник» («управляющий»), вьетнамский правитель вынужден был стерпеть нанесенное ему унижение. В ответ он лишь отправил в Пекин вьетнамское посольство⁴⁵.

⁴¹ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 309.

⁴² Dai Viet su ky toan thu. С. 36.

⁴³ Ibid. С. 37.

⁴⁴ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 309.

⁴⁵ Dai Viet su ky toan thu. С. 38.

Четвертый этап монголо-вьетнамского противостояния начинается в 1271 г., когда все владения великого хана в Китае и Монголии были объявлены по китайскому образцу империей, получившей наименование империя Юань. Заканчивается этот этап в 1279 г., когда исчезает с политической карты государство Южная Сун.

Первым монгольским императором юаньской династии стал Хубилай. В огромном государстве, растянувшемся от западных границ Монголии до Японского моря, от Южной Сибири до Юго-Восточной Азии, было три столицы: Пекин (Даду), Каракорум и Шанду (Ханбалчасун, позднее — Кайпин). Господство империи Юань основывалось на мощи армии, основной силой которой оставались монгольские войска, не претерпевшие каких-либо существенных структурных изменений со времен Чингисхана. В начале своего существования империя Юань оставалась государством сильным и агрессивным, ставившим одной из основных своих целей превращение номинального «вассалитета» окружающих его соседей в реальную зависимость, а в некоторых случаях — и в полное подчинение⁴⁶.

В 1271 г. смягчилось отношение вьетнамских властей к тем преступникам, которые были осуждены за сотрудничество с монголами во время вторжения 1257–1258 гг. Теперь при проверке правителем списков заключенных на предмет проведения амнистии не оговаривалось, что «на лиц “сдавшихся” монголам (в 1257–1258 гг.), амнистия не распространяется»⁴⁷. Другими словами, сотрудничество с монголами уже не считалось особо опасным преступлением. По-видимому, власти Дайвьета готовы были несколько пересмотреть (правда, в строго определенных пределах) свое отношение к монголам.

Одним из проявлений стремления юаньских властей превратить номинальный вассалитет Вьетнама в реальную зависимость стало направление в 1272 г. в Дайвьет монгольского посланника с целью поиска памятных бронзовых столбов, установленных китайским полководцем Ма Юанем в 44 г. х.э. в самой южной точке вьетнамской территории, которой достигли ханьские войска после подавления восстания сестер Чынг⁴⁸.

Монгольский посланник выехал в Центральный Вьетнам в сопровождении вьетнамского чиновника, но их совместные поиски результата не дали: бронзовые столбы Ма Юаня, якобы установленные в том месте, куда на юге Вьетнама дошла китайская армия, так и не были

⁴⁶ История Востока. С. 388–389.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «И тогда [Ма Юань/ХЕ “Ма Юань”/] установил бронзовые столбы, обозначившие [южный] предел ханьских земель» (Dai Viet su ky toan thu. С. 39).

найденны⁴⁹. И действительно, эти бронзовые столбы вряд ли могли быть обнаружены монгольскими и вьетнамскими чиновниками. Один из наиболее компетентных вьетнамских ученых Дао Зюи Ань полагал, что Ма Юань не устанавливал бронзовых столбов, о чем сообщается в легенде и более поздних источниках начиная с IV в. х.э. Дао Зюи Ань считал, что установление бронзовых пограничных столбов отражает более позднюю историко-мифологическую традицию⁵⁰.

Неудача совместной монгольско-вьетнамской «поисковой экспедиции» в Центральный Вьетнам в определенной мере ставила под сомнение права монголов как преемников империи Хань на вьетнамские земли. Во всяком случае, такую идею вполне могла отстаивать вьетнамская сторона.

Стараясь не обострять ситуацию, вьетнамцы шли монголам на мелкие уступки⁵¹. Но в важных вопросах власти Дайвьета всегда стояли на страже интересов страны. С 1273 по 1275 г. пост учрежденной монголами должности «управляющего» Вьетнамом занимал китаец Ли Юань⁵². В период его «управления», в 10-м месяце 1274 г., вьетнамские власти приняли 30 китайских кораблей, которые привезли иммигрантов, подданных государства Южная Сун, не желавших оставаться в Китае под управлением династии Юань. Им было разрешено жить и торговать во вьетнамской столице. Чтобы не вызывать конфликта с монголами, вьетнамские власти выдавали китайских иммигрантов из Южной Сун за мусульман⁵³. При желании монгольский «управляющий», по-видимому, мог легко раскрыть такой «камуфляж». Однако он этого не делал. Очевидно, между монгольским «управляющим» и вьетнамскими властями был установлен определенный компромисс относительно формального присутствия пекинского уполномоченного во вьетнамской столице и его невмешательства в дела Дайвьета.

Однако, несмотря на формальность присутствия монгольского «управляющего» в Тханглаунге, в 1275 г. дайвьетский правитель Чан Тхань Тонг направил в Пекин посольство с требованием убрать его из вьетнамской столицы. В ответ Хубилай не только не пожелал удовлетворить эту просьбу, но и стал настаивать на исполнении «шести требований 1267 г.»⁵⁴ (см. выше).

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Dao Duy Anh. Lich su co dai Viet-nam. Quyен 4. Giai doan qua do sang che do phong kien. Ha-noi. 1957. С. 25–73.

⁵¹ Dai Viet su ky toan thu. С. 39.

⁵² Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 309.

⁵³ Dai Viet su ky toan thu. С. 40.

⁵⁴ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 309.

Обстановка накалялась. Ни вьетнамцы, ни монголы не шли на уступки. В 11-м месяце 1275 г. вьетнамские военачальники, командующие войсками на северной границе, передали в столицу по скоростной почте сообщение о том, что монголы тщательно изучают местность в соседних с Дайвьетом китайских провинциях.

Для выяснения обстановки и намерений Юаней в отношении Дайвьета в приграничные китайские провинции во 2-м месяце 1276 г. под предлогом закупки лекарств был послан вьетнамский агент⁵⁵.

Активизировались и дипломатические контакты. В самом конце 1275 г. из Дайвьета в Пекин были направлены два посла⁵⁶. В ответ на это в 4-м месяце 1276 г. Хубилай прислал в Тханглаунг посланца, который вновь стал настаивать на исполнении «шести требований» 1267 г., причем особо упоминал о «составлении списков податного населения и отправке их в Китай», а также о «присылке вьетнамских войск для участия в монгольских завоевательных походах»⁵⁷.

На это правитель Дайвьета ответил демонстрацией военной мощи. Во 2-м месяце 1277 г. Чан Тхань Тонг лично возглавил поход против лаосских горцев и взял в плен около 1000 человек⁵⁸.

В 4-м месяце 1277 г. умер правитель-наставник Чан Тхай Тонг, проводивший свои последние дни во дворце Тхай ты. В течение полугодия страной единолично управлял Чан Тань Тонг. Однако, уже в 10-м месяце 1278 г. он передал трон своему старшему сыну Чан Нянь Тонгу, а сам как его отец перешел на положение «страхующего» правителя⁵⁹.

Воспользовавшись смертью Чан Тхай Тонга, хан Хубилай послал в Дайвьет своего представителя, чиновника высокого ранга, управляющего ведомством обрядов, поручив ему сделать новому вьетнамскому правителю «выговор». Повинуясь приказанию хана, посол обратился к Чан Нянь Тонгу с речью, в которой подчеркнул, что вступивший (после смерти Чан Тхай Тонга и «отставки» Чан Тхань Тонга) на трон Дайвьета новый монарх не обратился за соответствующим разрешением к монгольскому правителю. Поэтому власти в Пекине не могли счесть такое «самовольное» вступление на вьетнамский трон законным. Они настаивали на личном приезде Чан Нянь Тонга в Пекин, на его приходе на аудиенцию к хану-императору и на подаче прошения об утверждении в «должности» правителя Дайвьета.

⁵⁵ Dai Viet su ky toan thu. С. 40.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid. С. 41; Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 309.

⁵⁸ Dai Viet su ky toan thu. С. 41.

⁵⁹ Ibid. С. 44.

Требование личного визита вьетнамского императора (хоанг де) к китайскому императору (хуан ди) власти Дайвьета сочли оскорбительным. Правда, некоторая часть вьетнамских сановников была деморализована мощью монголов. Характерным для этой группы высших чиновников было поведение вьетнамского посла Ле Кхак Фука, в конце 1275 г. отправленного в Китай⁶⁰ и в течение почти трех лет наблюдавшего за покорением монголами Южного Китая. Вернувшись во Вьетнам вместе с монгольским управляющим ведомством обрядов, Ле Кхак Фук был настолько устрешен жестокими методами подчинения территории южнее Янцзы, что во время оскорбительной речи монгольского представителя, как специально отмечается во вьетнамской официальной хронике, «не возражал». По-видимому, остальные высшие сановники вьетнамского двора, в отличие от посла, очень даже возражали. Во всяком случае, Чан Нян Тонг не принял во внимание доводов Хубилая и сам в Пекин не поехал, а вместо себя направил к Юаням двух послов, которых разгневанные монголы задержали в Пекине, не позволив вернуться на родину⁶¹.

В ответ на это Чан Нян Тонг приказал перекрыть дороги в Китай. Ситуация обострялась. Хубилай двинул войска к вьетнамской границе. Стремясь предотвратить войну, Чан Нян Тонг отменил свой приказ и распорядился возобновить связи с Китаем.

Угрозы монголов были не беспочвенны. Весной 1277 г. монгольские войска, захватив основную территорию империи Южная Сун, совершили первый поход на территорию Пагана и разгромили бирманскую элѳантерию. В конце 1277 г. монголы захватили и разграбили важнейший центр бирмано-китайской караванной торговли — город Бамо. В 1278 г. в ответ на монгольское посольство, направленное в Чампу, в Пекин были посланы чамские представители, выразившие от имени своего государя формальное «согласие подчиниться». В отличие от чамского короля, правитель Камбуджадеши заключил монгольских послов под стражу. В 1279 г. Хубилай потребовал от чамского короля, а также от правителя яванского государства Сингосари, лично явиться в Пекин и изъявить свою покорность китайскому императору династии Юань⁶².

Пятый период монголо-вьетнамского противостояния был связан с обострением отношений династии Юань и Дайвьета. Пекинские власти посчитали снятие Чан Нян Тонгом кордонов с путей сообщения с Китаем проявлением слабости со стороны Дайвьета и в начале 1279 г.

⁶⁰ Ibid. С. 40, 45.

⁶¹ Ibid. С. 44, 261, прим. 78.

⁶² История Востока. С. 400.

направили в Тханглаунг послание, в котором рассматривали Вьетнам в качестве части китайской территории и в случае неповиновения грозили военным вторжением⁶³.

Дайвьет стоял на очереди монгольских завоеваний. И вьетнамцы это прекрасно понимали. Основываясь на очередном несогласии вьетнамского правителя лично прибыть в Пекин, высшие монгольские сановники предложили в 1279 г. Хубилаю проект военного похода во Вьетнам. Однако китайский правитель его не одобрил. Продемонстрировав решительные намерения и заключив под стражу вьетнамского посла, прибывшего ко двору Юаней⁶⁴, он в то же время смягчил свои требования по отношению к Вьетнаму. Взамен личного визита Чан Нян Тонга Хубилай предложил прислать в Пекин золотую статую и «выкуп» за «родственников и народ»⁶⁵. Прождав реакции Тханглаунга в течение двух лет, Хубилай в 1281 г. провозгласил Дайвьет «самоуправляющимся иноподданым округом» (сюаньвэйсы), назначив его начальником высокопоставленного монгольского сановника Баян Тимура. Это означало формальное присоединение Дайвьета к империи Юань. Однако Хубилай не решился немедленно оккупировать Вьетнам. В Пекине еще раз предприняли попытку «смирить» вьетнамского правителя: к Чан Нян Тонгу вновь был направлен монгольский посол с требованием его личного визита на аудиенцию к китайскому императору⁶⁶.

Идя на уступки требованиям монгольских властей, Чан Нян Тонг направил в Пекин посольство, возглавляемое его дядей Чан Зи Аем⁶⁷, что было ошибкой. Чан Зи Ай перешел на сторону монголов, принял от Хубилая титул Аньнань го вана (Аннама куок вьонга — «вассального правителя Умиротворенного юга») и в сопровождении пятитысячного отряда монгольских войск и посла Цзай Цзуна двинулся к вьетнамской границе⁶⁸.

Находившийся в это время во вьетнамской столице монгольский представитель стал вести себя подобно завоевателю в покоренном городе. Оскорблениям и физическому насилию подвергались как рядовые солдаты, так и высшие чиновники. В этой ситуации племянник вьетнамского правителя, будущий герой войны с монголами, Чан Куок Туан (Чан Хынг Дао) завоевал уважение со стороны распоясавшегося посланца Хубилая⁶⁹.

⁶³ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 313–314.

⁶⁴ История Вьетнама. С. 133.

⁶⁵ *Dai Viet su ky toan thu*. С. 46–47.

⁶⁶ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 314.

⁶⁷ *Dai Viet su ky toan thu*. С. 47; История Вьетнама. С. 134; Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 314.

⁶⁸ *Dai Viet su ky toan thu*. С. 47, 262; Деопик Д.В. История Вьетнама. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ. С. 153.

⁶⁹ Там же.

В начале 1282 г. новый «вассальный правитель Умиротворенного юга» Чан Зи Ай в сопровождении отрядов монгольской конницы подошел к вьетнамской границе. Заблаговременно посланные туда вьетнамские войска встретили интервентов в горном проходе Намкуан и разгромили. Во время боя сопровождавший Чан Зи Ая китайский чиновник Цзай Цзун был ранен стрелой, потерял глаз и бежал⁷⁰. Сам Чан Зи Ай, по одним сведениям, был взят вьетнамцами в плен и казнен, по другим — лишен титулов и обращен в рабство. Были также сообщения о том, что его приговорили к каторжным работам, в период исполнения которых вменили в обязанность изготавливать военных доспехи⁷¹. К каторжным работам были приговорены и другие сопровождавшие Чан Зи Ая вьетнамцы, изменившие своему законному государю — Чан Нянь Тонгу⁷².

Разгром монгольского отряда на перевале Намкуан не остановил агрессивных устремлений пекинского правительства. В 8-м месяце 1282 г. один из горских князей на китайско-вьетнамской границе передал в Тханглаунг сообщение о том, что монгольский полководец Сагату (губернатор Фужзяни) получил указание управлять Чампой, для чего собрал огромную армию, насчитывавшую до нескольких сотен тысяч человек. Фактически это была армия, которой после захвата более слабой Чампы, предстояло покорять Дайвьет⁷³.

В это же время, в 1282 г., монгольские воинские гарнизоны, размещенные на юго-западе империи Юань, получили приказ вступить в бирманский Паган⁷⁴. Дайвьету грозило монгольское «окружение» как с юга (из Чампы), так и с запада (из Бирмы через тайские и лаосские княжества).

В конце 1282 г. Сагату переправил в Чампу из Гуандуна 200-тысячную монголо-китайскую армию на 350 больших морских кораблях, причем во время транспортировки часть флота погибла⁷⁵. Вместе с войсками были направлены китайские чиновники, которым Хубилай поручил управление Чампой после ее завоевания⁷⁶. Одновременно он потребовал у вьетнамских властей предоставить возможность провести через территорию Дайвьета в Чампу часть сухопутной китайско-монгольской армии. Чан Нянь Тонг не только отказал монголам в этой просьбе, но и направил в Чампу в ответ на посольство, подарившее

⁷⁰ Le Thanh Khoi. Histoire et civilization. Paris, 1955. P. 182; Деопик Д.В. Указ. соч. С. 153.

⁷¹ История Вьетнама. С. 134; Le Thanh Khoi. Op. cit. P. 182; Dai Viet su ky toan thu. С. 48.

⁷² Dai Viet su ky toan thu. С. 48.

⁷³ Ibid.; Деопик Д.В. Указ. соч. С. 153.

⁷⁴ История Востока. С. 401.

⁷⁵ Деопик Д.В. Указ. соч. С. 153.

⁷⁶ История Востока. С. 401.

правителю Дайвьета одну из высших буддийских ценностей — белого слона, вьетнамские боевые отряды и суда для борьбы с монголами⁷⁷. Армии Юаней также было отказано в снабжении продовольствием в связи со скудностью урожая и малыми размерами Дайвьета⁷⁸.

В 10-м месяце 1282 г. в горном местечке Биньтхан правитель Чан Нян Тонг собрал совет, пригласив на него представителей родовой знати, а также высших военных и гражданских чиновников. На этом совете обсуждались меры, которые предполагалось предпринять в связи с грядущей войной с монголо-китайской армией. В результате было принято решение расположить вьетнамские войска в стратегически важных пунктах вьетнамо-китайской границы⁷⁹. В конце 1282 г. вьетнамские войска сконцентрировались на китайской границе под командованием талантливого военачальника Чан Куок Туана. Некоторые представители землевладельческой родовой знати на собственные средства формировали частные боевые дружины, иногда насчитывающие тысячи человек⁸⁰.

Однако военная тревога конца 1282 г. не получила продолжения в 1283 г. Армия Сагату увязла в Чампе. В течение 1283–1284 гг. монголо-китайские войска осаждали город Мучэн, брали столицу Виджайю и другие города и крепости Чампы, боролись с партизанами, возглавляемыми принцем Хариджитом, а после введения системы управления юаньскими чиновниками столкнулись с всенародным сопротивлением чамского народа. Только после прибытия в середине 1284 г. дополнительного подкрепления из Китая монгольское руководство смогло заключить мир с противником, выговорив в качестве условия визит внука чамского короля в Пекин⁸¹.

Фактически это была победа чамских патриотов. Она была достигнута не в последнюю очередь благодаря тому, что вьетнамцы не пропустили через свою территорию монгольский экспедиционный корпус, а опыта переброски войск по морю у Юаней не было. Кроме того, мир с Чампой был заключен Хубилаем на очень благоприятных для Индравармана V условиях, потому что монголам срочно требовались войска для войны с Дайвьетом⁸².

Шестой период монголо-вьетнамского противостояния в XIII в. — это война, предпринятая Хубилаем в начале 1285 г., которая поставила под угрозу само существование вьетнамского государства. Только па-

⁷⁷ *Dai Viet su ky toan thu*. С. 47–48; История Вьетнама. С. 134; Деопик Д.В. Указ. соч. С. 153.

⁷⁸ Бокщанин А.А. Указ. соч. С. 314.

⁷⁹ *Dai Viet su ky toan thu*. С. 48; История Вьетнама. С. 134.

⁸⁰ *Dai Viet su ky toan thu*. С. 48.

⁸¹ История Востока. С. 401–402.

⁸² Там же. С. 402.

триотический подъем всего народа, стойкость и мужество всех слоев населения создали условия для победы Дайвьета в 1288 г. Однако эта война достойна стать темой самостоятельного исследования.

Седьмым периодом монголо-вьетнамского противостояния в XIII в. можно считать 1289–1294 гг. — с конца большой войны и вплоть до смерти Хубилая в 1294 г., когда первого императора династии Юань сменил Тимур-Олджейту, приказавший отозвать войска с китайско-вьетнамской границы.

Подведем некоторые итоги. Противостояние моголов (впоследствии — монголо-китайцев) и вьетнамцев во второй половине XIII в. можно охарактеризовать по периодам следующим образом.

В первый период (1257–1258) — военные действия монгольского экспедиционного корпуса не имели целью захвата вьетнамской территории. Монголам был необходим плацдарм, с которого они могли бы нанести решительный удар по государству Южная Сун. Уже в этот период вьетнамцы продемонстрировали исключительную решимость бороться с агрессорами. Они сдали столицу, но сохранили армию и лишили противника продовольствия. В результате монголы вынуждены были покинуть Тханглаунг и отступать к границе. По дороге монгольский экспедиционный корпус подвергался постоянным нападениям вьетнамской армии и потерял значительную часть своего личного состава.

Во второй период монголо-вьетнамского противостояния (1258–1267) — отношения Хубилая и правительства Дайвьета были относительно мирными. Этот период представляет собой мирное сосуществование вьетнамцев и монголов, удовлетворяющихся формальным изъявлением «данных отношений» Дайвьета по отношению к Пекину.

В третий период (1267–1271), после возобновления войны с государством Южная Сунн, монголы ужесточили требования по отношению к Дайвьету, что стало затрагивать суверенитет страны. Однако Чан Тхань Тонг проявлял непоследовательность, переходя от воинственных речей к терпению и смирению.

В четвертый период (с момента провозглашения династии Юань и до падения государства Южная Сунн), монголы усиливали давление на Дайвьет, выдвигая не только унижительные, но и опасные для персоны вьетнамского правителя требования (например, визита Чан Нян Тонга в Пекин).

В пятый период монголы попытались использовать измену дяди вьетнамского правителя и направили в Дайвьет экспедиционный корпус, который должен был установить в Тханглаунге марионеточное монгольское правительство и превратить территорию Вьетнама в «самоуправляющийся инородческий округ» империи Юань. Однако экс-

педиционный корпус был разбит, и Вьетнам сохранил свою независимость. Монголы предприняли попытку завоевать Чампу и окружить территорию Вьетнама.

В шестой период монголо-китайское войско, вторгшееся в Дайвьет, развернуло широкомасштабные военные действия. Лишь героическое сопротивление вьетнамского народа и его готовность идти на беспрецедентные жертвы сохранили независимость Дайвьета.

В седьмой период на китайско-вьетнамской границе сохранялась напряженность. После смерти Хубилая в 1294 г. угрозы нового монгольского вторжения в Дайвьет больше не было. Так Дайвьет во второй половине XIII в. отстоял свою независимость.

Библиография

1. Бокщанин А.А. Попытки татаро-монгольской агрессии в странах Юго-Восточной Азии // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.
2. Свистунова Н.П. Гибель южносунского государства // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: ГРВЛ, 1977.
3. Далай Чуулуны. Монголия в XIII–XIV вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. С. 34–36.
4. Деопик Д.В. История Вьетнама. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1994.
5. История Вьетнама / Пер. с вьетн. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.
6. История Востока. В 6-и томах. Т. 2. Восток в средние века. М.: Восточная литература; РАН, 1995.
7. Мурашева Н.Ф. Вьетнамо-китайские отношения в XVII–XVIII вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1973.
8. Dai Viet su ky toan thu. Т. II. Ha noi, 1973.
9. Dao Duy Anh. Lich su co dai Viet-nam. Quyen 4. Giai doan qua do sang che do phong kien. Ha-noi, 1957.
10. Келли Дж. Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир. М.: КоЛибри, 2005.
11. Le Thanh Khoi. Histoire et civilization. Paris, 1955.

Оценка восстания Хабибуллы Калакани в трудах польских исследователей

Кризис политики реформ и падение режима Аманулла-хана явились следствием сложного процесса классовой борьбы, отражавшей столкновение старых и новых социальных сил — феодальной реакции и пробивающей себе дорогу молодой национальной буржуазии. Важнейшим компонентом классовых выступлений конца 20-х годов явилось стихийное движение трудовых слоёв, протестовавших против ухудшения своего положения. По мнению польских исследователей, массовые выступления крестьянства и кочевников были использованы феодальной реакцией, в борьбе против младоафганского правительства, подержанная британским империализмом.

Известный польский исследователь Ян Петрус констатирует факт занятия Бачаи Сакао в январе 1929 г. столицы Афганистана — Кабула и его провозглашения эмиром Афганистана, под именем Хабибулла-хан¹. Хабибулла Калакани, по прозвищу Бачаи Сакао, что означает «сын водоноса» родился в деревне Калаи Кухан, расположенной к северу от Кабула². Среди польских исследователей нет единого мнения о личности Бачаи Сакао. Ян Петрус утверждал, что он был таджиком и «... возглавлял банду разбойников в Кухистане». Далее, отмечал Петрус, он дезертировал из афганской армии в Пешавар, где открыл чайхану, которая была местом встречи выходцев из афганских провинций, в том числе лиц с темным прошлым. По мнению польского исследователя, ему удалось сплотить банду, которая стала грабить караваны. Безжалостность по отношению к богатым и щедрость по отношению к бедным принесла Бачаи Сакао популярность среди населения.

Другой польский исследователь Ришард Пекарович в своей книге «Сип Amanullaha» о личности Бачаи Сакао пишет: «Бачаи Сакао, бывший служащий — феодал, который родился в Калакане. Он был дезертиром из армии, и жители Кабула утверждали, что он выглядел некрасивым и жестоким человеком, но поскольку напал на богатых и раздавал добычу бедным людям, Бачаи Сакао стал популярным. Осенью 1928 г. он руководил бунтом таджикских крестьян с требованием снижения нало-

¹ Jan Petrus, Afganistan. Zarys dziejow. Warszawa. 1987. С. 283.

² Там же. С. 280.

гов и стал весьма опасен для короля. Власти Афганистана объявили вознаграждение размером в 500 рупий за задержание Бачаи Сакао»³.

Среди исследователей истории Афганистана также нет единого мнения о движении Бачаи Сакао, его правлении и личных качествах. На Западе его движение известно как реакционное движение, приведшее к падению прогрессивного режима Аманулла-хана. В Советском Союзе вначале рассматривали движение 1929 года, как широкое крестьянское движение, имеющее поддержку среди крестьянских масс, особенно в центральной, восточной, западной и северной частях страны.

Истории возрождения и развития социального движения в Афганистане в 1929 г. посвящено достаточно много работ, в большинстве которых движение Бачаи Сакао рассматривается как реакционное. Даже известный афганский историк, автор знаменитой исторической работы «Афганистон дар масире торих» («Афганистан на пути истории») Мир Гулям Мухаммад Губар наряду с признанием крестьянства движущей силой движения, писал, что «установление его (Бачаи Сакао — А.Ш.) правления было трагедией в истории страны»⁴.

Весомый вклад в истории изучения социального движения 1929 г. внес известный таджикский ученый Хакназар Назаров⁵. Ученый обратил внимание не только на социальный характер движения, — поддержку со стороны крестьянства, но впервые в афганистике поставил вопрос о влиянии этнического фактора на события конца 20-х годов в Афганистане. Другими словами Х. Назаров рассматривал события 1929 г. не только как проявление социального движения, но и как проявление недовольства непущтунской части населения страны — таджиков, хазарейцев, узбеков и других непущтунских народов проводимой политикой Аманулла-хана.

Видный российский исследователь истории Афганистана В.Г. Коргун считал, что социальное движение под руководством Бачаи Сакао «означало политику возврата к старому, стремление реакционных кругов воспрепятствовать процессу буржуазной трансформации страны, закономерному на данном историческом этапе»⁶.

Таким образом, анализ мнений ряда исследователей истории социальных движений, показывает, что среди ученых нет единого мнения об этих переломных в истории Афганистана событиях политической жизни.

³ Ryszard Piekarowicz, Cień Amanullaha. Warszawa. 1984. С. 94.

⁴ Губар Мир Гулям Мухаммад. Афганистан на пути истории. Москва, «Наука». 1987. С. 194.

⁵ Назаров Х.Н. Социальные движения 20-х гг. XX в. в Афганистане. Душанбе, «Ирфон», 1992.

⁶ Коргун В.Г. Афганистан в 20–30-е годы. Страницы политической истории. Москва, «Наука». 1979. С. 116.

Многие исследователи сходятся во мнении, что новая власть во главе с Бачаи Сакао опиралась на консервативные круги крупнейших феодалов и реакционных богословов, противников реформ. Обвинив Аманула-хана в нарушении шариата, новый режим декларировал отмену всех реформ, ущемлявших интересы духовенства. Что касается отмены всеобщей воинской повинности, то это требование удовлетворяло интересы сепаратистски настроенных ханов племён. Касаясь его мер по снижению налоговой бремени, исследователи склонны оценить их как попытку Хабибула-хана Калакани «удержать на своей стороне крестьянство», для чего он объявил об отмене недоимок прошлых лет, дополнительных поборов и налогов.

Сразу же после прихода к власти Хабибулла-хан предпринял попытки консолидировать власть в борьбе с различными претендентами на трон. Его войскам удалось подчинить северо-запад страны, а в мае 1929 г. захватить даже Кандагар. Однако ряд районов фактически сохранял независимое положение, лишь номинально признавая власть Кабула.

Польские исследователи серьёзное внимание уделяют социальной политике Хабибулла-хана, они отмечают, что с отменой важнейших реформ младоафганского правительства Афганистан в своём социально-экономическом развитии был отброшен назад. Были закрыты школы и просвещение попало под контроль мулл, упразднены министерства образования и юстиции, правосудие было отдано во власть шариатских судов, женщины были лишены даже тех зачатков прав, которые получили при Аманула-хане. В первые дни установления власти Хабибулла-хана был создан законодательный орган — совет «Исламие», состоявший из мулл и крупных ханов⁷.

В трудах польских исследователей отмечается, что в результате восстания Бачаи Сакао экономике страны был нанесён серьёзный ущерб, Бачаи Сакао прибег к широким конфискациям и грабежу имущества не только сторонников Аманулла-хана, но и значительной части купечества, в результате чего внешняя и внутренняя торговля были парализованы. На дорогах участились разбои и грабежи. Национальная промышленность пришла в упадок. Резко возросли цены на важнейшие товары. События 1928 г. повлекли за собой полное расстройство государственных финансов, и, стремясь пополнить казну, Бачаи Сакао усилил налоговый гнёт. Тем самым он отказался от своих прежних деклараций. Обманутое крестьянство постепенно отходило от кабульского правителя. Кроме того, оно не было ограждено от произвола

⁷ Wojciech Jagielski. *Modlitwa o deszcz*. Warszawa. 2002. С. 75.

и притеснений со стороны налоговой администрации, оставшейся на своих должностях после падения правительства Аманулла-хана.

В области внешней политики новому режиму также не удалось добиться успехов, он не был признан официально ни одним государством мира. Большинство иностранных дипломатических миссий покинули Кабул в январе–феврале 1929 г., в афганской столице остались лишь турецкое, иранское и советское представительства⁸.

По мнению польских, как впрочем и других европейских исследователей, правительство Бачаи Сакао не проявило заинтересованность к развитию советско-афганских отношений, которые в этот период серьёзно ухудшились ввиду активизации антисоветского басмаческого движения на территории Афганистана. Кабульский эмир всячески поощрял деятельность басмачей, банды которых неоднократно вторгались на территорию советских республик Средней Азии, совершали нападения на представителей Советской власти и местное население. Несмотря на неоднократные протесты Советского правительства, кабульским режимом не были приняты меры для пресечения этой анти-советской деятельности.

Как известно, в течение всего периода правления Бачаи Сакао в Афганистане не прекращалась борьба за власть. Находившийся в Джелалабаде бывший губернатор Кабула Али Ахмад-хан, используя сложившуюся ситуацию и опираясь на собственные войска и некоторые мятежные племена, 20 января объявил себя эмиром Восточной провинции. Он отменил все реформы Аманулла-хана и заявил об аннулировании налоговых задолженностей. В то же время, нуждаясь в деньгах, он заставил индийских купцов Джелалабада выплатить долги, которые они должны были вернуть правительству Аманулла-хана, и стал собирать налоги с населения за три месяца вперёд. В поисках поддержки англичан, Али Ахмад-хан обратился к ним с призывом об оказании финансовой и военной помощи. Попытка Али Ахмад-хана захватить Кабул окончилась неудачей ввиду дезертирства солдат, а также межплеменных противоречий. Лишившись всякой поддержки, он бежал в Пешавар.

Польские авторы уделяют внимание деятельности Аманулла-хана после его отречения от престола. Ришард Пикарович пишет, что Амануллах, прибыв в Кандагар и узнав о бегстве Инаятулла-хана, отменил своё отречение и начал готовиться к походу на Кабул. Население провинции неохотно откликнулось на призыв поддержать его борьбу за престол. Тем не менее, ему удалось собрать

⁸ Jan Petrus, *Afganistan. Zarys dziejow*. Warszawa. 1987. С. 284

небольшую армию и 26 марта выступить из Кандагара в сторону Газни, к месту сосредоточения крупных сил Бачаи Сакао. К середине апреля войска бывшего короля достигли Газни и вступили в бой с армией Бачаи Сакао. Но неудачи и здесь преследовали Аманулла-хана. Его армия была плохо снабжена, моральный дух солдат был чрезвычайно низким, к тому же на стороне Бачаи Сакао выступили племена гильзаев (давних противников дуррани). В конце апреля армия Аманулла-хана начала беспорядочное отступление, а 23 мая бывший король объявил о прекращении борьбы и вместе с семьёй покинул Афганистан⁹.

Ян Петрус пишет, что в апреле 1929 г. бывший афганский посол в Москве Гулам Наби-хан собрал довольно многочисленный отряд из туркменов и хазарейцев и неожиданным маневром захватил Мазари-Шариф¹⁰. Он выступил как сторонник Аманулла-хана, не выдвигая собственных притязаний на трон. Вскоре его власть распространилась на весь север Афганистана. Однако после поражения Аманулла-хана позиции Гулам Наби-хана ослабили, и он прекратил борьбу, и покинул Афганистан в начале июня.

Что касается Мухаммед Надир-хана, то в работах польских авторов акцентируется внимание на его оппозиционное настроение. Весной 1929 г. в борьбу за трон вступил бывший военный министр Аманулла-хана генерал Мухаммед Надир-хан. За выступление против радикальных реформ Аманулла-хана, в 1924 г. он был смещён с поста министра обороны и направлен послом во Францию.

В 1927 г. он ушёл на пенсию и поселился в Ницце. После прихода к власти Бачаи Сакао, Надир-хан выехал вместе со своими братьями Шах Вали-ханом и Хашим-ханом на родину, объявив о намерении бороться против кабульского эмира, незаконно узурпировавшего власть. В то же время Надир-хан отказал от поддержки Аманулла-хана, стремясь организовать самостоятельное движение. Свои стремления к захвату власти он прикрывал лозунгами борьбы за “прекращение гражданской войны и кровопролития”.

В марте 1929 г. Надир-хан прибыл в Хост и стал собирать ополчение племён. На первом этапе борьбы против Бачаи Сакао его сопровождали неудачи. В зоне племён происходили межплеменные распри, преобладали сепаратистские настроения. Крестьянство все еще верило обещаниям Бачаи Сакао облегчить налоговый гнёт. К тому же военно-политическая кампания Надир-хана началась в период весенних поле-

⁹ Ryszard Piekarowicz, Cień Amanullaha. Warszawa. 1984. С. 98.

¹⁰ Jan Petrus, Afganistan. Zarys dziejow. Warszawa. 1987. С. 285.

вых работ, когда крестьяне были заняты на полях. Надир-хан испытывал и значительные финансовые затруднения¹¹.

Как известно, к концу лета 1929 г. обстановка в Афганистане значительно изменилась. Польские исследователи считают, что политика Бачаи Сакао привела страну к экономическому тупику и политической анархии. Крестьянство перестало поддерживать режим. Сокращение торговли, произвол и репрессии против купцов привели их в лагерь противников кабульского эмира. Усилилась децентрализация страны; возникла опасность ослабления и раскола страны, которые могли привести к потере государственной независимости. Не прекращались стихийные волнения трудовых слоёв. В этих условиях различные прослойки господствующих классов, оказавших вначале помощь Бачаи Сакао, отошли от него, что создало благоприятные условия для реализации замыслов Надир-хана. Немалую помощь ему оказала и Великобритания, с представителями которой он поддерживал тесные контакты. Деятельность Надир-хана, направленная на подавление стихийного народного движения, объединение верхушки господствующих классов и установление твёрдой власти, соответствовала их интересам. Вначале сентября 1929 г. британские колониальные власти способствовали тому, что несколько тысяч человек из племён вазиров и масудов, проживавших на территории Британской Индии, влились в армию Надира. Позже, уже придя к власти, Надир-хан получил безвозмездную финансовую помощь от британского правительства в размере 175 тыс. ф. ст.

К концу сентября Надир-хан и его сторонники перешли к решительным действиям. 8 октября его армия, нанеся крупное поражение войскам эмира, овладела Кабулом. Бачаи Сакао, будучи не в силах оказать серьёзное сопротивление, бежал из столицы, но обманом был взят в плен и 2 ноября 1929 г. казнён вместе со своими ближайшими соратниками.

Таким образом, анализ работ ряда исследователей истории социальных движений Афганистана показывает, что среди ученых нет единого мнения об этих переломных событиях политической жизни страны. Вместе с тем, в трудах польских исследователей восстание Хабибуллы Калакани оценивается как реакционное, а сам Хабибулла как вор и разбойник. При этом умалчивается преждевременность социальных реформ Аманулла-хана и то, что вся реформа и модернизация проводились за счет и без того нищего крестьянства. Восстание крестьян не могло быть реакционным, но стремление реакционных сил использовать это восстание в своих целях является темой отдельного исследования.

¹¹ Jolanta Sierakowska-Dyndo, *Afganistan — narodziny republiki*, Warszawa. 2002. С. 63.

Этносоциологические исследования: общины и диаспоры

Р.С. Альпаутов (Россия)

Формирование и современное состояние турецкой общины в Германии

Наиболее многочисленной исламской общиной Германии является турецкая община. Именно она традиционно представляет ислам в Германии.

История взаимоотношений турок с немцами изобиловала войнами и заключаемыми в результате них союзами. Так, значимой вехой в их взаимоотношениях был тот факт, что после второй попытки осады Вены в 1683 г., которая закончилась поражением Порты, остатки османских войск были захвачены противниками в плен, в результате чего турки-мусульмане оказались на немецкой земле. Многие из этих военнопленных были впоследствии обращены в христианство, а отказавшиеся от крещения были выдворены к себе на родину. О тех немногих, кто, не изменив своего вероисповедания, продолжали жить в Европе, напоминают мусульманские захоронения, сохранившиеся по сей день в Браке и Ганновере¹.

Заслуживает внимания появление первой мечети на немецкой земле. Герцог Курляндский предоставил 20 «турецких» солдат в качестве подарка Прусскому королю Фридриху Вильгельму I. Речь идет о двадцати турках, служивших при королевском дворе, которым была предоставлена одна моленная комната. Своим декретом в 1731 г. Вильгельм I разрешил построить специальный моленный дом, который и стал первой мечетью на территории Германии. А в 1739 г. образова-

¹ Islam and Identity in Germany, Europe Report № 181, 14 March 2007 // Официальный сайт Международной Группы по Предотвращению Кризисов (Крайсис Групп). URL: <http://www.crisisgroup.org>

лась первая мусульманская община в стране. Своим толерантным отношением к иноверам отличался и сын Вильгельма I Фридрих дер Гроссе, считавший, что «все религии одинаковы и хороши, если верующие являются честными людьми». Ему также приписывают заявление о том, что «если бы турки переселились к нам в страну, мы бы построили им мечети»².

Нельзя забывать и о том, что в ходе Первой мировой войны немцы и турки воевали единым фронтом. Во Второй мировой войне Турция сохраняла нейтралитет вплоть до февраля 1945 г., когда она вступила в войну против Германии и Японии. И, наконец, в послевоенный период взаимоотношения Турции и Германии (ФРГ) были переведены преимущественно в плоскость экономического сотрудничества. Первое двустороннее соглашение, заключенное 30 октября 1961 г. между Германией и Турцией, позволило немецким работодателям нанимать дешевую рабочую силу из Турции, преимущественно выходцев из юго-западной Анатолии.

В послевоенные годы этнический состав населения ФРГ менялся стремительно, и, в первую очередь, это было связано с тем, что действовала ротационная система привлечения рабочей силы из других стран. Власти Германии не рассматривали «гастарбайтеров» в качестве граждан ФРГ, так как действовал принцип ротации, означающий постоянную циркуляцию рабочей силы — «с приездом одних, уезжают другие». Для Турции соглашение с Германией было выгодно в экономическом плане, так как молодые турки привозили на родину не только деньги, накопленные за время работы в Германии, но и свои трудовые навыки, которые должны были им пригодиться по возвращении на благо своей страны. Турецкие власти же таким своеобразным способом решали проблему безработицы в своей стране.

ФРГ выдвигала ряд требований к рабочим из Турции, которые фиксировались в соглашении:

Во-первых, первоначальное разрешение на работу для турецких рабочих ограничивалось двумя годами и могло продлеваться максимум на три года. (Это требование устраивало турецкие власти, так как они надеялись, что турецкие рабочие, получив необходимые навыки в ФРГ, смогут успешно работать в самой Турции.)

Во-вторых, в Стамбуле должен был проводиться тщательный медицинский осмотр каждого соискателя, причем не только для того, чтобы определить его пригодность к определенной работе, но и чтобы «защитить немецких граждан от эпидемий».

² Die Geschichte des Islam in Deutschland. URL: <http://www.helmut-zenz.de>

В-третьих, отсутствовала возможность воссоединения семей. (Такая возможность была оговорена практически во всех подобных договорах ФРГ с другими странами, но для турецких рабочих она была закрыта.) Позднее, в сентябре 1964 г., в соглашение был внесен ряд поправок, в частности допускавших условия для воссоединения турецких рабочих со своими семьями³.

Однако процесс, начало которому положила практика сезонного набора дешевой рабочей силы для поддержки развития экономики ФРГ, привел в результате к тому, что уже к 1970 г. в стране появилась почти миллионная армия эмигрантов. В немалой степени этому способствовала незаинтересованность немецких работодателей в ротации рабочей силы. Ведь проработавшие несколько сезонов рабочие должны были быть заменены новыми и неопытными, которых требовалось заново обучать, что затормаживало процесс развития бизнеса.

Завершение политики ротации в 1973 г. привело к еще более сложной и неожиданной проблеме — к стремлению временных рабочих остаться в стране навсегда. Последующие несколько десятилетий турецкое население в ФРГ продолжало расти за счет воссоединения семей «гастарбайтеров» и высокой рождаемости в их среде.

Так как работа для иммигрантов в основном представляла собой тяжелый физический труд, большую часть приехавших в страну долгое время составляли мужчины. Гендерный состав начал уравниваться только после 1980 г., когда конституционный суд поддержал право на воссоединение семей иммигрантов. Приезд в страну женщин и детей сильно изменил структуру общества. К концу 1990-х гг. в Германии проживало 800 000 детей школьного возраста турок по происхождению (как граждан ФРГ, так и неграждан).

Таблица 1
Количество этнических турок в Германии⁴

1961 г.	6800
1965 г.	132 000
1968 г.	205 000
1970 г.	469 000
1973 г.	910 000
1981 г.	1 546 000

³ Губанов Н.С. Роль диаспоры в системе турецко-германских экономических отношений. Современная Турция: проблемы и решения. М.: Институт Ближнего Востока. Институт востоковедения РАН, 2006. С. 185.

⁴ Islam and Identity in Germany.

1991 г.	1 779 000
1995 г.	2 014 000
1997 г.	2 107 000
2001 г.	2 371 000
2005 г.	2 500 000–2 600 000

Источник: Islam and Identity in Germany, Europe Report № 181. 2007. 14 March // Официальный сайт Международной Группы по Предотвращению Кризисов (Крайсис Групп): URL: <http://www.crisisgroup.org>

Политика натурализации

Из-за того, что в Германии вплоть до 2000 г. существовало законодательство, при котором очень сложно было получить гражданство, страна рассматривалась как яркий пример государства иммиграционного «исключения» в Европе. До недавнего времени в Германии принято было определять граждан «генеалогически, а не территориально». Турки, постоянно проживавшие в Германии даже в течение сорока лет, рассматривались как «гастарбайтеры», или просто как иностранцы. Старое миграционное законодательство не обеспечивало автоматического приобретения немецкого гражданства даже в случае рождения на территории страны.

Именно из-за этого большинство представителей второго и третьего поколений иммигрантов-турок не были гражданами ФРГ, хотя они и владели немецким языком не хуже автохтонного населения, а турецкий язык у них уже не играл той роли, как у поколения их родителей. Даже в 1990-х гг., когда население страны выросло на 9% (прежде всего за счет иммигрантов), правительство, возглавляемое партией ХДС, утверждало, что Германия «не является страной иммиграции».

Еще одной особенностью немецкого законодательства, усугубившей и без того тяжелое положение иммигрантов, было то, что оно не предусматривало принципа двойного гражданства. Иностранцы могли подавать заявку на натурализацию только после 8 лет проживания в стране (для детей), и после 15 лет проживания (для взрослых). В течение 10 лет после нефтяного кризиса 1973–1974 гг. и последовавшего экономического спада в Европе официальные лица заявляли о необходимости возвращения на родину турок, не имевших работы. Для стимулирования отъезда было принято решение выплачивать по 2 000 немецких марок каждому решившему вернуться к себе на родину плюс 350 марок на каждого ребенка. Однако число возвращавшихся

оказалось меньше, чем ожидалось, и составило около 10% от числа иммигрантов в стране⁵.

Закон о гражданстве, который просуществовал в почти неизменном виде с 1913 г. по 1999 г., не предоставлял иммигрантам никаких политических прав в Германии. В настоящее время больше половины (1,9 млн. из 2,5–2,6 млн.) этнических турок, проживающих в Германии, остаются гражданами Турции. Только небольшое количество детей иммигрантов вступили в политические партии или стали членами немецких общественных организаций. Незначительное число натурализованных турок (граждан ФРГ) смогли сделать карьеру на местном или на федеративном уровне, став членами Бундестага. Однако ни один турок не был представлен в составе немецкого кабинета министров. К 2003 г. в рядах Бундесвера было всего 600–700 солдат-мусульман.

Уровень политической интеграции первого и второго поколений иммигрантов остается на низком уровне, так как они долгое время оставались вне политической жизни страны.

С середины 1960-х гг. иностранцам разрешается создавать гражданские общественные и совместные торговые организации. Турки, обладающие избирательным правом, воспользовались этой возможностью. Бундесрегирунг (федеральное правительство) и местные правительства назначают с конца 1970-х гг. комиссаров по делам иностранцев. Были созданы земельные консультативные советы по делам иностранцев, хотя влияние подобных органов на государственную политику всегда оставалось незначительным, а то и вовсе отсутствовало. Комиссары и советы служили в качестве защитников политических интересов иммигрантов и механизма их интеграции в немецкое общество.

С приходом к власти коалиции СДПГ/Зеленые в 1998 г. был запущен процесс изменения законодательства о гражданстве. Закон 2000 г. предоставлял гражданство детям, родившимся в Германии у родителей, не имеющих гражданства ФРГ. Но с условием, что хотя бы один из родителей легально проживал в стране более 5 лет. Таким детям было предоставлено право двойного гражданства до достижения ими 23-летнего возраста. После наступления 23 лет молодой человек должен был принять решение, какое гражданство ему оставить. Тем не менее реформа законодательства не решила проблему отторжения от социально-политической жизни страны миллионов неграждан, постоянно проживавших в ней.

В то время как коалиция СДПГ/Зеленые пыталась смягчить миграционное законодательство, другое очень влиятельное (ныне пра-

⁵ Ibid.

вящее в Германии) объединение ХДС/ХСС постоянно препятствовало смягчению миграционного законодательства. Ведь изначально планировалось, что двойное гражданство будет предоставляться бессрочно, но СДПГ/Зеленым пришлось пойти на компромисс с политическим оппонентом и ограничить эту возможность 23 годами, поскольку ХДС/ХСС запустила петиционную кампанию по сбору подписей против такого послабления законодательства и добилась своего в 1999 г. Данная кампания имела явный антитурецкий подтекст и завершилась сбором 5 млн. подписей против послабления законодательства. ХДС/ХСС блокировала также законопроект по иммиграционной реформе в 2002 г.

В конце 2005 — начале 2006 г. несколько земель, где у власти была консервативная коалиция (создававшая план по осуществлению концепции «введения в местную культуру», который был ранее выдвигнут представителями ХДС/ХСС) — Баден-Вюрттенберг, Гессен, Нижняя Саксония и Бавария, объявили о проведении специального теста на получение гражданства. Претенденты на гражданство должны были в рамках тестирования подтвердить знание немецкого языка и ответить на вопросы, касающиеся истории, культуры и послевоенных ценностей Германии. Это было явной попыткой сыграть на негативных стереотипах об исламе и показать коренным немцам, что мусульмане не признают равноправие между мужчиной и женщиной, право Израиля на собственное государство, демонстрируют негативное отношение к сексменьшинствам и т.д. Задачей подобного тестирования было выявление потенциальных радикалов и сложных случаев интеграции среди мусульман. Споры о тестировании закончились компромиссом, достигнутым на конференции министров внутренних дел земель в мае 2006 г., где были определены основные пункты миграционного законодательства.

Итоги Конференции министров внутренних дел земель (май 2006 г.):

- снижение требования по минимальному количеству лет пребывания в стране с 8 до 6;
- установление стандартов письменного и устного владения немецким языком;
- проведение проверки на лояльность конституционным основам; преступникам, осужденным ранее по некоторым статьям, может быть отказано в получении гражданства;
- представление церемониального компонента натурализации (клятва или гражданская церемония);
- обязательное прохождение обучающего курса по основам демократии, по разрешению конфликтов в демократических обществах,

по главенству закона, половому равенству, основным правам и государственным символам, с последующим прохождением теста по данным курсам, оплачиваемым с участием самих иммигрантов; с правом отказа от прохождения курсов, но обязательной сдачи тестов по ним;

- при выявлении сомнений в признании иммигрантом свобод, демократического порядка и главенства закона, может потребоваться проведение собеседования;

- не должно быть никаких тестов на получение гражданства, но власти могут проверить знание кандидатом основ гражданского общества посредством упражнений типа ролевых игр⁶.

* * *

Таким образом, проведенное исследование показывает, что уровень интеграции турок в немецкое общество остается относительно невысоким. Немецкое миграционное законодательство по-прежнему является достаточно консервативным, а вносимые в законы изменения часто отстают от процессов, происходящих в стране.

Ввиду того, что позиции консерваторов в Германии, как показывают последние выборы, значительно укрепились, а социал-демократы, напротив, заметно теряют популярность, тенденция к ужесточению миграционного законодательства сохранится, скорее всего, и в ближайшем будущем.

Библиография

1. Губанов Н.С. Роль диаспоры в системе турецко-германских экономических отношений. Современная Турция: проблемы и решения. М.: Институт Ближнего Востока. Институт востоковедения РАН, 2006.
2. Die Geschichte des Islam in Deutschland. URL: <http://www.helmut-zenz.de>
3. Islam and Identity in Germany, Europe Report № 181. 2007. 14 March // Официальный сайт Международной Группы по Предотвращению Кризисов (Крайсис Групп). URL: <http://www.crisisgroup.org>).

⁶ Ibid.

Э.А. Гургулия (Россия)

Дiasпора: толкование понятия на примере становления черкесской диаспоры

*Отчего накинута
Облачную шаль,
Что ты плачешь, родина,
И о чем печаль?
Об уплывших за море,
Об ушедших вдаль,
От чего ты в трауре
И о чем печаль?*¹

Введение

В результате многих исследований установлено, что в силу исторически сложившихся обстоятельств на территории ряда стран Ближнего и Среднего Востока, входивших в состав Османской империи (ныне — территория независимых стран: Турции, Сирии, Иордании, Израиля и др.), образовалась значительная по численности, географии расселения и степени общественно-политического влияния северокавказская (туда же входит и абхазская) диаспора, представителям которой до настоящего времени удалось сохранить этническое самосознание, языки, обычаи и культуру. Диаспора, состоящая из нескольких поколений эмигрантов, идентифицирует себя как часть северокавказского суперэтноса, а Северный Кавказ (абхазы — Абхазию) рассматривает в качестве своей настоящей родины.

Тема формирования «черкесской» (северокавказской) диаспоры на Ближнем Востоке очень широка. В одной работе невозможно осветить все связанные с ней проблемы. Кроме того, отдельные аспекты в истории диаспоры были затронуты в ряде исторических исследований.

В данной статье предполагается рассмотреть сущность и понятие «диаспоры», исходя из нескольких определений данного термина и вариантов его использования.

¹ Гургулия Д.А. Автобиография // Гургулия Д.А. Стихи. М., 1964. С. 24.

Следует отметить, что этноним «черкесы» в прошлом применялся как обобщающий по отношению к нескольким этносам, самоназвание которых было «адыги». К ним относятся современные адыгейцы, кабардинцы и черкесы. Адыгский язык вместе с абхазским, абазинским и убыхским языками составляют единую адыго-абхазскую группу северокавказской языковой семьи. Адыги представляют собой автохтонное население Северного Кавказа. Термин «черкес» утвердился за адыгами в письменных источниках после XIII в. В странах Ближнего Востока и Северной Африки черкесами до сих пор называют и представителей других северокавказских народов. Это обусловлено тем, что преобладающую часть северокавказских иммигрантов составляют собственно черкесы.

Соответственно и в арабском мире, как было упомянуто выше, под общим названием «черкесы» фигурируют, помимо собственно черкесских этносов (абхазов, абадзехов, бжедугов, шапсугов и др.), также дагестанцы (аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины), чеченцы, ингуши, осетины, карачаевцы и балкарцы, хотя многие из этих народов не родственны черкесам по языку, а относятся к иным языковым семьям: тюркской, иранской и пр.²

Дiaspora: сущность и понятие

В последнее время термин «diaspora» употребляется весьма часто и, как правило, без толкований и объяснений. Подразумевается, что содержание его настолько ясно, а явление, им называемое, настолько определено, что особых комментариев просто не требуется. Но самый беглый анализ показывает, что слово это используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений, что отчасти лишает его эвристического значения.

Противоречивость ситуации отразилась в разнообразных отечественных и зарубежных энциклопедиях и энциклопедических словарях. Практически все они отмечают, что понятие «diaspora» (от греч. *diaspora* — «рассеяние») возникло для обозначения и осмысления формы и способа многовекового существования еврейского народа в отрыве от страны своего исторического происхождения среди множества различных народов, культур и религий. В авторитетной «Британике» слово это трактуется только через призму еврейской истории и отно-

² Все адыги (черкесы) представляют адыго-абхазскую группу северокавказской языковой семьи, вайнахи — особую ее группу, кумыки, карачаевцы, ногойцы и балкарцы — тюркоязычны, осетины — ираноязычны и т.д. Языки народов Дагестана имеют иное происхождение и сильно отличаются друг от друга. У многочисленных народов Северного Кавказа разное происхождение.

сится только к жизни этого народа. Другие словари добавляют обычно, что со временем термин стал употребляться расширительно, для обозначения национальных и религиозных групп, живущих вне стран своего происхождения, в новых для себя местах (а некоторые словари добавляют — на положении национально-культурного меньшинства)³.

В последние годы, однако, именно это производное значение становится наиболее употребительным, несколько оттесняя первоначальное. Такое понимание сформулировано, например, Г. Шеффером. С его точки зрения, диаспоры образуются путем насильственной или добровольной миграции этнических групп за пределы своей исторической родины (homeland). Они живут в принимающих странах (host countries) на положении меньшинств, при этом сохраняя свою этническую или этнорелигиозную идентичность и общинную солидарность⁴.

Существует множество определений понятия «диаспора» и работ, в которых анализируется значение этого термина в различных аспектах. В частности, в работе З.И. Левина, сказано, что «диаспора — это этнос или часть этноса, проживающие вне своей исторической родины, сохраняющие представление о единстве происхождения и не желающие потерять стабильные групповые характеристики, заметно отличающие их от остального населения страны пребывания»⁵.

Проблема диаспоры имеет длительную историю. Для начала рассмотрим понятие диаспоры в международных отношениях. Традиционно под диаспорой понимают часть народа (этнической общности), проживающую вне страны его происхождения, имеющую общие этнические корни и духовные ценности. Для диаспоры характерно осознание себя частью народа, проживающего в ином государстве, наличие собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и исторической родиной (или ее символом): формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности. Диаспоры становятся неотъемлемым фактором современных международных отношений в силу усугубления взаимодействия и взаимозависимости государств и, как следствие, нарастания миграционных процессов. В основе образования диаспор могут лежать и такие причины, как передел границ, распад государственных образований, миграционные потоки, вызванные угрозой насильственного переселения либо геноцида. Принципы взаи-

³ Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятии // Диаспоры. 1999. № 1. С. 5.

⁴ Sheffer G. A New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics // Modern Diasporas in International Politics. L., 1986. — Цит. по: Дятлов В. Указ. соч. С. 9.

⁵ Левин З.И. Менталитет диаспоры. М., 2001. С. 5.

модействия между диаспорой, исторической родиной и государством проживания зафиксированы в двусторонних договорах зарубежных государств, определены в доктринах внешнеполитической деятельности отдельных стран мира, включая страны нового зарубежья. Очевидно, что сложившаяся практика требует зафиксировать на уровне международных правовых норм понятие диаспоры, права и обязанности по отношению к ней со стороны государства проживания и исторической родины.

Диаспоры на исторической арене появились в VI в. до н.э., когда вавилонский правитель Навуходоносор II после завоевания Палестины насильно переселил евреев в Вавилонию, где они жили до завоевания персидским властелином Киrom. В дальнейшем словом «диаспора» стали называть обособленные в религиозном и/или культурном отношении группы населения, вынужденные жить среди представителей другой религии или культуры⁶.

В средневековье число диаспор постоянно возрастало после завоевательных военных походов, в условиях этнических и религиозных преследований, притеснений и ограничений. Новая и новейшая история внесла новую страницу: диаспоры стали появляться в связи с изменениями в мировой экономике, потребовавшими значительных трудовых ресурсов (США, Канада, Латинская Америка, Индия, ЮАР, Австралия). Поводом для образования диаспор различного этнического происхождения стало также аграрное перенаселение, потребность в иной сфере приложения рабочих рук, притеснения и ограничения в общественной жизни, которые могли трактоваться как преследование по национальному признаку (поляки, ирландцы, немцы, итальянцы и др.).

Несмотря на широкую распространенность термина «диаспора» в научной, а особенно в публицистической литературе, четкой дефиниции этого понятия нет. В ряде случаев его объединяют с понятием «этническая группа» или «этническая общность», но в определенном смысле понятие «диаспоры» более широкое, так как им можно обозначать множество весьма неоднородных образований — от нации, народа до малой этнической или этнокультурной группы. По мнению исследователей Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, нельзя согласиться и с тем, что диаспора отождествляется с понятием «малочисленные народы», перед которыми хотя и стоит ряд задач, аналогичных диаспорам, но имеющими свой конкретный исторический ареал расселения и в обозримый исторический отрезок времени не покидавшими свою роди-

⁶ Петренко А.В. Русские в новом зарубежье: диаспора или разделенный народ? // Международный совет Российских соотечественников. 18.04.2006: www.msrs.ru

ну⁷. Всесторонне рассматривая понятие «диаспора», эти авторы приходят к выводу, что отрыв от своей исторической родины и образует тот исходный отличительный признак, без которого просто бесполезно говорить о сущности данного феномена. Диаспора — это не просто «кусочек» одного народа, живущего среди другого народа — это такая этническая общность, которая имеет основные или важные характеристики национальной самобытности своего народа: язык, культуру, сознание; сохраняет их, поддерживает и содействует их развитию. Отсюда следует заключение авторов о том, что нельзя назвать диаспорой группу лиц, хотя и представляющих определенный народ, но вступивших на путь ассимиляции, ведущий к исчезновению их общности как ветви данного народа.

Диаспора имеет некоторые организационные формы своего функционирования, начиная от такой, как землячество, и заканчивая наличием общественных, национально-культурных и политических движений. Иначе говоря, нельзя отнести к диаспоре любую группу лиц определенной национальности, если у них нет внутреннего импульса, потребности к самосохранению, что обязательно предполагает определенные организационные функции. Следует отметить также такой отличительный признак диаспоры, как религиозный фактор. История диаспор показывает, что религия в ряде случаев стала цементирующим фактором в консолидации представителей единоверцев (часто совпадающих с определенной национальностью). Так, религия играет огромную роль в сплочении украинцев в Канаде, Латинской Америке. Роль религии проявляется также и в жизни армянских общин. Естественно, что диаспоры мусульманских народов консолидирует религия, которая пронизывает всю их культуру и определяет их жизнедеятельность.

Способностью создавать диаспору обладает не каждый этнос, а только этнос, устойчивый к ассимиляции. Если объективно устойчивость достигается благодаря фактору организации диаспоры (органы самоуправления, учебные, культурные, политические и др. организации), то субъективно — существованием некоего «стержня», будь то национальная идея, историческая память, религиозные воззрения или нечто другое, что сплачивает, сохраняет этническую общность и не позволяет ей раствориться в иноэтнической среде.

Исходя из вышесказанного, авторы делают попытку дать определение понятия: «диаспора — это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущего в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареа-

⁷ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12.

ла расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности»⁸. Таким образом, авторы дают социологическое определение термина, подчеркивая при этом признак, который в значительной степени определяет, можно ли назвать данную этническую общность диаспорой. Признак этот — внутренняя способность к самоорганизации, которая позволяет диаспоре функционировать длительное время⁹.

Т.В. Полоскова определяет диаспору как этнокультурный феномен, возникающий на основе этнических групп, проживающих за пределами «исторической родины», в различных государствах, но самоидентифицирующих себя с одним народом. Обязательными компонентами диаспоральности являются, по мнению Т.В. Полосковой: представление о «государстве исхода» (либо его символе) и стремление сохранить с ним связь; создание институтов, призванных обеспечить сохранение и развитие диаспоры, в том числе международного характера; наличие стратегии взаимодействия с государственными институтами как страны проживания, так и титульного государства¹⁰.

Хотелось бы отметить еще одну дефиницию, разработанную У. Сафраном. Он выделяет шесть базовых характеристик «классических» диаспор (на примере еврейской и армянской), которые вполне соответствуют особенностям черкесской диаспоры: 1) рассеивание из единого центра в два или более «периферийных» места или иностранных региона; 2) коллективная память о стране происхождения и ее мифологизация; 3) ощущение своей чужеродности в принимающей стране; 4) стремление к возвращению, или миф о возвращении; 5) помощь исторической родине; 6) сохраняющаяся идентификация со страной происхождения и базирующееся на этом чувство групповой сплоченности¹¹.

Конкретные формы существования диаспор весьма разнообразны. Существуют диаспоры, имеющие свои собственные национальные государства (немцы, поляки, финны и др.), т.е. данные диаспоры являются частью этноса, проживающего за пределами своего национального государства. Некоторые исследователи расширяют значение слова диаспора и считают, что к ним нужно относить и этнические общности людей, живущие не только за пределами своего национального государ-

⁸ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Указ. соч.

⁹ Петренко А.В. Указ. соч.

¹⁰ Полоскова Т.В. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). М., 1999.

¹¹ Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora*. 1991. Vol. 1, no. 1. — Цит. по: Попков В. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // *Диаспоры*. 2002. № 1. С. 10–11.

ства, но и внутри него (чуваши, буряты, татары, башкиры и др.). Также выделяются диаспоры, этнос которых не имеет своей государственности, и представители его живут дисперсно (цыгане, ассирийцы). Особое место занимают этносы, большая часть которых проживает в диаспоре, так называемые классические диаспоральные этносы — евреи, армяне. Можно также выделить этнические общности, компактно или дисперсно расселенные в иноэтническом окружении, которые имеют численность, достаточную для образования диаспоры, но отнюдь не являющиеся таковой.

Наиболее распространенной функцией диаспоры является ее активное участие в поддержании, развитии и укреплении духовной культуры своего народа, в культивировании национальных традиций и обычаев, в поддержании связей со своей исторической родиной. Особое место в этом процессе занимает сохранение родного языка. Формирующаяся диаспора обычно использует родной язык в неформальном общении, в делопроизводстве, в средствах массовой информации. Как раз для достижения этого ей и приходится бороться. Родной язык является ретранслятором национальной культуры, утрата его оказывает прямое воздействие на некоторые ее компоненты, прежде всего в духовной сфере (обычаи, традиции, самосознание). Многие отколовшиеся от своего этноса части, утратив частично или полностью родной язык, продолжают функционировать в качестве диаспор (например, немецкая, корейская), поэтому сохранение родного языка иногда не является определяющим признаком диаспоры. Тем не менее его постепенная утрата свидетельствует о развитии ассимиляционных процессов. Такое положение может усугубляться близостью культурной дистанции между этносами — титульными и диаспоральными. Если же не существует других признаков, сплачивающих этническую общность, или они также утрачены, близок ее распад в результате ассимиляции.

Не менее важным для функционирования диаспоры является сохранение ее представителями своей этнической культуры, под которой Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова понимают компоненты материальной, духовной и соционормативной деятельности, отличающиеся в той или иной степени от иноэтнической и надэтнической культуры¹². Однако по истечении некоторого срока этническая культура диаспоры уже не является идентичной культуре этноса, от которого данная общность откололась. На нее накладывает отпечаток культура иноэтнического окружения, а в результате возможной потери связи с материнским этносом утрачивается преемственность культурных традиций.

¹² Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Указ. соч.

Все большее значение приобретает экономическая функция диаспор, что обычно связано с созданием определенных производств по выпуску национальных товаров и услуг, по развитию народных промыслов и ремесел. В последнее время значение национальных диаспор возросло еще и потому, что они стали более активно и целенаправленно создавать организации, осуществляющие социальные функции — функции социальной защиты, охраны прав, получение гарантий обеспеченности людей согласно провозглашенной ООН Декларации прав человека.

Особой формой деятельности для ряда диаспор является выполнение ими политических функций. Диаспоры превращаются в активную общественную силу, способную содействовать или противостоять позитивным изменениям, что имеет большое политическое и практическое значение, так как перед национальной политикой любого государства стоит задача организации взаимодействия по решению национальных проблем с реальными национально-этническими образованиями, выполняющими вполне конкретные функции и представляющими определенные социальные силы. Консолидированная, обладающая высоким организационным и финансовым потенциалом диаспора может не только успешно сохранять и развивать свою этнокультурную самобытность, но и стать реальным «мостом» укрепления двусторонних отношений между государством проживания и «исторической родиной». Иногда возможности диаспоры существенно превосходят экономический и политический потенциал страны ее проживания. В таких случаях диаспора способна не только оказывать экономическую и гуманитарную поддержку «исторической родине», но и является институтом лоббирования ее национальных интересов.

Историческая родина, осуществляющая взаимодействие с диаспорой, как показывает изучение опыта ряда стран, в качестве первоочередных объектов выделяет обычно те государства ее проживания, в отношении которых у нее есть серьезные долгосрочные интересы, обусловленные геополитическим положением данных государств и наличием значительного количества соотечественников. При этом:

1) присутствие диаспоры за рубежом рассматривается как фактор реализации национальных интересов, обеспечивающий экономическое, культурное и языковое присутствие в странах, имеющих для государства важное геополитическое и стратегическое значение, фактор двусторонних отношений, где диаспора способна выступить в роли «моста»;

2) осуществляется содействие политической, экономической и социальной интеграции диаспоры в стране проживания, защита права на сохранение культурной и этнической идентичности;

3) политика государства проживания по отношению к диаспоре оценивается как один из важных показателей политики по отношению к исторической родине диаспоры;

4) поддержка сохранения и развития культурного, языкового, информационного пространства как фактора национального присутствия в зарубежных странах рассматривается в качестве важной внешнеполитической задачи (МИД Франции, Госдепартамент США имеют, к примеру, отдельные подразделения по распространению и поддержке французского и английского языков в зарубежных странах);

5) осуществляется оказание поддержки политическим и общественным организациям диаспоры;

6) реализуется двустороннее сотрудничество, осуществляющее защиту прав представителей диаспоры, на сохранение культурной и этнической самобытности;

7) положение диаспоры как этнического меньшинства рассматривается как фактор внутригосударственной и региональной стабильности, а исходя из принципов превентивной дипломатии, усилия по предотвращению возможной межэтнической конфронтации трактуются как важное направление деятельности региональных и международных организаций.

Таким образом, диаспоры являются важным фактором современной системы международных отношений. Имеется тенденция к возрастанию их влияния как во внутривнутриполитической жизни государств, так и в проводимой ими внешней политике. Современный многополюсный мир должен включать в себя и этнические диаспоры как составную часть нового миропорядка, где каждая из них выступает в качестве самостоятельного лица, «способного участвовать в мировом диалоге, который в силу этого будет мирным диалогом»¹³.

Черкесская диаспора

Черкесская диаспора имеет многовековые исторические корни, уходящие в глубь средневековья, когда в Египет и регион Ближнего Востока началось массовое проникновение представителей кавказских народов. В итоге образовалось известное мамлюкское государство (его создали кыпчаки — половцы, правившие Египтом в 1250–1382 гг.),

¹³ Полоскова Т.В. Указ. соч. С. 60–61.

которым долгое время правили черкесские султаны (1382–1517 гг.)¹⁴. Так появилась первая черкесская диаспора, оставившая определенный след в истории и культуре народов этого региона. Однако в данной статье речь идет о следующей, более мощной, волне эмиграции — мухаджирстве (от араб. «мухаджир» — переселенец, эмигрант; инфинитив «хаджара» — переселяться, эмигрировать) кавказцев на Ближний Восток, которая была связана с длительным периодом Кавказской войны и ее последствиями. Следует отметить, что северокавказская диаспора является наиболее молодой и последней неарабской мусульманской общиной, прибывшей в арабские страны и осевшей там между 1860–1914 гг.

Основным вопросом данного исследования является история становления северокавказской диаспоры в арабских странах (а именно — в Сирии, Иордании, Египте и Судане). Главной причиной появления на исторической арене «черкесской» диаспоры является «мухаджирство». Это сложный для изучения процесс, требующий комплексного подхода. Рассматривая его, необходимо учитывать непростую геополитическую ситуацию, сложившуюся в середине XIX в. на Кавказе, интересы России, Османской империи, Англии и Франции в этом регионе, внутривосточное положение самого Западного Кавказа. Дальнейшая задача состоит в том, чтобы показать, как переселенцы с Кавказа, оказавшись в иноэтническом окружении и подвергаясь ассимиляции в течение более чем 100 лет, сохраняют еще в той или иной степени свои этнические особенности.

Кавказская война явилась важнейшим событием в истории Северного Кавказа в целом, и Западного Кавказа, в частности. Эта война продолжалась около 100 лет и закончилась в 1864 г. переселением значительной части горцев Северного и Западного Кавказа в пределы Османской империи¹⁵. Мухаджирство затронуло главным образом Западный Кавказ, около 90% населения которого было вынуждено покинуть свою Родину. Мухаджирство не ограничилось только 1864 годом. Оно продолжалось и на протяжении всей второй половины XIX в., а отдельные волны переселения имели место и в начале XX в.

¹⁴ Помимо черкесов-мамлюков в Египте (1382–1517) и махаджиров были еще черкесы, служившие османским султанам в разных качествах — наемников, рабов, добровольцев джихада. Их было очень много среди турецких вельмож, военачальников, чиновников. Их так и называли — «черкесами» — во всех арабских странах через 100–200 лет после падения мамлюков в Египте и задолго до начала махаджирства.

¹⁵ Официально война шла в 1817–1864 гг. Однако историки нередко присоединяют к ней восстание 1785–1791 гг. шейха Мансура, охватившее Адыгею, Чечню, Кабарду и Дагестан, а также — участие отрядов дагестанцев в русско-иранской войне 1804–1813 гг. на стороне Ирана и отрядов черкесов в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. на стороне Османов.

Во многих трудах современных ученых изучение переселенческого движения горцев Кавказа ограничивается в основном периодом 50–60-х гг. XIX в. с подразделением его на три этапа. Видимо, такое деление оправдано, но лишь при рассмотрении начального периода мухаджирства, который был, надо признать, самым массовым и жестоким. Однако при более широком подходе к явлению мухаджирства целесообразно подразделить весь его период на ряд этапов, начиная с 50-х гг. XIX в. и заканчивая 50-ми гг. XX в. Подобная периодизация продиктована тем, что переселение северокавказцев, вызванное как внутренними, так и внешними факторами, происходило волнообразно. Оно продолжалось и в течение всей Гражданской войны, и в послевоенный период, когда несколько тысяч советских военнопленных и перебежчиков вынуждены были остаться на Западе. Перечислю условно намеченные мною периоды наиболее массового мухаджирства: первый этап — 1859–1872 гг., второй — 1877–1883 гг., третий — 1893–1917 гг., четвертый — 1917–1922 и последний — 1947–1955 гг.¹⁶. Каждый из этих этапов имел свои причинно-следственные особенности.

Для Северного Кавказа мухаджирство стало крупнейшей демографической катастрофой, которая вместе с усиленной колонизацией края в течение нескольких десятилетий перекроила традиционный этнический облик Кавказа. Это одна из самых сложных и трагических страниц новой истории Кавказа.

Всех выходцев с Западного Кавказа, а также всех северокавказцев в целом часто называют в местах их нынешнего проживания, как уже было сказано, черкесами¹⁷. Самоназвание племен Северо-Западного Кавказа, родственных по языку и культуре, звучит «адыге». Оно общее, как упоминалось выше, у адыгейцев, кабардинцев, черкесов, а также шапсугов. Принятое в русской и иностранной литературе XIX в. расширенное истолкование слова «черкес» имело под собой то реальное основание, что адыги (черкесы) были в то время самой значительной этнической группой на Северном Кавказе¹⁸, оказывавшей большое и всестороннее влияние на окружающие их народы.

Адыги, абхазы и убыхы являются родственными народами, коренным населением Западного Кавказа с давних времен. В XIX в. они под-

¹⁶ Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX–XX вв.). Махачкала, 2001. С. 18.

¹⁷ Арабы стали называть их «черкесами» вслед за турками, потому что среди махаджиров действительно преобладали адыги, да и турки (вместе с их союзниками — крымскими татарами) издавна, примерно с XIV в., привыкли на Северном Кавказе иметь дело именно с черкесами. Большинство же дагестанских этносов, а также осетины, обычно тяготели к Ирану.

¹⁸ Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: этнокультурные особенности // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004. С. 148.

разделялись на ряд этнических групп, часть которых либо полностью переселилась в Турцию, либо ассимилировалась и прекратила свое существование. На сегодняшний день адыги (адыгейцы, кабардинцы и черкесы) проживают на территории Российской Федерации в Республике Адыгея, Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии, а абхазы — в Республике Абхазия. Кроме того, около 7 млн человек¹⁹ адыгского и абхазского происхождения, потомки мухаджиров, проживают сегодня в Турции, странах Ближнего Востока, Северной Африки, Западной Европы, США, Австралии — всего в 40 странах мира.

Проблема изучения истории и культуры зарубежных черкесов относится к числу наиболее актуальных в современной кавказологии. Необходимо отметить, что, помимо мухаджиров (покинувших Кавказ эмигрантов), были и те, которые остались на родине и сумели сохранить свою национальную принадлежность, занять определенную нишу в обществе. Это люди, благодаря которым сегодня мир может узнать о народах Северного Кавказа и, конечно, о северокавказской диаспоре в целом. Было бы невозможно составить полноценной научной картины истории и культуры адыгов без их важнейшего компонента — диаспоры, а вопрос о репатриации черкесов даже не поднимался бы.

При расселении мухаджиров османские власти исходили из ряда существенных для себя факторов: военно-политического, национального, экономического. Османы планировали использовать северокавказских мухаджиров в возможных внешних войнах и внутренних конфликтах на следующих направлениях: балканском — против России и славянских народов; кавказском — против России и армян; средиземноморском — против своего исторического врага — греков; восточном — против армян и курдов; южном — против алавитов, бедуинов и друзов. В экономическом плане султанские власти усилиями мухаджиров планировали подъем промышленного и сельскохозяйственного секторов — основы могущества государства, — особенно важных перед лицом постоянных военных угроз.

В исторической литературе, как отечественной, так и зарубежной, нет единого мнения о количестве кавказских эмигрантов. Однако анализ существующих данных позволяет обозначить нижний и верхний пределы приводимых цифр от 500 тыс. до 3–7 млн человек²⁰. Не-

¹⁹ Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османской империи во второй половине XIX — первой четверти XX в. Мухаджирство и его последствие // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004. С. 95.

²⁰ Березгов Б.Н. Современное положение северокавказских мухаджиров в странах мира (история их расселения и историко-культурные перспективы) // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа в XIX веке и проблемы мухаджирства. Налчик, 1994. С. 68.

обходимо иметь в виду, что переселение черкесов продолжалось и после окончания войны на Кавказе, вплоть до Первой мировой войны. Поэтому при определении общей численности современных зарубежных черкесов нужно учесть все малые и большие группы эмигрантов, покинувших свою родину в разное время. Впоследствии, после окончательного распада Османской империи, большая часть кавказских эмигрантов осталась в Турецкой Республике, а меньшая — в Сирии и Иордании. Кроме этих стран с наиболее крупными анклавами черкесского населения, выходцы с Кавказа были рассеяны небольшими группами по отдельным странам Ближнего Востока и Европы (Ирак, Египет, Израиль, Югославия, Греция и др.).

Заключение

Здесь изложена лишь краткая история становления проблемы черкесской диаспоры и намечены основные подходы к ней. До сих пор в исторической науке нет полной картины прошлого и настоящего зарубежных черкесов. Научная литература по данной теме освещает лишь отдельные стороны жизни кавказских эмигрантов. Между тем, усиление интереса к жизни зарубежных черкесов требует всестороннего, более углубленного ее изучения. Учитывая политический статус кавказских эмигрантов в странах их компактного проживания, нужно понимать, что исчезновение любого, пусть самого малочисленного, народа, его языка и культуры невосполнимо для человечества, ибо каждый из них вносит бесценный вклад в общечеловеческую культуру, оставляя неповторимый след в истории мировой цивилизации.

Библиография

1. Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX–XX вв.). Махачкала, 2001.
2. Березгов Б.Н. Современное положение северокавказских мухаджиров в странах мира (история их расселения и историко-культурные перспективы) // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа в XIX веке и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994.
3. Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: этнокультурные особенности // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004.
4. Гургулиа Д.А. Стихи. М., 1964.
5. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятии // Диаспоры. 1999. № 1.
6. Левин З.И. Менталитет диаспоры. М., 2001.

7. Петренко А.В. Русские в новом зарубежье: диаспора или разделенный народ? // Международный совет Российских соотечественников. 18.04.2006 — www.msrs.ru
8. Полоскова Т.В. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). М., 1999.
9. Попков В. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1.
10. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12.
11. Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османской империи во второй половине XIX — первой четверти XX вв. Махаджирство и его последствия // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004.
12. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. 1991. Vol. 1. № 1.
13. Sheffer G. A New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics // Modern Diasporas in International Politics. L., 1986.

Д.Р. Янова (Узбекистан)

История татарской диаспоры в Узбекистане в XX веке

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений государственной политики Узбекистана является поддержка и реальное содействие межнациональному согласию и толерантности.

Проблема межнациональных отношений стала в последние годы одной из самых популярных в общественных науках. Вопреки прогнозам ученых, этнические различия по мере усиления контактов между нациями и нарастания тенденций к глобализации не только сохранились, но и стали играть более важную роль в политической жизни многих стран и оказывать влияние на развитие государства.

На протяжении длительного исторического развития на территории Узбекистана в мире и согласии проживали представители различных национальностей. И сейчас Узбекистан — многонациональная страна. В этой связи, исследования, касающиеся межнациональных отношений, продолжают оставаться актуальными.

Сегодня наше государство переживает сложный и довольно своеобразный период своего развития. С одной стороны, наблюдается рост национального самосознания, усиление процесса этнической дифференциации. С другой стороны, усиливается необходимость в упрочении согласия и взаимопонимания между представителями различных национальностей и народностей, проживающих в Узбекистане, их консолидации, формировании новой общности — узбекистанцы. «Не теряя своей самобытности, — отмечает И.А. Каримов, — народы проживающие в Узбекистане, обретают единую ментальность, общую философию поведения. Отсюда единый нравственный стержень, который все годы независимости был источником межнационального согласия»¹

Для Узбекистана остается актуальным постоянное изучение состояния межнациональных отношений с целью недопущения возникновения конфликтных межэтнических ситуаций.

На сегодняшний день в исторической науке накоплен обширный корпус научных знаний, посвященных различным аспектам межнациональных отношений в Узбекистане. В отечественной научной литературе существует большое количество исследований состояния

¹ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI в: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т. 1997. с. 137.

межнациональных отношений, различных аспектов культуры, языка, бытчаев, в том числе и по истории татарской диаспоры. Так, в исследовании О. Ата-Мирзаева, В. Гентшке, Р. Муртазаевой, охватывающем историю межнациональной толерантности в Узбекистане, приводятся данные о формировании многонациональности в Узбекистане и в частности, татарской диаспоры².

Истории татарской диаспоры посвящены исследования Р. Шигабдинова, Р. Мукминовой, Ш. Турдиева, С. Губаевой.

Татары появились в Туркестане задолго до завоевания этого края Россией. Многие прибыли в качестве купцов еще в 10-14 веках. После разгрома Казанского ханства Иваном Грозным, чтобы избежать насильственного крещения, многие татары бежали в разные края, в том числе и Среднюю Азию. Ее население относилось к ним с симпатией, как к единоверцам. Сближал схожий язык, общая письменность на основе арабской графики.³ Испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо констатировал: «В городе Самарканде продается каждый год много различных товаров, которые привозятся туда из Китая, из Индии, из Татари... приходят кожи и полотна». Татары нередко попадали в Среднеазиатский регион, сопровождая торговые караваны и посольства России в качестве переводчиков и обслуги⁴. Значительная часть татар попала в Среднюю Азию в качестве студентов медресе Бухары и Самарканда, издавна славившихся как центры богословского образования в мусульманском мире. Немало татар прибыло вместе с русскими войсками: одни в качестве солдат и офицеров, другие как переводчики. После присоединения Кокандского ханства к России из внутренних районов империи, в частности из Казанской, Уфимской, Оренбургской, Томской, Тобольской губерний, из Петропавловского уезда, городов Верный, Аулие-Ата и др. прибыла новая волна татарского населения⁵.

Большинство татар жили в городах Туркестана, хотя часть селилась и в кишлаках, особенно если там были места скупки хлопка, нефтепромыслы и др. Так, например, по данным 1907 г., в городах Ферганской области было 1056 татар, тогда как в уездах — всего 277.⁶

По мере заселения и развития хозяйства отведенной ля потребностей населения земли перестало хватать. Так, в 1827 г. жители селения Ногай-Курган обратились с просьбой к кокандскому правителю Мада-

² Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. «Межнациональная толерантность в Узбекистане. История и современность. Т., 2004

³ www.tatar.ru/repres/uzbek

⁴ Этнический атлас Узбекистана. с. 203

⁵ ЦГА РУз. ф. 17, доп. 1, д. 9723; ф. 19, оп. 1, д. 838.

⁶ Губаева С. С. Татары в Ферганской долине // Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX вв. Ташкент, 1991. с. 111

лихану об отведении земель необходимых для посевов, посадок, выгонов и т.д. Хан велел прирезать к этому селению до 600 десятин земли, дав на это документ с приложением своей печати. С этого времени жители Ногай-Кургана явились владельцами этой земли, оставшись там на жительство. Необходимо отметить, что традиционно всех татар местные жители называли ногаями, а каждый поселок с многочисленным, татарским населением — Ногай-кишлаком. Они до сих пор имеются во многих пунктах Ферганской долины. Об одном из подобных кишлаков упоминал в своих путевых заметках известный востоковед П. Пашино. Именно этот населенный пункт, по мнению исследователя, был единственным местом в Туркестанском крае, где возделывался картофель⁷.

В 70-х годах XIX века в Ташкенте образовалась Татарская слободка (махалля), которая находилась вблизи Бешагачских ворот. Здесь проживало уже более 100 татар. Улица вдоль арыка Анхор получила название «Татарская» (ныне улица Тураба Тулы). В целом же в Ташкенте было 4 квартала, где локально проживало татарское население: Бешагачский, Шайхантухарский, Сибзарский и Кукчинский.⁸

Во второй половине XIX века в Ташкенте уже действовали татарские мактабы, медресе, соборные мечети. В частности, мечеть и медресе Марджани (снесены в середине 30-х гг. во время строительства театра им. Навои, а в центре процветал пассаж братьев Яушевых (в районе ресторана «Зарафшан»). В архиве Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан хранятся 2 фонда, содержащие материалы о деятельности торгового дома братьев Яушевых. Их ташкентская контора была создана в 1887 году. Известные и влиятельные коммерсанты того времени имели в своем распоряжении несколько хлопковых заводов и ватную фабрику, не считая знаменитого пассажа братьев Яушевых в центре Ташкента, сохранившегося до наших дней.⁹ Значительный всплеск деловой активности в Средней Азии, который пришелся на вторую половину XIX в., выдвинул на общественное поприще многих промышленников и торговцев. Зачастую фирмы выполняли многие кредитные и банковские операции со средствами частных лиц, принимали участие в международной торговле и установлении дипломатических контактов, вкладывали средства в строительство общественных сооружений, были приближенными к дому генерал-губернаторов. Так, братьев Яушевых зачастую можно было встретить в резиденции жены генерал-губернатора С.М. Духовского — Варвары Федоровны¹⁰.

⁷ «Правда Востока» 10.02.1999. Поговорим о ...картошке

⁸ ЦГА РУз. ф. 17, доп. 1, д. 9723

⁹ ЦГА РУз. ф. 98, ед. хр. 18; ф. 568, ед. хр. 9

¹⁰ Голендер Б.А. Мои господа Ташкентцы. Т.2007

В самом начале колонизации Туркестана царская администрация признавала, что татары «не только не приносят вреда, но, напротив, зная русские ремесла, служат хорошим проводником знания в среде туземцев, с которыми им пришлось сродниться».¹¹ Но со временем татар стали рассматривать как нежелательный элемент в крае. Сравнительно быстро, вскоре после образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г., К.П. фон Кауфман (первый генерал-губернатор Туркестанского края) во Всеподданнейшем отчете сообщал: «Колонизационный результат татарской эмиграции заключается не в разливе татарской народности по киргизским аулам, не в основании степных поселков... а почти исключительно в торгово-промышленной эксплуатации кочевников, к которой присоединяется религиозно-мусульманская пропаганда... Опасность и опасность серьезная таится в том именно, что зачинающееся религиозное перерождение номадного населения, при распространении в степи мусульманской школы, неизбежно получит общий тип этого верования». Далее фон Кауфман отметил, что признает татарский элемент проповедников «до такой степени вредным во всех случаях, где он сходится с киргизским населением, что предпочитал бы лучше в видах государственной пользы, видеть на их месте самых отъявленных фанатиков Бухары, именуемой здесь матерью Ислама». В архиве хранится Статья 262 «Положения об управлении Туркестанского края» от 1887 г., которая распространялась не только на бухарских евреев, но и на татар, башкир и других мигрантов как на «не христиан» и «иностранцев», не принадлежавших к местному населению. Татары, поселившиеся в крае после прихода сюда русских, как и евреи были лишены права приобретать в Туркестане земли и вообще недвижимость.¹² Со временем ограничения стали ощущать даже те татары, которые поселились в крае до прихода русских.¹³

Особо строго следили за теми татарами, которые занимались мусульманским миссионерством. На многочисленные прошения татар — как личные, так и от татарских обществ Ферганской области (а также Самаркандской, Ташкентской и Сырдарьинской областей), направленные военному министру России, пересмотреть существующее положение хотя бы для тех, кто когда-то «проливал кровь за царя и Отечество», принимая участие в покорении Туркестана, приходил отказ. В ЦГА РУз. хранится множество документов по делам татар начала 20 столетия, касаемых возвращения права собственности. Так, к примеру, только

¹¹ Губаева С. С. Татары в Ферганской долине // Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX вв. Ташкент, 1991. С. 132

¹² ЦГА РУз. ф. 36, оп. 1, д. 4283.

¹³ ЦГА РУз. ф. 17, оп. 1, д. 14997

в селении Ногай-Курган Зангиотинской волости были лишены права собственности, как мусульмане, Салаватулла Шафигулинов, Дин-байдуллаев, Зайнутдин Хасанов, Валибай Садыков, Галимулла Самигуллин и многие другие.¹⁴ Татары, как и евреи, должны были удостоверить свою принадлежность к местному населению, т. е. доказывать, что поселились в крае до прихода русских. За всеми татарами в Туркестане был установлен тайный надзор, а в административных органах областей имелся их полный подворный список¹⁵. Все эти меры, дискриминирующие татар, заставляли и скрываться от переписей или, что было нечасто, называться сартами. В ЦГА хранится очень интересный материал-пример национальной дискриминации, проводимой царским правительством в отношении национальных меньшинств в крае, в том числе и татар, как в случае с братьями Исхаковыми.¹⁶ И все же, несмотря на все запреты, купцы-татары покупали дома и земли на имя подставных лиц, заводили крупные предприятия. Об этом свидетельствуют и результаты полевых исследований, проведенных С.Губаевой в Ферганской долине.¹⁷

Трудно было назвать профессию в тот период, которой бы не овладели местные татары. Судя по Переписи 1868 г., в Ташкенте татары проживали в основном в четырех районах: Бешагачский квартал, Сибзарская часть, Кукчинский и Шайхантахурский районы. Среди основных занятий: плотник, портной, переводчик, ювелир, булочник, конюх, каменщик, содержатель бани, служитель мечети и т.д.¹⁸ Но наиболее заметную группу составили лица, связанные с торговлей. Они были основными скупщиками продукции животноводства.

В ходе торговой деятельности некоторые татарские купцы пропагандировали среди коренного населения панисламистские идеи.

Связано это было с активизацией исламской цивилизации, в частности тюркского мира. На рубеже XIX–XX вв. передовые татарские просветители, педагоги новометодных школ, деятели культуры, печати, литературы и театра, впитавшие в себя передовые достижения восточномусульманской и европейской культур, начинают играть все более и более заметную культурно-просветительскую роль в жизни народов Туркестана¹⁹.

¹⁴ ЦГА РУз ф. 17, оп. 1, д. 10768, с. 6–8

¹⁵ ЦГА РУ, ф. 17, оп. 1, д. 9723; ф. 23, оп. 2, д. 415. л. 18

¹⁶ ЦГА РУз. ф. 17, оп. 1, д. 14997

¹⁷ Губаева С.С. Татары в Ферганской долине // Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX вв. Ташкент, 1991. с. 111

¹⁸ ЦГА Узбекистана ф. 17., оп.1, д. 9723, с. 8–48

¹⁹ Р.Н Шигабдинов. Татары, татарские мечети и медреса в Туркестанском крае в XIX–XX вв. Барнаул 2005.

Татары принимали активное участие в революционном движении народов Средней Азии и Казахстана. В последние десятилетия XIX и в начале XX вв. татары развернули в Туркестане просветительскую работу на языке местного населения, издавали газеты, доставляли полиграфическое оборудование, арабский шрифт, открыли десятки джадидских (светских) школ. Они приходят на смену старометодным мусульманским школам схоластического типа. С первых же дней существования новометодных школ в них вместе с передовыми просветителями местных национальностей активно работают татарские просветители, работающие в Туркестане. Это: Низамитдин Сабитов в Бухаре²⁰, Шакир Мухтари в Фергане, Абдулла Тукмулин в Намангане, Мухтар Бакир в Хиве, Абдулла Беги Мустакаев, Булат Салиев в Ташкенте. Многие из них, Салахутдин Мазитов, Мулла Камор²¹, Сабитов — были взяты под надзор полиции и подвергнуты гонениям. Передовая татарская интеллигенция, несмотря на трудности, открывала в разных городах Туркестана новометодные татарские и узбекские школы и вводила в них обучение на родных языках. Татарский ученый историк Сулейман Рахимов на основе архивных материалов Татарстана приводит интересные фактические данные об этих татарских новометодных школах и их преподавателях, действовавших в различных городах Туркестана.

Большой интерес представляет статья Абдурауфа Музаффера «Мархум Марджаний» («Покойный. Марджани»), опубликованная в газете «Садойи Туркистон» в связи со столетием со дня рождения великого татарского мыслителя Шигабеддина Марджани. В ней соединены воспоминания о годах учебы Марджани в Бухаре, его реформаторских инициативах в отношении бухарских и российских медресе с вопросами современного реформаторского движения в области мусульманских школ и медресе, культуры в Туркестане.²² В честь заслуг Марджани была открыта национальная школа его имени с богатейшей мусульманской библиотекой.²³

С 14 июня 1906 г. в Ташкенте начинает выходить газета «Тараккий» (Прогресс) под редакцией представителя передовой татарской интеллигенции Средней Азии Исмаила Габитова. Эта газета становится самой любимой в среде узбекских джадидов. Она выходит два раза в неделю. Через свою газету И. Габитов вел борьбу с фанатичным ду-

²⁰ ЦГА РУз. ф. 461. оп. 1. д. 1919

²¹ ЦГА РУз. ф. 461, оп. 1. д. 1312.

²² Турдиев Ш. Среднеазиатские татары: роль и значения в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. с. 172–173.

²³ ЦГА Узбекистана ф. 34., оп. 1, д. 348, с. 40

ховенством Туркестана, разоблачал его невежество и косность, а также критиковал государственное управление в крае. Начиная с первого номера, он борется против национализма, бюрократии и аппарата чиновников царизма — душителей свободы и демократии. Вот что, например, говорилось в одном из номеров газеты об этой острой проблеме: «Когда народ только стал задумываться, мы же, ведя борьбу за свою свободу, уже освобождены от гнета и насилия. В Казани уже грабят евреев, в Баку, Тифлисе мусульмане убивают армян. Мусульмане Туркестана стоят перед начальником, приставом в крае в униженном, подавленном состоянии, как будто они отчуждены от свободы. Этот вид их похож на замазанное черными пятнами лицо». Продолжая борьбу против национализма, газета помещает статью под названием «Ташкент», 12 августа, где сказано следующее: «Газета направляет свою борьбу против разжигания всяких межнациональных трений, раздувания чисто национальных признаков, когда указывают пальцем, что ты, мол, русский, ты — казах, ты — татарин, ты — сарт, ты — еврей». Естественно, что за такие грехи после выхода второго номера, издание было приостановлено государственной администрацией в Туркестане.

Первые узбекские печатные книги были напечатаны в типографии Казанского университета. Первые типографии в Ташкенте и Хиве под названием «Михбосма» также были привезены из Казани Шахигиреем Биккуловым. Во многих типографиях наборщиками и книгопечатниками работали татары. Ими же были созданы и первые общественные читальни. Ряд представителей узбекской интеллигенции учился в казанском медресе «Мухаммадия», уфимском «Талия», оренбургском «Хусаиния». Изгнанная бухарским эмиром узбекская интеллигенция спокойно проживала в Казани²⁴

Плодотворным было влияние татарской интеллигенции на развитие образования, литературы, изобразительного искусства и театрального дела Туркестана. По воспоминаниям любителя театра Мухаммада Парсина, в Ташкенте 4 апреля 1905 г. была осуществлена постановка одного из первых спектаклей местных татарских любителей театра. Руководил постановкой полковник Абубакир Диваев, и проходила она в доме одной аристократической семьи.

В Туркестане были широко распространены литографированные издания просветительской и религиозной направленности из Уфы. Первый календарный справочник на узбекском языке составил Шахмардан Ибрагимов.²⁵

²⁴ www.tatar.info.

²⁵ Этнический атлас Узбекистана. Т., Институт. «Открытое общество» 2002 с.204

Сближению татар с народами Средней Азии и Казахстана способствовала принадлежность к общей конфессии, а также смешанные браки, совместное проживание.

Народная татарская культура оказала определенное воздействие на быт, традиционную одежду, обувь, пищу коренного населения региона. Так, например, в самом конце XIX — начале XX в. женское население Ташкента и Самарканда носило оригинальные серьги, заимствованные, по мнению этнографа О.А. Сухаревой, от татар.²⁶

Отдельно хочется остановиться на событиях периода восстания 1916 г. и провозглашения Туркестанской Автономии в Средней Азии. Татары сыграли довольно большую роль в этих событиях. В этот период некоторые передовые татары в Туркестане отходят от культурно-просветительской работы. Они переключают свою активную деятельность в область борьбы за создание национально-освободительного движения, за достижение Туркестаном независимости. Здесь они солидаризируются с местными прогрессивными деятелями культуры и политиками Мунавваром Кари Абдурашидовым, Убайдуллой Ходжаевым, М. Бехбуди, М. Чокаевым, А. Авляни, Фитратом, Хамзой и другими. В это же время некоторые татарские газеты, как, например, «Вақыт» в Оренбурге даже начинают публиковать корреспонденции и статьи о событиях в Туркестане.²⁷

В те годы вместе с узбекскими, казахскими лидерами татарская и башкирская интеллигенция вела борьбу за свободу Туркестана от ига оккупации большевиков. Особенно большое значение имела подпольная политико-идеологическая и организационная работа З. Валиди по сплочению борцов за свободу в крае. Об этой заслуге З. Валиди пишет башкирский ученый-историк Амир Юлдашбаев: «Прибыв в Туркестан, З.Валидов приложил максимум усилий для создания организационного, политического, идеологического центра для всего национально-освободительного движения в Туркестане, который был бы в состоянии координировать усилия всех патриотов тюркских народов, а также таджиков как сотрудничающих с большевиками, так и находящихся к ним в пассивной или активной оппозиции. Таким центром, по замыслу З. Валидова, должна была стать организация «Туркестанское национальное единство». Сам Валидов был избран ее председателем. Кроме того, он уделял большое внимание созданию

²⁶ Сухарева О. А. Бухара XIX — начало XX вв. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966

²⁷ Турдиев Ш. Среднеазиатские татары: роль и значения в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997.с176

двухпартийной системы в Туркестане. Одна из партий была призвана объединять джадидистов, т.е. либерально-демократически настроенных реформистов, далеких от социалистических идей, другая — лево-социалистического толка, не признающая крайностей большевиков ни в политических, ни в экономических вопросах и в особенности в сфере национальной политики.

Передовые татарские интеллигенты, окончившие медресе «Галлия», — Бурхан Хабиб, Шакирджан Ибрагимов, после февральской революции 1917 г. активно занимались преподавательской и воспитательной работой в новометодных узбекских и татарских школах и педагогических учреждениях Ташкента и в городах Туркестана. После изгнания из сферы туркестанского просвещения миссионера Остроумова, ташкентские татары открыли в городе учебное заведение «Дорил муаллимин» для подготовки педагогических кадров более высокой категории из татарской и узбекской молодежи. Руководил этим заведением образованный и известный преподаватель из медресе «Галлия» Бурхан Хабиб. С радостью сообщая эту новость, узбекский журналист Мирмухсин Шермухамедов считает, что это заведение «является гордостью Туркестана. Кроме того, оно является не только татарской, но и общемусульманской научной колыбелью».

Вместе с тем вся эта деятельность протекала в далеко не простых условиях и встречала множество препятствий. С одной стороны, было сопротивление царской администрации, имевшей в Туркестане немало тайных агентов. С другой, просветительская деятельность, реформы в области образования, любые изменения в мусульманских школах и медресе, развитие печати и национальной литературы — все это встречало яростное противодействие со стороны местного фанатично-мусульманского духовенства.

Ряд татарских прогрессивных педагогов, работавших в те годы в узбекских и татарских новометодных школах, Салахутдин Мазитов²⁸ в Коканде, Мулла Камор²⁹ и Низамутдин Сабитов³⁰ в Бухаре — были взяты под надзор полиций и подвергнуты гонениям. Царской администрацией за пределы края были выдворены татарские режиссеры, деятели культуры Заки Баязидский и Муетафа Мансуров, работавшие в 1914–1915 гг. в туркестанской театральной труппе «Туран» в Ташкенте.

Большое беспокойство после революций 1905 г. у царского охранного отделения вызвало прогрессивное влияние в Туркестане татарского просвещения.

²⁸ ЦГА Узбекистана, ф. 461, оп.1, д. 1312, л. 365

²⁹ Там же, д. 1312, л. 495

³⁰ Там же, д. 1919, с. 2806

Крупной фигурой в этот период в регионе был репрессированный в 1937 г. профессор Пулат Салиев (1882–1938). В 1920 г. в Ташкенте, в разгар классовых битв, Булат Салиев опубликовал книгу «Индия под игом Англии», где впервые в Средней Азии поднял вопрос о национально-освободительной борьбе. В этой книге почти без труда просматривались параллели со среднеазиатской историей... Кроме этого Пулат Салиев являлся председателем научного совета народного назирата просвещения Бухарской Народной Советской республики. Значительную часть своей жизни посвятил преподаванию. Читал лекции в русско-татарском училище, Народном Университете, занимался организацией курсов по подготовке учителей для сельских школ, долгое время являлся членом редколлегии журнала «Тонг» («Рассвет»).31

Еще одна крупная фигура этого времени — профессор Габдрахман Сагди (1889–1956). Он создает учебно-методические пособия по литературе, языку и педагогике для новых узбекских и татарских школ и педагогических учебных заведений, активно выступает в области литературной критики, проводит исследования по литературному и культурному наследию народов Средней Азии. Среди учебных пособий, созданных им в эти годы, особой популярностью пользовалась книга «Амалий хам назарий адабиет дарслари» («Практические и теоретические уроки по литературе»). В этом пособии Габ-дурахман Сагди впервые в Средней Азии дает основные понятия по теории литературы в облегченной форме на материале классической и современной литературы Туркестана, Закавказья и Турции, России и Западной Европы. Большое внимание он обращает на произведения Навои, Бабура, Фузули, Абая, Магжана Джумабая, Фикрета, Г. Тукая, Ф. Амирхана, А. Кадыри, Чулпана, Фитрата, А.С. Пушкина, В. Шекспира, Гете и других. Габдрахман Сагди показал актуальность изучения узбекской, казахской литературы в общем контексте тюркоязычных литератур и в процессе развития мировой литературы.

В одно время с Булатом Салиевым, Габдрахманом Сагди, Зарифом Баширом появляются в узбекской печати и литературе со своими рассказами, публицистическими и критическими статьями В. Аллам, И. Тахири, И. Габидов, Мухтар Бакир, Субай Махмуд, А. Беги (Мустакаев), М. Будаيلي, Кабир Бакир, Нигмат Хаким, Мухаммад Хасан, Сирожий и ряд других татарских журналистов и педагогов, работавших в Ташкенте, Бухаре, Самарканде. В публикациях этих авторов рассказывается о предках современных татар, приехавших очень давно в Туркестан, их роли и значении в культурно-просветительской жизни

³¹ Германов В.А. Профессор Пулат Салиев и его время. Т. 2002, с. 10

народов Туркестана в XIX и начале XX в., о положении мусульманской печати Туркестана и путях ее развития; освещаются татарские театральные представления и концерты, юбилейные вечера выдающихся татарских поэтов (например, Габдуллы Тукая), поднимаются проблемы школьных словарей и книг для чтения на родном языке, созданных за последние годы, описываются некоторые священные татарские места в Ташкенте, высмеиваются отдельные стороны жизни людей, потребляющих кукнар (опиум) в Бухаре и т. п.

Говоря о роли и значении татар в культурно-политической жизни Туркестана в этот период, необходимо особо отметить важную заслугу в этом татарских женщин-просветительниц. Это: Саодадханум Еникеева, Захида Бурнашева (псевдоним «Иффат туташ»), Анвара Яушева, Фатима Муртазина, Гавхара Алиева, Зухра Бекбулатова, и многие другие. Например, Саодатханум Еникеева (1873–1950), окончившая еще до революции женский институт просвещения в Петербурге, занималась культурно-просветительской работой среди туркестанских женщин. В начале 20-х годов она стала директором женской школы-интерната имени Зебунисо в Ташкенте. Впоследствии это заведение стало одним из первых центров по подготовке местных узбекских женских кадров в области просвещения, культуры, литературы, печати, театра. Из него вышли Назира Алиева, Шохида Махсумова, Хосият Тилпаханова, Робш Ноеирова, Сара Ишонтураева и многие другие.

В годы Второй мировой войны татары плечом к плечу с другими народами встали на защиту страны от агрессии. Восемнадцать героев и пять кавалеров ордена «Слава» были татарами-узбекистанцами, воевавшими с фашистами. Тысячи татар-фронтовиков и тружеников тыла были награждены орденами и медалями. Среди них Аюб Халидович Абубакиров. В мае 1942 года воинская часть, в которой воевал Абубакиров в Крыму, попала в окружение и ему, как и другим воинам пришлось перенести тяготы фашистского плена. В мае 1943 года немцы пытались сколотить из пленных национальный батальон в городе Седлец, куда привлекли и Абубакирова. Однако, 30 сентября 1943 года ему удалось бежать. Схожа судьба и еще одного татарина Хафиза Фазиловича Фатклиева. Некоторое время он находился в Варшаве, затем был переведен в г. Псков. Испытав все ужасы плена, 28 сентября 1943 года бежал. 25 февраля Фатклиев был убит, похоронен в деревне Борашково Порховского района Новгородской области. Прославился и командир Ахмед Нурмухамедович Сиддиков. Действуя со взводом в районе станции Пола засадами и минированием, он нарушал движение по коммуникациям врага и обеспечивал наступления 180 стрелковой дивизии. Под его ко-

мандованием уничтожено множество танков, автомашин, подорвано 15 линий связи, разрушены мосты.³²

В германских концлагерях в подпольной группе известного героя Мусы Джалиля были верные его соратники из Узбекистана — Фуат Сайфульмулюков из Самарканда, Гариф Шабаев из Ташкента, Гали Курбанов, Фарит Султанбеков, Гариф Фахрутдинов, Рушад Хисамутдинов. Отличился и Закир Хашимов из Андижана, Фарит Султанбеков, Исмоил Сулейманов, Рузи Рахматов из Ташкентской области, Рашид Исмоилов, Казим Гирманов из Бухары.

Следует также отметить, что две женщины татарки Ольга Санфилова и Мангуба Саттарова получили звание Героя Советского Союза.

К окончанию Второй Мировой Войны на территории Узбекистана сложилась татарская интеллигенция. Процент татар, получивших высшее образование, был высок и соответствовал уровню русского и др. европейского населения. Во время советской власти татары прочно вошли во все отрасли деятельности Узбекистана. Назовем только несколько имен: академик, доктор архитектуры М. Булатов, архитектор Х. Мухамедшин; художник-монументалист Ч. Ахмаров, доктор искусствоведения Р. Такташ, народная артистка СССР балета Г. Измайлова, исполнитель народных песен В. Ахмадеев, доктора исторических наук — Р.Г. Мукминова, Р.Н. Нурулин, А.Ю. Ибрагимова, доктор филологических наук С.Х. Файзулина, кандидат филологических наук М.К. Мирхайдарова, писатели — Я. Ильясов и А. Мухтар, режиссер художественного кино Р. Батыров, киноматюрг А. Агишев, композитор Р. Вильданов, востоковеды-филологи — Э.Н. Наджип, А.И. Агеев, юристы — академик Ш.З. Уразаев, Ф. Х. Бакиров, экономист А. Х. Бурнашев, доктор геологических наук Р.Г. Юсупов, одна из первых врачей-гинекологов в Туркестане А. Батыршина, доктор медицинских наук З.Х. Рахматуллин, врач Х. Янбаева и мн. др.³³

На рубеже 80–90-х годов XX века в Узбекистане были созданы Татарский общественный культурно-просветительский центр (в Ташкенте), татарские национально-культурные объединения в Алмалыке, Бухаре, Самарканде, Карши, Навои, Зеравшане, Янгиюле, Гулистане, Ургенче и других городах. ТОКПЦ организует и проводит основные национальные и республиканские праздники: «Сабантуй» (июнь), праздник «Навруз» (март), День памяти и почестей (май), Дни Республики Татарстан, Дни Независимости Республики Узбекистан — Мустакиллик байрами (сентябрь), Дни Конституции Республики Узбекистан (декабрь). Традиционно празднуются дни знаменитых татарских поэтов А. Тукая и М. Джалиля.

³² Т.Д. Джураев *Узбекистанцы участники партизанской войны* Т. Узб-н. 1975. С. 21–22

³³ Этнический атлас Узбекистана. Т., Институт. «Открытое общество». 2002. с.206

Проведенные в 20–30-х годах реформы письменности татарского народа, переход сначала с арабского алфавита на латинский, а затем на русский привели к разрыву исторических корней, новые поколения не могли обращаться к письменным источникам прошлого.

Возродить татарский язык и культуру было нелегко. И за эту трудную, но благородную миссию взялся Татарский общественный культурно-просветительный центр (ТОКПЦ). В соответствии с приказом министра народного образования Узбекистана, изданного в августе 1989 г., в школах при наличии 10 и более татарских школьников создаются факультативные классы. В начале 90-х были организованы курсы по изучению родного языка на базе новой и старой графики также факультативы изучения родного языка в 12 школах, функционировали две группы в детском саду с воспитанием на родном языке.³⁴ В 2000 г. Председатель ТОКПЦ сделал запрос в Государственный департамент статистики Узбекистана о количестве средних общеобразовательных школ с обучением на татарском языке, а также детских дошкольных учреждений с ведением воспитательной работы на татарском языке. Как выяснилось, таких заведений на тот момент в стране не было. Сегодня татарский общественный культурно-просветительный центр помогает молодым людям получить высшее образование в ВУЗах Татарстана, организывает курсы по изучению татарского языка (в Ташкенте их три). Действует дискуссионный клуб, который занимается организацией лекций и информационных материалов по отдельным темам истории, искусству, поэзии, социальным вопросам. Из культурных событий можно выделить создание татарской редакции телерадиокомпании Узбекистана, татаро-башкирского фольклорного ансамбля «Яшьлек», татарского эстрадного театра «Дуслык», самодеятельных ансамблей «Якташ», «Лэйсән», «Безнең мирас» (Ташкент), татаро-башкирского фольклорного ансамбля «Шатлык» (Самарканд), «Лэйсән» (Алмалык). В 1990 г. в составе Узбекконцерта сформировался татарский эстрадный ансамбль «Курай», а в 1991 г. — фольклорный ансамбль «Татарстан». Состоялась премьера спектакля «Галиябану» татарского театра-студии, действующего при клубе Ташкентского тракторного завода. Организована детская художественная самодеятельность во Дворце культуры ТАПОиЧ.³⁵ Одна из центральных улиц города Ташкента названа в честь выдающегося татарского поэта Габдуллы Тукая, другая — в честь Мусы Джалиля.

³⁴ «Правда Востока». 2 апреля 1991 г. Татары в Узбекистане

³⁵ Гитлин С.И., Расулов К.Р. Равноправие всех народов — условие построения нового Союза (из опыта работы культурных национальных центров и обществ г. Ташкента). // Земля у нас одна. Под ред. Айдаркулова А.А. Ташкент 1991. с. 84–85

С большим успехом проводятся праздники «Сабантуй в парках г. Ташкента — имени Гафура Гуляма и имени Бобура, праздники татарской национальной кухни «Губадля», на которых выступают самодельные концертные коллективы «Сабантуй», «Яшьлск», «Дустлык», «Дулкын» и др., праздники «Родного языка, народных напевов», на которые приглашаются певцы, танцоры, музыканты из других городов республики. Организуются праздники татарской песни, музыки и танца, регулярно проводятся (один раз в месяц) вечера отдыха «Танышу» («Знакомство»). Интересны творческие встречи и концерты с профессиональными артистами и коллективами из Татарстана, со знаменитыми писателями и поэтами Татарстана и Узбекистана.

Большую роль в налаживании связей с исторической Родиной играет Постоянное Представительство Татарстана в Узбекистане, и в частности, Наиля Галимовна Шарифкулова, занимающаяся вопросами культуры

Литература

1. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI в: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т. 1997
2. Абдурахмонов М. Научная деятельность А.З. Валидова в Туркестане. Т. 2004
3. Ага-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. «Межнациональная толерантность в Узбекистане. История и современность. Т. 2004
4. Германов В.А. Профессор Пулат Салиев и его время. Т. 2002
5. Гитлин С.И., Расулов К.Р. Равноправие всех народов — условие построения нового Союза (из опыта работы культурных национальных центров и обществ г. Ташкента. // Земля у нас одна под ред. Айдаркулова А.А. Ташкент 1991
6. Голендер Б.А. Мои господа Ташкентцы. Т. 2007
7. Губаева С.С. Татары в Ферганской долине // Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX вв. Ташкент, 1991.
8. Сухарева О. А. Бухара XIX — начало XX вв. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966.
9. Турдиев Ш. Среднеазиатские татары: роль и значения в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997
10. Шигабдинов. Р.Н Татары, татарские мечети и медреса в Туркестанском крае в XIX–XX вв. Барнаул. 2005.
11. Этнический атлас Узбекистана. Т., Институт «Открытое общество». 2002.

Слово о слове (филология и лингвистика)

З.И. Исмаилова (Россия)

Арабский язык и его влияние на развитие аварского литературного языка

Аварцы (самоназвание ма'арулал) являются одним из древнейших и наиболее многочисленных народов Дагестана. Аварский язык представляет собой ответвление аваро-андо-цезской подгруппы нахско-дагестанской (восточно-кавказской) языковой семьи. Современная территория распространения аваро-андо-цезских языков охватывает Ахвахский, Ботлихский, Гергебильский, Гумбетовский, Гунибский, Казбековский, Тляратинский, Унцукульский, Хунзахский, Цумадинский, Цунтинский, Чародинский и Шамилевский районы Дагестана.

Аварский язык является языком делопроизводства, официальной переписки и судопроизводства, газет, радио, театра, эстрады. В местах компактного проживания аврязычного населения на нем проводятся собрания, культурно-просветительские и иные мероприятия. Вместе с тем аварский язык выполняет также важнейшую роль и в международном общении.

В работе известного русского академика Иоганна Антона Гильденштедта (1745–1781) «Путешествие по России и горному Кавказу» зафиксирован самый ранний лексический материал аварского языка, изданный 1791 г. И.А. Гильденштедт отмечает: «Аварский язык, который грузины называют мацгаларо (т.е. «не знаю [ваш] язык», не понимаю), не только полностью отличен от всех, какие только известны, но в разных округах на нем говорят на очень отличающихся наречиях, которых я нашел восемь, и по родству или, скорее, однообразию одного и того же наречия, которое доказывает одинаковое происхождение толп народов, говорящих на нем»¹.

¹ См.: Атаев Б. М. Аварцы: язык, история, письменность. Махачкала. 2005. С. 48–49.

Следует отметить, что особенности исторического развития и природно-географических условий способствовали образованию и сохранению в Дагестане большого этнического и языкового разнообразия. Эта поразительная этническая мозаичность послужила основанием еще для античных авторов, а затем для средневековых арабских и персидских географов, историков и путешественников, чтобы назвать Дагестан не только «страной гор», но и «горой языков»².

Арабский историк и путешественник X века Масуди отмечал: «Гора Кавказа — гора языков». И сегодня, как и десять веков назад, более половины из представленных на Кавказе языков приходится на Дагестан.

Проследивая ход средневековой и новой истории Дагестана, приходишь к выводу о том, что арабский язык сыграл огромную роль не только в развитии науки и культуры, но и в быту.

По словам академика И.Ю. Крачковского, именно Дагестан являлся основным распространителем арабского языка за пределы арабских стран, в свою очередь арабский язык способствовал проникновению в Дагестан богатой восточной словесности и этической мысли³.

Необходимо отметить, что арабский язык оказывал значительное влияние на все дагестанские языки, в том числе и на аварский. Общеизвестно, что первые контакты дагестанских народов с арабами восходят к VII веку н.э. — времени первых завоевательных походов арабов на Дагестан. Однако интенсивными контакты дагестанских языков с арабским становятся лишь с X века — периода исламизации горцев. Религиозная практика имеет определенную сферу влияния. Эта сфера — область культа. Поэтому культовые вещи и понятия обозначались в большинстве случаев исключительно арабским языком. Но он являлся не только языком культа, но и официальным канцелярско-деловым языком. Арабский язык также стал обслуживать и другие стороны общественно-экономической и бытовой жизни. На арабском языке стали оформляться документы, в которых непосредственно затрагивались вопросы, касающиеся жизненных интересов широких слоев населения. Многие же термины из официально-канцелярского и социально-делового языка закрепились с течением времени в сознании говорящих в обиходный язык.

Однако нельзя не отметить, что большое влияние на аварский язык, оказал также литературный классический арабский язык (Al-

² Магомедов А.А. Дагестан и дагестанцы в мире. Махачкала, 1994. С. 15.

³ Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные сочинения. Т. 6. М.-Л., 1960. С. 609–610.

luġatu-l-arabiyatu-l-fuṣṣhā), на котором с примесью мекканского говора написана книга мусульман Коран.

Академик И.Ю. Крачковский, отмечая роль арабского языка в общественной жизни Дагестана, писал: «В течение нескольких веков на Северном Кавказе арабский язык был единственным языком не только науки но и деловых отношений»⁴.

В XIV–XV вв. в аварских районах были ученые, которые являлись авторами-составителями трактатов по мусульманскому праву (араб. al-fiqh — законоведение), хадисоведению и грамматике арабского языка или комментариев к ним. Среди них шейх Асильдер из Аркаса (XIV в.), Дарвиш Имададин из Тануси (XV в.), Адам бен Кирхаиб из Хунзаха (XV в.), Алимирза из Анди (XV в.). Таким образом, в XV–XVII вв. в Дагестане, в том числе Аварии, намечается своеобразный ренессанс средневековой классической арабо-мусульманской культуры, то есть возрождение ее на иной социально-экономической, этнической и культурно-идеологической почве. Важно заметить, что среди главных деятелей возрождения были аварцы, в частности, Мухаммед из Кудутля, Гаиб из Харахи, Абубакр из Аймаки и мн. другие. Многие дагестанцы именно через знание арабского языка получили возможность приобщиться к арабо-мусульманской культуре и к достижениям философии, медицины, других точных и естественных наук. В XV–XIX вв. в Аварии возникли крупные для того времени центры арабо-мусульманской науки и культуры, в их числе: Кудутль, Согратль, Хунзах, Чох, Тидиб, Кахиб и многие другие села, которые сыграли большую роль в распространении просвещения и научной мысли в Дагестане. Здесь учились и совершенствовались свои знания не только аварцы, но и другие представители других народов Дагестана. Очевидно, что влияние арабского языка на культурную и научную жизнь общества было настолько сильным, что в дальнейшем большинство ученых-энциклопедистов, исламоведов, юристов, историков, литературоведов и представителей других гуманитарных наук писали свои произведения только на арабском языке. Надо отметить, что труды дагестанских ученых, написанные на арабском языке, получили известность среди ученых мусульманского мира. Дагестанцами на арабском языке была создана не только духовная, но и богатая светская литература. В Дагестане чувствовалась большая тяга к изучению арабского языка. С окончательным утверждением ислама в Аварии начинается широкое освоение культуры мусульманского Востока, налаживаются контакты между местными учеными и крупными исламскими просветителями, появляется множество

⁴ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями // Избранные сочинения. М.–Л.: Издательство АН ССР. Т.1. , 1965. С. 119–122.

арабских рукописных книг, открываются первые религиозные школы при мечетях и медресе, в которых обучали Корану, арабскому языку и письменности, а также готовили местных алимов⁵. В процессе распространения ислама и в дальнейшем во многих населенных пунктах открывались мечети, а также, по выражению П. К. Услара, «устройстваемые без хлопот административных, сами собою, также легко, как баня или мельница», мусульманские школы (мектебе и медресе) в которых обучалось большое количество местного населения.

Необходимо также отметить, что вместе с мусульманской религией арабская письменность как ее составляющая получает среди населения Дагестана довольно широкое распространение. Самым древним из ныне известных текстов, написанных по-аварски арабским шрифтом, по мнению некоторых исследователей, является так называемая «кородинская надпись». Она была обнаружена в 1977 году в селении Корода Гунибского района Т. Айтберовым и А. Ивановым. Двухязычная надпись выцарапана на каменной плите, вложенной в стену местной мечети. Первая строка надписи написана по-арабски, а последующие три — по-аварски, почерком «наسخ» с элементами «куфи». Надпись эта не датирована, но палеографический анализ и сведения письменных источников позволяют автору «точно установить время ее написания: «... Кородинская надпись была выцарапана не раньше XII и даже XIII вв. Что же касается верхней даты, то она соответствует XIV в.»⁶.

Между тем, в северном Дагестане развитие арабской эпиграфики совсем не обязательно следовало тому же пути, что и на юге края. Кроме того, особенности, характерные для раннесредневековых надписей юга Дагестана, на севере и, особенно на северо-западе Дагестана могли сохраняться гораздо дольше — до XVIII–XIX вв. По определению известного знатока дагестанской арабоязычной литературы М.-С.Д. Саидова (1902–1985), «самые ранние записи аварских слов арабскими буквами мы встречаем в завещании аварского феодала Андуника, сына Ибрагима, своему племяннику и наследнику Булач-Нуцалу, написанном известным ученым из Анди в 1485 г. Завещание написано на арабском языке, содержит 16 аварских слов. Это самый ранний датированный письменный исторический текст, где упоминается нынешнее название «страны гор» — Дагестан. Анализируя этот письменный памятник, М.-С.Д. Саидов отмечает, что автор записал все шестнадцать аварских слов, не выходя за рамки арабского алфавита. Для обозначения аварских звуков, которых нет в арабском языке, он обошелся буквами, «близкими по произношению к аварским», т.е. не применяя каких-

5 Алим — от арабского عالم [ʿālim] — «ученый».

6 Айтберов Т.М. Аваро-арабская надпись из сел. Корода (13–14 вв.), М., 1985. С. 81.

либо дополнительных надстрочных или подстрочных знаков. «Это, собственно, было начальной попыткой писать по-аварски. Если бы за этой попыткой не последовала целая серия таких же, а позже не возникла бы и система письма на аварском языке на основе арабской графики, мы не в праве были бы указать на вышеназванные записи, как на начало возникновения у аварцев письменности»⁷. До нас дошли многочисленные памятники аварской письменности, выполненные арабской графикой. Ярким тому примером являются надписи, исполненные на полях арабских книг рукою известного арабиста Тайгиба, сына Омара из Харахи (1563–1668). «Он известен в арабистике Дагестана, как автор многочисленных толкований и комментариев к арабским грамматическим текстам, к трактатам по логике, диалектике и т.д.»⁸. Приведем образцы слов и выражений, записанных рукою Тайгиба из Харахи (рис. 1).

К концу XVII вв. письменность на аварском языке, выполненная с помощью знаков арабского алфавита, получила уже довольно широкое распространение. Например, в эти годы было записано много глоссариев на аварском языке известным ученым-арабистом Шабаном, сыном Исмаила из Обода (1608–1668). После возвращения из стран мусульманского Востока в 1639 г., где он учился долгие годы, Шабан из Обода организовал первую в Аварии арабскую школу. Следует полагать, что и его ученики, и последователи также пользовались арабским алфавитом для своих записей на аварском языке, как и их учитель. Довольно интересным представляется стиль обращения к Шабану одного из жителей Аварского нуцальства, в котором тот назван «лучшим из лучших, благочестивейшим из благочестивых, самым умным, учителем разумных и передаваемых наук, погрузившимся в арабский и персидский языки, знатоком обычного и шариатского права, кадием кадиев Дагестана, тем, кто возле султана, как звезда возле луны»⁹.

Вместе с тем, важно отметить, что одним из основоположников науки и литературы не только аварцев, но всего Дагестана по праву считается Мусалав Мухаммед из Кудутля (1651–1716). Получивший энциклопедические знания, он хорошо разбирался во многих областях науки. К нему приезжали учиться не только со всего Дагестана и Кавказа, но и даже из далекого Поволжья. В последние годы жизни Мухаммед жил в Сирии, в городе Алеппо (Халеб), где занимался преподавательской де-

⁷ Саидов М.-С.Д. Возникновение письменности у аварцев. Махачкала, 1976. С. 124.

⁸ Саидов М.-С.Д. Возникновение письменности у аварцев. // Языки Дагестана. Труды ин-та истории, языка и литературы Дагестана АН СССР. Махачкала, 1948. 1 вып. С. 138.

⁹ Айтберов Т.М., Абдулкеримов М.О. О древних записях на аварском языке // Литературный Дагестан. 1990. № 4. С. 123–124. (На авар. яз).

тельностью. «В Дагестане мы сталкиваемся с фактом столь широкого распространения арабского языка, какого по замечанию выдающегося ориенталиста академика В.В. Бартольда, не встречалось ни в какой другой стране из числа тех, где арабский язык не является родным.

Выдающийся востоковед акад. И.Ю. Крачковский (1883–1951) так отзывался о Мухаммаде из Кудутля «Так дагестанцы и за пределами своей родины, всюду, куда их закидывала судьба, оказывались обще-

بَيِّبْخُلَا دِيپَا	байбихула дипа	«я начинаю»
بَوَكْزَارَاب	бокьзараб	«любимое»
عَنْ طَمِيم	гинтпиме	«слушай»
وَرَنْدَلْ قَيْل	варандул кьили	«верблюжье седло» (горб)
بِيْجَرَاب	бицараб	«проданное»
طَاجُ	т'аажу	«брюки»
مُجَارِي	мучари	«тмин»
كَبْرَابْغِي	квирбавги	«помощь»
مَنْصَر	мънса	«оттуда»
قَرِيْلْ رُشْب	кьариял ручаби	«тучные женщины»
دِدْ بُلْغِ دِرْشَكْل	луде буго дир хьул	«на тебя моя надежда»
لُرْغْوَاچْ خِيْنِچِ	лургвач хинчи	«весенняя птица»
نُورْدِيْخِيْنِچِ	нурдихинчи	«галка»
تُوبَايْدَاخ	тубайдах	«хулак»
شِيْنِكْل	шинкля	«копыто»
رِغْلْ	регль	«палка, кнут»
مِچْ	мече бече	«теленок»
بِيْجَرَابْ وَرَنْدَلْ	б'ац'араб варани «верблюжья телка», т. е. верблюжонок	
بِيْجْ سَخِي	вич-х'ац	«срам-стыд»

Рис. 1

признанными авторитетами для представителей всего мусульманского мира в целом». С именем Мухаммеда из Кудутля связано применение особого приема письма, который впоследствии оформился в арабской письменности Кавказа в стройную систему особых подстрочных и надстрочных знаков, облегчавшую понимание арабских синтаксических конструкций.

Следует подчеркнуть, что проникновению арабизмов в дагестанские языки способствовало, по-видимому, и арабское (аджамское) письмо, приспособленное к фонетической системе дагестанских языков. Так, дагестанцы, создав на основе арабской графики свой алфавит, начали переводить с арабского языка произведения арабских авторов на языки народов Дагестана. Усовершенствование так называемой «аджамской письменности» для аварского языка связывается с именем признанного знатока многих восточных и местных языков, автора большого количества трудов по разным отраслям науки — Мухаммад-Шафи, или, как его называли чаще, — Дибир-Кади из Хунзаха (1742–1817). Возможно, его же перу принадлежит и не дошедший до нас перевод на аварский язык замечательного памятника Востока, шедевра средневековой литературы — поэмы «Калила и Димна», а также нескольких персидских стихотворений. Перевод «Калилы и Димны» был первым прозаическим произведением в истории аварской литературы и одним из первых образцов вообще письменной литературы аварцев. Такие переводы, несомненно, вносили огромный вклад, в словарное обогащение аварского языка. Работая над системой аварской графики, Дибир-Кади вначале использовал консонантные графемы для обозначения гласных (это делается для обозначения долготы гласных в арабском письме), однако затем отказался от этого в пользу надстрочных и подстрочных знаков (по образцу Корана) для обозначения трех гласных — а, и, у. Дибир-Кади использовал для выражения фонетических особенностей аварского языка диакритические знаки и ташидиды, добавляемые к арабским буквам, и таким образом разработал самостоятельный алфавит аварского языка, состоящий из 38 букв. Система, которую разработал Дибир-Кади, использовалась вплоть до 1928 г. (рис. 2).

Тенденция к усилению роли родного языка имела место и в период движения мюридизма, когда арабский язык использовался в административном делопроизводстве имамата, официальной и дипломатической переписке. Имам Шамиль при этом проявлял некоторый интерес к аварскому языку и аварской письменности. Так, кроме создания специальной комиссии для усовершенствования аджамского алфавита, Шамилю был предоставлен перевод двух сур Корана на аварский,

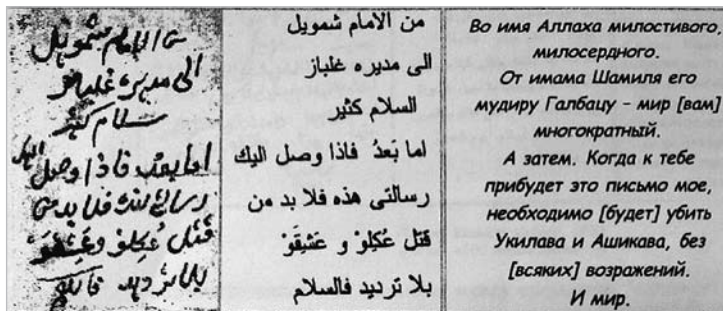

Рис. 4. Письмо Шамиля Мудир Галбау, 1845 (по кн. «100 писем Шамиля»)

выполненный в виде опыта Гаджи-Али из Чоха (1817–1878) по просьбе сына Шамиля — Джамалутдина (рис. 3).

Интересным является тот факт, что в частных библиотеках и библиотеках сельских мечетей хранились десятки тысяч мусульманских рукописей. Крупнейшие собрания находились в аварских селениях Аракани, Аргвани, Батлаич, Гента, Гоцатль, Гуниб, Кахиб, Кикун, Мачада, Мехельта, Могох, Обода, Салта, Согратль, Телетль, Тидиб, Урада, Хунзах, Шангода. Эти селения традиционно играли роль настоящих исламских университетов Западного Дагестана¹⁰. В Дагестане рукописи, выполненные арабицей, традиционно требовали почтительного и уважительного отношения. Дагестанцы часто заказывали профессиональным катибам¹¹ переписку какого-либо произведения или же Корана. Горцы почитали за счастье достать себе Коран, написанный красивым почерком. Более того, любая книга, которая попадала в дом горца, становилась священной реликвией, передавалась из поколения в поколение и хранилась на самом почетном месте в горской сакле.

Формирование аджамской системы письма способствовало появлению в конце XIX — начале XX вв. значительного количества произведений на языках народов Дагестана. Это произведения довольно большого объема и различных жанров, написанные дагестанскими авторами или переведенные на дагестанские языки. Первый аварский печатный текст на аджаме, представлявший собой собрание проповедей «Ми'раджийа» (Вознесение)¹², был издан в 1884 г. в Адрианополе

¹⁰ Шихсаидов А.Р. Книжные коллекции Дагестана // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 199. С. 1, 8–9, 17–20.

¹¹ Катиб — от арабского كاتب [kātib] — «писатель», в данном случае — переписчик.

¹² Составитель — Омаргаджи Адуев (Омаргаджи Зиявудин Дагестани) из Миатли (1849–1925).

(Эдирне, Турция), более 120 лет тому назад. Вплоть до 1917 г., в основном Темир-Хан-Шуре, в типографии М.М. Мавраева, было издано около 100 книг, как правило, религиозного содержания — сборники мусульманских обрядов, рассказы о жизни пророка Мухаммеда, произведения по мусульманскому праву. Многие из этих произведений представляли собой переводы с арабского. Кроме того, благодаря стараниям и усилиям М. М. Мавраева и других деятелей духовной культуры, в составе изданных книг на аварском языке имеется немало произведений художественной литературы и фольклора. Например, сборник стихов Абдуллахаджи, сын Ахмада из Чоха «Хуласат ал-маваиз» («Избранные произведения»); сборник стихов, составленный Мухаммадхаджи, сыном Усмана из Кикуни «Надж ал-анам» («Светило людей»); поэма Алигаджи из Инхо «Макка бахъияльгул турки» («Турки о взятии Мекки»); «Тахир и Зухра» в переводе Газимухаммада из Уриба и др.¹³

Э. Сепир писал: «Каждый язык в процессе своего развития приходит в соприкосновение с другими языками. В результате таких соприкосновений, что может иметь место при экономическом, военном, политическом, религиозном, бытовом, культурном общении народов, появляются заимствованные слова. На протяжении истории народы соприкасались друг с другом и поэтому «трудно найти изолированный язык или диалект»¹⁴.

Займствование арабских лексических элементов дагестанскими языками объясняется в основном влиянием литературного языка. Религиозная практика имела определенную область своего применения и имела предел своему влиянию. С принятием ислама у населения Дагестана связаны некоторые изменения в общественной жизни и общественных отношениях. Естественно, эти изменения нашли свое отражение в словарном составе дагестанских языках, в том числе и аварского. Займствование арабских лексических элементов происходило не только в результате длительного и непосредственного общения дагестанских народов с арабами, но и в результате культурного и политического влияния, которое оказывал арабо-мусульманский мир. Таким образом, арабский язык и арабская письменность постоянно оказывали влияние на языки и культуру дагестанских народов, что нашло отражение во фразеологии, идиомах и образцах народной словесности. Проникновение арабских лексических элементов в дагестанские языки, в том числе и в аварский язык, усилилось после того, как в Дагестане появилось большое число ученых-алимов, владевших арабским

¹³ Исаев А.А. Магомедмирза Мараев — первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала, 2003. С. 34.

¹⁴ Сепир Э. Язык. — М., 1994. С. 151.

языком и писавших свои труды по-арабски. Как известно, в словарном фонде каждого языка особое место в количественном и качественном отношении занимают лексические заимствования. В ряде случаев арабские слова были заимствованы дагестанскими языками через персидский и азербайджанский языки. Некоторые же слова арабского происхождения в дагестанские языки вошли из русского, например: **алкоголь** (русск. голл.alcohol , исп. alcohol араб «'ал-кохл» — «по-рошкообразная сурма»), **адмирал** голл.admirale ст.франц.a(d)miral араб 'амиру-л-бахр — «князь моря», и др.

Заимствования из арабского языка в этот период наблюдаются во всех сферах жизнедеятельности человека. Условно их можно разделить на следующие категории функционирования:

1) Лексика, связанная с человеческими качествами, физическими недостатками, отражающая душевное состояние, желание и их противоречия, психические явления.

Бугъган — клевета, наговор, **Гадат** — обычай, **Глашикъ** — поклонник, **Гумру** — жизнь, **Залим** — тиран, угнетатель, **инсан** — человек; **къадру** — приличие; достоинство, **мунапикъ** — лицемер, **нажас** — нечистый, поганый человек, негодяй; **намус** — честь, достоинство, **напс** — личность, **сабру** — терпение, **хIаким** — правитель, судья, **хIукму** — решение, **шапакъат** — награда.

2) лексика, связанная с наукой, культурой, образованием:

Адаб — вежливость, учтивость, воспитанность, приличие, **асар** — влияние, воздействие, **бахIс** — исследование, **ГIалим** — ученый, **ГIелму** — наука, знание, образование, **далил** — доказательство, довод, аргумент, **дарс** — урок, **имтихIан** — экзамен, испытание, **калам** — слово, фраза, речь, разговор, **къиса** — повесть, рассказ, **мадраса** — медресе (арабская школа, где преподавание велось на арабском языке), **макъала** — статья; заметка, **маданият** — культура, **мугIалим** — учитель, **назму** — ода, поэма, **насихIат** — наставление, назидание, **сабаб** — причина, повод, мотив, **суал** — вопрос, **тарих** — 1) цифра; дата; 2) история, **тарбия** — воспитание, **хабар** — весть, известие; сообщение; сведение, рассказ, **хIарп** — буква, литера, **хIакъикъат** — сущность, истина, действительность, подлинность, реальность, **шартI** — условие, **шигIру** — стихотворение.

3) лексика, связанная с духовными и физическими качествами человека:

АхIмакъ — глупец, дурак, безумец, **бахил** — скупец, скряга, завистник, **ГIишкъу** — любовь, **жахълу** — неграмотность, невежество, темнота, **къудрат** — сила, могущество, **мунапикъ** — лицемер, **па-**

сикъ — развратник, **хІамият** — заносчивость, надменность, **шавкъ** — 1) страстное желание; любовь; 2) тоска;

4) лексика, относящаяся к профессиональной деятельности человека:

акил — уполномоченный, доверенный, представитель, **вазир** — министр, визирь, **гІалим** (чи) — ученый, **имам** — имам (политический и духовный глава мусульман), **мудир** — управляющий, **мугІалим** — учитель, **тІабиб** — лекарь, **шагІир** — поэт;

5) лексика, относящаяся к религиозной вере и исламским воззрениям:

Аллагъ — Бог, Аллах, **ахират** — загробный мир, загробная жизнь, **алжан** — рай, **азалият** — 1) вечный, бесконечный (бесконечный во времени); не имеющий начала ; 2) предопределенный, **васигат** — завещание, **вагІза** — проповедь, **вакъфу** — вакуф (имущество завещанное на богоугодное дело), **гъзават** — священная война, **гІаламатун** — 1) знак, примета, марка; значок; 2) чудо, диво, **гІазаб** — мука, мучение, **дугІа** — молитва, зов, мольба, просьба, **дин** — вера, религия, **жин** — джинн, дух, **жаза** — наказание, кара, **замзам** — священная вода, **иман** — вера (в бога), **ислам** — ислам (мусульманская религия), **кагІба** — Кааба (святыня мусульман в Мекке), **къибла** — сторона, к которой обращаются мусульмане во время молитвы, **къурбан** — жертвоприношение, **къадар** — судьба, **къудрат** — могущество, **лахІту** — могила (яма, куда опускают покойника), **муъмин** — верующий человек, мусульманин, **рамазан** — священный месяц мусульман, **рухІ** — дух, душа, **садакъа** — милостыня, подаяние; **сужда** — земной поклон во время молитвы, **талакъ** — развод, **тавакал** — 1) решительность, смелость; самоотверженность; 2) упование (на кого-либо, на что-либо), **табут** — гроб, саркофаг, **тавбу** — покаяние, раскаяние, **халикъ** — создатель, бог, **хІалал** — дозволенный разрешено, **хІарам** — запрет; что-либо запрещенное (запретное), табу.

6) лексика, связанная с административно-юридической терминологией:

Амру — 1) приказ, распоряжение, веление; 2) дело, **баракат** — 1) благодать; изобилие, обилие; достаток; 2) продуктивность; прок, польза, **вагІан** — родина, отечество, **визир** — министр, **гІалам** — 1) толпа, народ; 2) вселенная, мироздание; весь мир, вся земля; населенный мир, **гІарза** — жалоба, заявление, **диван** — 1) диван, совет старейшин; 2) суд, **жамагІат** — общество, община, сход, **зулму** — насилие; угнетение, гнет, тирания, **идара** — управление, учреждение, канцелярия, **ихтияр** — 1) право, полномочия; 2) добрая воля; 3) разрешение, **исбат** — доказательство, **иттифакъ** — соглашение, договоренность, **ис-**

тикълал — самостоятельность; независимость **къарар** — решение, постановление, **къарз** — долг, заем; кредит, **мал** — имущество, состояние, **махIкама** — судебный орган, суд, **мамлакат** — страна, государство, **маслахIат** — примирение, соглашение, миллат — нация, народ; национальность, **низам** — (строй), порядок, режим, **наиб** — наиб, наместник, **парз** — долг, обязанность, **сияса** — политика, **тартиб** — порядок, **хIаким** — 1) правитель; 2) власть, **хIукумат** — правительство; власть, **хазина** — казна, **халкъ** — 1) народ, публика, толпа; 2) народность.

7) лексика, связанная с торгово-денежными отношениями:

Аманат — 1) поручение, наказ; 2) аманат (вещь, деньги, животное или человек, оставленный в долг), **зарар** — вред, убыток, **кира** — наем, аренда **къимат** — цена, ценность, **къарз** — долг, кредит, заем, **манпагIат** — польза, выгода, **напакъа** — иждивение, содержание, пропитание, **ужра** — плата, вознаграждение, заработная плата.

8) лексика, связанная с понятием времени, номенклатуры дней недели:

Авал — начало, **арбагI (къо)** — среда, **гIасру** — век, эпоха, **дакъ-икъа** — минута, **даим** — постоянно, вечно, всегда, **завал** — 1) зенит; 2) кульминация, **заман** — время, эпоха, период, **итни** — понедельник, **лахIзат** — миг, минута, мгновение, **сагIат** — 1) час; 2) часы, **сон** — год, **талат** — вторник, **хамис** — четверг.

9) лексика, связанная с описанием неживой природы:

1. Названия географических понятий и различных природных явлений:

илаят — область, сторона, **гъава** — 1) воздух; 2) страсть, **гIалам** — вселенная, мировоззрение, весь мир, вся земля, **дуниял** — 1) мир, свет, вселенная; 2) погода, **къибла** — юг, **манзил** — расстояние, промежуток, **магъриб** — запад, **машрикъ** — восток, **нур** — свет, луч, сияние, **тIабигIат** — природа, характер, **майдан** — ровное место, площадь, поле.

2. Наименования полезных ископаемых и веществ, полученных из них:

Алмас — алмаз, **жавгъар** — драгоценность, драгоценный камень, бриллиант, **зумруд** — изумруд, **кагъру** — янтарь, **маржан** — коралл, **магIдан** — место рождения, родник, источник, **якъут** — рубин.

10) Лексика животного мира:

1. Названия птиц, домашних и диких животных:

Булбул — соловей, **гъудгъудун** — угод, **лакъллакъ** — аист, **пил** — слон, **хIама** — осел, **хIайван** — скотина, животное, **тIавус** — павлин.

2. Названия насекомых и пресмыкающихся:

Ганкъра — скорпион, **Ганкабут** — паук .

11) Лексика растительного мира:

Зайтун — олива, **тут** — тутовник, **хашхаш** — мак, **шитил** — расада.

12) Предметная номенклатура

1. Номенклатура различных сооружений и их частей:

Аслу — 1) основа, фундамент, сущность; 2) лит. подлинность, оригинал, **жанах** — коридор, **килиса** — церковь, **мажгит** — мечеть, **мадраса** — школа, **мина** — 1) жилище; 2) имение, **хандакъ** — окоп, ров, **хАмам** — баня.

2. Названия предметов домашнего обихода, орудий труда, строительных материалов:

Алат — орудие, инструмент, **варакъ** — бронзовая или золотая краска, **гАнса** — посох, палка, **киса** — карман, **къалам** — карандаш, перо, **мискъал** — золотник, **сундук** — сундук, **сапун** — мыло, **Гарс** — таз.

3. Названия, связанные с тканью, одеждой и украшениями:

Катан — марля, тюль, **накъиш** — узор, рисунок, украшение, **таж** — корона, венец.

4. Наименования продуктов питания, блюд, напитков:

Гаракъи — водка, **мурапа** — варенье, **хАлва** — халва, сладость, **чурпа** — суп.

Ономастическая лексика

Известно, что в словарном составе каждого языка по своим семантическим и грамматическим особенностям выделяется ономастическая лексика — собственные имена различных типов. Как и имена нарицательные, они различны по своей структуре, семантике, а также по их роли в процессе общения. К этим именам относятся топонимия, антропонимия, этнонимия, зоонимия и др. Что касается ономастической лексики, то она более тесно связана с историей, культурой, идеологией, этнографией и более подвержена влиянию экстралингвистических факторов, в первую очередь — влиянию культурно-исторических связей носителей данного языка с другими народами. Нужно отметить, что в аварской ономастике отразились древние связи предков аварцев, как и других народов Дагестана, с различными народами — иранцами, тюрками, грузинами и др. Важным является то, что огромное влияние на формирование аварской и дагестанской ономастики оказали мусульманская религия и язык мусульман (арабский язык.)

Антропонимия

Хотя в аварском именнике представлены имена тюркского, иранского, русского происхождения, наиболее важным компонентом являются имена арабского происхождения. Можно сказать, что именно они и определяют лицо аварского именника, а также составляют довольно большой антропонимический фонд, общий для всех дагестанских народов. Таким образом, в антропонимии выделяются различные разряды: личные имена, прозвища и фамильные имена.

Что касается русской антропонимии, то она в основном обусловлена распространением христианства на Руси и внедрением в русский именник личных имен, связанных с христианской религией. Так, В. А. Никонов отмечал, что «у французов почти нет личных имен из слов французского языка — имена привнесены католичеством из Рима, как у нас нет имен из слов русского происхождения: церковь запрещала имена древнерусские, заменяя их принесенными из Византии»¹⁵. Подобная ситуация складывалась и в антропонимии народов, принявших ислам — они восприняли от арабов личные имена, связанные с мусульманской религией. Более того, такая связь поощрялась и мусульманским духовенством — мусульманам рекомендовали давать своим новорожденным имена пророка Мухаммада, его сподвижников и родных, а также других пророков, т. е. для многих личных имен иметь протонимы — имена определенных личностей — реальных или легендарных — носившие такие имена.

Итак, арабская антропонимическая система состояла из имен различных типов, наиболее известными из которых были:

1) **'Исм·алам** — личное имя, даваемое при рождении (**‘Амр** «жизнь», **Бакр** — «верблюд»);

2) **Кунья** — прозвище по имени детей (**Абду-л-Касим** «отец Касима» (Мухаммад), **Абу-л-Хасан** «отец Хасана» (Али).

3) **Насаб** — генеалогическое имя по отцу (ибн — **Абдуллах** сын **Абдуллы**);

4) **Лакаб** — добавочное имя, возвеличивающее эпитет (**Сиддик** «правдивый», **Сайфу-л-лах** «меч Аллаха»).

5) **Нисба** — имя по происхождению этническое географическое и т.п.

Важно заметить, что все виды арабских личных имен в аварском языке, как и в языках других мусульманских народов не арабов, утрачивают четкие границы между собственно именами и прозвищами, титулами, эпитетами, между **Исм·алам** с одной стороны, и **куньей**,

¹⁵ Никонов В.А. Имя и общество. — М., 1974. С. 28.

насабом, лакабом и нисбой — с другой. Они утрачивают этимологические, семантические мотивации, переходят в разряд обычных имен передавая лишь антропологические значения.

Что же касается антропонимов-арабизмов в аварском языке, то они представляют собой мужские и женские личные имена как собственно арабские по происхождению, так и вошедшие через арабский язык: древнееврейские, арамейские, древнегреческие и т. п. Необходимо отметить, что арабские личные имена в аварский язык, начали проникать с момента распространения ислама в Дагестане, т. е. начиная с VII вв. н. э. В Дагестане отмечены арабизмы-антропонимы **АхІмад, ГІали, МахІмуд, Юнус, Юсуф, Абул-ХІасан, МухІаммад, Суфийан, ХІасан** и др.

Антропонимы-арабизмы, представленные в современном аварском именнике, делятся на различные тематические группы, которые обусловлены их соотносительностью с теми или иными понятиями в языке-источнике. Эти имена могут быть охарактеризованы как канонические мусульманские имена, закрепленные традициями мусульманской религии — ислама. Среди них преобладают теофорные имена, содержащие в себе понятия «бог, божество». К этим антропонимам примыкают имена пророков, а также имена, передающие различные понятия («меч божий», «меч религии» и т. п.).

Таким образом, имена, содержащие различные религиозные понятия, или связанные с традициями ислама, составляют несколько групп.

1. Имена пророков, святых, деятелей ислама и их приближенных.

Помимо имени пророка Мухаммеда (**МухІаммад**), в аварской антропонимии, встречаются имена следующих, упомянутых в Коране пророков: **Адам, Идрис, НухІ, Ибрагъим, ИсхІакъ, ИсмагІил, СалихІ, Закарийя, Айюб, Муса, ШугІайб, Якъуб, Ильяс, Юсуп, Давуд, Гъарун, ЯхІгъя, Сулайман, ГІиса, Юнус**. Среди них имеются библейские имена, но в арабской передаче, т. е. для аварского языка они являются арабизмами: **Ибрагъим «Авраам», НухІ «Ной», Сулайман «Соломон», Муса «Моисей», Юсуп «Иосиф», ГІиса «Иисус»** и др. Среди этих имен в аварском именнике наиболее часто встречаются такие имена, как **Ибрагъим, Муса, Идрис, СалихІ, Ильяс, Юсуп, Юнус**.

Кроме того, в аварский именник из арабского языка вошли и имена ангелов: **Жабрачил (Гавраил), МикагІил (Михаил), Исрапил, Ризван** (имя стража рая). Вполне ясно, что среди аварцев, как и других дагестанцев, да и мусульман вообще, наиболее распространенным было имя пророка мусульман — **МухІаммад** и его прозвища (**Амин, Мустафа, АхІмад** и др.). О популярности имени **МухІаммад** у аварцев, также

как и у других дагестанцев и мусульман вообще, свидетельствуют многочисленные двусоставные антропони́мы, в которых в качестве главного компонента выступает это имя :**МухАммад-Амин**, **МухАммад-Га́ли**, **МухАммад-Па́гьир**, **МухАммад-Расул**, **МухАммад-Ха́жи** и др. Наряду с именем **МухАммад** широкую популярность получили и имена близких к нему людей, членов семьи, родственников и др. Ср.: **Абу́бакар**, **Гу́мар**, **Гу́сман**, **Га́ли** (первые «праведные халифы»); **Ха́дижат**, **Га́йшат** (жены пророка Мухаммада); **Па́тимат**, **Ру́кьият**, **За́йнаб** (дочери Мухаммада); **Га́бдулла́гь** (отец Мухаммада); **Ами́нат** (мать Мухаммада); **Ха́сан**, **Ха́сейн** (внуки Мухаммада, сыновья халифа Али и дочери Мухаммада Фатимы); **Га́б(б)ас** (дядя Мухаммада); **Ха́лид** (один из полководцев Мухаммада); **Би́лал** (первый муэдзин в исламе); **Ша́пиги**, **Имам-Ша́пиги** (основатель шафиитского мазхаба); **Гъа́зали**, **Имам-Гъа́зали** (известный мусульманский теолог и философ). Собственно теофорными являются имена, содержащие в себе элементы — (у)ллах «**бог**», «**абд** — «**раб**». В первую очередь среди них следует отметить антропони́мы, содержащие в себе в качестве составного элемента эпитеты Аллаха, которых, по мусульманским воззрениям, было 99 ('al-'asmā' u-l-ḥusnā «прекрасные имена»): '**ар-рахма́н** «милостливый», '**ал-ха́лику** «творец», '**ал-ка́диру** «всемогущий», '**ас-самáду** «вечный», '**ал-ка́риму** «щедрый», '**ар-раши́ду** «направляющий на правильный путь», и др. в сочетании с «**Абд** — «**раб**». Так, все эти эпитеты дают большое число теофорных имен: «**Раб Милостивого**», «**Раб Вечного**», «**Раб Щедрого**» и др., ср. распространенные у аварцев, как и у других дагестанцев и мусульман вообще, такие теофорные имена-арабизмы как: **Га́бдурахма́н**, **Га́бдунасыр**, **Га́бдулвахид**, **Га́бдука́рим**, **Га́бдусама́д**, **Га́бдулха́ликъ**, **Га́бдулма́жид** и др. Среди теофорных имен арабского происхождения в аварской антропони́мии представлено много антропони́мов с элементами -(у)л(л)ах («**бог**»), -дин («**религия**»): а) **Аса́дул(л)а́гь** («**Божий лев**»); **А́бул(л)а́гь** («**Раб Аллаха**»), **Ни́гма́тул(л)а́гь** («**Милость Алла́гья**») и др. б) **Та́жуди́н** («**Венец религии**»), **Ну́руди́н** («**Светило религии**») **На́жму́дин** («**звезда религии**»), и др.

2. Имена — названия титулов, должностей, званий: **Къа́ди** («духовный судья»), **Ха́жи**, **Ха́жияв** («паломник»), **Гъа́зи**, **Гъа́зияв** («победитель; воитель за веру»), **Асх́иа́б** («сподвижники пророка»), **Му́слим** («мусульманин»), **Му́слимат** («мусульманка»), **Са́йид** («господин»).

3. Имена — названия месяцев мусульманского лунного календаря: **ра́джаб** (7-й месяц), **ша́гба́н** (8-й месяц), **рамаза́н** (9-й месяц).

4. Имена, обозначающие в арабском языке нарицательные имена лиц, названия предметов, отвлеченных понятий и т.п.

Ср.: **Жамал** («красота»), **Хабиб** («любимый»), **Мурад** («желанный, желание, цель»), **Пагьир** («чистый»), **Сакинат** («спокойствие»), **Сагид** («счастливый»), **Сагидат** («счастливая») и др.

Важно отметить, что аварский язык не воспринял лексико-семантическое значение арабских личных имен, поскольку основная функция последних — это называние, номинация.

Как своеобразии влияние арабского языка на аварскую антропонию можно заметить различие форм «женского рода» в именах с конечным -ат. Ср.: **Муслим** и **Муслимат**, **Карим** и **Каримат**, **Амин** и **Аминат**, **Насиб** и **Насибат** и др.

Топонимы и этнонимы

Следует отметить также, что в аварский язык, наряду с другими дагестанскими языками, вошли названия тех стран и народов, с которыми дагестанцы познакомились главным образом через арабов и арабский язык. В аварском языке встречаются такие названия, как **Гларабиял** «арабы», **Хабашиял** «эфиопы», **Макка** «Мекка», **Мадина** «Медина», **Багъдад** «Багдад», **Байтулмукъадас** «Иерусалим», **Гиракъ** «Ирак», **Хижаз** «Хиджаз», **Шам** «Сирия», **мисриял** «египтяне», **ягъудиял** «евреи».

Итак, результаты нашего исследования показывают, что после распространения ислама в Дагестане и его укрепления, арабский язык стал неотъемлемой частью мусульманского вероучения. При активных культурно и торгово-экономических связях со странами Ближнего Востока арабский язык стал просто необходимым. Усвоение арабского языка и письменности диктовались не одними религиозными потребностями дагестанцев, но их жизненными интересами.

Надо отметить, что арабский язык и арабская письменность играли активную роль не только в духовной, но и общественной жизни Дагестана. Духовная школа с преподаванием на арабском языке вплоть до первой четверти XX столетия составляла основную единицу в системе школьного образования. Арабский язык являлся языком литературы и классической поэзии, языком школы, образования и образованности. Наконец, арабский язык — это тот основополагающий элемент, который послужил импульсом для развития письменности на языках дагестанских народов на арабографической основе.

Несмотря на появление национальных систем и зарождение литератур на языках народностей Дагестана, а также постепенное наступление русской культуры, начиная со второй половины XIX века, арабский язык еще долго оставался языком администрации и коммерции, языком-посредником, на котором составлялись договоры, писались

письма, велись переговоры, особенно если дело касалось различных политических и юридических актов, совершаемых между представителями разных государств.

Вместе тем следует отметить, что арабский язык оказал огромное влияние на формирование и развитие аварского языка в области лексики и антропонимии. Огромное количество слов вошло в языки народов Дагестана, в том числе и в аварский язык. Заимствованная лексика была связана со специфическими чертами культуры, быта, обычаев и образа жизни арабов.

Механизм заимствований из арабского литературного языка на аварский представляет огромный интерес для научных лингвистических исследований, может широко использоваться в практике преподавания как арабского языка, так и аварского.

В заключении следует особо подчеркнуть значимость лингвистических исследований по вопросам взаимовлияния и воздействия арабского языка на современный аварский язык.

Библиография

1. Абдужалилов Инквач Магомедович. Функциональные особенности арабских элементов в современном литературном аварском языке: Дис. канд. филол. наук. Махачкала, 2002.
2. Айтберов Т.М. Аваро-арабская надпись из сел. Корода (13–14 вв.), М., 1985. С. 81.
3. Айтберов Т.М., Абдулкеримов М.О. О древних записях на аварском языке // Литературный Дагестан. 1990. № 4. С. 123–124. (На авар. яз).
4. Атаев Б.М. Аварцы: язык, история, письменность. — Махачкала: ДЦН РАН. 2005.
5. Атаев Б.М. Очерки по истории формирования аварского литературного языка. — Махачкала, 2000.
6. Жирков Л. И. Аварско-русский словарь. — М., 1936.
7. Исаев А.А. Магомедмирза Мараев — первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала, 2003. С. 34.
8. Исаев А.А. О формировании и развитии письменности народов Дагестана. // Социологический сборник. — Махачкала, 1970.
9. История Дагестана: В 4-х тт. М., 1967.
10. Казиев Г.К. Лексика аварского языка. Махачкала, 1969 (На авар. яз.).
11. Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями // Избранные сочинения. — М.–Л.: Издательство АН ССР. Т. 1, 1965. С. 119–122.
12. Магомедов М.Г. История аварцев. — Махачкала, 2005.
13. Магомедов А.А. Дагестан и дагестанцы в мире. — Махачкала, 1994

14. Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.
15. Саидов М.-С.Д. Возникновение письменности у аварцев. Махачкала, 1976. С. 124.
16. Саидов М.-С.Д. Возникновение письменности у аварцев. // Языки Дагестана. Труды института истории, языка и литературы Дагестана АН СССР. Махачкала, 1948. 1 вып. С. 138.
17. Сепир Э. Язык, М., 1994.
18. Шихсаидов А.Р. Книжные коллекции Дагестана // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. С. 1, 8–9, 17–20.

Б.Я. Лейбович (Россия)

Несколько слов о творчестве израильского писателя Меира Шалева

В последние годы российские читатели получили, наконец, возможность поближе познакомиться с лучшими произведениями современной израильской литературы. Отдельное место в этом списке занимают книги Меира Шалева (р. 1948) — одного из самых популярных современных писателей Израиля. В России первые переводы его книг появились еще в начале 2000-х гг., и каждая из них заслуживает, пожалуй, хотя бы нескольких слов.

Помимо простого читательского интереса, книги Шалева — настоящий клад для всех, кто хочет больше узнать об Израиле и об израильтянах, об их повседневной жизни и внутреннем мироощущении, — познакомиться с этой страной не по сухим научным исследованиям, а по занимательной художественной литературе, написанной к тому же прекрасным языком. У М. Шалева вышло уже шесть романов: «Русский роман» (1988)¹, «Эсав» (1991), «Как несколько дней» (1994), «В доме своем в пустыне» (1998), «Фонтанелле» (2002), «Голубь и Мальчик» (2006). При этом, несмотря на то, что в России книги этого автора переводят очень активно, они, как говорится на одном из интернет-сайтов, «практически не рекламируются»², т.е. в нашей стране творчество Шалева еще не успело окончательно найти «свою» аудиторию.

Творческие интересы Меира Шалева весьма разнообразны. Сын известного поэта Ицхака Шалева, «ровесник» независимого израильского государства, будущий писатель начинал свою карьеру в 1974 г. как диктор телевидения и радио. В 1987 г. он оставил эту работу и занялся литературным творчеством. Однако на этом журналистская деятельность Шалева не оборвалась, — он и ныне продолжает сотрудничать с разными периодическими изданиями, ведет свою колонку в газете «Едиот Ахронот»³, хотя получил уже широкую известность как писатель. Его книги переведены почти на 20 языков мира и получили высокую оценку литературной общественности. В акаде-

¹ Другое название произведения — «Голубая гора».

² См.: www.booknik.ru

³ «Едиот Ахронот» — одна из трех крупнейших ивритоязычных газет Израиля (две другие — соответственно «Маарив» и «Гаарец»).

мических же кругах к творчеству Шалева относятся куда более неоднозначно (о причинах этого будет сказано ниже). Всего творчеству Шалева к настоящему моменту посвящено свыше 100 статей и несколько монографий⁴.

Формат настоящего исследования не позволяет подробно рассказывать обо всех книгах Шалева, в нем затрагивается лишь самый важный из пластов литературного наследия писателя — художественная проза для взрослых. Цель данной работы — дать хотя бы приблизительное представление обо всех романах Шалева, вышедших на сегодняшний день.

Основная часть статьи будет базироваться на двух произведениях Шалева — «Русский роман» и «Голубь и Мальчик», так как именно эти произведения могут дать практически исчерпывающее представление об особенностях и проблематике художественного творчества Шалева.

* * *

Все книги Шалева предельно индивидуальны; иногда даже трудно поверить, что их написал один и тот же человек. Последнее ощущение объясняется довольно легко: главнейший элемент прозы Шалева — личность рассказчика. При этом, как часто бывает в литературе, личность героя необязательно тождественна личности писателя.

Герой-рассказчики Шалева — люди очень разные, но у всех у них имеется несколько общих черт, практически неизменно повторяющихся из романа в роман. Во-первых, все они — сироты: так, в «Русском романе» у героя гибнут родители, которых ему заменяет родной дед; мать Эсава и Якова («Эсав») рано уходит из жизни; кроме того, она проклинает Эсава, и ее проклятие воплощается в жизнь — он на всю жизнь остается одиноким и бездетным. Зейде («Как несколько дней») также лишается матери еще в детстве; Рафаэль («В доме твоём в пустыне») не имеет родителей и воспитывается многочисленной родней; Яир Мендельсон («Голубь и Мальчик») — также сирота, хотя до определенного момента ничего не знает об этом. Во-вторых, все они, за единственным исключением, бездетны и лишены счастья в семейной жизни. Иначе говоря, все герои писателя — люди в чем-то изначально несчастные, склонные к самокопанию, нерешительные, находящиеся в моральной «яме». И в то же время — что даже несколько парадоксально — все они

⁴ Наиболее полный список переводов произведений М. Шалева, а также материалов, посвященных его творчеству, можно найти по следующему интернет-адресу: <http://library.osu.edu/sites/users/galron.1/00070>.

предельно честны с самими собой. Почему-то именно герои с таким характером более всего устраивают Шалева в качестве рассказчика от первого лица, а кого-то из них он делает и выразителем собственных мыслей — например, учителя Пинеса из «Русского романа». Этот герой слегка напоминает родного отца Шалева, который, как и Пинес, преподавал Танах⁵ и природоведение; своим внутренним благородством Пинес также явно «уродился» в Шалева-старшего. Но взгляды у него все-таки иные.

«Эта грубая земля, привыкшая к смраду святых костей и к тяжелой поступи паломников и легионов, давилась от смеха при виде еврейских пионеров, которые... с трепетом овладевали ею, тычась своими жалкими мотыгами все огромное тело и называя ее матерью, сестрой и женой. Прокладывая первые борозды, выжигая сорняки, осушая болота и вырубая леса, мы одновременно сеяли семена своего поражения... «Связь с землей», «слияние с природой» — что это, как не возвращение вспять, закат и озверение?»⁶

Впрочем, Шалев не отождествляет себя ни с одним из своих персонажей — даже если это рассказчик. Герой, от имени которого ведется повествование, всегда только один из участников или наблюдателей происходящего и не более того. В романе «Голубь и Мальчик» рассказчик как бы один — Яир Мендельсон, но сам роман состоит из двух историй, и повествовательная манера в них, как можно заметить, существенно различается. Так, говоря о жизни Малыша, Яир-рассказчик изъясняется несколько сухо и отстраненно, как бы стараясь быть предельно объективным; при этом много места уделяется диалогам. Совсем иначе выглядит «авторский» текст в исполнении Яира, когда он повествует о событиях собственной жизни: он все время погружен в размышления, воспоминания, он часто анализирует свои поступки (и поступки других людей), пытается понять, свое место в этой жизни и куда она его ведет. Собственно говоря, роман «Голубь и Мальчик» представляет собой сразу две истории, которые поначалу кажутся никак не связанными друг с другом. И лишь в конце повествования связь между этими историями внезапно обнаруживается: герой узнает тайну своего происхождения, а читателю открывается то, что заставило писателя поместить в одном романе два столь разных сюжета.

В каком-то смысле две истории, составляющие роман, «Голубь и Мальчик», противопоставлены друг другу. Герои первой из них — Малыш, Девочка и другие — не живут только прошлым, не «закисле-

⁵ Танах — аббревиатура для обозначения трех священных книг иудаизма: Тора (Ветхий завет), Невим (Пророки) и Ктувим (Писание).

⁶ Шалев М. Русский роман / Пер. с иврита Р. Нудельмана и А. Фурман. М., 2006. С. 404.

ны» на собственных воспоминаниях. Их целиком захватывает текущий момент, основа их жизни — надежда на счастливое будущее, куда естественно влетаются окончание войны, встреча с любимым человеком, преодоление нищеты... Совсем другое дело — Яир и окружающие его люди: они все в каком-то смысле «погружены в себя», заняты собственным внутренним миром. Каждый, как может, пытается устроить жизнь — неважно, свою или чужую; каждый пытается «подладить» мир под собственное мировоззрение. И сам Яир — не исключение.

Излюбленный герой Шалева — «беспокойная натура» или, лучше сказать, «лишний человек». Это тот, чья судьба сложилась не так, как ему хотелось бы, тот, кто не может найти своего места в жизни:

«Между мною и близкими мне людьми... есть несколько отличий... Они... ощущают небо, что у них над головой и твердь, что у них под ногами, а я — бумажный змей с оборванной нитью. Они... — дерзают, а я — колеблюсь. Они... делают и решают, я же довольствуюсь желанием и надеждой»⁷.

Очень часто в израильской литературе встречаются персонажи, что называется, «не от мира сего». Таким выведен Эсав, герой одноименного романа. Он вырос в библиотеке и умеет говорить только цитатами из прочитанных книг. Кстати, Эсав — еще и рассказчик, что немаловажно: Шалев даже как-то сказал, что решение сделать повествователем именно Эсава не сразу пришло ему в голову, но в какой-то момент он почувствовал, что это — единственно верный ход: «Я не собирался писать роман о современном Эсаве. Первичным моим замыслом было написать историю о хлебе. Я обходил пекарни, собирая материал. Одно из братьев я изначально задумал назвать Яаковом... И только в процессе работы над романом понял, что рассказчик — Эсав...»⁸.

Собственно говоря — и тут Шалев не слишком оригинален, — внутренний мир его героев, сколь он ни многообразен, можно свести к нескольким довольно простым составляющим. У Эсава это — цитаты из прочитанных книг. У Мешулама из «Русского романа» — «экспонаты» его музея (среди которых, например, есть чучело коровы). У Баруха Шенкара, рассказчика из того же произведения, — его «кладбище пионеров сионизма»⁹; у Малыша из романа «Голубь и Мальчик» —

⁷ Шалев М. Голубь и Мальчик / Пер. с иврита Р. Нудельмана и А. Фурман. М., 2008. С. 144.

⁸ Крюков А.А. Яков, Эсав и мир «Русского романа» // Лехаим. № 12 (140). 2003, декабрь.

⁹ Сионизм — еврейское национальное движение, целью которого является объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине — в Израиле (Эрец-Исраэль), а также идеологическая концепция, на которой это движение основывается (Википедия). Пионеры сионизма — имеются в виду первые еврейские переселенцы в Эрец-Исраэль; большая их часть в начале XX в. прибыла из Восточной Европы (в основном из Российской Империи).

голуби и любовь к Девочке; у профессора Якова Мендельсона — компьютер, врожденная любовь к порядку и практически полное одиночество. Впрочем, эта некоторая ограниченность не мешает героям прожить жизнь, полную драматизма, ведь они не лишены самого главного — простых человеческих чувств. И, что особенно важно, слабости и странности их характеров не мешают им не только бороться за собственное счастье, но и находить его. Так, в «Русском романе» дедушка главного героя, долгие годы вынужден жить с женщиной, доставшейся ему в жены лишь по стечению обстоятельств, однако в старости он вдруг встречает свою первую — и единственную в жизни — любовь.

Склонность Шалева к «рваной» манере повествования имеет несколько необычные корни. Дело в том, что основой любого творчества — а значит и человеческого бытия вообще — Шалев считает память, воспоминание. Внутренний мир каждого из нас, по мнению писателя, всего лишь — «продукт» деятельности наших воспоминаний. Новые мысли не возникают из пустоты, из ничего — они возникают в недрах нашей памяти. Она непревзойденный источник всех гениальных озарений и открытий. Разумеется, и писатели «берут» создаваемые ими тексты из собственных воспоминаний. Память не находится в статичном состоянии, она все время видоизменяется — не всегда заметно для своего носителя, — и это помогает произвести на свет новые, дотоле неизведанные мысли и ощущения. Как вывод — вдохновение писателя не является чем-то одномоментным, оно представляет собой результат долгой внутренней работы, заключающейся в переосмыслении прожитого. «Творчество является не порождением спонтанного вдохновения, но кропотливой, почти изнуряющей работой, напоминающей по своему характеру раскопки»¹⁰.

Шалева всегда серьезно интересовала проблема памяти в самых различных своих аспектах — биологическом, психологическом, физиологическом. (В середине 1990-х гг. он даже выпустил сборник эссе под названием «Главным образом — о любви», посвященный роли памяти в творчестве различных писателей.)

Герои Шалева не просто предаются воспоминаниям, таким путем они пытаются переосмыслить свою жизнь. Но человеческая память ценна не только своим содержанием. Автору интересна еще и внутренняя духовная работа, которую продельвают все люди, анализируя происходящие с ними события. В творчестве Шалева такой анализ — тоже своего рода «сюжет»: пока с героями ровным счетом ничего не происходит, в их душе все события «проживаются» по-новому.

¹⁰ Крюков А.А. Очерки по истории израильской литературы. СПб, 1998. С. 265.

Вместе с памятью индивидуальной в прозе Шалева незримо присутствует и память коллективная — история. Впрочем, если говорить о «приверженности» Шалева исторической истинности, то здесь писатель отнюдь не безгрешен. В его текстах не так уж редко можно заметить непоследовательность, которая заключается не только в отсутствии строгого хронологического порядка (что обусловлено художественной формой произведения). Собственно говоря, писатель и сам признает, что по его книгам не стоит учить историю: «История всего лишь фон моих романов, задник. На сцене происходят не исторические события, мне важнее другое — любовь, ревность, зависть, разные семейные истории... Не изучайте историю по моим книгам»¹¹.

Освещая те или иные биографические повороты в жизни героев, писатель дает волю собственному воображению, но — что интересно — его художественный вымысел никогда не вступает в серьезные противоречия с исторической правдой. Так, в «Русском романе» Шалев предельно реалистично описывает повседневную жизнь кибуца, в романе «Голубь и Мальчик» он столь же точно запечатлел фронтовые будни Войны за независимость 1948–1949 гг. вкуче с внутренними переживаниями ее участников.

Как постоянно признает сам Шалев, история для него — лишь фон для всего происходящего. Гораздо важнее — сами герои и то, что происходит с ними; при этом было бы глупо игнорировать связь между этим «фоном» и судьбой героев.

«Его мать погибла в лагере смерти от голода и холода, размышляя о ребенке, которого бросила... и о том, что вся Вторая Мировая война вспыхнула только для того, чтобы воздать ей за то, что она причинила своему сыну»¹².

Проза Шалева изобилует многочисленными символами и аллюзиями. Так, в романе «Эсав» мы видим двух братьев-близнецов — Эсав и Яакова (очевидна параллель с персонажами Торы); первый преспокойно живет в Америке, второй — мечется, не может найти себе места в жизни, подобно своему библейскому тезке. Название романа «Как несколько дней» также восходит к Торе, где говорится, что годы, проведенные Яаковом у Лавана, пролетели «как несколько дней». Эти и другие библеизмы неоднократно отмечались знатоками израильской литературы, а для израильского читателя, прекрасно знакомого с сакральными текстами иудаизма, они абсолютно прозрачны. Некоторые критики всерьез упрекают Шалева за его увлечение библейскими символами и сюжетами, принимая это за отсутствие творческой

¹¹ Кучерская М.А. Наша «Шинель» — Библия // Ведомости. № 227 (1754). 2006. 1 дек.

¹² Шалев М. Голубь и Мальчик. С. 102.

оригинальности. Впрочем, всякий, кто по-настоящему знаком с творчеством Шалева, вряд ли согласится с этим суждением. Пожалуй, писателю можно только поставить в заслугу тот факт, что у его произведений находится «область пересечения» с Танахом, с Торой — основой еврейской религиозной ментальности, что они уходят своими корнями в еврейскую традицию, а вместе с ней и в историческую память еврейского народа (если уж снова затрагивать тему памяти).

Разумеется, используемые Шалевом образы и сюжеты — будь то из Торы или откуда-либо еще — в его произведениях получают новую, дотоле не свойственную им трактовку. Характерный пример — многоплановый образ голубя в романе «Голубь и Мальчик». Вообще-то голубь — традиционный библейский образ (вспомнить хотя бы историю о Ноевом ковчеге), но в романе голубь — еще и символ воли к жизни, символ свободной, не омраченной страданиями любви. Для главного героя голубь становится также предвестником смерти — незадолго до своей гибели в авткатастрофе он видит сон, где жестоко расправляется с говорящим голубем, случайно залетевшим в его жилище.

Шалев особо фокусирует наше внимание на одной из ярчайших черт «голубинового характера» — привязанности к родным местам. Конечно, для голубя важно, кто является его хозяином, но гораздо важнее для него сама голубятня. Она навсегда остается в его сердце и памяти; к ней он будет стремиться отовсюду, где бы ни находился в данный момент: *«Голуби умеют только одно — возвращаться домой»*¹³. Таким образом, главная тема романа — дом, возвращение домой, и автор всячески старается это подчеркнуть: «...Несомненно, тема этой книги — дом. Также и голубь, чье главное свойство — умение возвращаться домой из любого места... олицетворение желания вернуться домой... Я пришел к выводу, что это, может быть, больше, чем просто подобие. Книга начинается с поиска другого дома. Это — книга о постройке дома. Яир находит дом. И хотя дом ему не принадлежит, он «вернулся» к нему, а не просто «пришел». Между Яиром и домом сразу возникает сильное притяжение. Строя дом, он параллельно «строит» и себя самого...»¹⁴. В расширительном смысле приведенные выше авторские слова о вселении его героя Яира в новый дом можно с большой долей вероятности отнести к переселению еврейского народа в Землю Израиля: ведь влечение Яира к дому, где он никогда раньше не жил, так сильно напоминает любовь сионистов к далекой и неведомой исторической родине! Яир перестраивает дом на свой лад и чувствует себя поистине счастливым.

¹³ Шалев М. Голубь и Мальчик. С. 427.

¹⁴ Lev-Ari S. Ani lo yahol lihtov be-makom aher // Haaretz. 2006. 12 апр.

«Пошел я искать себе дом. Пришел к нему, как будто вернулся, а не пришел. Здравствуй, дом, сказал я, и дом ответил.

Я обновил свой дом и обновился сам, любил и был любимым, нарастил кожу для своей души, и крышу, и пол, и стены. Есть у меня теперь своя деревянная веранда, и душ снаружи, и время, и своя история, и простор, и мусорный ящик, чтобы услышать, как дождь будет колотить по жести близкой осенью, и пара глаз — прикрыть их козырьком ладони, и смотреть в небо, и ждать»¹⁵.

Одна странная, почти что мистическая особенность романов Шалева — в каждом из них присутствует персонаж по имени Яков: Яков Шайнфельд («Как несколько дней»), Яков («Эсав»), профессор Яков Мендельсон («Голубь и Мальчик»). Дело в том, что Яков — любимый библейский персонаж писателя. Вот как об этом говорит сам Шалев: «В любом своем романе я сосредотачиваюсь на одном из качеств праотца Яакова. В «Русском романе» — это его способность руководить людьми, в романе «Как несколько дней» — терпение, а в «Эсаве» — умение переносить страдание». Интересно, каким качеством праотца Яакова наделен, скажем, все тот же Яков Мендельсон — оставим этот момент на совести автора, — может быть, тот просто решил не нарушать установившуюся традицию.

Еще одна интересная черта творчества писателя Шалева — это его неизменная склонность к семейным сагам. В сущности, любой из его романов хотя бы условно можно отнести к этому жанру. Шалев с огромным упоением выстраивает сложную систему взаимоотношений между разными людьми — близкими (или не очень близкими) родственниками, друзьями и просто знакомыми. В основе этих взаимоотношений всегда подспудно лежит какой-то конфликт — между родителями и детьми, между супругами, между братьями и т.п. Но для Шалева важно не это, хотя без конфликтов ему было бы невозможно выстроить ни один более или менее сложный сюжет. Все книги Шалева — книги о любви (про роман «Голубь и Мальчик» было даже замечено, что это — «роман о стремлении: стремлении Мальчика к Девочке, стремлении мужчины к жене..., стремлении голубя вернуться домой...¹⁶). У Шалева счастье способен познать лишь тот, кто любит или был когда-то влюблен. Любовь помогает преодолеть трудности, с каждой минутой вдыхая в жизнь новый смысл.

Если многие авторы исходят из идеи, что люди обречены на взаимное непонимание, то Шалев, напротив, пытается установить «премственность». Старшее поколение пытается — зачастую, увы, тщет-

¹⁵ Шалев М. Голубь и Мальчик. С. 522.

¹⁶ Shelah Y. Yona ve-naar // <http://www.notes.co.il/yochy/25111.asp>, 13.11.2006.

но — в неизменном виде передать собственный опыт потомкам, а те, вольно или невольно, «сохраняют» опыт предков, но интерпретируют его уже по-своему, согласно собственным идеалам. Конечно, эта цепочка может оказаться прерванной, но только в силу каких-то внешних обстоятельств — чаще всего, исторических (взять хотя бы наиболее эпохальные в истории Израиля войны: за Независимость, Шестидневную, Судного Дня, или Холокост). Шалев убежден в необходимости такой «преемственности»: в противном случае человек будет лишен самого главного — памяти, что обязана сформировать его внутренний мир. А чем богаче и многообразнее память человека, тем богаче и многообразнее его мировоззрение.

И, наконец, самый главный вопрос: если главная черта человеческого бытия и основной его источник — память человека, то тогда что такое человек, по мнению Шалева? В чем смысл нашего существования и как в многообразной жизни увидеть тот момент, когда кончаются невзгоды и начинается счастливая пора? И как наши воспоминания, наш собственный жизненный опыт может гарантировать нас от тех или иных неправильных поступков?

Шалев не злоупотребляет пространными размышлениями на отвлеченные философские темы; в своих книгах он стремится изображать жизнь во всем ее многообразии, полную случайностей, странностей и противоречий, не подчиняющуюся каким-то строгим законам. Шалева в огромной степени интересуют проблемы сегодняшнего дня (иначе он не мог бы быть журналистом на протяжении стольких лет), но как писатель, как творец художественного текста он мыслит и оперирует не сиюминутными, а совсем иными категориями. Его герои живут как бы вне времени. Они могут видеть окружающую действительность сколь угодно правдоподобным образом, но их жизнь развивается «параллельно» жизни остальных людей. Они и к счастью-то стремятся не так, как все остальные, и счастье это какое-то странное, как и сама жизнь. Они — «другие», не от мира сего.

Но все-таки при чем здесь память? Каким именно образом она помогает жить, выжить? А может быть, она и вовсе не помогает, а совсем наоборот — мешает человеку, «нагружая» его сознание излишними мыслями и страстями? Может быть, она, эта память, заставляет нас хотеть совсем не того, чего мы на самом деле могли бы пожелать? Может быть из-за нее мы ищем свое место в жизни совсем не там, где следовало бы? В конце концов, человек не провидец, и совсем не известно, по правильному ли пути он идет, правильно ли он мыслит, чувствует и поступает? Как жить с «грузом» памяти, если воспоминания

не спасают от ощущения безысходности, если они только отягощают и отравляют наше существование?

Еще одна тема, без которой непредставимо ни одно серьезное произведение Шалева — тема одиночества. Здесь писатель как раз не слишком оригинален — все его герои в чем-то одиноки. Хотя иногда это и делает их счастливыми, а иной раз одиночество даже удается преодолеть. Впрочем, это удастся лишь единицам и лишь на какое-то время; в целом же герои Шалева не в силах справиться с окружающими их обстоятельствами. Тому виной и собственный индивидуализм (так, в романе «Фонтанелле» семья главного героя всеми способами пытается отгородиться от односельчан), и недоброжелательное отношение окружающих, и прежние ошибки, не дающие покоя всю оставшуюся жизнь, и крушение старых идеалов... Шалев, как и многие другие авторы, считает, что причина одиночества человека в нем самом, но при этом пытается разобраться в судьбе каждого своего героя, дабы понять, почему именно у того или иного персонажа жизнь не сложилась счастливо.

Писатель не идеализирует своих героев, но мы не найдем у него сколько-нибудь презрительного отношения ни к отдельному человеку со всеми его пороками, ни к человечеству в целом. Шалев пишет иногда с болью и тоской, иногда с сарказмом, но никогда не смотрит на своих персонажей свысока. Для него важно раскрыть внутренний мир персонажа, а уж каким этот мир покажется со стороны, он предоставляет судить читателю.

Шалев не предлагает легких решений и уж тем более не утверждает, что время способно полностью вылечить старые раны. В Люди уходят, а проблемы остаются. Но, завершая каждую из своих книг, писатель делает так, чтобы читатель, распутив очередной сложный сюжетный клубок, мог взглянуть на прочитанное с оптимистичной точки зрения. Ведь вместо старых идеалов и ценностей, вместо прежней жизни, сохраненной только в воспоминаниях отдельных людей, должно прийти что-то новое. И наш долг взять из прошлого только то, что действительно этого достойно, чтобы новый мир оказался не хуже старого.

Впрочем, глубокие философские проблемы — не главное в творчестве писателя. Как уже говорилось выше, для него главное — «рассказать историю», а уж насколько философской, насколько глубоко-мысленной она будет, — вопрос второстепенный; лишь бы излишняя смысловая нагрузка не разрушала хода повествования:

«История. Не о подвигах и дворцах. Не о феях и волшебствах, но и не та история, что возится с мелочами. Достаточно с нас тех ме-

лочей, которыми полна сиюминутная жизнь. Нет, история, в которой есть боль и есть исповедь, а также немного от культуры и чуть-чуть от традиции, и щепотка развлекательности, и намек на тайну... Это теперь моя история, и я ее сокращаю и расширяю по своей воле...»¹⁷.

Секрет успеха книг Шалева заключается в динамичном сюжете, а также, быть может, в немного меньшей степени, в блестящей разработке психологических портретов. Мы ясно можем представить себе почти каждого из персонажей Шалева — и не столько даже внешность, сколько его характер, внутренний мир. Не зная, о чем думает тот или иной герой в данную минуту, мы, тем не менее, с легкостью можем представить себе, что может входить в круг его повседневных мыслей. Герои Шалева могут быть загадочны и одновременно с этим абсолютно предсказуемы, а их поступки — предельно ясны. И чем дальше разворачивается сюжет, тем ярче раскрывается характер и меньше непонятного остается в героях и их поступках.

В контексте всего вышесказанного остается еще один, немаловажный вопрос: а какое же место писатель отводит самому себе? Ведь как уже было отмечено, он не «уравнивает» себя с героями, но и не стремится раскрыть свой внутренний мир за их счет; каждый из персонажей Шалева «независим» от других, внутренний мир любого из них уникален, хотя иногда, — если так хочет автор, — может быть и примитивным. Если у некоторых писателей — даже великих — мы можем обнаружить, что они стремятся вложить в уста своих героев собственные мысли (в чем, вообще говоря, нет ничего плохого), Шалев всячески стремится избежать этого. Ведь если уж «рассказывать историю», то совсем не для того, чтобы сделать себя ее главным героем — настоящий писатель-творец раскрывает свой внутренний мир уже самим фактом творчества, тем, что сочиняет качественный художественный текст, который потом не постыдится предъявить на суд своему читателю.

Шалев — автор, чье творчество формировалось не без влияния постмодерна (его «псевдоисторические» отрывки из романа «Эсав» и постоянные отсылки к текстам священных книг косвенно свидетельствуют о том, что писателя привлекают постмодернистские художественные формы, хотя до вершин мастерства этого жанра Шалеву все же далеко). Но этому писателю, как и многим его современникам (тому же Давиду Гроссману), тесно в рамках этого направления, которое уже многим стало набивать оскомину. Во всяком случае, как уже говорилось выше, Шалеву чужда атмосфера пессимизма и разочарования. Он, что само собой разумеется, периодически прибегает к постмо-

¹⁷ Шалев М. Голубь и Мальчик. С. 462.

дернистским художественным приемам, но лишь тогда, когда не может придумать ничего другого. Художественные тексты Шалева и без этого могут выглядеть вполне оригинально. По сравнению с постмодернистской прозой, Шалев пишет слишком реалистично. Что не менее важно, его тексты слишком «привязаны» к окружающей действительности. Сознание того или иного героя может исказить окружающий мир, но и тогда человек не до конца теряет контакт с реальностью. То, что видит тот или иной персонаж, — отчасти плод его воображения (т.е. все той же памяти), но лишь отчасти — истина все равно существует, и каждый из нас имеет некоторый шанс с ней соприкоснуться.

Оптимизм Шалева можно выразить словами одного из его героев:

«...если ты спросишь меня о самом главном, что я узнал в медицинском институте, я тебе отвечу: есть вещи, которые можно выправить. Не только в теле. И в душе тоже. Можно вылечить и можно исцелить. Я думаю, в этом и состоит разница между «вылечить» и «исцелить»: вылечить — тело, а исцелить — душу, и это то, что мы должны сейчас сделать»¹⁸.

* * *

Если у многих современных авторов герои изначально созданы так, что им не суждено иметь сколько-нибудь радужного личного будущего в современном мире, то у героев Шалева это будущее, несомненно, есть — его только нужно предугадать, осознать. Нужно периодически «фильтровать» свой личный опыт, «выкидывая» из своего внутреннего мира все лишнее и оставляя у себя в памяти только то, что действительно необходимо. А для этого, в свою очередь, человеку необходимо понять свое место в этом мире. Ведь даже в самой безвыходной ситуации, когда жизнь фактически прожита, а впереди — только неопределенность и пустота, когда от прежней жизни ничего и ничего не осталось, у героев Шалева есть что-то, за что они в состоянии зацепиться. Это «что-то» — и есть память; с ее помощью человек вырабатывает «комфортный» для себя внутренний мир, отрешившись при этом от всего остального. Конечно, плохо, когда воспоминания полностью заменяют настоящую жизнь (а излишняя увлеченность ими и в самом деле способна свести с ума). Однако, во-первых, для некоторых людей это единственный шанс сохранить хотя бы какую-то цель в жизни. Во-вторых, попытки забыть собственное прошлое еще никого не доводили до добра — евреи знают об этом, пожалуй, лучше кого бы то ни было;

¹⁸ Шалев М. Голубь и Мальчик. С. 427.

кроме того, без памяти индивидуальной не может существовать и память коллективная, историческая. А не помнить свое прошлое, свою историю — непростительно даже в наше «космополитическое» время.

Библиография

1. Крюков А.А. Очерки по истории израильской литературы. СПб, 1998.
2. Крюков А.А. Яков, Эйсаб и мир «Русского романа» // Лехаим, № 12 (140). 2003, декабрь.
3. Кучерская М.А. Наша «Шинель» — Библия // Ведомости. № 227 (1754). 2006. 1 декабря.
4. Нудельман Р. К русскому читателю // Шалев М. Русский роман (предисловие к русскому изданию). М., 2006. С. 5–17.
5. Шалев М. Русский роман / Пер. с иврита Р. Нудельмана и А. Фурман. М., 2006.
6. Шалев М. Голубь и Мальчик / Пер. с иврита Р. Нудельмана и А. Фурман. М., 2008.
7. Lev-Ari S. Ani lo yahol lihtov be-makom aher // Haaretz. 2006. 12 апр.
8. Shelah Y. Yona ve-naar: <http://www.notes.co.il/yochy/25111.asp>, 13.11.2006.
9. <http://library.osu.edu/sites/users/galron.1/00070>
10. www.booknik.ru

К вопросу о понятии «среднеарабского» языка

Последнее время в современной арабистике особую актуальность приобретает тема устного «среднеарабского» языка, называемого также «Middle Arabic» (англ.), «Moyen Arabe» (франц.), «al-lughatu l-wusta» или «lughatu l-muthaqqafin» (араб.), зачастую приравниваемого к «третьему языковому уровню» по классификации С. Бадауи¹, который называет его «'ammiyat u l-muthaqqafin», описывая языковой континуум из пяти уровней, имеющих преимущественно грамматические черты диалекта, хотя и с примесью лексики и фонетики литературного языка.

Не все исследователи имеют одинаковое мнение на этот счет. Алла аль-Гибали разделяет понятия «al-lughatu l-wusta» и «lughatu l-muthaqqafin», считая, что последнее описывает языковой уровень, принятый среди интеллигенции, характерной особенностью которого является отсутствие гиперкоррекции, являющейся неотъемлемой чертой «Middle Arabic»².

Необходимо отметить, что не только название вышеупомянутого феномена, но и понимание самого термина до сих пор не является четко установленным и окончательно закрепленным. Понятие «среднеарабский» охватывает на настоящий момент широкий круг лингвистических явлений: во-первых, это язык, не имеющий ярких признаков определенного диалекта, но по своей фонетике и грамматической структуре отличающийся от литературного; во-вторых, это язык арабской интеллигенции, допускающий использование как конструкций литературного арабского языка, так и разговорных форм; в-третьих, это «средний» язык, сформировавшийся в регионе на основе, как правило, столичного диалекта³.

О феномене «смешения» литературного языка и диалекта было известно давно, но своим появлением понятие «Middle Arabic» и сопутствующее ему «Mixed Arabic» обязаны второй половине XX в. Приведу здесь мнение А.Г. Беловой: «Смешанные варианты представляют собой

¹ Badawi S. *Mustawayyat al-lugha al-'arabiya al-misriya al-mu'asira fi Misr*. Dar al-ma'arif bimisr, 1973.

² Elgibali A. *Investigating Arabic: Current Parameters in Analysis and Learning*. Brill, 2005.

³ Белова А.Г. «Среднеарабский» язык и варианты «смешанного» арабского языка // *Восток (Oriens)*. 2004. № 5.

некоторые гетерогенные языковые формы, тексты которых характеризуются непоследовательным и нерегулярным употреблением элементов литературного языка, элементов и конструкций местных диалектов или каких-то “средних” форм»⁴, а также М. Досс, считающей, что устные «смешанные» варианты можно описать, как употребление в речи элементов разговорного или литературного языка «образованными» людьми, преимущественно в ситуациях лексического выбора, а также при использовании ограниченного набора морфологических форм и моделей⁵.

Первоначально исследования, посвященные изучению «среднеарабского языка», базировались на анализе письменных источников. Основоположителем этого направления и автором самого понятия «Middle Arabic» считается профессор Иерусалимского университета Йошуа Блау (Joshua Blau), начавший изучение особенностей иудейских текстов, написанных на «среднеарабском». В 1965 г. им была высказана мысль, что «Middle Arabic» — это смешение черт литературного арабского языка и разговорных диалектов или других языков как «лингвистический результат» великих арабских завоеваний VII в. По его мнению, уже в то время «среднеарабский» в полной мере характеризовался своеобразием, присущим современным арабским диалектам⁶. В 1982 г. профессор Блау некоторым образом уточняет и дополняет свое первоначальное понимание «среднеарабского языка». Он замечает, что термин «Middle Arabic» используется в литературе для описания двух различных явлений: с одной стороны, подразумеваются тексты, содержащие элементы «смешения» стандартного (классического или староарабского) и разговорного языков; с другой стороны, исследователь относит к «Middle Arabic» ранние формы новоарабского, содержащиеся в вышеупомянутых текстах⁷. «Новоарабский» определяется как термин, включающий «в себя как всю совокупность современных арабских диалектов (территориальных и социальных), так и все “промежуточные” формы, койне, регионально-обиходные языки, престижные столичные говоры, выходящие за пределы одного культурно-политического центра»⁸. Аль-Гибали считает, что Блау переходит в своей поздней работе к другой терминологии, в рамках ко-

⁴ Белова А.Г. Указ. соч. С. 153–154.

⁵ Doss M. Cultural Dynamics in Contemporary Egypt // Cairo Papers in Social Science. The American University in Cairo Press, 2006. Vol. 27. № 1/2. P. 53–54.

⁶ Blau J. The Emergence and Linguistic Background of Judaeo-Arabic. A study of the origins of Middle Arabic. Oxford University Press, 1965.

⁷ Blau J. The emergence and linguistic background of Judaeo-Arabic. Ben-Zvi Institute for the Study of Jewish Communities in the East Jerusalem, 1982.

⁸ Белова А.Г. 2004. Указ соч. С. 153.

торой «Middle Arabic» уже нельзя называть «языком», теперь он просто отнесен к «категории текстов с отклонениями от норм литературного языка»⁹.

Среди первых в арабском научном мире к вопросу о «среднеарабском» обратился заслуженный профессор университета города Сохага Захран Бадрауи, опубликовавший в 1979 г. книгу «К изучению истории языка: Прикладное исследование средневекового арабского языка»¹⁰. В числе зачинателей традиции системного изучения «Middle Arabic» можно назвать профессора Каирского университета Мадиху Досс, отправной точкой для исследований которой послужила работа над папирусами, содержащими документы периода ранней арабизации (VIII–IX вв. н.э.). Позже она занималась лингвистическим анализом языка манускриптов османского периода (XVII — начало XVIII в.) и пришла к интересным выводам о том, что они написаны на «Middle» или «Mixed Arabic» с элементами устной речи¹¹.

Вопрос выбора между литературной и разговорными формами арабского языка встал и перед арабскими писателями, некоторые из которых в качестве компромиссного решения стали использовать промежуточную форму, занимающую срединное положение между литературным арабским языком (фусхой) и диалектами. Как отмечает А.Г. Белова, «наиболее типичным представителем в области создания экспериментального направления в области сознательной обработки разговорного языка является классик египетско-арабской литературы Тауфик Аль-Хаким, создавший и использовавший в своих произведениях 50-60-х годов прошлого столетия один из образцов “среднего языка”, например, в пьесах “Сделка” и “Пицца для всех”»¹². Интересным в этом отношении может быть опыт одного из создателей жанра египетской реалистической новеллы Махмуда Теймура, писавшего произведения параллельно «на двух языках» — на литературном арабском языке и египетском диалекте.

Литературные эксперименты, речь о которых шла выше, были попытками ответить на вопрос, необходимо ли, с одной стороны, придерживаться только общепринятых в арабском мире норм верхней языковой формы (литературного языка), или же, с другой — передавать

⁹ Elgibali A. Op. cit. P. 11.

¹⁰ Badrawi Z. Fi 'ilm al-lughah at-tarikhii: dirasat tatbiqiyia 'ala 'arabiya al-'usur al-wusta. Dar al-ma'arif bimisr, 1979.

¹¹ Doss M. Some remarks on the oral factor in Arabic linguistics // *Dialectologia Arabica: a collection of articles in honour of the Sixtieth Birthday of Professor Heikki Palva*. Helsinki: Finnish Oriental Society, 1995.

¹² Белова А.Г. Средний язык в системе наддиалектных форм арабского языка // *Типы наддиалектных форм языка*. М.: Наука, 1981. С. 181.

разговорную речь в максимально приближенном к реальности виде. Наиболее остро эта дилемма встает при написании пьес для театра, где большая часть происходящего на сцене базируется на употреблении диалектных форм в небольшом смещении с литературными. В качестве компромиссного решения сложившейся ситуации Агътия Амер в своей книге «Язык арабского театра» обращается к термину «третий» или «средний» язык (араб. «al-lughatu l-thalithatu», «al-lughatu l-wusta») ¹³.

Отправным моментом для очередного витка развития «смешанной» речи стало появление устных средств массовой информации, которые внесли существенный вклад в сближение «высокого» и «низкого» регистров арабского языка. В современной зарубежной арабистике они обозначаются как H (от англ. *high* — высокий) и L (от англ. *low* — низкий). Имеются в виду «высокий» и «низкий» варианты языка, речь о которых идет при описании состояния диглоссии — ситуации сосуществования в обществе двух языков или двух форм одного языка. По мнению Герды Мансур, ссылающейся на основоположника учения о диглоссии Чарльза Фергюсона, «биполярность между “классическим” арабским (H) и разговорным (L) языками, открывает дорогу для “смешанного языка”» ¹⁴.

Появление радио и телевидения (в Египте — в 1920 и 1960 гг. соответственно) способствовало распространению устного литературного языка, а также расширению ареала «смешанных» вариантов. К вопросу исследования языка телевидения и смешения «высокой» и «низкой» форм арабского языка обращалось большое число исследователей как в арабских странах, так и за их рубежом, анализировавших лингвистическую составляющую широкого спектра ТВ-продукции: от сериалов и религиозных программ до новостей и выступлений политических деятелей ¹⁵.

По мнению некоторых исследователей, большое значение в формировании «смешанных» языковых форм имел и такой экстралингвистический фактор, как политическая трансформация общества ¹⁶.

¹³ Белова А.Г. Средний язык... С. 178.

¹⁴ Mansour G. Diglossia in the context of language change and variation // Al-Logha. 2007. № 6. P. 12.

¹⁵ Nabil Eita C., Abdel Rauf H. La publicité télévisuelle: variétés linguistiques // Les langues en Égypte. Première série. 1996. № 27–28; Badawi E. The Use of Arabic in Egyptian T.V. Commercials: A Language Simulator for the Training of Teachers of Arabic as a Foreign Language // J. E. Alatis (ed.). Linguistics and the Education of Language Teachers, Ethnolinguistic, Psycholinguistic and Sociolinguistic Aspects. Georgetown University Press, 1995. P. 33-39; Doss M. Les variétés linguistiques en usage à la télévision égyptienne // Bulletin du Centre d'Étude et de Documentation Économique et Juridique. 1987. № 21.

¹⁶ Mansour G. Language, Ideology and Power: introducing Critical Language Studies // Al-Logha. 2005. № 5.

Эпоха демократизации 1960–1970-х гг. в странах арабского мира способствовала расширению сферы использования диалекта и формированию «смешанных» вариантов языка. Стиль выступлений первого египетского президента Гамалы Абделя Насера с лингвистической точки зрения можно охарактеризовать как «смешанный». В последующие годы тенденция, заданная лидером и вдохновителем идеи арабского единства, только усилилась¹⁷. Достаточно в настоящее время послушать радио- и телевыступления политиков, аналитиков, выступающих не только на уровне местного телевидения, но и в студиях каналов, вещающих на весь арабский мир, чтобы обратить внимание на «смешанные» формы, звучащие с экранов телеприемников. Это в большей степени типично для египтян, речь которых характеризуется преобладанием лексики и грамматических особенностей каирского диалекта.

К теме «среднего языка» обращались и отечественные лингвисты. Первым в нашей стране было исследование В.В. Лебедева, проанализировавшего грамматические особенности «среднеарабского» языка памятников XIII–XVIII вв.¹⁸ А.Г. Белова рассмотрела современный «среднеарабский» в системе наддиалектных форм арабского языка, его был проведен анализ языка произведений египетских, сирийских, иракских, ливийских писателей второй половины XX в. В своей работе исследовательница приходит к выводу, что «несмотря на то, что в письменной сфере и в частности в литературе продолжает преобладать литературный язык... использование определенных наддиалектных языковых форм в современной художественной литературе выходит за пределы индивидуального опыта отдельных писателей»¹⁹, т.е. речь идет о становлении тенденции формирования особого «среднего языка» арабской литературы.

Г.Ш. Шарбатов, обращаясь к вопросу о соотношении литературного арабского языка и диалектов, вводит понятие региональных обиходно-разговорных языков, занимающих срединное положение между фусхой и современными диалектами. Приводимая им сложная дифференциальная картина отражает неоднородность «среднего уровня», который подразделяется на общенародные, столичные и городские регионально-обиходные языки²⁰.

Неоднократно затрагивавший тему арабской диалектологии Э.Н. Мишкурин в своих работах обращается к вопросу взаимовлияния

¹⁷ Doss M. Cultural Dynamics... P. 53.

¹⁸ Лебедев В.В. Поздний среднеарабский язык (XIII–XVIII вв.). М.: Наука, ГРВЛ, 1977.

¹⁹ Белова А.Г. Средний язык... С. 196.

²⁰ Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки // Языки Азии и Африки. Т. 4. Кн. 1. М.: ГРВЛ, 1991.

литературного арабского языка и диалектов, говорит об «интерферирующем воздействии» соответствующих территориальных диалектов на литературный язык, особенно на фонетическом и лексическом уровне, что ведет в определенному сближению обеих систем²¹. Соотношение литературной и разговорной форм арабского языка определяется автором как отношение функционально-дополнительной дистрибуции²².

Крупными событиями в изучении интересующего нас феномена стали конференции «Moyen arabe et variétés mixtes de l'arabe à travers l'histoire» (2004, Бельгия) и «Middle Arabic and Mixed Arabic: Diachrony and Synchrony» (2007, Нидерланды). По их итогам был проведен семинар «Mixed Varieties of Arabic» в Нидерландско-фламандском университете Каира, на котором, в частности, затрагивались такие темы, как определение и разграничение основных понятий (Muhammad Sharqawi), сравнение основных черт современного разговорного «Middle Arabic» и примеров этого же языка в более ранних письменных источниках (Gunvor Mejdell), «переключение» в ходе речи между фусхой и диалектом (Marco Hamam)²³.

Gunvor Mejdell, исследовательница из Нидерландов, занималась изучением «средних форм». Ею было продемонстрировано, что смешение «высокого» и «низкого» языковых уровней наблюдается не только в структуре определенного языкового дискурса, но и в рамках одного предложения²⁴. Она проделала многостороннюю работу по выявлению характерных черт «среднеарабского» на примере языка египетской интеллигенции, рассмотрела вопросы сочетаемости в рамках одного предложения лексических единиц, принадлежащих как высокому, так и низкому уровню диглоссии. Проблема, описываемая как «диглоссия» — существование литературной и разговорной формы языка (этот термин впервые введен Ч. Фергюсоном), — особо остро стоит в арабских странах, где литературная форма арабского фактически не является родным языком для подавляющего большинства населения, изучается дополнительно и имеет весьма ограниченную сферу применения (СМИ, сфера образования, литература), но не употребляется

²¹ Мишкурлов Э.Н. О некоторых актуальных историко-диалектологических и диалектографических задачах отечественной арабистики // Лингвистическая география и проблемы истории языка. Ч. II. Нальчик, 1981.

²² Мишкурлов Э.Н. Теоретические проблемы соотношения литературного и диалектных языков арабских стран // Тезисы I международного симпозиума «Теоретические проблемы восточного языкознания». Ч. I. М., 1976.

²³ Workshop on «Mixed Varieties of Arabic» // instituten.leidenuniv.nl: Интернет сайт Нидерландско-Фламандского университета в Каире (Nederlands-Vlaams Instituut in Cairo). 2009. 17 марта. URL: <http://www.instituten.leidenuniv.nl/nvic>

²⁴ Mejdell G. Aspects of Formal Spoken Arabic in Egypt — Lughat Wusta or Lughat al-Muthaqqafin // Al-Logha. 2000. № 2.

в бытовых, семейных контактах, т.е. практически не используется как язык спонтанного устного общения.

Среди интеллигенции некоторых арабских стран бытует мнение, что наличие «смешанного» языка — искусственно созданная реальность. Сторонники этой точки зрения считают, что необходимо говорить о доминирующем положении диалектной речи в сознании среднестатистического жителя арабских стран. А то, что интерпретируется как язык, занимающий срединное положение между диалектом и литературным языком, — это всего лишь речь субъекта, думающего и привычнее излагающего свои мысли на диалекте с элементами литературной речи²⁵. Интересно в этом отношении описание ситуации как ее видит сирийский лингвист Хусейн Максос: «Парадоксально, но большинство арабов не могут говорить правильно на письменном арабском (имеется в виду литературный язык). Когда же ими предпринимаются попытки использовать его в разговоре с иностранцами или во время интервью на ТВ, то они теряются и начинают смешивать письменные формы с разговорным языком и наоборот. Обычно арабы бывают приятно удивлены и чувствуют себя свободнее, когда сталкиваются со студентом-носителем арабского, свободно владеющим разговорным вариантом языка. Они тотчас же успокаиваются и начинают говорить нормально без каких-либо признаков странного смешивания и неестественности. Очевидно, что арабы наиболее комфортно и непринужденно чувствуют себя, когда говорят на своем родном диалекте»²⁶.

Определенное влияние на языковую ситуацию в настоящее время оказывает тот факт, что некоторые общественные круги в Египте (как и в других арабских странах), занимающие высокое социальное положение, предпочитают получать образование в частных школах, где преподавание ведется преимущественно на иностранных языках, вследствие чего их «образовательный уровень может быть высоким, но знание классического арабского часто оставляет желать лучшего»²⁷. Таким образом, расширяется источник пополнения лексики и грамматики арабского языка за счет заимствований из других языков, которые, попадая зачастую в диалекты, также оказывают влияние на развитие «смешанных» языковых форм.

В данном обзоре предпринимается попытка проследить имеющиеся тенденции в подходе к теме «среднеарабского» языка. В настоя-

²⁵ Автору статьи приходилось сталкиваться с подобной точкой зрения в беседах с представителями интеллигенции арабских стран.

²⁶ Maxos H. Problems of Spoken-Written Arabic. Comparative Studies 1995–2002. Damascus: IRAMES Group, 2002. P. 11–12.

²⁷ Haeri N. Conceptualizing Heterogeneity in Arabic // Les langues en Égypte. Première série. 1996. № 27–28.

щее время можно говорить о том, что сформировалось целое направление деятельности, посвященное этой теме, рассматривающее «Middle Arabic» как реальность, возникшую на основе смешения литературной и диалектной форм языка.

Существует мнение, что формирование «среднеарабского» — доказанный факт. Сторонники этой позиции считают, что наряду с литературным языком и диалектами возникает «третья реальность», со своей структурой и определенными лингвистическими характеристиками.

Высказывается также мнение, что «среднеарабский» — надуманное понятие, привнесенное извне и имеющее целью отказ признавать доказательства того, что местные диалекты могут развиваться до уровня, достаточного чтобы заменить литературный арабский. Иначе говоря, подразумевается наличие только двух вариантов языка — литературного и диалектного.

Однако необходимо признать и отметить как объективный факт, что все большее влияние в устной речи, не только в быту, но и в качестве языка делового общения, приобретают местные диалектные особенности, которые совершенно естественно «вклиниваются» в ткань литературного арабского языка. Поэтому, на мой взгляд, все большее значение будут приобретать исследования, обращающиеся к анализу современной устной арабской речи, что позволит с большей точностью определить, является ли эта речь примером «среднеарабского», «смешанного» языка или же в этом случае мы сталкиваемся просто с усилившимся проникновением в нее диалектных форм, и даже преобладанием их над литературными. Если же речь идет о складывании самостоятельного «среднеарабского» языка, то каковы критерии его выделения и основные характеристики? Выявление этих критериев — задача будущих исследований, посвященных этой интереснейшей теме.

Библиография

1. Белова А.Г. Средний язык в системе наддиалектных форм арабского языка // Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981.
2. Белова А.Г. «Среднеарабский» язык и варианты «смешанного» арабского языка // Восток (Oriens). 2004. № 5. С. 153–158.
3. Лебедев В.В. Поздний среднеарабский язык (XIII–XVIII вв.). М.: Наука, ГРВЛ, 1977.
4. Мишкуроев Э.Н. Теоретические проблемы соотношения литературного и диалектных языков арабских стран // Тезисы I международного

- симпозиума «Теоретические проблемы восточного языкознания». Ч. I. М., 1976. С. 143–146.
5. Мишкурин Э.Н. О некоторых актуальных историко-диалектологических и диалектографических задачах отечественной арабистики // Лингвистическая география и проблемы истории языка. Ч. II. Нальчик, 1981. С. 396–405.
6. Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки // Языки Азии и Африки. Т. 4. Кн. 1. М.: ГРВЛ, 1991. С. 250–330.
- Badawi E. The Use of Arabic in Egyptian T.V. Commercials: A Language Simulator for the Training of Teachers of Arabic as a Foreign Language // J.E. Alatis (ed.). Linguistics and the Education of Language Teachers, Ethnolinguistic, Psycholinguistic and Sociolinguistic Aspects. Georgetown University Press, 1995. P. 29–35.
8. Badawi Said. Mustawaiyatal-lugha al-‘arabiya al-misriya al-mu‘asirafi Misr. Dar al-ma‘arif bimisr, 1973 [مستويات العربية المصرية المعاصرة في مصر. دار المعارف بمصر. 1973. {Уровни современного арабского языка в Египте}].
9. Badrawi Z. Fi ‘ilm al-lugha at-tarikhi: dirasat tatbiqiya ‘ala ‘arabiya al-‘usur al-wusta. Dar al-ma‘arif bimisr, 1979 [في علم اللغة التاريخي، دراسة تطبيقية] زهران بدر اوي. في علم اللغة التاريخي، دراسة تطبيقية [К изучению истории языка: Прикладное исследование средневекового арабского]}. Dar al-ma‘arif al-wusṭi. 1979 {على عربية العصور الوسطى. دار المعارف بمصر. 1979}
10. Blau J. The Emergence and Linguistic Background of Judaeo-Arabic. A study of the origins of Middle Arabic. Oxford University Press, 1965.
11. Blau J. The Emergence and Linguistic Background of Judaeo-Arabic. Ben-Zvi Institute for the Study of Jewish Communities in the East Jerusalem, 1982.
12. Doss M. Les variétés linguistiques en usage à la télévision égyptienne // Bulletin du Centre d’Étude et de Documentation Économique et Juridique. Le Caire, 1987. N° 21.
13. Doss M. Some remarks on the oral factor in Arabic linguistics // Dialectologia Arabica: a collection of articles in honour of the Sixtieth Birthday of Professor Heikki Palva. Helsinki: Finnish Oriental Society, 1995. P. 49–61.
14. Doss M. Cultural Dynamics in Contemporary Egypt // Cairo Papers in Social Science. The American University in Cairo Press, 2006. Vol. 27. N° 1/2.
15. Elgibali A. Investigating Arabic: Current Parameters in Analysis and Learning. Brill, 2005.
16. Haeri N. Conceptualizing Heterogeneity in Arabic // Les langues en Égypte. Première série. 1996. N° 27–28. P. 301–317.

17. Mansour G. Language, Ideology and Power: introducing Critical Language Studies // Al-Logha. 2005. № 5. P. 9–33.
18. Mansour G. Diglossia in the context of language change and variation // Al-Logha. 2007. № 6. P. 9–15.
19. Maxos H. Problems of Spoken-Written Arabic. Comparative Studies 1995–2002. Damascus: IRAMES Group, 2002.
20. Mejdell G. Aspects of Formal Spoken Arabic in Egypt — Lughat Wusta or Lughat al-Muthaqqafin // Al-Logha. 2000. № 2. P. 7–27.
21. Nabil Eita C., Hanaa Abdel Rahman A.R. La publicité télévisuelle: variétés linguistiques // Les langues en Égypte. Première série. 1996. № 27–28. P. 317–324.
22. Workshop on «Mixed Varieties of Arabic» // instituten.leidenuniv.nl: Интернет-сайт Нидерландско-фламандского университета в Каире (Nederlands-Vlaams Instituut in Cairo). 2009. 17 марта. URL: <http://www.instituten.leidenuniv.nl/nvic>

Песня о расстреле крымчаков¹

Песня, о которой пойдет речь в настоящей заметке, была найдена нами на страницах рукописного сборника, происходящего из среды крымчаков — немногочисленной этнической общности² тюркоязычных иудеев-раббанитов³ Крыма. Эта рукопись, известная как «*джонка* (о значении данного термина — ниже) Бакши», по имени ее составителя Ш. Х. Бакши, находится в личном архиве крымчаковского общественного деятеля, филолога Давида Ильича Реби⁴. В 2001 г. им была опубликована сказка об Ашик Гарибе из данного сборника (в русской фонетической транскрипции и в переводе на русский язык)⁵.

Говоря о тюркоязычности крымчаков, мы все же имеем в виду ситуацию, характерную для прошлого. В конце 1970-х годов, когда московский этнограф В.Ю. Чернин проводил среди крымчаков свои полевые исследования, крымскотатарский язык⁶ был «основным

¹ Первоначальный вариант данной заметки был представлен в качестве сообщения на Шестнадцатой ежегодной международной конференции по иудаике (Москва, 3–5 февраля 2009 г.) («Эвелки кара язым шиндыгы беляи...»: песни о расстреле крымчаков).

² По данным последней Всеукраинской переписи населения (2001 г.) численность крымчаков в Украине составляла 406 человек, из них в Крыму — 204 человека; в России, по данным переписи населения 2002 г. — 157 человек. По непроверенным сведениям, в Израиле проживает около 600–700 крымчаков (Кизилов М. Крымчаки: современное состояние общины // Евроазиатский еврейский ежегодник. — 5768 (2007/2008). — М.: Паллада, 2008. — С. 64). Крайняя малочисленность группы — следствие трагических событий времен второй мировой войны, когда около 80% крымчаков в Крыму было уничтожено гитлеровцами.

³ Раббаниты — приверженцы раввинистического иудаизма, основанного на талмудической традиции.

⁴ Мы благодарны Д.И. Реби за любезно предоставленную им копию рукописи.

⁵ Ашыкъ Гъарипынъ масалы ве туркысы бейан // Крымчаки / Сост. Д.И. Реби, В.М. Ломброзо; Крым. Респ. культ.-пров. общество «Кърымчахлар». — Симферополь, 2001. — С. 43–90; Сказки и песни Ашик Кариба — там же, с. 91–132.

⁶ В работе В.Ю. Чернина (Чернин В.Ю. О появлении этнонима «крымчак» и понятия «крымчакский язык» // География и культура этнографических групп татар в СССР. — М., 1983 — С. 93–104) по отношению к разговорному языку крымчаков используется термин «крымско-татарский язык», что специально оговаривается автором. Разговорный язык крымчаков представляет собой языковую вариант, очень близкий южному диалекту крымскотатарского языка (распространен в прибрежной и горной частях Крымского полуострова — приблизительно от Байдар до Феодосии (Северян Э. В. Крымскотатарский язык // Языки народов СССР, Т. II. Тюркские языки. М.: Наука, 1966. — С. 257); распадается на ряд говоров) с определенным слоем лексики древнееврейского и арамейского происхождения. В переписи 1913 г. крымчаки называли свой родной разговорный язык по-разному: «крымско-татарский», «татарский», «крымчакский», «турецкий», «крымчакско-татарский», «татаро-крымчакский» (Чернин В.Ю. *Op. cit.* С. 98). До 70-х гг. XX в. термин «татарский» был наиболее употребительным. Тенденции рассматривать разговорный язык

разговорным языком только у лиц старше 70 лет, да и то не у всех»⁷. Большинство крымчаков, с которыми нам удалось побеседовать в ходе нашей небольшой этнографической экспедиции 2007 г.⁸, принадлежит к поколению 1930–40-х годов рождения. Они уже не говорят на родном языке; есть среди них те, кто его понимает (например, когда слышат речь крымских татар), или знает отдельные слова. В наши дни крымчаков, в полной мере владеющих родным языком, остались единицы.

Ценным источником для изучения тюркского языка и письменности крымчаков являются рукописные сборники — *джонки*⁹. Описывая быт крымчаков начала XX века, крымчакский просветитель, педагог и этнограф И.С. Кая (1887–1956 гг.) отмечал: «В крымчакских домах довольно часто можно встретить т.н. «джонки», т.е. сборники народных

крымчаков как самостоятельный тюркский язык появились после выхода в 1972 году статьи В.И. Филоненко «Крымчакские этюды» (Филоненко В.И. Крымчакские этюды // *Rocznik orientalistyczny*. — Warszawa, 1972. — Z. 1. — С. 5–35). В ней утверждается, что «крымчакский язык по совокупности специфических признаков, с одной стороны, сближается с половецким языком, а, с другой, с некоторыми современными языками: карачаево-балкарским, караимским, кумыкским, крымско-татарским (ногайским) и входит, таким образом, в подгруппу кыпчакско-половецкую, как самостоятельный язык» (Филоненко 1972: 10). Той же точки зрения придерживаются современные крымчакские авторы (Д.И. Реби, И.В. Ачкинази), она отражена и в энциклопедическом словаре «Языки народов Российской Федерации и соседних государств», в которой есть отдельная статья о крымчакском языке тех же авторов (Ачкинази Б.М., Ачкинази И.В., Реби Д.И. Крымчакский язык // *Языки народов Российской Федерации и соседних государств*. Энциклопедия в 3-х томах. Т. 2. — М.: Наука, 2001. — С. 171–182). Для обозначения разговорного языка крымчаков нам представляется правомерным введенный иранистом М. Зандом термин «крымчакский этнолект крымско-татарского языка» (Zand M. Notes on the Culture of the Non-Ashkenazi Jewish Communities Under Soviet Rule // *Jewish Culture and Identity in the Soviet Union*. Edited by Yaacov Ro'i and Avi Beker. — New York: New York University Press, 1991. — P. 420). Однако использование данного термина в нашей заметке не всегда удобно, поскольку в ней затрагиваются вопросы, связанные с письменными произведениями, имеющими некоторые различия в языке. В крымчакские рукописные сборники включались и образцы фольклора, распространенные также среди крымских татар и караимов, и поэтические произведения крымчакских авторов, и заметки на разговорном языке, и переводы религиозных произведений. В языке письменной литературы обнаруживается большее, нежели в разговорном языке, османское влияние. В данной работе по отношению ко всем встречающимся в крымчакских рукописных сборниках тюркоязычным текстам (по причине их разнородности и необходимости специального рассмотрения данного вопроса) будет использоваться рабочий термин «крымскотатарский язык».

⁷ Чернин В.Ю. *Op. cit.* С. 98

⁸ Исследования проводились при поддержке Центра изучения истории и культуры восточноевропейского еврейства (Київ); автор проекта и руководитель экспедиции — старший научный сотрудник Института искусствознания, этнологии и фольклористики им. М. Рильского НАН Украины Татьяна Величко.

⁹ В современной литературе можно встретить двоякое употребление данного термина: как в форме *джонк*, так и *джонка*. Последняя форма — *джонка* — не является верной, и представляет собой, похоже, вторичное (аналогическое) образование от форм множественного числа. В арабской графике это слово пишется следующим образом: جنك или جونك, и в различных традициях встречается различное его прочтение (употребление) — как *джонк* (при чередовании «к» переходит в «г» — *джонгю*) или *джунг*. *Джунгами* эти сборники называют в Иране и в Азербайджане.

песен на разговорном языке. Большинство этих песен поется не только среди крымчаков, но и среди крымских татар и караимов /.../. Все эти песни в крымчацких джонках написаны, как вообще все памятники крымчацкой письменности, еврейским шрифтом»¹⁰.

Сборники под названием *джонк* были распространены и среди крымских татар. Некоторые подобного рода рукописи попали в фонды Восточного музея в Ялте¹¹ в ходе экспедиции Я.М. Якуб Кемалья¹² по прибрежным и горным деревням между Алуштой и Судаком в 1927 г. Академик В.А. Гордлевский, посетивший музей в том же году, сообщает, что среди материалов рукописной коллекции встречаются «джонги (закрывающие полускусственные стихи) /.../ В джонгах нашли место и иляхи — религиозные псалмы...»¹³. У крымских караимов похожие сборники были известны под названием *меджума*, от арабского *маджму'а* — 'сборник'. Традиция составления джонков пришла в Крым из Турции. В свою очередь, появление подобных сборников в Турции объясняется, по-видимому, связью с персидской письменной традицией, достижения которой на протяжении веков являлись в высших кругах Османской империи образцом для подражания¹⁴. В турецкой исследовательской традиции джонки связываются, прежде всего, с *ашицкой*, или, как ее называют, *народной поэзией* (тур. *halk şairleri*), в отличие от созданной на арабо-персидских образцах классической (*диванной*) поэзии, хотя последняя также могла включаться в турецкие сборники. *Ашики* (тур. *aşık* — 'влюбленный', от араб. 'aşq — 'любовь') — странствующие певцы-поэты, сопровождающие свои выступления игрой на сазе (струнном щипковом музыкальном инструменте), в связи с чем их называют также *саз şairleri* — 'поэты сазы'. Использование языка, близкого к разговорному, обращение к *хедже* (араб. 'слог'), т.е. к силлабическому размеру народных песен, и, наконец, широкое распространение этих произведений и их стремительная фольклоризация — все это стало основанием для применения к творчеству этих поэтов эпитета «народный». По выражению П.Н. Боратава, ашики были теми, кто «преододел дистанцию между фольклором и высокой

¹⁰ Кая И.С. Крымчаки. Автограф. Керчь — 1936. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК), ф. Р-4967 (Кая Лев Исаакович), оп. 1, ед. хр. 209. Л. 55–56

¹¹ Теперь Ялтинский историко-культурный музей

¹² Якуб Меметович Якуб Кемаль — востоковед, в 1926–1929 гг. директор Восточного музея в Ялте.

¹³ Гордлевский В.А. Рукописи Восточного музея г. Ялты (Представлено академиком В.В. Бартоломом в ОГН 26.X.1927 г.) // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. — Т. IV. — М.: Наука, 1968. — С. 261

¹⁴ Подробнее о персидских джунгах см.: Акимускин О.Ф. Описание персидских и таджикских рукописей Института Востоковедения. Вып. 10. Поэтические сборники, альбомы. — М.: Наука, 1993. — 296, [4] с.

литературой»¹⁵. По некоторым сведениям, общая численность джонков, находящихся в настоящее время на хранении в различных государственных и частных собраниях Турции, достигает 3 тысяч¹⁶.

О степени популярности ашикских произведений в Крыму начала XX в. можно судить по замечаниям Алексея Олесницкого, с целью собирания песен объездившего летом 1909 г. южнобережные деревни: «При записывании я всегда ставил условием, чтобы мне сообщались песни народные, а не произведения так называемых «ашиков», народных певцов-поэтов; эти произведения в большом ходу в Крыму, но не столь интересны, потому что все более или менее искусственны»¹⁷. В ответ на это А.Н. Самойлович замечает, что, хотя А. Олесницкий и старался записывать песни народные, «но в действительности большинство песен его небольшого сборника (№ 62) не может быть названо чисто народными, во всяком случае, это песни, которые обычно встречаются в сборниках “джонк” или “меджума”»¹⁸.

* * *

Известных нам на сегодняшний день крымчакских еврейскографических джонков всего шесть. Помимо сборника Ш.Х. Бакши, это сборник И.Ю. Габая из фондов Крымского этнографического музея; три сборника хранятся в Еврейском фонде Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, один — в личном фонде Е.И. Пейсаха в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Сборник Ш.Х. Бакши представляет собой рукописную книгу в плотном картонном переплете коричневого цвета и насчитывает 436 страниц¹⁹. В рукописи часто встречаются старательно выведенные русскими буквами имя, фамилия и отчество составителя: *Шоломъ Хаимовичъ Бакши*; в одном случае — *Саламонъ Бахши*. Большинство текстов сборника — на крымскотатарском языке в еврейской графике, в нем содержатся и произведения на древнееврейском языке, а также тексты на крымскотатарском языке с использованием русского алфавита. Некоторые примечания составителя сделаны по-русски. Так, на с. 261 карандашом оставлена пометка: «1895 года написана эта книга. Написал Бакши Ш.».

¹⁵ Boratav P. Halk edebiyatu dersleri — İstanbul : Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı, 2000 — S. 83

¹⁶ Cunbur M., Kaya D., Ünver N. Millo Kütüphanesi'deki Ahmet Şükrü Esen Cönkleri // Ahmet Şükrü Esen'e Armağan /Hazırlayan M. Sabri Koz. — İstanbul, 2009. — S. 124

¹⁷ Олесницкий А. Песни крымских турок. — М., 1910 — С. VIII–IX

¹⁸ Самойлович А.Н. О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караймов //Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме: Сборник. — Симферополь: Доля, 2000. — С. 118

¹⁹ Точное количество листов мы не можем сообщить, т.к. пользовались копией рукописи.

Основное содержание сборника вполне традиционное. Это *текерлеме*²⁰ — ими открывается сборник, песни на крымскотатарском языке (в основном, любовного содержания), упомянутая уже сказка об Ашик Гарибе, религиозные гимны на древнееврейском языке, а также ряд текстов, необходимых для проведения *Седер Песах* (др.-евр. 'порядок Песаха') — ритуальной семейной трапезы в ночь праздника Песах. Среди прочих произведений сборника, в основном еврейскографичных, обращает на себя внимание песня, записанная русскими буквами на разговорном языке крымчаков. Под текстом песни — примечание: «Это траурную песню сочинил Пейсах Абрам 1942 [1947?] года».

Ниже приводится текст песни:

[с. 44]

1) *Он бринджи айлярда*

Горунду даглер

Ириди юректе

Калмади яглер

На одиннадцатый месяц

Показались горы

Испепелилось мое сердце

2) *Бин докузюз кирх бирде*

декабир он бирде

кримчакларны топладилар

кой кибик айдадилар

В тысяча девятьсот сорок первом

Одиннадцатого декабря

Крымчаков собрали

Словно овец погнали

3) *Кой кибик айдаган сон*

турмелерге капаттилар

уч кун уч гедже ач отурдулар

ичмеге сув тапмадилар

²⁰ Текерлеме (тюрк. *teker* — 'колесо, диск, окружность'; *tekerlemek* — 1) 'катить; 2) 'выпасть, брякнуть') — фольклорный жанр, охватывающий присказки, прибаутки, скороговорки, считалки, каламбуры.

А как загнали, словно овец,
Заперли в тюрьмы
Три дня и три ночи просидели голодными
Не было воды утолить жажду

*4) Уч кунденсон айдадилар
Чегер кириниг²¹ каршисина
Бирер бирер туздулер
[... ишатнен] аттилар*

Через три дня свезли
К горе Чегер
Выстроили в ряд
...расстреляли

[с. 45]
*(4а) Бени сенден аурдилар
Олумден хаберин вармы?*

Меня с тобою разлучили
Известно ли тебе о смерти?

*5) Вар сойлегиз яреме
Кара кастюмин кисин
Беним ярем ольду дер
Гедже гундиз аглесин*

Пойдите, расскажите моему любимому
Пусть наденет черный костюм
Скажет [причитая]: «Умерла моя любимая»
Пусть плачет днем и ночью

*б) Ах Беним яреджигим
Караларга Багландим*

²¹ Кир (лит. кр.-тат. къыр) — холм, возвышенность, безлесая гора. К сожалению, нам не удалось выяснить, о какой именно возвышенности (о каком географическом объекте) идет речь. В Черноморском районе Автономной Республики Крым есть села, которые до депортации крымских татар назывались Кир-Чегер-Аджы (ныне Карауловка) и Чегер-Аджы (ныне Знаменское) (см. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998. Справ. — 1999 — С. 434). Однако сведений о массовых расстрелах крымчаков в этих районах нет, к тому же, в песне речь идет именно о расстреле крымчаков Симферополя на 10-м километре Феодосийского шоссе.

*Ич акилымдан китмей
Сениг дульбер хайял(ин?)*

Ах моя любименькая
В черное облекся я
Не могу забыть
Твой прекрасный образ

*7) Ах Беним ярем Балам
Душманлариг колунда
Канларини токтулер
Джанларин вердилер*

Ах моя любимая и дитя
В руках врагов
Пролили кровь
Отдали души

Первый куплет ее восходит к песне «Он биринджи айларда» ('Лишь на одиннадцатый месяц'), различные варианты которой присутствуют как во всех известных нам крымчакских рукописных кириллографических песенниках, так и в опубликованных сборниках песен крымских татар (см. напр., Олесницкий 1910: 43 — 44; Шерфединов 1979: 76–77; Къырымтатар халкъ йырлары 1996: 261). В ней поется о корабле, настигнутом бурей посреди моря; в припеве — мольба о спасении. По одной из версий, принадлежащей крымскому фольклористу М. Велиджанову, первая строка этой песни изначально звучала иначе: «Энь биринджи Айяда корюнди дагълар» — 'Сначала на Айя²² показались горы' (Къырымтатар халкъ йырларнынъ сёзлери акъкъында 1996: 29–30). Олесницкий приводит предание. Вообще, эта песня известна и в Турции, и *Мурат реис* — капитан Мурат — известная личность. В нашем же случае именно наличие строки с упоминанием числа *он бир* — 'одиннадцать' послужило причиной для реминисценции²³: крымчаки Симферополя были расстреляны 11 декабря 1941 г.

²² Айя — мыс на Южном берегу Крыма.

²³ Такое же начало имеет траурная песня о расстреле крымчаков из машинописного сборника песен А.Е. Леви (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 1269, д. 19). *Омбиринджи айлардан
Горунди дахлер эр.
Онджи версинде калды
Бизым олумиз*
На одиннадцатый месяц (через одиннадцать месяцев?)
Показались горы, ох

на десятом километре Феодосийского шоссе. Об этом и идет речь в следующем куплете песни: *Бин докуз юз кирх бирде / Декабир он бирде / Крымчакларны топладылар...* ('В тысяча девятьсот сорок первом / Одиннадцатого декабря / Крымчаков собрали...').

Строчка *Бени сенден аирдилар / Олумден хаберин вармы?* — 'Меня с тобою разлучили / Знаешь ли ты [известно ли тебе] о смерти' (двустипшие 4а, дано в разрядке) — это аллюзия к стихотворению (*setai*) Ашик Омера (или Умера) (1621 (?) — 1707), произведения которого пользовались в Крыму большой популярностью:

*Беъэй эля гёзлю дильбер,
Халимден хаберин вар мы?
Сени бенден айырдылар,
Зулумдан хаберин вар мы?*

*Бу гюнь дерсин, ярын дерсин,
Агъярына ярем дерсин,
Айрылыгъы зулум дерсин,
Олумден хаберин вар мы?*²⁴

На десятой версте осталась
Наша смерть (постигла нас смерть)

*Кимсе булунмады
Кутармаха бизини
Никого не нашлось
Спасти нас*

*Ах шу душман килычиндан
Джематнен урулдых
О, бизим сеслеримизден
Ерлер чоллер сентиреды
Ах от того вражеского меча
Пострадали мы
От тех наших голосов (стонов)
Содрогнулись земли и степи (горы (?) и пустыни?)*

*Ахлениз бизини унутманыз
Нереде бах Калханларимыз
Унутманыз бизим каре язымизни
Плачьте, не забывайте нас
Посмотрите, где остались мы*

Не забывайте о нашей злой участи

²⁴ Умер Ашыкъ. Шиирлер ве гъазеллер: [2 китаптан ибарет] /Сёз башы Эшреф Шемьязеде. — К. 1. — Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1987. — С. 361. В крымчакском рукописном песеннике, составителем которого является И.И. Валит (1932 год; все песни записаны русскими буквами), также имеется вариант данной песни:

*Бугун дерсем Ярын дерсем
Эр гузеле Ярем дерсем
Айрылыхка зулум дерсем
Олымден Аберин вармы*

О кареглазая красавица,
Известно ли тебе о моем состоянии?
Тебя со мною разлучили,
Что скажешь о такой жестокости?

Обещаешь то сегодня, то завтра
[В то же время] Другого называешь любимым.
([Коль] разлуку называешь жестокостью,
[то] что скажешь о смерти?)

К этой же строфе восходит первый куплет другой песни о расстреле крымчаков, записанной тюркологом В.И. Филоненко:

*Бугун дерсем, ярын дерсем
Эр горене миллетим дерсем
Айрылыхка зулум дерсем
Миллетимнинг олуминден хаберинг вармы?*

Если сегодня скажу, если и завтра скажу,
Если всякого встречного народом своим назову,
Если разлуку назову жестокостью...
Осведомлен ли ты о гибели моего народа?
(перевод В.И. Филоненко)²⁵.

Язык песни близок южнобережным говорам крымскотатарского языка, хотя встречаются и некоторые северные элементы. Так, в песне мы видим южн. *горунду* (в литературном крымскотатарском, в основу которого лег средний диалект, было бы *корюнди* – ‘показались’), южн. *гундуз* (вместо *кундюз* — ‘днем, в дневное время’), южн. *вар* (сев. *бар* — ‘есть’), южн. *вердилер* (сев. *бердилер* — ‘отдали’), южн. *беним* (сев. *меним* — *притяжат. местоим. 1 л. ‘мой, моя, мое, мои’*) В то же время,

*Бениде Сенден айрыдылар
Зулумдан аберин вармы*

Если сегодня скажу, если завтра скажу
Если каждую красавицу назову возлюбленной
Если разлуку назову жестокостью
Известно ли тебе о смерти
Меня же с тобою разлучили
Известно ли тебе о жестокости

«Пес(е)ник Крымчакско-татарских Песень. Составил И.И. Валит. Кисловодск. 1932 год». ОР РНБ, ф. 1269, ед. хр. 10, л. 32).

²⁵ Филоненко В.И. Крымчакские этюды // Rocznik orientalistyczny. — Warszawa, 1972. — Z. 1. — С. 31—32

встречаются некоторые отклонения: *кисин* (вм. южн. *ги(й)син* — *повелит. глаг. 3 л. ед. ч. 'пусть наденет'*), *китмей* (южн. *гитмез, гитмей-ир* — *'не уходит, здесь: не уходит из памяти'*). Употребление *кибик* — 'как, словно, подобно' вместо южн. *гиби* и лит. *киби*), характерно почти для всех крымчакских текстов, а также, например, для бахчисарайского говора крымскотатарского языка. В тексте мы также можем наблюдать пример нарушения гармонии гласных, характерного для крымчакских (и крымско-караимских) текстов: *даглер* (вместо *даглар* — 'горы'), *яглер* (вместо *яглар* — 'масла, жиры', здесь употреблено в переносном значении), *аглесин* (*агласин* — императив 'пусть плачет'). Это явление отмечали также Самойлович, Дмитриев, Полинская, Янбай?, Дан Шапира. А.Н. Самойлович замечает, что «Произношение *аглама* вм. *аглама, канатындя* вм. *канатанда* и *аням* вм. *анам* принято только в песнях»²⁶. П.А. Фалев «Отсутствие палатальных губных гласных в говоре польских армян, говорящих по-татарски, Крелиц-Грейфенгорст объясняет отсутствием этих гласных в армянском. Слабая принебленность их у сартов стоит в связи с иранским происхождением последних. И вообще, в основе наиболее резких фонетических изменений лежит обыкновенно примесь иноязычных элементов или же полное заимствование данного языка народом, говорившем прежде на языке с иной фонетикой. Крым по пестроте разноплеменного населения — настоящий этнографический музей. Общим распространением среди коренных крымцев пользуется татарский язык. Неизбежность значительных изменений его в таких условиях очевидна. Я слышал от крымских татар песню, начинающуюся словами: «Оксек минаре, кашларынг каре». Слово «*каре*» — не что иное, как старое обще-турецкое «*кара*» (черный). Нельзя думать, что причиной такого изменения служит стремление найти рифму к «*минаре*». Подобное произношение «*кара*» наблюдается в песнях и при других условиях. Здесь нарушен основной закон турецкой фонетики — гармония гласных — в чисто турецком, не заимствованном слове. Едва ли это могло произойти в устах исконного турка. Факт станет легче объяснимым, если мы припомним, что хранителями и составителями татарских песен в Крыму являются цыгане»²⁷. Данный случай — один из примеров того, что крымчакские тексты, записанные кириллицей, более значимы для наших представлений о фонетической стороне языка, нежели тексты еврейскографичные, поскольку в последних придерживаются

²⁶ Самойлович А.Н. Крымская песня про Порт-Артур // Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме: Сборник. — Симферополь: Доля, 2000. — С. 19

²⁷ Фалев П.А. Предисловие //Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные гг. А.А. Боданинским, Марино и О. Муратовым (Под. ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева) //ИТУАК. Год 28-й. №52. Симферополь. 1915. С. 55 (№484) — С. 3-4

фонетического написания далеко не всегда. Однако и здесь есть свои издержки. Например, мы видим конечное «г» в словах «кириниг», *сениг*, а также *сойлегиз*. Мы знаем, что в произношении это будет «н» или заднеязычное «нъ». В еврейскографических текстах эта фонема (явление, характерное для двух случаев: родительный падеж и аффикс принадлежности), передается через букву λ (гимель) с апострофом (в некоторых случаях могут использоваться другие диакритические знаки) или без него, то есть графически [g] и [ŋ] могут не различаться. Интересно, что похожее явление наблюдается в арабографических тюркоязычных текстах, где ك («кяф») может произноситься как [k], [g], а также как [ŋ] или [ŋ]. В последнем случае, это так называемый глухой «кяф» (тур. *sağır kef, sağır nun*), для которого к букве «кяф» были добавлены три точки كئ, однако зачастую все перечисленные фонемы передаются просто буквой «кяф». Возможно, мы имеем дело с явлением, при котором определенные графические нормы переходят из одной письменной традиции в другую.

Крымчакская письменность, как и крымскотатарская, была переведена на кириллицу в 1938 году, и в различных крымчакских текстах мы можем видеть признаки (как следствие) неустоявшейся еще орфографии. Заднеязычное «къ» [q] (в крымчакском произношении, а также в южных говорах крымскотатарского языка — [x] почти всегда передается через «к» (за исключением слова «кирх», где конечная «х» отражает произносительную норму). То же самое касается [g] и [ɣ], которые графически не различаются и передаются через букву «г»²⁸.

* * *

С 11 декабря 1945 г. в Симферополе начал отмечаться *Тькун*²⁹, день памяти крымчаков, погибших во время расстрелов 1941–1942 годов. В этот день все поминуют близких, читаются молитвы, исполняются пизмоним³⁰, а также песни и стихотворения о трагической судьбе погибших крымчаков. Текст одного из таких стихотворений приво-

²⁸ Все то же отсутствие единообразия — см. сноску 17, где [ɣ] передается через «х».

²⁹ Слово *тыкун* происходит от др. евр. *тиккун* (исправление, установление порядка' — кабалистический термин, часто используемый в названиях специальных молитв) и является, по мнению М. Занда, сокращением от *тиккун йом а-зиккарон* ('установление порядка дня памяти') или *тиккун а-нешама* ('установление порядка [молитвы] о душе'), аналогом ашкеназского поминального дня *йорцайт* (Кизилов М. Ор. sit. С. 78).

³⁰ Др.-евр. (*sing. pizmon*) религиозные песнопения.

дит в своей статье М.С. Полинская³¹. Оно было написано примерно в 1977 г. керченским крымчаком Захаром Конфино, стало довольно популярным и до 1986 г. регулярно читалось на Тькун. Как сообщает автор статьи, у многих симферопольских крымчаков имелось это стихотворение, записанное кириллицей, однако все эти тексты были «безнадёжно искажены»³². Т.е. сборники стали выступать в качестве своеобразного самиздата. При этом связь с прошлым (литературной традицией) сохранялась.

³¹ Polinsky M. The Krymchaks: History and Texts //Ural-Altäische Jahrbücher/Ural-Altaiic Yearbook'63 — 1991. — P. 123–154

³² Polinsky M. Op. cit. P. 139

Религия и общество

Рустам Азизов (Таджикистан)

Генеалогия Абу Ханифы в «Та'рих Багдад» Хатиба Багдади

Биография Абу Ханифы, как и биографии многих великих людей, не лишена весьма сомнительной информации и пестрит различными противоречивыми фактами, что порой исследователям очень трудно отличить достоверную информацию от недостоверной. Этому способствует то, что по причине величия и авторитета Абу Ханифы многие течения и группировки считали его своим, ссылались на него и ложно приписывали ему свои воззрения. Достаточно привести в пример его внука Исмаила, который придерживался воззрений му'тазилитской философии, при этом, говорил: «Это моё убеждение, а также убеждение моего отца и деда», тогда как общеизвестно, что Абу Ханифа не был му'тазилитом и неоднократно опровергал их воззрения в своих сочинениях.

В мусульманском мире интерес к личности Абу Ханифы имеет древние корни. Первые биографические сочинения, посвященные Абу Ханифе, появились уже в конце IX — начале X вв. К этому времени относится появление книги Абу-л-Аббаса Ахмада ибн ас-Салта ал-Хаммани (ум. 308/920 г.) под названием «Манакиб ан-Ну'ман», которая, к сожалению, не дошла до наших дней.¹ В дальнейшем множество книг и статей об Абу Ханифе было написано как сторонниками и последователями Имама, так и его идейными противниками и оппонентами. В результате появившуюся в средние века обширную литературу об Абу Ханифе можно разделить на три группы. В первую группу входят источники, написанные его последователями. Эту группу образуют в первую очередь многочисленные сочинения об Абу Ханифе написанные в жанре *манакиб* — агиографий и ахбар — повествований о жизни и деянии Имама Абу Ханифы. Названия и авторы большего количества

¹ Батыр Рустам. Абу-Ханифа. Жизнь и наследие. Нижний Новгород — Ярославль, 2007, С. 8; а также Шибли Ну'мани. Тухфату-л-амон фи сирати-н-Ну'мон. — Душанбе: «Эр-граф», 2009. — С. 44.

таких сочинений зафиксированы в «Кашф аз-Зунун» Хаджи Халифы.² Достаточное представление о таких сочинениях дает индийский исследователь Шибли Ну'мани, который упомянул 27 сочинений указанного жанров на эту тему³. К сожалению, часть из них не сохранилась, а многие до сих пор не введены в научный оборот, оставшись неизданными.

Вторую группу источников об Абу Ханифе образуют сочинения, написанные его идейными противниками. Многие сочинения этой группы носят общее название «ар-Рад 'ала Аби Ханифа» (Опровержение Абу Ханифы).

Третью группу источников составляют полемические сочинения и трактаты, написанные о противоречиях между Абу Ханифой и другими факихами, между ханафитским мазхабом и другими богословско-правовыми школами в решении правовых вопросов.

Однако обилие источников не всегда облегчает работу исследователя. Как отмечает автор «Истории халифата» О.Г. Большаков «Исторические сочинения всех жанров состоят из множества противоречивых рассказов очевидцев и современников событий, записанных иногда десятилетия спустя и не из первых уст. Трудность использования этих сведений нередко вызывала у исследователей глубокий пессимизм и противоречивое отношение: от доверия до почти полного отрицания их достоверности, хотя несомненно, что игнорировать не вполне достоверный источник — слишком большая роскошь».⁴

Одним из важных источников изучения биографии и родословной Абу Ханифы является «Та'рих Багдад» Хатиба ал-Багдади. Это сочинение по праву может считаться энциклопедией средневековой жизни, так как в ней даётся описание биографии почти всех выдающихся личностей той эпохи. Биография Абу Ханифы основателя одного из четырех правовых течений суннитского ислама представлена очень широко — ей посвящено около 130 страниц. Однако сведения, содержащиеся в сочинении, часто противоречивы и содержат такие весьма нелицеприятные для сторонников и последователей Абу Ханифы факты, что даже в опровержение некоторых сведений, приведенных в этом сочинении и защите написана отдельная книга под названием «ар-Рад 'ала Аби Бакр ал-Хатиб ал-Багдади фи ма закара фи та'рихихи фи тарджамати Аби Ханифа» (*Опровержения того, что изложено Абу Бакром ал-Хатибом ал-Багдади в его «Истории» о жизни и деянии Абу Ханифы*).

² Хаджи Халифа. Кашф аз-зунун 'ан асами ал-кутуб ва ал-фунун. — Бейрут, Дар ал-фикр, 1419/1999, Т. 2, С. 672–674.

³ Шибли Ну'мани. Ук. Соч. — С. 43–49

⁴ Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1. Ислам в Аравии (633–656). — М.: «Восточная литература», 2000. — С. 10

Эта книга была отдельно издана в Каире в 1932 г. Кроме того, она издается в качестве добавочного 15-го тома к «Та'рих Багдад» Хатиба ал-Багдади.

Хатиб ал-Багдади в «Та'рих Багдад» не анализировал зачастую противоречивую информацию, а просто излагал все дошедшие до него сообщения, предоставив анализ сообщений и суждение об их достоверности исследователям. Так же обстоит дело и с биографией Абу Ханифы особенно той её части, которая касается его генеалогии и родословной. Автор приводит одиннадцать взаимоисключающих вариантов его родословной, что затрудняет задачу исследователей и понижает ценность «Та'рих Багдад» как источника для изучения биографии Имама Абу Ханифы.

«Та'рих Багдад» как и другие биографические сборники средневекового периода, как правило, составлена согласно требованиям классической арабо-мусульманской традиции: сначала излагается *иснад* — цепочка имен передатчиков повествования, затем *матн* — само повествование. Материал группируется тематически, но при этом всегда отсутствует цельная картина, изложение единой канвы событий. При подобном изложении материала разрозненные свидетельства не сопоставляются друг с другом, и в результате этой несогласованности незамеченными остаются некоторые противоречия, что, в свою очередь, приводит к путанице и искажению ряда фактов.

В данной статье мы попытались проанализировать эти сообщения весьма распространенным среди исламских исследователей и особенно среди хадисоведов методом «*тахридж*», то есть проверки на достоверность всех передатчиков сообщений (*руват*) в цепочках передатчиков (*иснад*). Все сообщения с прерванными цепочками передатчиков или те цепочки, в которых есть сомнения относительно достоверности их передатчиков, будут считаться слабыми (*да'иф*) и отвергаемыми (*мардуд*).⁵

Поскольку рамки нашей статьи не позволяют детально рассмотреть каждого передатчика в этих цепочках, то мы не будем останавливаться на известных и достоверных передатчиках, а укажем только на неизвестных (*маджхул*), не упоминаемых в соответствующей литературе, также слабых и недостоверных передатчиков. Для удобства мы по порядку пронумеровали имена передатчиков в *иснаде*, хотя этого нет в тексте «Та'рих Багдад», также нами выделены их имена жирным шрифтом, а сам текст сообщений отмечен курсивом. В *иснаде* сообще-

⁵ Терминология и классификация хадисов по: Бёртон Дж. Мусульманское предание: введение в хадисоведение. — Пер. с англ. С.А. Жданова, М.Г. Романова — СПб., 2006; и Таххан Махмуд. Пособие по терминологии хадисов

ний приводятся свойственные хадисоведам термины «*ахбарана*» (нам сообщил) или «*хаддасана*» (нам рассказал), которые мы не приводим в статье.

Первое сообщение о происхождении и родословной Абу Ханифы таково: «Нам сообщил 1. **Хамза ибн Мухамад** от 2. **алида ибн Бакра** от 3. **Али ибн Ахмада** от 4. **Салиха ибн Ахмада** от 5. **Ахмада ибн Абдуллах ал-Иджли**: «*Абу Ханифа ан-Ну'ман Куфи Тайми из рода Хамза аз-Зият был торговцем шелковыми тканями*». ⁶ Хотя все передатчики в этом сообщении являются достоверными, оно не дает нам сведения о его происхождении и родословной. В нем лишь сообщается, что он был вольноотпущенником или клиентом (*мавла*) рода Хамза аз-Зайт племени Бану Тайм.

Второе сообщение: «Нам сообщил 1. **Мухаммад ибн Ахмад** от 2. **Мухаммада ибн Аббас ибн Абу Захл ал-Харави** от 3. **Ахмада ибн Мухаммада ибн Юнуса** от 4. **Усмана ибн Са'ида ад-Дарихи** от 5. **Юнуса ибн Асбата**: «*Родился Абу Ханифа и его отец (на тот момент — Р.А.) был христианином*» ⁷. Скорее всего, версия о христианском происхождении Абу Ханифы, встречающаяся в европейских источниках, опирается именно на это сообщение ал-Багдади. Однако в *иснаде* этого сообщения имеются два изъяна: первое — третий передатчик **Ахмад ибн Мухаммад ибн Юнус** является неизвестным передатчиком (*маджхул*), сведения о котором не приводятся ни в одном из известных сочинений жанров *табакат* и *тараджим*; второе — последний передатчик, от которого начинается цепочка этого сообщения **Юнус ибн Асбат** является слабым передатчиком, ⁸ следовательно, это сообщение не может считаться приемлемым.

Третье сообщение: «Нам рассказал 1. **ал-Хасан ибн Мухаммад ал-Хилал** от 2. **Али ибн Амр ал-Харири** от 3. **Али ибн Мухаммад ан-Наха'и** от 4. **Мухаммада ибн Али ибн Аффан** от 5. **Мухаммада ибн Исхак ал-Бака'и** от 6. **Умара ибн Хаммад ибн Абу Ханифа**: «*Абу Ханифа Ну'ман ибн Сабит ибн Зута, что касается Зуты (дед Абу Ханифы — Р. А.), то он был (родом) из жителей Кабула, а Сабит (отец Абу Ханифы — Р.А.) родился в исламе*» ⁹.

Четвертое сообщение с похожим *иснадом* отличается от предыдущего двумя последними передатчиками: «... от 4. **Мухаммада ибн Али ибн Аффан** от 5. **Абу На'има Фазл ибн Даккина**: «*Абу Ханифа Ну'ман ибн Сабит ибн Зута (родом) из Кабула*». Иснад двух последних сообще-

⁶ ал-Багдади Хатиб. Та'рих Багдад. Т. 13. — С. 324.

⁷ ал-Багдади. Ук. Соч. Т. 13. — С. 324.

⁸ Захаби. ал-Камил фи ад-ду'афа. Т. 7. — С. 158.

⁹ ал-Багдади. Ук. Соч. Т. 13. — С. 325.

ний является достоверным, и они подтверждают друг друга. Из этих двух сообщений становится ясным, что предки Абу Ханифы были родом из Кабула и его дед Зута принял ислам, а его отец Сабит родился в исламе, что опровергает вышеупомянутую версию о том, что его отец был христианином, принявшим ислам.

Пятое сообщение: «Нам рассказал 1. Абу На'им ал-Хафиз от 2. Абу Ахмада ал-Гатрики от 3. ас-Саджи от 4. Мухаммада ибн Му'авия аз-Зийади от 5. Абу Джа'фара: «Имя Абу Ханифы было Атик ибн Зутра (зороастрийское имя — Р.А.) и он (после принятия ислама — Р.А.) принял имя Ну'ман а отца назвал Сабитом»¹⁰. В этом сообщении наблюдается явная подтасовка (*тадлис*) как текста, так и *иснада*, так как оно передается со слов некоего Абу Джа'фара и не объясняется кто он. Предположительно под этой кунией может скрываться кто угодно. Этот прием часто использовался для того, чтобы придать слабым сообщениям больший авторитет. Можно предположить, что это сообщение является подделкой шу'убитов, так как в нем пытаются доказать, что его отец был зороастрийцем принявшим ислам, тогда как во всех его биографиях сообщается, что его дед Зута принял ислам, а его отец родился после этого события. Также об этом свидетельствуют приведенные выше сообщения самого ал-Багдади.

Шестое сообщение: «Нам рассказал 1. Мухаммад ибн Ахмад ибн Раззак от 2. Ахмада ибн Джа'фар ибн Мухаммад ибн Салам ал-Хугали от 3. Ахмада ибн Али ал-Абар от 4. Абдуллаха ибн Ахмада ал-Атаки от 5. Мухаммада ибн Айюуб аз-Зари': «Абу Ханифа был набатейцем»¹¹. В *иснаде* этого сообщения присутствует неизвестный передатчик — Абдуллах ибн Ахмад ал-Атаки, и поэтому оно не может считаться достоверным.

Седьмое сообщение: «Нам рассказал 1. Ахмад ибн Амр ибн Рух от 2. ал-Му'ади ибн Закарийя от 3. Ахмада ибн Наср ибн Талиб от 4. Исмаила ибн Абдуллах ибн Маймуна от 5. Абу Абдурахмана ал-Мукри': «Он (Абу Ханифа — Р.А.) был (родом) из жителей Бабула (Вавилона)»¹². Все передатчики этого сообщения являются достоверными и правдивыми передатчиками, и оно могло бы считаться достоверным, если бы не одно разногласие, которое будет рассмотрено позже.

Восьмое сообщение: «Нам сообщил 1. ал-Хилал от 2. Али ибн Мухаммад ибн Ка'с от 3. Абу Бакра ал-Марвази от 4. Назра ибн Мухаммад от 5. Яхьи ибн Назр ал-Кураши: «Отец Абу Ханифы был родом

¹⁰ ал-Багдади. Ук. Соч. Т. 13. — С. 325.

¹¹ ал-Багдади. Ук. Соч. Т. 13. — С. 325.

¹² ал-Багдади. Ук. Соч. Т. 13. — С. 325.

из Нисы»¹³. Это сообщение тоже не может считаться достоверным, так как в *иснаде* присутствует некий **Яхья ибн Назр ал-Кураши**, который является неизвестным передатчиком и не упоминается в соответствующих источниках.

Девятое сообщение: «От 1. **ан-Наха'и** от 2. **Сулаймана ибн ар-Раби'** от 3. **ал-Хариса ибн Идриса**: «Он был из Термеза»¹⁴. Ибн Хаджар сообщил, что **Сулаймана ибн ар-Раби'** является слабым передатчиком.¹⁵ А имя **ал-Хариса ибн Идриса** вообще не упоминается в источниках.

Десятое сообщение: «От 1. **ан-Наха'и** от 2. **Абу Джа'фара Ахмада ибн Исхак ибн Бахлул ал-Кади** от 3. **Исхака ибн Бахлул** от 4. **Бахлула ибн Хассана**: «Он был из ал-Анбара»¹⁶. Все передатчики достоверные и заслуживающие доверия.

Одиннадцатое сообщение: «От 1. **Хусайна ибн Али ас-Саймири** от 2. **Умара ибн Мухаммада ал-Мукри'** от 3. **Мукрима ибн Ахмада ибн Убайдуллаха** от 4. **Ахмада ибн Убайдуллаха** от 5. **Убайдуллаха ибн Шазан** от 6. **Исмаила ибн Хаммад ибн Абу Ханифа, который сказал**: «Я Исмаил ибн Хаммад ибн Абу Ханифа Ибн Марзбан из свободных персов и клянусь Аллахом, что ярмо рабства никогда не падало на нас!».¹⁷ Это сообщение самое слабое из всех вышеупомянутых, так как в нем целых три неизвестных передатчика: **Мукрим ибн Ахмад ибн Убайдуллах**, **Ахмад ибн Убайдуллах** и **Убайдуллах ибн Шазан** и кроме того сам Исмаил ибн Хаммад ибн Абу Ханифа сам пользуется авторитетом среди мусульманских хадисоведов — специалистов по передатчикам.¹⁸

В результате анализа вышеупомянутых сообщений складывается следующая картина.

Его имя Ну'ман ибн Сабит ибн Зута. Другие версии как Атик ибн Зутра или Ну'ман ибн Сабит ибн Марзубан являются недостоверными по вышеизложенным причинам.

Его дед принял ислам, и его отец родился после этого события. А версии о том, что его отец был христианином или зороастрийцем, принявшим ислам, недостоверны и, скорее всего, являются подтасовкой более поздних авторов.

Более труднее обстоит ситуация с определением родины его предков, так как автор излагает три достоверные по *иснаду* версии:

¹³ ал-Багдади. Ук. Соч. Т. 13. — С. 325.

¹⁴ ал-Багдади. Ук. Соч. Т. 13. — С. 325.

¹⁵ Ибни Хаджар ал-Аскалани. Лисан ал-мизан. Т. 3. — С. 91.

¹⁶ ал-Багдади. Ук. Соч. Т. 13. — С. 325.

¹⁷ ал-Багдади. Ук. Соч. Т. 13. — С. 325.

¹⁸ См. Лисан ал-мизан 1/398.

Кабул, Вавилон (Бабул) и Анбар. Можно предположить, что Вавилон это ошибка переписчика, так как написание слов «Кабул» и «Бабул» отличается всего одной буквой. Относительно Анбар следует отметить, что историками и географами упоминаются два города с таким названием, один из которых находился на территории современного Ирака, а другой — на территории северного Афганистана. Все это наводит на мысль, что город Кабул или его окрестности больше подходят для определения родины имама.

Религиозно-политические движения на ранней стадии формирования исмаилизма в VIII–X вв.

В данной статье автор ставит перед собой задачу выявить основные причины разногласий в среде ранних исма'илитов в VIII–X вв. Исма'илизм (араб. الإسماعيليون — al-Isma'īlīyūn, перс. اسماعیلیان — Esmā'īlīyān) — религиозное течение в шиитской ветви ислама, которое признает седьмым имамом Исма'ила — сына Джа'фара ас-Садика, шестого шиитского имама. Исма'илиты являются второй по численности общиной после шиитов-двунадесятников (араб. اثنا عشرية). В настоящее время в мире насчитывается свыше 20 млн.¹ приверженцев исма'илизма. Хотя с исторической точки зрения принято считать, что исма'илиты относятся к шиитам, так как они после смерти Мухаммада признали первым имамом 'Али ибн Абу Талиба, но в религиозных кругах самих шиитов-исма'илитов считают еретиками.

На ранней стадии существования мусульманского государства ислам представлял собой смесь религиозно-правовых предписаний и установлений, которые регулировали взаимоотношения в обществе. Теология в исламе, как и в любой другой религии, появилась гораздо позже². Поскольку в исламе не было церковных соборов, которые выносили бы решения по религиозным вопросам, у богословов и знатоков Корана была возможность по-разному интерпретировать и толковать религиозные установления.

Разработкой и истолкованием догматов веры в основном занимались частные лица, богословы, авторитет которых основывался на их познаниях в области религиозных наук.

В исламе отсутствует институт церкви, поскольку не признается посредничество между Богом и верующими. Отсутствие критериев в определении «правoverия» и то, что в Европе назвали ересью, порождало появление большого количества религиозных течений, групп и толков среди первых мусульман.

¹ Данные портала Центр Азия на 2008 г.: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1162018320>

² Аш-Шахристани. Книга о религиях и сектах / Пер. с араб. С.М. Прозоров. М.: Наука, 1984. С. 11.

Источники исламского вероучения, Коран и сунна, допускали большое количество разных точек зрения на одну и ту же проблему, что часто приводило к разночтениям среди мусульманской общины. Так в одном из хадисов *набави*³, Мухаммад говорит: «Община моя разделится на семьдесят три секты, одна из которых спасется, остальные погибнут». В ответ на вопрос «кто должен спастись?» Мухаммад ответил: «Люди сунны и согласия, а сунна есть то, чего придерживаюсь я и мои люди»⁴. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что проявлением «истинной веры» признавался тот образ действия, которому следовал Мухаммад и его сподвижники. Однако последователи Мухаммада толковали его высказывания по-разному, что приводило к разногласиям среди мусульман.

Первый крупный раскол среди мусульман произошел сразу после смерти пророка Мухаммада в 632 г.⁵ и был связан с вопросом о наследовании власти над всей уммой⁶. Поскольку пророк Мухаммад четко не указал преемника, на это место претендовали и Абу Бакр, и 'Али ибн 'Абу Талиб. После бурных обсуждений выбор общины пал на Абу Бакра. Так Абу Бакр стал первым праведным халифом.

Но среди мусульман появилась небольшая группа людей, которая считала, что 'Али ибн Абу Талиб является наиболее подходящим преемником Мухаммада, в том числе и потому, что он был женат на дочери пророка Фатиме. Изначально эта группа состояла из друзей и сторонников 'Али, но в дальнейшем разрослась в более мощное движение и получила название «партия 'Али» (ши'ат 'Али).

Основным постулатом шиитов является утверждение, что Мухаммад назначил своим преемником 'Али ибн Абу Талиба, и «указание» на него было передано свыше посредством Божественного откровения, а Абу Бакр занимает место халифа незаконно⁷.

Этот постулат отвергло большинство мусульман, они считали халифат Абу Бакра правомочным, а избрание халифа по принципу «согласия, единодушного мнения» (Иджма') абсолютно легитимным.

Следующий крупный раскол произошел в стане шиитов при шестом шиитском имаме Абу 'Абдаллахе Джа'фаре ибн Мухаммаде (702–756), позднее получившем прозвище ас-Садик, что означает «правдивый». В первые годы правления Джа'фара ас-Садика началось оппозиционное движение, которое возглавлял его дядя Зайд ибн 'Али.

³ Хадисы *набави* — хадисы, содержащие речь Мухаммада.

⁴ Аш-Шахристани. Указ. соч. С. 11.

⁵ История Востока. Т. II. М.: Восточная литература; РАН. С. 113.

⁶ Мусульманская община.

⁷ Дафтари Ф. Легенды об Ассасинах. М.: Ладомир, 2009. С. 18.

Зайд ибн 'Али выступал против наследственной передачи имамата от отца к старшему сыну и считал, что каждый достойный потомок Фатимы (дочери Мухаммада) и 'Али ибн Абу Талиба мог претендовать на имамат⁸.

Зайд ибн 'Али открыто выступил против власти в Куфе в 740 г.⁹, однако выступление провалилось. Во второй половине IX в. его последователям, зайдитам, удалось основать два государства — одно в Йемене, а другое в прикаспийских провинциях Северной Персии.

Джа'фар ас-Садик не поддерживал восстаний против Аббасидов¹⁰. Он приобрел известность ученого-теолога. Джа'фар ас-Садик, опираясь на работы своего отца ал-Бакира, пятого шиитского имама, заложил основы шиитской школы религиозного права. Эту школу называли в его честь джа'фаридской. Джа'фар ас-Садик собрал вокруг себя группу теологов. В эту группу входили знатоки права, религиозные деятели. Одним из членов этой группы был Хашим ал-Хаким, крупнейший представитель имамитского направления схоластической теологии — *калам*.

В результате работы этой группы был выработан комплекс ритуалов, а также строгая теологическая и правовая доктрина. Джа'фар ас-Садик также разработал основную концепцию доктрины имамата. Центральная имамитская доктрина базировалась на вере в необходимость для человека постоянного руководства со стороны непогрешимого имама, который после смерти пророка Мухаммада стал авторитетным учителем, наставником во всех религиозных начинаниях. Имамиты утверждают, что мир не может существовать без имама, который является представителем Бога на земле. Признание имама и подчинение ему является обязанностью каждого шиита-имамита¹¹.

Важными нововведениями Джа'фара ас-Садика стали концепции '*илм*¹² и *насс*¹³. На базе знания '*илм*, которое передается имаму его предшественником посредством Божественного откровения *насс*, имам становится единственным полноправным авторитетным источником религиозной власти, даже если он не правит как халиф. Своими нововведениями Джа'фар ас-Садик отделил институт имамата от

⁸ Аш-Шахристиани. Книга о религиях и сектах. М.: Наука, 1984. С. 17.

⁹ Дафтари Ф. Краткая история исми'ализма. М.: Ладомир, 2003. С. 44.

¹⁰ Аббасиды — вторая (после Омейядов) династия арабских халифов (750–1258), происходившая от Аббаса ибн Абд ал-Муталиба, дяди Мухаммада.

¹¹ Аш-Шахристиани. Указ. соч. С. 131.

¹² Знание, передаваемое божественным образом пророку Мухаммаду и имамам.

¹³ «Ясное указание» — божественное предписание, установление.

халифата. Также он обосновал практику *такийя*¹⁴. Согласно практике *такийя*, любой правоверный шиит мог скрывать свою истинную веру, если ему угрожала опасность.

Джа'фар ас-Садик вовлек в круг своих сторонников несколько радикальных мыслителей — *зулат*. Крупнейшим ученым и представителем *зулат* был Абу-л-Хаттаб ал-Асади. С самого начала имам ас-Садик назначил его своим наместником в Куфе. Но Абу-л-Хаттаб ал-Асади стал пропагандировать экстремистские взгляды на имамат: он утверждал, что Бог принял облик Джа'фара ибн Мухаммада ас-Садики. Кроме того, Абу-л-Хаттаб возводил к Джа'фару ас-Садику и свое происхождение¹⁵. Он обзавелся последователями и сформировал собственное течение — *хаттабийя*. В результате этих действий Джа'фар ас-Садик осудил Абу-л-Хаттаба ал-Асади и удалил его из своего окружения.

В 775 г. Абу-л-Хаттаб и группа его приверженцев собрались в Куфе, чтобы восстать против действующей власти, но они были уничтожены силами правителя города¹⁶.

После смерти Абу-л-Хаттаба *хаттабиты* разбились на несколько групп. Некоторые *хаттабиты* перешли на сторону сына Джа'фара ас-Садики Исма'ила. У Джа'фара ас-Садики были еще сыновья — 'Абдаллах, ровесник Исма'ила, и младший сын Муса ал-Казим. Муса ал-Казим приходился сводным братом Исма'илу и 'Абдаллаху. Существуют подтверждения того, что Исма'ил участвовал в антиаббасидском заговоре в 755 г¹⁷. Эти сообщения восходят к персидскому тексту, известному как «Умм ал-Китаб», в котором утверждается, что исма'илизм был основан потомками Абу-ал-Хаттаба¹⁸. Но более поздние исследователи этого текста установили, что он не содержит положений доктрины ранних исма'илитов, или *хаттабитов*, а его оригинал был написан в VIII в. одной из шиитских групп *зулат*¹⁹.

Исма'ил открыто поддерживал радикальную политику *хаттабитов*. Об этом сообщают имамитские ересиографы ан-Наубахти и ал-Кумми²⁰. Они считали, что появлению исма'илитов связано с деятельностью *хаттабитов*. Это может быть объяснено тем, что ряд идей в исма'илитских и хаттабитских учениях имеют пересечения. Согласно

¹⁴ «Осторожность» — в шиизме сокрытие истиной веры.

¹⁵ Аш-Шахристани. Указ. соч. С. 157.

¹⁶ Дафтари Ф. Краткая история исми'ализма. С. 47.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ан-Наубахти, ал-Хасан ибн Муса. Шиитские секты / Пер. с араб. С.М. Прозорова. М., 1973.

учению Абу-л-Хаттаба, во все времена должен существовать пророк *натик*, «провозглашающий» учение, и его помощник — «молчащий» *саммит*. *Хаттабиты* также утверждали, что имам наделен божественностью посредством божественного света *нур*. Это положение отсутствовало у исма'илитов.

Согласно большинству источников, как исма'илитских, так и не исма'илитских, Джа'фар ас-Садик первоначально в соответствии с принципом *насс* назначил своим наследником Исма'ила, но большинство неисма'илитских источников сообщает о преждевременной кончине Исма'ила еще при жизни отца²¹. Существовала группа имамитов, которая сразу признала Исма'ила истинным имамом после Джа'фара ас-Садика и ждала его в качестве Махди²². Членов этой группы называли *исма'илиты-вакифиты* — «истинные исма'илиты»²³. Но, согласно исма'илитским источникам, Исма'ил пережил своего отца и унаследовал имамат²⁴.

Джа'фар ас-Садик является последним, шестым имамом, которого признают как шииты, так и исма'илиты. После смерти имама ас-Садика в 756 г²⁵. спор между наследниками имамата обернулся расколом среди шиитов-имамитов. В результате шииты-имамиты разбились на шесть групп, две из которых можно отнести к ранним исма'илитам. Большинство шиитов-имамитов признали своим имамом старшего из здравствовавших сыновей 'Абдаллаха ал-Афтах. Эти шииты получили название *афтахийа*. Через несколько месяцев после того как 'Абдаллах ал-Афтах получил право на имамат, он умер, и большая часть его сторонников перешла на сторону его сводного брата Мусы ал-Казима. Муса ал-Казим стал седьмым имамом шиитов-двунадесятников.

Оставшаяся часть сторонников Исма'ила, которая признала его смерть, поддержала претензии на имамат его сына Мухаммада ибн Исма'ила. Эта группа протоисма'илитов была названа *мубаракийа*²⁶. *Мубаракийа* полагали, что имамат не следует передавать от брата к брату, а право на имамат имеет только старший сын. *Мубаракийа* заявили о себе еще при жизни Исма'ила и первоначально поддержали

²¹ Аш-Шахристиани. Указ. соч. С. 166.

²² «Ведомый по правильному пути», грядущий имам, предвестник близкого конца света, последний преемник пророка Мухаммада.

²³ Аш-Шахристиани. Указ. соч. С. 229.

²⁴ Дафтари Ф. Легенды об ассасинах. С. 27.

²⁵ Корбен А. Периоды и источники. Протоисма'илизм // http://www.ek-shia.org/file_archive/kitablar/519/

²⁶ Аш-Шахристиани. Указ. соч. С. 148.

его претензии на имамат. *Мубаракийа* можно рассматривать в качестве одной из групп, давших рождение непосредственно исма'илитам.

После того как большинство шиитов признало права на имамат Мусы ал-Казима, Мухаммад ибн Исма'ил оставил Медину, чтобы избежать преследования Аббасидов. Таким образом, он затаился, положив начало периоду *дар ас садр* (периода сокрытия).

С этого момента Мухаммад ибн Исма'ил получил эпитет ал-Махтум²⁷. Он сохранил свои контакты с *мубаракийа*, которые проживали в Куфе. После смерти Мухаммада ибн Исмаила в 795 г.²⁸ *мубаракийа* разделились на две группы. Большая часть *мубаракийа* не поверила в смерть Мухаммада ибн Исма'ила, признала его последним имамом и ожидала его скорого пришествия в качестве Махди. Вторая группа, более малочисленная, приняла смерть Мухаммада ибн Исма'ила и стала возводить имамат по линии его наследников. В итоге после смерти Мухаммада ибн Исма'ила исма'илиты были представлены тремя группами.

Первая группа — *исма'литы-вакифиты*, «истинные исмаилиты» — не признавала смерти Исма'ила и ждала его в качестве Махди.

Вторая группа — *мубаракийа* — признала смерть Исма'ила и приняла его сына Мухаммада ибн Исма'ила в качестве седьмого исмаилитского имама. После смерти Мухаммада ибн Исма'ила они продолжали вести линию имамов через его потомков.

Третья группа не признала смерть Мухаммада ибн Исма'ила и также ждала его в качестве Махди. Их можно идентифицировать как предшественников *карматов*²⁹.

Согласно официальной версии, которой придерживалась династия Фатимидов³⁰, Мухаммад ибн Исма'ил назначил своим преемником своего старшего сына 'Абдаллаха, впоследствии принявшего имя ар-Рида. Он отправился в Персию искать убежища, скрываясь от преследования Аббасидов. Из Персии 'Абдаллах отправился в Ирак, а затем в Сирию. Приблизительно в 828 г. 'Абдаллах объявил преемником своего сына Ахмада. Ахмад, в свою очередь, передал имамат своему сыну Хусайну. Хусайн назначил своим преемником 'Али 'Абдаллаха. Позднее 'Али 'Абдаллах приобрел известность под именем 'Убайдаллах ал-Махди. 'Убайдаллах ал-Махди возглавил исма'илитскую общину в конце IX в., а в 899 г. он провел религиозную реформу для того, чтобы легитимизиро-

²⁷ Сокрытый.

²⁸ Дафтари Ф. Традиции исма'ализма в средние века. Ладомир. М., 2006. С. 57.

²⁹ Крупная ветвь религиозно-политической секты исмаилитов.

³⁰ Династия в Египте (910–1171).

вать непрерывность линии имамата для своих предков, руководивших исмаи'литами после смерти Мухаммада ибн Исма'ила³¹.

До реформы 'Убайдаллаха ал-Махди руководители общины исма'литов имели ранг *худжжа*³². В отсутствии имама *худжжа*' являлся полноправным представителем имама в общине. Практически 'Убайдаллах ал-Махди повысил себя и своих предков в ранге: от представителей скрытого имама Мухаммада ибн Исма'ила до уровня имама. Тем самым 'Убайдаллах ал-Махди отказался ожидать Мухаммада ибн Исмаи'ла и снял с него звание «завершающего имама».

'Убайдаллах ал-Махди ввел в имамат принцип преемственности. На его основе была выстроена официальная доктрина фатимидских исма'литов. Таким образом, была сделана попытка согласовать доктрину с официальным ходом событий ранней истории исма'литов после смерти Джа'фара ас-Садика.

Во второй половине IX в. исма'литы признавали семь имамов. Мухаммад ибн Исма'ил считался последним из них, и его ожидали в качестве Махди. Вера в пришествие Мухаммада ибн Исма'ила в качестве Махди подразумевала исключение возможности появления других имамов после его смерти. После того как 'Убайдаллах ал-Махди встал во главе общины и провел реформу, он стал претендовать на имамат.

'Убайдаллах ал-Махди объяснял необходимость своих действий тем, что, по его утверждению, имамы скрывались под маской *худжжа*' после смерти Мухаммада ибн Исма'ила и использовали имена-прикрытия в качестве дополнительной меры *такийя*.

'Убайдаллах ал-Махди возводил свое происхождение к Джафа'ру ас-Садику, но не через Исма'ила, а через 'Абдаллаха ал-Афтаху. Он утверждал, что Джа'фар ас-Садик передал имамат 'Абдаллаху ал-Афтаху, а для сохранения безопасности 'Абдаллаха ал-Афтаху стали называть Исма'илом, а всех его приемников называли Мухаммадами³³. Таким образом, ожидаемый ранними исма'литами Махди, по версии 'Убайдаллаха ал-Махди, был не Мухаммад ибн Исма'ил³⁴, а он сам.

Доктринальная реформа расколола исмаи'литов на две фракции. Одна часть общины признала реформу, сохранила преемственность центральному руководству и приняла новые положения 'Убайдаллаха ал-Махди о передаче имамата после смерти Джа'фара ас-Садика. Ее

³¹ Дафтари Ф. Традиции исма'лизма в средние века. С. 79.

³² *Худжжа*' — законовед, признанный интеллектуальный авторитет в вопросах учения исмаилитов.

³³ Дафтари Ф. Традиции исма'лизма в средние века. С. 80.

³⁴ Там же.

члены отказались ждать пришествия Мухаммада ибн Исма'ила. Эта община имела своих сподвижников в Йемене, Магрибе, Египте, Синде. Позднее эта часть общины основала Фатимидский халифат в Северной Африке.

Другая часть общины отказалась принимать реформу 'Убайдаллаха ал-Махди, порвала с ним все отношения. Эта часть исма'илитов вернулась к исходному положению о пришествии Мухаммада ибн Исма'ила в качестве Махди, не признала притязания 'Убайдаллаха ал-Махди на имамат. В дальнейшем эту часть исма'илитов стали называть *карматами*. Движение *карматов* восходит к одному из *да'и*³⁵ в Ираке — Хамдану Кармату.

Хамдан Кармат отметил в письменных распоряжениях, которые ему присылал 'Убайдаллах ал-Махди из Саламии³⁶, что в управлении исмаилитской общиной происходят существенные изменения. Эти изменения беспокоили его, так как свидетельствовали о существенной трансформации доктрины в общине. Для того чтобы разобраться в происходящем, Хамдан Кармат отправил в Саламию своего сподвижника 'Абдана. Из бесед с 'Убайдаллахом ал-Махди 'Абдан выяснил, что вместо ожидания Мухаммада ибн Исма'ила 'Убайдаллах ал-Махди стал претендовать на имамат для себя и своих потомков³⁷.

Получив известия из Саламии, Хамдан прекратил все отношения с 'Убайдаллахом ал-Махди и отказался признавать его в качестве имама общины. Он свернул *да'ва*³⁸ в подконтрольных районах и вскоре после этого исчез.

Карматы ограничили свою линию имамов семью представителями. Этими имамами были: 1) 'Али ибн 'Абу Талиб, 2) ал-Хасан ибн 'Али, 3) ал-Хусайн ибн 'Али, 4) 'Али ибн ал-Хусайн Зайн ал-Абидин, 5) Мухаммад ибн 'Али ал-Бакир, 6) Джа'фар ибн Мухаммада ас-Садик, 7) Мухаммад ибн Исма'ил ибн Джа'фар. Другая группа *карматов* включала в этот список Исма'ила, сына Джа'фара ас-Садика.

Карматы утвердили Мухаммада ибн Исма'ила последним из великих пророков — печатью пророков. Они признавали линию из семи пророков, возвещавших новые священные законы. Их называли пророками, которые имеют полномочия. Ими были: Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммад, 'Али и Мухаммад ибн Исма'ил.

Раскол исма'илитской общины в 889 г. на две части серьезно ослабил ее позиции в исламском мире, помешал фатимидским хали-

³⁵ Исма'илитский проповедник.

³⁶ Город на северо-западе Сирии.

³⁷ Дафтари Ф. Традиции исма'илизма в средние века. С. 78.

³⁸ Да'ва — букв. религиозный призыв (деятельность по пропаганде исма'илизма).

фам уничтожить Аббасидский халифат и распространить свое учение дальше на восток Азии.

В 909 г. исма'илиты основали государство Фатимидов в Северной Африке во главе с исма'илитским имамом. Впервые в истории шиитского ислама к власти пришел Алид³⁹. С этого времени халиф-имам Фатимид стал действовать как духовный представитель шиитского ислама, как и халиф Аббасид выступал от имени всех суннитов.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что раскол среди ранних исма'илитов носил не только религиозный характер, но и политический: исма'илитские группы разделялись по принципу признания права того или иного претендента на имамат. Это происходило в результате того, что не было выработано четкой линии или общего для всех шиитов закона о передаче имамата. Любой из потомков 'Али и Фатимы мог претендовать на имамат. Имам, в свою очередь, являлся не только религиозным лидером, но и одновременно выполнял функцию главы общины или даже целого государства: отдельным религиозным течениям исма'илитов удалось создать свои независимые государства, такие как халифат Фатимидов в Северной Африке или государство исма'илитов-низаритов в Иране.

Библиография

1. Али Задэ А Хроника мусульманских государств I–VII веков хиджры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: УММА, 2004.
2. Дафтари Ф. Традиции исма'илизма в средние века. М.: Ладомир, 2006.
3. Дафтари Ф. Краткая история исма'илизма. М.: Ладомир, 2006.
4. Дафтари Ф. Легенды об ассасинах. М.: Ладомир, 2009.
5. Зеленев Е.И. Египет: Средние века. Новое время. СПб. 1999.
6. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М.: Восточная литература; РАН, 2006.
7. История востока. Т. II. М: Восточная литература; РАН, 2002.
8. Корбен А. Периоды и источники. Протоисма'илизм: http://www.ekshia.org/file_archive/kitablar/519/
9. Ан-Наубахти ал-Хасан ибн Муса. Шиитские секты / Пер. с араб. С.М. Прозорова. М., 1973.
10. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература; РАН, 2004.
11. Семенова Л.А. Из истории Фатимидского Египта. М.: Наука, 1974.

³⁹ Потомки 'Али и Фатимы.

12. Строева Л.В. Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978.
13. Аш-Шахристани. Книга о религиях и сектах / Пер. с араб. С.М. Про- зоров. М.: Наука, 1984.
14. Leiden W. Brief survey of the evolution of Ismailism. Leid, 1952.

Авторы статей

Азизов Рустам (Таджикистан) Аспирант отдела восточной философии
Института философии АН РТ им. Багоутдинова

Альпаутов Р.С.

Аниско А.В.

Арутюнян Е.В.

Греков В.А.

Гургулия Э.А.

Данилов А.В. — Институт востоковедения РАН

Дудников Г.В.

Жукова Н.М.

Исмаилова. З. И.

Лейбович Б.Я.

Манько А.А.

Мелконян Кристина — кандидат исторических наук, научный работник
Института Востоковедения НАН РА

Ностаева Е.В.

Решетун-Беликова А.А.

Руденко Елена Игоревна — к.и.н., МНС Института востоковедения им.
Р.Б. Сулейменова КН МОН РК

Рябинина И.А.

Сиваков Е.А.

Скорик П.А.

Старчак Максим — Председатель Консультативного совета МО РАПН

Цирулев Р.М.

Шехов Абдумалик — аспирант Института востоковедения и письменного
наследия Академия наук Республики Таджикистан

Янова Динара Рустамовна — Национальный Университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека

Эмирова Айше — Европейский университет в Санкт-Петербурге

Научное издание

**Молодые востоковеды стран
Содружества Независимых Государств
Сборник статей**

Редколлегия:

М.Х. Абусейтова, И.В. Зайцев,
В.В. Наумкин, К. Олимов, Р.А. Сафрастьян

Составители:

А.Д. Васильев, И.В. Зайцев, И.Х. Миняжетдинов

Компьютерная верстка:

А.В. Ельцева

Подписано в печать 15.12.2010. Формат 60x88/16.

Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 14,1. Тираж 500 экз.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев